Маркой камчатских рыбных промыслов должна гордиться вся страна! Из газет 1930-х гг.

ВОПРОСЫ истории рыбной промышленности камчатки

Выпуск 11

Издается с 1999 г.

Петропавловск-Камчатский 2008

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. Выпуск 11. — Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2008. — 304 с., ил.

В ежегодник включены воспоминания ветеранов рыбопромышленной отрасли, авторские статьи, характеризующие состояние рыбной индустрии полуострова. Обрисованы общественно-политическая обстановка и условия жизни населения побережья Камчатки в 1910—1960-х гг. Использованы материалы из фондов Государственного архива Камчатского края, личных собраний, статьи из пе-

вые. Воспроизведены редкие публикации 1912 и 1931 гг. Издание предназначено для всех интересующихся историей промыслового освоения Северо-Востока России.

риодических изданий. Большая часть материалов публикуется впер-

Ответственный редактор С. В. Гаврилов

Ежегодник издан на средства камчатской торговой компании «Топ-склад».

Авторы искренне благодарят частных предпринимателей Сергея Николаевича Кушнарева и Сергея Викторовича Попружко за помощь, оказанную им в осуществлении этого проекта

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

<i>Т. М. Кривоногов.</i> Морские были
3. А. Зайцева. В Америку на «Дзержинском»
3. А. Зайцева. Путина долга и надежд
Г. А. Наталушко. Рассказ радиста
К. Н. Семухин. Встречи в пути
БЕРЕГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАМЧАТКИ
С. В. Гаврилов. Озерновский рыбопромысловый район
в 1910—1930-х гг
люди и судьбы
В. А. Ильина. Краткие биографические справки о руководи-
телях Акционерного Камчатского общества
В. А. Ильина. Штрихи к портрету первого управляющего
Акционерного Камчатского общества Сергея Петровича
Нацаренуса
ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫСЛОВОГО ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ
М. Д. Жуков. В Тихом океане на охране котиков и бобров.
Семь месяцев среди тумана и льда
А. Мейсельман. Лам. Очерки Охотско-Камчатского края
ЧЕСТЬ, ДОБЛЕСТЬ, СЛАВА
О. Г. Золотов. Первые награлы отличников рыбной отрасли

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Сергей Витальевич — доцент кафедры судовых энергетических установок Камчатского государственного технического университета, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, г. Петропавловск-Камчатский

Золотов Олег Григорьевич — научный сотрудник Камчатского научноисследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, кандидат биологических наук, г. Петропавловск-Камчатский

Ильина Валентина Александровна — доцент кафедры отечественной истории Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, кандидат исторических наук, г. Петропавловск-Камчатский

Кривоногов Тимофей Михайлович — ветеран флота рыбной промышленности Камчатки, капитан дальнего плавания, лоцман, старожил г. Петропавловска-Камчатского

Семухин Константин Никитович — ветеран рыбной промышленности Камчатки, инженер-механик технологического оборудования, г. Тобольск

ИСТОРИЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Очередной, одиннадцатый по счету ежегодник мы открываем третьей частью воспоминаний ветерана флота, капитана дальнего плавания, старожила Петропавловска Тимофея Михайловича Кривоногова. Первые две части его воспоминаний были посвящены серьезным вопросам истории морского транспортного и рыбопромышленного освоения камчатских берегов, показывали нелегкие судьбы многих участвовавших в этом моряков и рыбаков. Предлагаемые ниже рассказы из цикла «Морские были» содержат много смешного, иногда нелепого и грустного, но одновременно поучительного, сопровождавшего суровые флотские будни. Такие историйки нередко становились предметом обсуждения во время отдыха после напряженной работы, за столом в кают-компании. Они вполне могли стать и темой задушевного разговора старых товарищей или наставительной беседы опытного мастера с «салажатами» — флотской молодежью.

К сожалению, целиком книгу Т. М. Кривоногова в виде отдельного издания напечатать мы пока не смогли по всем хорошо известной причине — на это, как всегда, «нет денег». Но, тем не менее, с ее полным иллюстрированным вариантом желающие могут познакомиться на сайте «Северная Пацифика», www.npacific.ru, библиотека.

Т. М. КРИВОНОГОВ

МОРСКИЕ БЫЛИ

«ОСТАП» ВОЙЧУК

Как-то один приятель сказал мне: «Тимофей Михайлович! Ты пишешь рассказы о своих приятелях — моряках и рыбаках. Люди это, в основном, очень порядочные и толковые, готовые прийти на помощь в трудную минуту. А приходилось ли тебе сталкиваться с людьми нечестными, ну, наподобие Остапа Бендера?»

Конечно, приходилось. Люди такого сорта в памяти остались надолго, и чувство досады от этих встреч не покидает всю жизнь. Посудите сами. Расскажу вам невыдуманную историю об одном таком «Остапе» — звали его Валентин Войчук. Его давно уже нет в живых, так же, как и многих людей, которых он в свое время сумел обмануть, играя на их доверчивости.

Этот выпускник Астраханского рыбного техникума 1940 г. работал в Камчатрыбфлоте, а потом в Тралфлоте. В АКОфлот пришел в должности штурмана, а самые первые его шаги на флоте начались с плутовства и мошенничества. Попал на его удочку и известный капитан дальнего плавания Александр Ефимович Миронов.

Вот что он рассказывал.

— Дело было осенью 1945 г. Я в то время командовал пароходом АКОфлота «Сима». Моя семья, находившаяся во Владивостоке, жила впроголодь. Поэтому, купив центнерную бочку рыбы, я решил попутным судном послать ее жене. В эти дни уходил во Владивосток наш танкер «Максим Горький». Валентин Войчук был на нем вторым помощником. Я доставил на катере бочку с рыбой на танкер. Там с помощью матроса затащил ее в судовую кладовую и попросил Войчука вручить бочку жене и дать после этого мне телеграмму. О том, что он может это не сделать, у меня и мысли не возникало. Время шло. «Максим Горький» уже побывал во Владивостоке, взял груз и вышел в море. Известий от жены не было никаких. Наконец, я получил телеграмму, где она сообщала, что неоднократно приходила на танкер, но Войчука так и не увидела и посылку не получила. Тогда я понял, что он оказался настоящим мошенником. Пытался я найти Войчука на борту «Горького», когда он пришел в Петропавловск, но застать его на судне так и не смог. Он от меня прятался.

И вот однажды по делам службы я зашел в кабинет начальника флота Павла Дмитриевича Киселева и увидел там Войчука. Он подписывал какието документы. Рассвирепев, я схватил его и начал мутузить, настолько я был на него обозлен. Но тут за него заступился Павел Дмитриевич и сказал: «Александр Ефимович! Не пачкайте руки об это дерьмо. Ведь могут пойти разговоры, что у Киселева в кабинете капитаны дерутся». Пришлось Войчука отпустить.

Прошло несколько лет. И вот в 1952 г. его назначают на «Симу» ко мне старпомом. Конечно, иметь такого вороватого старпома мне страшно не хотелось, но в отделе кадров мне сказали, что других людей нет. Так он оказался у меня в штате.

После погрузки в Усть-Камчатске мы взяли на борт пассажиров. Для заверки судовых документов я дал судовую печать второму штурману и старпому Войчуку. Переход в Петропавловск был короткий. К концу перехода я обнаружил, что Войчук продавал пассажирам «липовые» билеты — он сам наделал их на клетчатой бумаге из тетрадочных листов и заверил судовой печатью. Я схватился за голову. Ведь это был самый настоящий подлог, подсудное дело. И меня тоже могли судить за это, как лицо, способствовавшее преступлению. Ведь судовая печать хранится у капитана, и он должен следить, на какой документ ее ставят. Да и Войчук мог при разбирательстве

сказать начальству, что взял меня в долю или еще что-нибудь подобное. Поди потом отмойся!

По приходе в порт «Симу» поставили в ремонт на судоверфь, а потом, через непродолжительное время, Войчука перевели в Тралфлот на пришедший с перегона СРТ «Беркут», чему я был несказанно рад. Но за короткое время пребывания на «Симе» он сумел наказать и моего третьего помощника Ивана Дмитриевича Строгина. Вот что он рассказал об этом:

«После окончания Астраханского техникума и получения диплома родители подарили мне модные тогда часы "Победа". Подарку от стариков я был очень рад. И вот однажды, когда я стоял на вахте, Войчук привел на борт женщину и представил ее всем как свою невесту. Зашел ко мне, спросил денег. Но денег в то время никто не имел, судовая касса тоже была пуста — до зарплаты было далеко. И вот Войчук, увидев у меня на руке часы, попросил дать ему их на время. "А то неудобно как-то перед невестой, — сказал он, — я старпом, а часов у меня нет, как бродяга какой. Вечером, после ее ухода я их тебе верну".

Естественно, я ему поверил, часы дал. Через некоторое время в каюте у Войчука появилось вино. Он даже меня пригласил и угостил стопкой. И ведь у меня даже и мысль не мелькнула, что это пропиваются мои часы.

Через сутки я попросил Войчука вернуть мне часы. Тот для виду кинулся искать и сокрушенно ответил, что их у него украли. Но в то, что можно украсть у человека часы с руки, я поверить, конечно, не мог и понял, что часы мои он продал за полцены и пропил. Но я надеялся, что хотя бы деньги за часы я с него взыщу: у меня в сейфе хранился паспорт Войчука, а зарплату он получал из моих рук. Так что возможность удержать стоимость часов у меня имелась. Но, как говорится, человек полагает, а Господь располагает.

Через несколько дней Войчук получил назначение в Тралфлот капитаном на СРТ "Беркут". Отбыл на новое место службы в Ковш рыбного порта, а мы остались на судоверфи. Паспорта я ему не отдал. И что вы думаете? На другой день к борту подходит катер портнадзора рыбного порта. На борт поднялся дежурный портовый надзиратель и заявил мне, что я задерживаю у себя как залог паспорт капитана "Беркута" Войчука. Я подтвердил, что это так, и объяснил, по какой причине я это сделал. На что портовый надзиратель показал мне правительственный документ, запрещающий брать в залог паспорт, и сказал, что за простой "Беркута" придется платить мне, если паспорт я не отдам. А на Войчука за украденные часы я могу подать в суд. Мне ничего не оставалось, как отдать паспорт. Так пути наши с Войчуком разошлись, и, конечно, ни копейки денег я за часы не получил, да и в суд подавать, естественно, тоже не стал...»

Вот такие истории довелось мне услышать. Но и это еще не все. Мне и самому довелось столкнуться с этим «Остапом», так сказать, в действии.

Зимой 1951 г. я был старпомом на парусно-моторной шхуне. Капитан ушел в отпуск, и на его место назначили Войчука. Суда стояли в караване в порту. Судовое белье стирала прачка на берегу. По очереди старпом каждой из шхун оформлял на угольной базе уголь и доставлял его прачке на квартиру. Подошла очередь и нашего судна. В бухгалтерии я выписал две тонны угля и попросил выделить грузовую машину. Взял двух матросов и уже собрался везти уголь прачке, но тут неожиданно Войчук заявил: «Тимофей Михайлович, вы оставайтесь на борту, готовьте судно к приему комиссии. А я сам с матросами отвезу уголь». Я этому обороту даже обрадовался — все хлопот меньше. К вечеру Войчук возвратился на судно и сказал, что уголь прачке домой доставлен. Матросы в один голос это подтвердили и добавили, что уголь даже перетаскали в сарай.

Но спустя несколько дней я встретил прачку, и она сказала, что угля так и не дождалась. Как потом выяснилось, воспользовавшись тем, что матросы не знали адреса прачки, Войчук привез уголь на свою собственную квартиру. А матросы даже перенесли уголь к нему в сарай. Шума поднимать не стали, уголь прачке доставили с другой шхуны.

Но все же аферам Войчука пришел конец. В 1954 г. он куда-то пропал. В конце 1953 г. я занимался на первых курсах штурманов дальнего плавания, и с нами учился старпом с «Беркута» Виктор Смирнов. Когда зашел разговор о Войчуке, вот что он нам рассказал:

— На «Беркуте» мы вышли в поисковый рейс в район бухты Наталия. Там располагались рыбная база и небольшой поселок. И тут я убедился, что люди типа Войчука найдут возможность кого-то обмануть и на Северном полюсе.

Белье в стирку мы сдавали жене завхоза Бобровского. Как-то на рыббазу привезли спирт. Денег на судне не было. Будучи на берегу, Войчук занял в долг у Бобровского тысячу рублей и купил на них спирта. Веселился на судне несколько дней. А тут подошел конец навигации, и нам надо было сниматься в порт. Войчук вызывает меня и направляет на катере забрать у Бобровского постиранное судовое белье. Но Бобровский белье мне не отдал, так как капитан должен ему тысячу рублей. «Вернете долг — получите белье», — сказал он мне. Вернувшись на борт, получил от Войчука разнос за неисполнительность, и тот поехал к Бобровскому сам. Вскоре он прибыл с бельем и снова отчитал меня за нерадивое отношение к службе.

Спустя несколько суток мы пришли в Петропавловск. Рейс закончился. Войчук до прихода пограничного наряда быстренько отбыл в контору, сказав, что за деньгами. Вскоре на борт поднялся наряд пограничников контрольно-пропускного поста, стали проверять паспорта и другие документы. Спросили, где паспорт капитана. Я ответил, что паспорт у него, а он сам отбыл в контору, где, помимо прочих дел, должен получить зарплату. Старший наряда моим ответом был удовлетворен.

Но паспорта у капитана не было. Оказалось, что Бобровский отдал ему белье только тогда, когда тот заверил его в возврате денег в скором времени и для пущей убедительности оставил свой паспорт в залог. Но напрасно ждал Бобровский свои деньги. А когда понял, что стал жертвой мошенника, недолго думая, пошел на пограничную заставу и все рассказал ее начальнику. Тот, естественно, удивился рассказанному, но перед его глазами был паспорт Войчука. Возмущен таким поступком он был не меньше Бобровского. Как это так — в пограничной зоне закладывать за деньги паспорт? С таким же успехом можно документ продать любому диверсанту!

О происшедшем пошла депеша в Петропавловск в соответствующие органы. А в этих органах люди были очень серьезные, и знали, как нужно границу охранять. К великому своему изумлению они выяснили, что Войчук имеет на руках новенький паспорт, полученный в городском отделе милиции. Там же, в милиции, нашли заявление Войчука о том, что в море его, капитана СРТ «Беркут», смыло в шторм волной. Чтобы не утонуть, ему пришлось сбросить с себя китель, в кармане которого лежал паспорт. В милиции, посчитав причину уважительной и наложив небольшой штраф (десять рублей), по сути дела символический, выписали новый паспорт.

Однако с получением депеши дело приняло серьезный оборот. Разговоры в то время были короткие. Войчука арестовали и через несколько дней осудили на два года тюремного заключения. Отбывать срок его определили в каменоломню на сопке Мишенной. Там тогда велись работы по прокладке дороги.

Вот так и получилось все по русской пословице: «Сколько веревочке не виться, а конец будет». Казалось бы, ну как Бобровский из этой далекой северной бухты найдет управу на мошенника? Но, оказалось, нашел, и при определенном стечении обстоятельств покарал очень чувствительно: Войчук лишился должности, да еще и пришлось ему отбывать тюремное заключение.

После отсидки Войчук некоторое время работал на малом рыболовном сейнере в колхозе имени В. И. Ленина. Но и там, пользуясь доверчивостью колхозников, умудрялся получать деньги за не выловленную рыбу. А потом его уже видели во Владивостоке, где он работал штурманом в Кработресте...

После нашей беседы о Войчуке старый капитан А. Е. Миронов задумчиво сказал, что о таких аферистах, как Войчук, надо писать книги. Прошло полвека после тех событий, и я решил исполнить просьбу Александра Ефимовича и других пострадавших.

ВИНТОВКА В БРЕДНЕ

С некоторыми из нас происходят истории, про которые говорят, что такого нарочно не придумаешь. Мой приятель, капитан Николай Иванович, рассказал мне случай из своей жизни. В молодости, в 1943 г., он работал третьим

помощником капитана на небольшом буксире в Николаевске-на-Амуре. Ходить приходилось по Амурскому лиману и в верховья Амура, в порт Маго.

— Время было военное, карточная система, — рассказывал он. — Чтобы как-то улучшить свой стол, изредка, на шлюпке где-нибудь в протоке закидывали мы имевшийся на судне старенький бредень и, глядишь, удача нам сопутствовала. Но однажды вытащили необычный улов — винтовку. Она, судя по всему, в воде была недавно, так как еще не успела поржаветь. Случилось это в порту Маго. Принесли мы эту винтовку в районное отделение милиции. Начальник отделения подивился нашему улову и сказал: «Вы, ребята, человека от тюрьмы спасли!» Мы, конечно, тоже удивились. Оказалось, что эту винтовку потерял начальник охраны порта с месяц тому назад. Поехал он за сеном в одну из проток и взял ее с собой в надежде, что, может быть, попадется какая-нибудь дичь. Положил ее наверх, на сено, и не заметил, как она свалилась в воду.

По законам военного времени утеря боевого оружия строго каралась, вплоть до тюремного заключения. Факт утери винтовки установили, и начальника охраны Юрия Ивановича взяли под стражу. После недельного пребывания в местном отделении милиции его перевели в Николаевск-на-Амуре. Впереди ждала верная тюрьма, да на длительный срок. Налицо было грубое нарушение — винтовка должна использоваться только для охраны порта, но не для охоты. Мало этого, так еще ее и потеряли.

Поскольку на винтовке был заводской номер, то определить, что утеряли именно ее, труда не составило. Вскоре Юрия Ивановича из-под стражи освободили, но с работы все-таки уволили. Спустя несколько дней к причалу подошел счастливый Юрий Иванович и со слезами на глазах стал нас благодарить: «Ребята, ведь вы от верной тюрьмы меня спасли!»

Вот так бывает, что не только от голода спасает старенький бредень...

МЕСТЬ «МОРСКОГО ВОЛКА»

Работая на пароходе «Сима» в 1947 г. матросом, стоял я вахты со вторым помощником капитана Семеном Васильевичем Чуприной. По уставу второй помощник с судовыми тальманами принимал в порту груз и при выгрузке сдавал его представителям берега. В то время очень строго спрашивали за сохранность груза. Если обнаруживали хищение или недостачу, весь экипаж автоматически лишался премии. Поэтому надо было внимательно следить при приемке за целостностью ящиков и другой тары. Семен Васильевич хорошо организовал работу тальманов, и результаты не замедлили сказаться.

На нашей вахте подошел на рейд и стал под выгрузку пароход «Ительмен». Командовал им в то время капитан Василий Тимофеевич Войтенко — колоритнейшая фигура и первоклассный специалист. Выделялся он и внеш-

не — был за добрую сотню килограммов весом. В свое время долго работал в Дальневосточном пароходстве, командуя крупнейшими судами: «Шатурстрой», «Луначарский», «Мичурин». Пользовался Василий Тимофеевич славой еще и как человек крутого нрава. За нарушения уставных положений спрашивал строго, но справедливо.

Как-то рассказал мне Семен Васильевич следующую историю, связанную с Войтенко:

«В 1946 г. я работал на "Якуте" вторым помощником. Капитаном на нем был Иван Иванович Козин (фамилию я изменил. — *Авт.*), молодой человек, растущий специалист. Командовал он судном недавно. И вот как-то мы встали на рейд Кировска под выгрузку. А там уже заканчивал прием рыбопродукции на Владивосток пароход «Ительмен». Но на переход до Владивостока ему не хватало воды. Поэтому управление дало команду "Якуту" поделиться водой с "Ительменом".

"Якут" имел водоизмещение раза в полтора меньше "Ительмена", и поэтому все ожидали, что по традиции "Якут" снимется с якоря, подойдет к "Ительмену" и даст тому воду. Но неожиданно закапризничал Козин: "Ительмену" надо воду, вот пусть Войтенко и подходит. Это было, конечно, нарушение флотских традиций, к тому же Войтенко был почти вдвое старше Козина. А на флоте всегда старшие по возрасту пользовались уважением младших.

Но не на этот раз. Войтенко выбрал якорь и пошел на швартовку. Возмущен он был, конечно, до глубины души. После приема воды (я в это время стоял на мостике), когда Войтенко дал команду отдать все концы, он погрозил пальцем Козину и сказал: "Ну, сопляк, запомни старую истину: море широкое, а дорога узкая. Долг платежом красен"».

Дальше произошли события поистине удивительные.

В начале 1948 г. решением группы Министерства рыбной промышленности пароход «Сима» поставили на регулярную линию Владивосток — порты Японии. В Японии «Сима» брала, кроме груза в трюмы, катера на палубу и несколько суденышек на буксир. Капитаном «Симы» назначили Козина, а Семена Васильевича Чуприну — старшим помощником. Надо сказать, что на загранплавание потребовались визированные моряки, и экипаж «Симы» перетрясли основательно. Из старой команды почти никого не осталось. Это было обычным для того времени явлением. Работать на линии было несравненно интересней, чем собирать рыбу по побережьям Камчатки. Экипажу шла валюта, питание по нормам загранплавания. На столе почти в неограниченном количестве появились свежие фрукты.

Но к осени 1948 г., к всеобщему удивлению, на «Симе» сменили капитана. Вместо Козина судном стал командовать капитан Филиппов.

В 1950 г. я в Петропавловске встретился с Семеном Васильевичем Чуприной. Он рассказал, что работа на «Симе» на заграничной линии всем очень

понравилась. Все-таки плавания совершались между оборудованными портами, где суда хорошо обслуживали. Голова о снабжении и питании не болела совершенно. Все подвозилось к борту в назначенное время. Хорошо оплачивались погрузка, перевозка катеров на палубе и их буксировка. Я поинтересовался, почему же Козин ушел с «Симы», ведь рейсы-то в самом деле были интересные и денежные. И получил неожиданный ответ: «Конечно, от таких рейсов никто никогда не откажется. А причиной его ухода был Василий Тимофеевич Войтенко».

Тут читателю надо дать некоторое пояснение. С 1948 г. по приказу Минрыбпрома началась проверка знаний плавсостава. По портам издавались приказы и назначались аттестационные комиссии. В комиссии входили, в основном, резервные капитаны и механики. На стоявшие в порту суда приходили работники порта и объявляли комсоставу о времени проведения аттестации.

Так произошло и на этот раз. И надо же было такому случиться — членом аттестационной комиссии оказался Василий Тимофеевич Войтенко. Он немного запоздал, а когда появился, аттестацию сдавал Козин. Мужик он был, в общем-то, неглупый, окончил техникум, сдал экзамены на штурмана дальнего плавания и имел рабочий диплом капитана дальнего плавания.

И вот, уже под занавес, председатель комиссии спросил Войтенко, будут ли у него вопросы к аттестуемому. Тот ответил, что будет пара вопросиков. Какие вопросы задавал Козину Василий Тимофеевич, Чуприна не слышал, но после работы комиссии председатель сказал: «Извините нас, товарищ Козин, но мы вам доверить командование "Симой" в ответственных загранплаваниях не можем». И на другой день в командование «Симой» вступил капитан Филиппов.

Вот так Войтенко наказал молодого капитана за нарушение флотских традиций.

ХИМИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА

Проезжая мимо автобусной остановки «Магазин "Стройматериалы"», люди обращают внимание на стоящие возле берега суда. Это место называется «бухта Щитовая». Здесь до Великой Отечественной войны располагался лагерь, где в дощатых бараках отбывали наказание заключенные. Всю территорию огородили колючей проволокой. А через бурный поток спускающегося с сопки ручья перекинули мостки, по которым ходили как заключенные, так и охрана лагеря. В годы войны этот лагерь перевели на другое место.

В 1957 г. здесь, как и сейчас, располагался вспомогательный флот военного ведомства. В его состав входили буксиры, катера и несколько транспортных судов хабаровской постройки грузоподъемностью триста тонн. На них работала вольнонаемная команда. Командовал войсковой частью капитан

второго ранга Шубин, если не изменяет память, Николай Александрович. Один офицер — капитан-лейтенант Силинский — ведал вопросами химической защиты части и, соответственно, вспомогательных судов. Ему же командный состав судов сдавал аттестацию при приеме на работу.

Надо сказать, что человек он был страстно увлекающийся. Мог долго рассказывать о свойствах химического оружия, поражающих способностях каждого газа. Этим часто пользовались те, кому надо было сдавать Силинскому аттестацию. Они применяли очень простой прием. Пришедший на аттестацию задавал невинный вопрос:

- Вот скажите, товарищ капитан-лейтенант. Я готовился к аттестации и прочитал, что такие газы, как зарин и зоман, умерщвляют человека в течение одной-двух секунд. Ведь это на грани фантастики! Просто не верится.
- Как не верится? Все верно. Это похлеще атомной бомбы. Только при взрыве атомной бомбы есть разрушения, а при газовой атаке разрушений нет.

И пускался в дальнейшие рассуждения. Объяснял все досконально. Дело кончалось тем, что к концу беседы он всегда говорил:

— Что с вас взять? Вы люди сугубо штатские. Но хорошо то, что вы этим делом интересуетесь, читаете литературу. Это уже отрадно. Давайте аттестационный лист. Ставлю вам зачет. Если и в будущем будет что-либо непонятно, приходите в любое время, я вам отвечу на любые вопросы.

Но, как правило, желающих приходить и задавать вопросы не находилось.

В начале лета один из военных транспортов вышел из ремонта на судоверфи и встал на стоянку в караван своих судов. Надо отдать должное — команда постаралась. Судно выкрасили, расходили и смазали все задрайки на дверях и иллюминаторах. Во всем чувствовалось, что экипаж к открытию навигации подготовился добросовестно и основательно.

Осталось провести учения по всем видам тревог, в том числе и по защите от оружия массового поражения.

Капитан судна и комсостав собрались в каюте старшего механика и вели непринужденную беседу. Делились тем, как провели ремонт, обсуждали планы на будущее.

В это время к каюте подошел Силинский и на полном серьезе дал вводную: «Химическая тревога». В руках у него была дымовая шашка.

Но почему-то комсостав обратил его команду в шутку, и ему сказали:

— Да брось, Силинский, с этими тревогами. Пойдем лучше пообедаем.

Силинский в это время был в плохом настроении и шутку не принял. Повторил еще раз:

— Химическая тревога!

Но в ответ раздался хохот. И тогда Силинский крикнул:

— Ну, я вас проучу!

Поджег дымовую шашку и бросил ее коридор.

Конечно, Силинский вначале и не думал бросать шашку в коридор. Если бы капитан со всей серьезностью отнесся к вводной Силинского, то наверняка он поджег бы ее на палубе, на корме. Но, возмущенный легкомысленным отношением к его команде, он действительно решил всех проучить.

Началось невообразимое. Повалил густой черный и едкий дым. Выскочить на палубу можно было по трапу наверх через рулевую рубку и вторым путем — по коридору и через кормовую тамбучину на ботдек.

Но перед этим боцман дверь тамбучины (вернее, рукоятки) забил кувалдой. Сделал он это с целью не допустить лишнего хождения. И это сослужило плохую службу. Люди силились выйти через эту дверь, но не могли открыть рукоятки, не хватало сил. А идти через рулевую — в коридоре дымит шашка.

Еле-еле люди выбрались на палубу, чертыхаясь и на чем свет стоит проклиная Силинского. Попадись он в это время разгневанной команде в руки, однозначно можно было сказать, что они бы на нем высыпались. Он сделал иначе. Пошел сам и доложил командиру Шубину о случившемся.

Все труды экипажа в ремонте пошли насмарку. В свежеокрашенную белилами поверхность впиталась черная едкая копоть, которую и зубами не отдерешь.

Проветрив помещения, умывшись и приведя себя в порядок, капитан и старший механик пошли с жалобой на проделки Силинского к Шубину. Тот их выслушал. Но реакция его была не такой, какую они ожидали. Вместо Силинского они получили разнос сами:

— Почему не выполняете вводную офицера? Он что, пришел к вам в бирюльки играть? Офицер при исполнении служебных обязанностей, а вы ему хи-хи да ха-ха. Здесь военный флот, а не богадельня. Даю вам три дня сроку. Приведите судно в порядок. Краски на складе нет. Добывайте, где хотите!

...Первые несколько месяцев после инцидента нога Силинского на военный транспорт не ступала...

«ХОРОШИЙ» РАБОТНИК

Дело это было давнее, лет сорок с небольшим тому назад. Траловый флот в то время только набирал силу и был сравнительно небольшим. Почти весь плавсостав знал друг друга в лицо.

Капитаном одного СРТ был мой приятель Иван Сергеевич, человек доброжелательный и порядочный. Хорошо ловил рыбу и пользовался среди моряков уважением и авторитетом. Его СРТ в октябре пришел после экспедиции в порт и встал в ремонт. Наступил ноябрь. Ремонт был профилактический, и долго задерживаться в порту капитан не рассчитывал.

Как-то в одну из встреч он мне пожаловался, что никак не может избавиться от своего третьего помощника Юрия Ивановича Корнева (фамилии и названия судов я изменил).

- А почему ты от него не избавишься через отдел кадров? спросил я.
- Да не могу только потому, что я в эту экспедицию допустил промах, о котором он знает и спекулирует на этом. Если это всплывет в конторе, то у меня могут быть неприятности.

Что за промах, я уточнять не стал. А Иван Сергеевич продолжал:

— Только стоит мне сойти с борта, Юрий Иванович тоже уходит в город. Однажды я ушел в контору на совещание, и после совещания встретил Юрия Ивановича на улице. Мой первый вопрос к нему был таков: «Вы находитесь на вахте, а почему оказались в городе?» Он мне ответил: «Да ничего страшного не случится». Тогда я спрашиваю: «А вдруг да, не дай Бог, пожар? Кто тушить будет?» — «А сгорит пароход, то ведь вместе в каталажку пойдем — ты и я», — не замедлил он с ответом. В общем, разговор получился тяжелый, и я уже решил избавиться от него окончательно.

Как всегда, в любой конторе ноябрь и декабрь — решающие месяцы. Подбираются все «хвосты», изыскиваются резервы и тому подобное. Контора тогда напоминает бурлящий котел. Зашел я к начальнику отдела кадров Сергею Николаевичу Скорлыгину и сказал ему:

- Сергей Николаевич! Я слышал в коридоре разговор ваших кадровиков, что вы ищете третьего помощника на СРТ «Красное Знамя». А в резерве таких нет. Я могу предложить своего помощника Юрия Ивановича Корнева.
 - А что за работник? Хороший, дело знает?
 - Да, знает. Был даже комсоргом.
- Посылай его к нам. Как раз такие люди нужны. Сейчас решается судьба годового плана.

Скорлыгин вызвал кадровика, тот написал отношение и вызвал Корнева в отдел кадров.

По приходе на судно я распорядился Корневу явиться в контору. Он поинтересовался, зачем его вызывают. Я ответил, что не знаю, но меня спросили, что он за человек, и я ответил, что работник хороший.

Через час Корнев приходит на судно и говорит:

- Иван Сергеевич! Меня от вас забирают и направляют на другое судно.
- А я что могу сделать?
- Я прошу сходить в кадры и попросить оставить меня.
- Как же я могу возражать против твоего перевода на добывающее судно? Ведь решается судьба годового плана, и меня в кадрах просто не поймут! Меня спросили, что ты за работник, и я ответил, что хороший. А направлять людей на суда это дело кадровиков.

На том мы и расстались.

...Прошло месяца три. Как-то снова я повидался с Иваном Сергеевичем и между делом спросил его, как поживает его «протеже» Юрий Иванович.

— Да ничего утешительного, — ответил он мне. — Направили его на «Красное Знамя» к капитану Демьяну Яковлевичу Новоселову.

Так получилось, что вскоре встретил я в порту и Демьяна Яковлевича. Он в разговоре со мной затронул и Корнева. Сказал, что тот оказался крайне недобросовестным и безответственным.

— Замучился я с ним, — рассказывал Демьян Яковлевич. — А когда я пытался его отругать, он мне в ответ всегда одно и то же: «Вот вы на меня шумите, Демьян Яковлевич, а у Ивана Сергеевича я считался хорошим работником». Мне и возразить было нечего. Ведь действительно мне кадровики сказали, что посылают хорошего работника. Может быть, я не имею правильного подхода к людям? Но потом все устроилось само собой. Юрий Иванович оформил отход, но в последний момент бросил на борт портфель с судовыми документами и ушел в город. Заявил, что в море не пойдет. Дело было вечером, и я решил не ждать до утра замену и выйти в море без третьего помощника. Ожидался рейс в Кроноцкий залив продолжительностью не более десяти суток. Но после выхода за ворота Авачинской губы рейсовое задание изменили, направили нас на западный берег Камчатки. И пришлось мне пробыть в море более двух месяцев и нести вахту за третьего помощника...

Прошло еще месяцев восемь. Опять при встрече Иван Сергеевич завел разговор о Корневе и его дальнейшей судьбе. Оказывается, после самовольного ухода с «Красного Знамени» его продержали месяца три в ремонте и после этого назначили третьим помощником на теплоход «Оленск». А там произошла такая история.

В апреле «Оленск» вышел из Владивостока в Петропавловск. В конце вахты капитан и члены экипажа ощутили легкий толчок. Вахту нес Юрий Иванович. На вопрос капитана, что это был за толчок, Юрий Иванович, не моргнув глазом, ответил, что стукнулись о плавающее бревно. В судовом журнале он так и записал. Но на самом деле все оказалось гораздо хуже.

Юрий Иванович нес вахту невнимательно, и при расхождении с лежащей в дрейфе на сетях японской шхуной теплоход нанес ей скользящий удар. Один из японских рыбаков от удара сорвался за борт и утонул. Капитан шхуны сообщил о столкновении в береговую охрану. По приходе «Оленска» в порт факт происшедшего, кроме капитана рыбного порта, стал известен и другой, более серьезной организации, ведающей госбезопасностью.

Поскольку дело оказалось связано со смертью иностранного моряка и выплатой компенсации за гибель, оно приняло серьезный оборот. Юрия Ивановича по приходе арестовали, и картина происшедшего прояснилась. В скором времени состоялся суд. Виновника приговорили к двум годам

тюремного заключения, и по прошествии этого времени на дальневосточном побережье он больше не появлялся. Ни один капитан, работавший с ним, сочувствия не высказал...

МОРАЛЬНЫЙ РАЗЛОЖЕНЕЦ

Эта история произошла с моим давним приятелем, капитаном транспортно-холодильного судна «Плутон». Его фамилию называть не буду, укажу только имя и отчество.

В составе Тралового флота с середины 1950-х гг. имелось несколько транспортно-холодильных судов. Они предназначались для перевозки охлажденной рыбы со льдом. Возили корюшку из Усть-Хайрюзово, Усть-Камчатска, а также доставляли на рыбокомбинаты продовольствие. Снабжали и работающие в море флотилии. Это были, как говорили в то время, «домашние пароходы». С начала июля на них устанавливали закаточные станки, и они выпускали до двух тысяч штук пятикилограммовых банок пресервов за день, пользовавшихся большим спросом у населения.

Капитаном на «Плутоне» в то время (1963 г.) был Михаил Владимирович, очень порядочный, трудолюбивый человек. Он воевал, имел правительственные награды, был примерным семьянином.

В июне несколько судов этого типа пришли в бухту Лаврова на восточное побережье Камчатки. В это время здесь располагалась крупная сельдяная база Камчатрыбпрома. Там же останавливался добывающий и обрабатывающий флот. На берегу были построены бараки для рыбообработчиков и многочисленные палатки. Людей сюда отправляли на путину с близлежащих рыбокомбинатов. Несколько лет подряд там ловили огромное количество жирующей сельди.

Среди команды «Плутона» выделялся высокий чернобровый красавецпарень по имени Леша, курсант третьего курса мореходного училища. Леша был очень аккуратный человек: отутюженные брюки, бушлат, начищенные ботинки и пуговицы. Не хватало только мичманки. И вот однажды, когда команда собиралась на берег, Михаил Владимирович пожалел Лешу и подарил ему свою мичманку, которая оказалась ему самому тесна, и он ее не носил.

Когда Леша водрузил на свою голову капитанский подарок, то все восхищенно ахнули. Послышались возгласы: «Ну, Леша, ты настоящий капитан!» Ну и, как водится, прозвище «Леша-капитан» прилипло к парню, как смола. Не думал и не гадал Михаил Владимирович, какими печальными последствиями отзовется его подарок!

Команда «Плутона», в том числе и Леша, зачастила в палатку девушеккорячек из Оссоры. Лешу там знали именно как капитана с «Плутона», но почему-то переделали название судна на свой лад: «Платон». Сельдяная путина завершилась глубокой осенью, «Плутон» вернулся в порт, Леша отправился оканчивать последний курс и сдавать государственные экзамены. Экипаж хорошо поработал в путину, с планом справился при отличном качестве продукции, люди получили хорошие деньги.

Дело шло к весне следующего года. В кабинете парткома Тралфлота раздался телефонный звонок. Трубку взяла инструктор Галина Давыдовна Иванова. Женщина она была принципиальная, как говорили в то время, «идейно выдержанная». При ее участии активно работал женсовет, собирали какието выставки, проводили мероприятия. Особенно доставалось «моральным разложенцам», то есть тем, кто любил «заложить за воротник» и был уличен в супружеской неверности. Вызванные по этому поводу люди, как правило, пощады не ждали.

Звонок был из Оссоры. Говоривший представился инструктором райкома комсомола. Он спросил, был ли в прошлом году в сельдяной экспедиции в бухте Лаврова пароход «Платон».

- Не «Платон», а «Плутон». Да, был, ответила она.
- Кто на нем был капитаном?
- Михаил Владимирович... А в чем дело?
- Да дело в том, что команда этого судна посещала палатку наших девушек-рыбообработчиц. Одна из них забеременела и родила. По ее словам, отцом ребенка является капитан «Платона». Положение девушки усугубляется тем, что она сирота, и у нее нет денег даже на приданое малышу. Может быть, у него проснется совесть, и он вышлет хоть немного денег этой девушке?

Галина Давыдовна была лаконична:

— Разберемся. Дадим ответ.

Естественно, Галину Давыдовну обуял праведный гнев. Выйдя в коридор, она встретила бывшего старпома с «Плутона». Решила навести справки сначала у него. Вопросы были, конечно, невинные:

- Вы были прошлым летом в бухте Лаврова в сельдяной экспедиции?
- Да, был.
- На берег-то команда ходила?
- Да, ходила.
- И ночевать там приходилось?
- Да, приходилось. Особенно, когда стояла штормовая погода.
- А где ночевали?
- В палатках.
- А кто ходил?
- Да все ходили.
- А капитан ваш тоже ходил?
- Да, ходил. У него там какая-то девушка была. Всегда оставался на ночь.

Но не знала Галина Давыдовна, что перед ней стоял человек, которого с «Плутона» списали как пьяницу и склочника. И на капитана он был зол. Когда Галина Давыдовна стала задавать ему вопросы, он сразу сообразил, что настал удобный момент напакостить капитану. Что и сделал.

Уверенная «на все сто», что Михаил Владимирович — отец ребенка, она начала действовать решительно. Зло должно быть наказано!

Через пару дней она встретила Михаила Владимировича в коридоре. Он, естественно, все отрицал и говорил, что ничего не знает, а на берег даже не сходил. Вывод Галины Давыдовны был однозначен:

- Ну, раз вы все отрицаете, придется этот вопрос разобрать на парткоме. Доложила об этом и секретарю парткома. Тот пытался усомниться:
- Кажется, мужик семейный, в возрасте, тихий...

На что Галина Давыдовна резонно ответила:

— В тихом болоте черти водятся. Вам бы это давно пора знать.

Спустя несколько часов я встретил удрученного Михаила Владимировича у причала. Поведал он мне об этом разговоре, о возможном разбирательстве на парткоме и сказал, что дело в том, что ни в какую палатку он не ходил и никаких девушек не имел.

- Ну, так чего бояться?
- Да ведь бояться надо кривотолков. У меня подрастают дети, весь плавсостав меня знает, начнет осуждать. Попробуй доказать обратное и отмыть это пятно.

Тогда у меня мелькнула мысль:

— Может быть, кто-то из членов экипажа выдавал себя за капитана? Помнишь, у тебя раньше был матрос Голубев, он все изображал из себя второго помощника? Знаешь что, надо, наверное, начинать раскручивать с моториста Павлова. Он, кажется, у тебя был в команде комсоргом? Давай попробуем!

Нашли бывшего комсорга. Он нам и выложил всю эту историю:

— Отцом ребенка является Леша-капитан. Его в палатке знали под этим именем. Никого другого быть не могло. А благословили его вы, Михаил Владимирович, когда подарили мичманку и в шутку назвали капитаном.

Мы попросили бывшего комсорга пойти в партком и внести ясность. Парень он был порядочный, просьбу нашу выполнил. Доброе имя настоящего капитана было восстановлено.

...Прошло много лет. Михаил Владимирович за долголетний и добросовестный труд был удостоен высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Управление флота с почетом проводило его на пенсию. Сейчас он живет на Украине. А кто знает, как бы сложилась его судьба при другом исходе этого дела? «Моральных разложенцев» в то время не жаловали...

ВОСКРЕСШИЙ ШТУРМАН

В 1952 г. я был капитаном СРТ «Промысловик» Управления тралового флота. Молодым вторым помощником у меня был Слава Певнев, выпускник мореходной школы юнг. Первых курсантов в эту школу набирали в Москве и других городах Центральной России.

Приступил к работе Слава осенью 1952 г. Ловили рыбу в то время на знаменитой Явинской банке, сдавали на рыбокомбинаты западного побережья или приходили в порт и передавали ее рефрижераторам Востокрыбхолодфлота. Парень он был чернявый, невысокого роста, энергичный и добросовестный. Хорошо вел документацию, как на сдаваемую рыбу, так и по продовольственному снабжению. В то время продукты для экипажа получал второй помощник.

Мы хорошо проработали зиму, и в июне 1953 г. должны были выходить на промысел нерестовой сельди в северную часть Охотского моря. В это время на нерест в речки и лагуны идет много сельди. Она облюбовала эти места потому, что там хорошо прогревалась вода, а это способствовало нересту. Такой порт, как Охотск, обязан был своим существованием именно мощным подходам сельди, так же как и большинство рыбозаводов, расположенных по всему побережью.

Подошло время отхода, но Певнева на борту не оказалось. Ждали до следующего утра, но он так и не появился.

Где искать его, никто не знал — парень холостой, родственников в городе не имел. Сходили в милицию и позвонили в поликлинику. Больше ничего не оставалось делать, как подать рапорт в отдел кадров и попросить замену.

На другой день замену прислали. Вновь назначенный штурман принял продовольствие по акту назначенной комиссии, и мы снялись в рейс. В душе остался неприятный осадок. За время нахождения на промысле раза два я давал телеграммы в отдел кадров с просьбой сообщить, не появился ли Певнев. Но ответы приходили неутешительные.

Осенью по приходе в порт нанес визит в милицию с тем же вопросом. У милиции ответ был один: «Ищем, но найти не можем ни живого, ни мертвого». Естественно, разыскать человека в то время было намного труднее, чем сейчас, так как телевидения не было.

Прошло месяцев девять. Наступил март 1954 г. В это время я учился в Петропавловске. Как-то идя по улице Ключевской, столкнулся нос к носу со Славой. Сказать, что я обалдел, — значит, ничего не сказать. Первый вопрос к нему был, естественно, такой:

- Где ты был столько времени? Что с тобой стряслось?
- Ладно, Тимофей Михайлович. Расскажу вам как на исповеди. Ушел я, как вы помните, перед отходом. Зашел на базар. Там в киоске выпил красно-

го вина. Познакомился с молодой женщиной. Она уговорила меня проводить ее до дома. Ну, я поступил как джентльмен. Пошел ее провожать. А она оказалась дояркой с молочно-товарной фермы Петропавловского совхоза. Ферма эта расположена между сопками, в верховьях ручья Кирпичного.

Добрались туда поздно вечером. А дома у нее оказался полный бочонок браги. Ну, она меня и угостила в честь знакомства.

Очухался я с больной головой к обеду другого дня. Она меня опохмелила, да на другой бок. Ну а там пошло-поехало. В контору идти боязно. Ведь всетаки по моей вине задержалось судно.

Оказалась у моей знакомой очень хорошая мать. И давай они меня уговаривать, чтоб я остался у них. А я чем больше не иду в контору, тем больше боюсь. И так полетели дни за днями, месяцы за месяцами. Потом я все-таки решил, что всю жизнь сидеть на этом хуторе не будешь, и пошел в контору. Там меня пара кадровиков взяла под руки и доставила к начальнику флота П. А. Демидову. Тот, увидев меня, чуть не лишился дара речи. Ведь переписка с моими родителями шла через него — Управление сообщило им, что я пропал без вести. Выложил я ему все без утайки. Пожалел он меня, увольнять не стал, разжаловал в матросы на четыре месяца. Так что сейчас я матрос первого класса...

...Прошел год после нашей встречи со Славой. Поехал он в отпуск к родителям, на Волгу. На Камчатку уже не вернулся — старики не пустили. Так и остался работать на катере в речном пароходстве.

Вот такие замысловатые фортели выкидывает порой жизнь, что и нарочно не придумаешь...

РАДИСТ-КАПИТАН

В 1978 г. я работал лоцманом морского рыбного порта. Выйдя на рейд для проводки БМРТ на жестянобаночную фабрику, получил из портнадзора распоряжение пока повременить, так как на фабрике занят причал. Волей-неволей пришлось ждать. Коротал время за беседой в каюте капитана.

В каюту зашел его начальник радиостанции Александр Васильевич. Не виделись мы с ним давненько. А помнил я его с 1953 г., когда он прибыл в Тралфлот после окончания Астраханской мореходной школы, где получил специальность радиста. Шел ему в то время девятнадцатый год. Надо сказать, что прибывшие выпускники его курса в то время заметно отличались от всего плавсостава — они были одеты в новенькие бостоновые костюмы, белые сорочки и мичманки. По тому времени это была великая заслуга директора мореходной школы. Как ему удалось одеть своих питомцев — одному Богу известно.

Назначили Александра на СРТ «Коршун».

Встрече со старым знакомым я был очень рад. После взаимных приветствий беседа продолжалась. И вдруг он мне выложил:

- Тимофей Михайлович, а ведь мне тоже приходилось швартоваться! Я удивился и недоуменно спросил его:
- Но ведь ты же радист, а не штурман. Как же это было?

Тут я вспомнил послевоенное время. На флоте не хватало специалистов — штурманов и механиков. На судах, стоявших в ремонте, капитаны обязывали нести штурманскую вахту радистов. Поначалу все обходилось без происшествий, шло по принципу: «Гром не грянет — мужик не перекрестится». Так получилось и с Александром Васильевичем. Вот что он рассказал:

— До этого происшествия мой стаж работы на море составлял ровно двое суток. На третьи наше судно совершило «вояж» на Моховую. Пришли мы туда, взяли трал, вернулись в порт и встали к какой-то барже. Я видел, как капитан управляет судном. И так это мне показалось просто, что дальше некуда! Все происходило на моих глазах, так как дверь радиорубки выходила в рулевую.

На другой день капитан пошел в управление, второй помощник — получать продукты, третий — в милицию прописывать команду в домовую книгу. Остались я и старпом. Наконец куда-то отлучился и старпом. Перед уходом он надел на мою руку повязку вахтенного штурмана и сказал: «Я скоро вернусь. Будь за капитана».

И тут события развернулись, как в кино. Прошло минут пятнадцать, к борту подошел катер Тралфлота. С катера диспетчер позвал вахтенного штурмана. Вахтенный матрос вызвал меня. Подбежал я к диспетчеру. Он меня спросил: «Вы вахтенный помощник?» Я, не моргнув глазом, ответил, что я. У диспетчера никаких подозрений не возникло, так как я был одет по полной форме, с повязкой на рукаве и в мичманке. Долго не задерживаясь, он отдает мне распоряжение перейти и встать к правому борту СРТ «Кречет». А стоял «Кречет» невдалеке кормой к берегу.

Поскольку я видел, как управлялся капитан, я дал «Готовсь» машине. Через десять минут та была готова. Я скомандовал: «Отдать все концы», в машину — «Малый вперед», а потом подумал, что надо дать средний, чтобы быстрей дойти. Хотя машина и была холодная, но механик обороты прибавил.

Оглядываясь назад, я понимаю, что швартовка была элементарно простая. Но это ясно мне сейчас!

Я направил «Коршун» к «Кречету» под углом градусов в сорок пять, впереди надстройки. И решил подойти так близко, чтобы швартовый конец можно было подать вручную. В момент подхода надо было положить руль «право на борт» и отработать машиной, чего я не сделал. А не сделал потому, что не знал, что есть еще и сила инерции. Когда я скомандовал машине «Стоп», то по простоте душевной полагал, что судно остановится, как авто-

мобиль на шоссе. Но, к моему ужасу, оно двигалось вперед. Раздался скрежет металла, и на моих глазах планширь и фальшборт «Кречета» завернуло и положило на палубу. С «Кречета» на мою голову полился отборнейший мат. Наше судно по инерции двигалось вперед. Ни о какой подаче концов речи уже быть не могло.

По инерции мы прошли до середины Ковша. Я не знал, что дальше делать. Боцман догадался отдать якорь и поднял на штаге якорный шар. Из портнадзора, очевидно, увидев непонятные действия «Коршуна», позвонили в Тралфлот. Его контора в то время размещалась в седловине мыса Сигнальный. Минут через пятнадцать к нашему борту подошел катер-«жучок» Тралфлота. На палубе стоял разъяренный капитан-наставник Пионтковский. Потом он подошел к борту «Кречета» и увидел заваленный фальшборт. Стало ясно, что выход «Кречета» в море сорван, надо ставить его в ремонт. А судно ведь было новое.

Пионтковский стал уточнять, кто я по должности, полагая, что штурман. Но когда узнал, что я радист, ярости его не было границ: «Как вы оказались вахтенным штурманом, кто вас поставил на вахту?!» Я ответил, что старпом дал мне повязку и сказал: «Будь за капитана». «Эх, голова ты садовая, — сказал Пионтковский. — Да разве можно такие вещи делать?»

О том, что такие вещи делать нельзя, мне уже было ясно и так. А потом начался разбор. Приказа о том, чтобы привлекать радистов к несению штурманской вахты, нигде найти не могли, так как его не было, и быть не могло. Все шло само собой, вплоть до этого момента.

Переживал я, конечно, сильно. Сначала думал, что меня отдадут под суд. Но потом потихоньку все успокоилось. По флоту издали приказ о запрещении привлекать радистов к несению штурманской вахты, мне объявили выговор.

Вот так и оправдалась русская пословица. Грянул гром, и мужик перекрестился...

...Надо сказать, что происшедшее можно отнести к ряду роковых совпадений или случайностей. Александр Васильевич был добросовестным работником, и через сравнительно небольшое время его перевели на солидную должность в Камчатрыбпроме.

ФАРАОНОВО ПЛЕМЯ

Эта история имела место летом 1948 г. Весной одно из транспортных судов Дальневосточного пароходства доставило в Петропавловск несколько семейств цыган. Если принять во внимание, что семьи были многочисленные, то насчитывалось их человек пятьдесят, не меньше.

Это был, по сути, первый случай «освоения» Камчатки этой публикой. Раньше их в Петропавловске в таком количестве не наблюдалось. Цыгане обо-

сновались на местном городском базаре, теперь на этом месте разбита Театральная площадь.

Цыганки гадали на картах, а их мужья занимались куплей-продажей. Поскольку документы у них оказались не в порядке, а Камчатка являлась закрытой пограничной зоной, городские власти посоветовали им переехать на другое место.

В это время пароход Камчатрыбфлота «Кура» должен был сниматься за грузом на Сахалин. Капитану О. В. Лаврентьеву дали команду взять цыган борт и не брать с них денег за проезд. Место им предоставили на палубе.

В те годы, как правило, суда с отходом всегда задерживались. То не хватало одного, то другого. Так вышло и на этот раз. Первый день цыгане тихо просидели на пароходе с утра до вечера. На второй день главы семейств решили все-таки сходить на базар поторговать да и прихватить продуктишек на дорогу. На третий день они задержались подольше. И когда они пришли на причал рыбного порта, «Кура» уже выходила из Ковша.

Через полчаса взволнованные отцы семейств были уже в конторе Камчатрыбфлота на улице Партизанской. Первый их вопрос к находящимся в коридоре служащим был таков:

— Где здесь начальник службы движения?

Им ответили, что это — служба эксплуатации флота, а ее начальник — Георгий Александрович Канторович.

Цыгане сразу ринулись к нему в кабинет:

— Начальник, а начальник! Давай эроплан!

Обалдевший начальник удивленно спросил:

- Какой аэроплан? Зачем аэроплан?
- Как зачем?! Куру-муру догонять надо! Семьи там, детки!
- Не волнуйтесь! Кура-мура стоит на рейде. Идите в рыбный порт, оттуда вас на катере доставят на пароход. Счастливого пути вам, труженики! с юмором у Георгия Александровича было все в порядке.

После телефонного звонка Канторовича в рыбный порт цыганам выделили катер, и через час их доставили на «Куру» в объятия жен и деток. Рейс проходил нормально, и на пятые сутки необычных пассажиров высадили в Корсакове.

Невольно возникает вопрос: что заставляет этих людей кочевать, испытывать массу неудобств, терпя порой голод и холод, всевозможные лишения? Тайну цыганской души пытались разгадать Лев Толстой, Иван Тургенев. А Куприн посвятил им чудесный рассказ «Фараоново племя». Но разгадать не смогли.

А то, что эти люди находят выход из любого положения и остаются неунывающими во всех жизненных передрягах, вы убедились, прочитав этот рассказ, взятый из жизни.

ВЕЩДОК

Это было давно, примерно в 1955 г. В городском суде слушалось дело нашего товарища-моряка. Защищал его интересы адвокат Ванеев — человек эрудированный, остроумный, хорошо знающий уголовное право. После отъезда с Камчатки он работал адвокатом в центре России, печатался в юридических журналах. В перерывах между заседаниями Ванеев рассказал нам немало интересного из своей практики. В одном случае ему даже не пришлось выступать в суде, а в другом — за нанесенный ущерб пришлось привлекать к ответственности управление милиции.

А дело было так. В коллегию адвокатов, располагавшуюся в деревянном особняке на улице Ленинской напротив рыбного порта, обратился за помощью рыбный мастер с одного СРТ Управления тралового флота. Уходя осенью из Охотоморской сельдяной экспедиции, он не удержался от соблазна и засолил для семьи бочонок жирующей сельди. Засолил со специями, получилось необычайно вкусно. Поскольку вор он был неопытный, то просто погрузил бочонок среди бела дня на попутную машину и повез домой на улицу Ключевскую. Проезжая по улице Советской, был остановлен напротив городского отдела милиции. Бочонок выгрузили, убедились, что в нем действительно сельдь, даже попробовали ее на вкус. Бочонок отнесли в милицию, поставили под лестницу. Забондаривать не стали, а накрыли сверху донышком. Составили протокол, через три дня вызвали на допрос и пообещали отдать незадачливого вора под суд.

У адвоката, прекрасно знавшего милицейскую натуру, мелькнула мысль помочь парню, не доводя дело до суда. И они отправились в горотдел. Адвокат попросил парня показать, куда поставили бочонок. Он стоял под лестницей, но, как и ожидалось, селедки в нем уже не было. Тогда Ванеев пришел к следователю и спросил, что тот собирается делать с его подзащитным. Следователь, не моргнув глазом, ответил:

- Будем передавать дело в суд.
- А где вещдок? задал невинный вопрос адвокат.
- Стоит в коридоре под лестницей.
- Пойдемте, посмотрим.
- Пожалуйста, ответил следователь.

Подошли к бочонку, подняли крышку. К великому изумлению следователя, сельди там не оказалось. Для верности пошуровали палкой — чешуя, тузлук и ни одной рыбки.

- Где вещдок?
- Не знаю, обалдело посмотрел на него следователь.
- Так кто ее растащил? Чукча на оленях приехал или ваши сотрудники? Ну, ладно. Пойдем к начальнику.

Начальник выслушал адвоката и сказал следователю:

— Ты парень молодой. Это для тебя наука. Еще много шишек набъешь. Сделай для себя вывод, как обращаться с вещдоком. Выбрось эти протоколы в мусорную корзину. А вы, — обратился он к адвокату, — скажите своему зас...нцу, чтобы он не вздумал трепать языком об этом происшествии.

Что и было сделано с превеликим удовольствием.

А второй, аналогичный случай произошел у Ванеева с этой же милицией. В торговом порту украли бочку с олифой — думали, что воруют растительное масло. Воров перехватили дорогой и завезли бочку в тот же горотдел и поставили во дворе. Вскрыли, убедились, что это олифа, составили протокол. Стояло лето, прошло месяца два. На днях должен был состояться судебный процесс. Ванеев пошел в то же отделение к следователю (уже другому).

Первый его вопрос был тот же: «Где вещдок?». В здании шел ремонт, красили наружные деревянные стены. Естественно, бочка была пуста как барабан: всю олифу израсходовали на ремонт, да, наверняка, часть прихватили по домам сами работники милиции. Здесь, конечно, оправдательного приговора своему подзащитному адвокат добиться не смог, но наказали его только за факт хищения. Стоимость бочки олифы взыскали с управления милиции в пользу торгового порта.

НОЧНАЯ БУНКЕРОВКА

Февраль 1970 г. Мы на пароходе «Петр Соловьев» выгружаемся в порту Находка. Впереди нас у причала стоит «Пятрас Цвирка» — пароход нашего Камчатрыбфлота. Надо сказать, что, как правило, в начале года рыбные (да и не только рыбные) порты забиты судами до отказа. Да оно и немудрено — заканчивается вывоз продукции с рыбокомбинатов и с работающих флотилий всех управлений. Поэтому, если попал в очередь под выгрузку и тем более встал к причалу, — это для капитана и экипажа большая удача.

Как-то днем я встретил озабоченного капитана «Пятраса Цвирки» Александра Осиповича Башкирцева. Он был ветераном АКОфлота, начал службу на судах флота с палубного ученика и вырос до капитана дальнего плавания. Этот добросовестный человек пользовался большим авторитетом среди плавсостава и в управлении. На мой вопрос, чем он так озабочен, ответил:

- Кончается мазут. А взять бункер с танкера нельзя бункеровка в порту запрещена по обязательному постановлению Находкинского рыбного порта.
- А ты ходил к капитану порта Михаилу Ефимовичу Зеленскому? Может быть, он сможет помочь? Ведь ты же у него был боцманом на «Анатолии Серове» еще в сорок шестом году.

— Ходил. Но толку мало. Когда он узнал, что на бункеровку не дает разрешения пожарная служба порта, то сразу же сказал, что ничем помочь не может. Не может он через голову давать указания. На том мы с ним и расстались. А ведь это для меня трагедия. Если отойду от причала на рейд для бункеровки, то потеряю очередь. А мне надо после выгрузки еще и загружаться. Завтра беру с собой помполита и старшего механика и еду с ними к руководству пожарной службы города.

Но, как я узнал на следующий день от Александра Осиповича, поход его к начальству успехом не увенчался. Прибывшие чины побывали на пароходе и в портовой пожарной службе. Хорошо пообедали за капитанским празднично накрытым столом, откушали хорошего вина и вкусных блюд, но ничем не помогли. Александр Осипович еще был удручен тем, что его племянник работал капитаном танкера, обслуживавшего Находкинский рыбный порт, и мог бы за считанные часы дать ему бункер. Тогда один из капитанов, участвовавший в беседе, сказал:

- Александр Осипович, если у тебя родственник капитан танкера, то тебе и карты в руки. Попробуй еще один вариант. В пожарной инспекции порта есть очень хорошая женщина Маша. Попробуй упросить ее дать «добро» на бункеровку. Проверните со своим племянником эту операцию среди глубокой ночи. А часов в шесть утра пусть танкер отойдет от борта. И никто о проделанной операции не догадается. Ну а Маше купи коробку дорогих конфет и бутылку шампанского.
- Да я ей куплю хоть десять коробок и бутылок, если выйдет толк! воскликнул Башкирцев.

Следующей ночью около ноля часов пошел снег. Вскоре, как призрак, к борту «Пятраса Цвирки», крадучись, подошел танкер и подал швартовы. Я сразу понял, что это племянник пришел выручать своего дядьку, Александра Осиповича. Ранним утром танкера у борта «Цвирки» уже не было. Операция прошла блестяще!

Через день я встретил радостного Александра Осиповича. Он сказал мне, что получил разрешение от Маши, за что ей большое спасибо. Прошли два дня. Мы уже снимались, а «Пятрас Цвирка» еще грузился. Я зашел попрощаться с Александром Осиповичем. Он мне сказал, что виделся у проходной с капитаном рыбпорта Зеленским. Тот спросил, как дела с бункером.

— Я ответил, что обошлись, — сказал Башкирцев. — О том, что я взял бункер, по сути дела, нелегально, я не стал ему говорить, чтобы не подводить Машу. Ее разрешение было у меня на руках в случае провала операции. Но хорошо, что все благополучно закончилось.

Читателя я прошу поверить, так как эта история произошла много лет назад. Тогда многое было проще, чем сейчас.

ВИСКИ И ЛЕДИ

Летом 1970 г. во время стоянки в порту Ванкувер, в Канаде, к нашему борту поднесло строп многослойной фанеры. Около тридцати листов размером примерно два с половиной на полтора метра были застроплены стальным тросом, благодаря чему не рассыпались. Строп мы подняли на палубу, а потом поставили на надстройку, где расположено компрессорное отделение. Фанера нам не требовалась, но выбрасывать ее снова за борт рука не поднималась.

И вот однажды меня позвал на палубу вахтенный матрос и подвел к одному из грузчиков. Тот показывал рукой на этот строп и пытался мне что-то объяснить. Понять я его не мог и поэтому вызвал бригадира грузчиков Фреда Вангова. Фред был выходцем из России, его родители приехали в Канаду еще в начале века, и, естественно, русским языком он владел свободно. Беседа при наличии такого переводчика сразу пошла веселее. Выяснилось, что грузчик просит отдать ему эту фанеру. Меня это удивило, так как канадцы сами строительством занимаются мало. Для этого есть множество фирм, которые строят быстро и на совесть. Мне захотелось выяснить, что же он собирается делать. На это проситель ответил, что он расширяет конюшню. У него на окраине Ванкувера, в хорошем месте, есть собственный домик. Еще он держит двух лошадей. С ними занимается его жена, дает их напрокат за небольшую плату. От детворы отбоя нет. Получается, что и жена при деле, и время проходит веселее.

Во время беседы я обратил внимание на то, что моему собеседнику лет примерно за пятьдесят. Это был голубоглазый мужчина выше среднего роста, светловолосый, с румяным лицом. В общем, типичный англосакс. Бросались в глаза его выправка и пружинистая походка. Чувствовалась в нем армейская жилка. И я спросил наугад, не из военных ли он. И оказался прав.

Звали его Фред, как и нашего переводчика. В конце 1941 г. он поступил волонтером в английскую армию. В Канаде в то время действовало много призывных пунктов, где можно было записаться на службу. Определили его в парашютно-десантные войска. Готовили их как диверсантов-подрывников. Изучали они приемы рукопашного боя, подрывное дело, все виды оружия. К концу года учеба закончилась. Фред получил звание, по нашей табели о рангах, сержанта или младшего командира.

В начале 1942 г. их доставили в Южную Африку, оттуда на самолетах — в Северную Африку, где шли бои с немцами. Там они получили боевое крещение и поняли, что перед ними хитрый, коварный и безжалостный враг. Потом десант высадили в Южной Италии. После Фред участвовал в наступательных операциях, высаживался с боями во Францию и закончил войну в Голландии.

Спросил я его и о наградах. Оказалось, что он имеет очень высокую английскую медаль. Нас, конечно, заинтересовало, за что же Фред ее получил. И тот рассказал, что со своими солдатами он проник в тыл врага. Удачно заминировали дорогу, выбрали очень удобную позицию, в результате чего нанесли немцам большой урон. Награду ему вручал сам Монтгомери, при этом даже пожурил Фреда, что операция и бой были слишком дерзкими и отчаянными. Ведь при неудачном исходе могли быть большие потери. И добавил в назидание, что в будущем так рисковать нельзя.

Война закончилась победой. Солдаты возвратились домой, в Канаду. Встречали их очень торжественно. Минуты эти не забыть никогда.

— А почему ты не остался служить в армии дальше, что тебе помешало стать офицером? — спросили мы его.

На что старый воин простодушно ответил:

— Виски и леди.

Тут переводчик не требовался. Мы все дружно рассмеялись.

Поскольку это был наш союзник, тем более человек, прошедший горнило войны, я не удержался и позвал его с друзьями в каюту отметить это знакомство. На столе появилась бутылка русской водки. Мои друзья с удовольствием выпили несколько рюмок.

Когда он уходил с борта, ему бросилось в глаза, что на ботдеке лежит охапка китового уса. Перед этим мы снабжали овощами и фруктами китобазу. Он попросил меня написать на усе фломастером название нашего судна и свое имя. Он привезет это своей жене и скажет ей, что у него есть русский друг. Что я и сделал. А к концу рабочего дня наш новый знакомый подогнал маленький грузовичок, куда ему погрузили фанеру.

Спустя несколько часов мы снова отходили с грузом в экспедицию. Сердечно расстались с нашими знакомыми, пожелав им всего доброго. В голове мелькнула мысль: как складывается жизнь человеческая, что в лихую годину люди, жившие на разных концах земного шара, делали одно общее дело.

ПОЧЕМУ КАНАДЦЫ НЕ КУКАРЕКАЮТ

Шел 1970-й год. Транспортно-рефрижераторное судно «Соболево» снабжало свежей провизией, закупленной в канадском порту Ванкувер, советские рыболовные флотилии, промышлявшие у берегов США и Канады. В Канаде нас поразили прилавки магазинов, забитые продуктами. Цены вполне доступные. Решили выяснить, откуда все это берется. Не с неба же падает! Сказано — сделано.

Попросили свозить нас, нескольких членов экипажа, в гости к фермерам. Наш гид, бригадир грузчиков Фред Вангов, с удовольствием согласился

и предложил не стесняться, останавливать машину у любой усадьбы, какая нас заинтересует.

Расскажу о самой примечательной встрече. Хозяин фермы, человек лет под шестьдесят, также оказался выходцем из России. Был он веселый, с юмором. На наш вопрос, как попал в Канаду, и как сложилась его жизнь в этих краях, он нам поведал свою историю:

«Родом я из Екатеринослава. Выехали мы, вернее, бежали, когда я был мальчишкой, в годы гражданской войны. В стране творилось что-то невообразимое. То красные, то махновцы, то еще какие-то банды. Добрались до Одессы, оттуда — во Францию, в Марсель. Ну а затем — в Нью-Йорк. Потом нас увезли на "вольные земли". Мой отец хорошо знал сельское хозяйство и поэтому решил продолжить дело своей жизни в Соединенных Штатах. По стопам отца пошел и я. Получил сельскохозяйственное образование. Отучились братья и сестры, все устроились в жизни.

Года три назад я узнал, что, имея ферму в окрестностях Ванкувера, в Канаде, можно зарабатывать больше. Город Ванкувер строится, растет население, заходит много пароходов. Рынок сбыта устойчив. Продал я свою ферму, заранее сговорившись с ванкуверским "гавернментом" (городской управой) о возможности приобретения земли. И приехал сюда.

Утром я пришел в управление, представился. Меня расспросили, кто я. Предъявил документы. Они убедились, что я не новичок. Начальник отдела подвел меня к карте и показал участки, занимаемые фермерами. Сказал, что эта земля очень хорошая. Можно поехать на место, осмотреться. Вызвал в кабинет двух молодых сотрудников. Приехал я с ними в поселок. Это примерно миль тридцать от Ванкувера. Хорошая дорога, подведен газ, водопровод, электроэнергия, телефон. Поселок расположен в долине, дома и фермы — по обе стороны дороги. Земля, свободная от посевов, поросла густой, сочной зеленой травой и кленами. Место мне очень понравилось.

Молодые люди меня спросили, сколько я буду брать земли. Я показал им участок (на наш, неопытный глаз, примерно гектаров семь-восемь). Они пошли по участку и лопаточками стали брать землю в полиэтиленовые мешочки. Как оказалось, для более детального анализа почвы.

Приехав обратно, я сказал, что участок хороший, и я согласен на нем работать. Мне предложили приехать послезавтра после полудня, будут готовы результаты анализов, и мы все обговорим более детально.

В назначенное время я был в управлении. Мне сказали, что на основании анализов я получу наибольший доход при наименьших затратах, если буду выращивать клубнику. А чтобы продлить мою занятость в течение года, мне предложили выращивать несколько десятков телят. Их я буду брать у других фермеров, и выращивать их до осени. А осенью поставлять мясо в сеть ресторанов. Спрос на парную телятину не ослабевает».

Мы спросили нашего собеседника, которого звали на русский манер Сергеем, а почему он не выращивает бычков до трехлетнего возраста, ведь будет больше мяса. Он ответил, что если держать бычков всю зиму, надо заготавливать сено, комбикорм. А это дополнительные расходы, невыгодно.

На поле работали четыре-пять десятков сборщиков клубники, среди них много школьников, старушек и стариков. Мы спросили, где Сергей набирает людей на уборку, и как он их заинтересовывает. Оказалось, по объявлениям в местной газете и по радио. Доставляет на поле на автобусах. Сборщик может купить у него ягоды для себя за половину стоимости по сравнению с магазинной.

Клубнику собирали в небольшие деревянные ящики (очевидно, чтобы не подавить). Каждый сборщик имел небольшую карточку. После каждого сданного ящика Сергей делал в ней отверстие пробойником замысловатой конфигурации. После окончания работы по количеству проколотых дырок выдавал наличные доллары. Сергей нам объяснил, что работа эта привлекательна для школьников. Они имеют деньги на карманные расходы, не выклянчивая их у родителей. Зарабатывают в день долларов двадцать. Грузчик в то время зарабатывал в смену сорок долларов. Сравните цены: сорочка цвета хаки стоила 5 долларов 35 центов, нейлоновая куртка с искусственным мехом — 10 долларов 40 центов, гипюровая блузка — 4 доллара 35 центов.

- Сергей! А куда ты деваешь мятую клубнику? поинтересовались мы. Ведь при сборе она неизбежно повреждается.
- Мятую клубнику я сбываю соседу-китайцу. Он из нее варит джем. Как видите, ничего не пропадает. В управлении мне дали номера телефонов и имена сотрудников, к которым я должен обращаться в случае возникновения каких-либо вопросов.
- Как быть при необходимости получения ветеринарной помощи тем же телятам или в случае заболевания клубники?
- Достаточно обратиться по телефону в соответствующие службы. Проблем нет.
 - А дальнейшее оформление документов?
- Оно много времени не заняло. Я заехал в управление и только расписался, где надо. Нет совершенно никаких проблем с возведением построек и чего-либо другого...
- ...Как все просто и ясно! Невольно мелькнула мысль: «Счастливые люди! Будь в вашем "гаверименте" наши чиновники, вы бы тут запели другую песню. Не только запели, но и закукарекали».

ЛОДЫРИ-МАРКСИСТЫ

Транспортно-рефрижераторное судно «Соболево» обеспечивало свежими овощами и фруктами экипажи судов Камчатрыбпрома, Приморрыбпрома, китобойной флотилии и краболовы. Мы брали груз в Ванкувере (Канада)

и Сиэтле (США), в зависимости от обстановки. Агентировала наше судно фирма «Керр Стим Шип», ее представлял Георгий Георгиевич Лежебоков, выходец из России. Познакомились мы с ним по приходе в Ванкувер. Человеком он оказался деловым, обязательным и веселым.

Груз для нас складировался в течение нескольких дней, он завозился с фермерских хозяйств, а потом грузился на борт. Под погрузкой приходилось стоять около недели. Причалы располагались в центре города. Поскольку проходной (в нашем понятии) в порту не было, то к нашему судну мог подойти любой прохожий, завести беседу и попроситься на борт в гости.

Приходили и эмигранты. Родители некоторых приехали в США и Канаду еще в начале века. Познакомились мы с одним из них, веселым, общительным человеком по имени Борис. Ему было лет шестьдесят, на производстве он уже не работал. Подъезжал к борту на подержанной машине, в которую усаживалось человек семь или восемь. Он объяснил, что купил эту необычную машину по случаю, по дешевке.

Когда мы с ним познакомились поближе, он нам рассказал, что их семья приехала в Америку с юга России.

«Шел 1919 г. Время было страшное. Полыхала гражданская война. Отец сумел нашу большую семью увезти в США. Оттуда мы перебрались в Канаду.

Вначале нам пришлось несладко. Но родители у меня были люди трудолюбивые, постепенно жизнь наладилась. Братишки и сестренки, родившиеся здесь и приехавшие из России, пошли в школу. Только у меня изо всей семьи учеба не клеилась. Проходил я в школу семь лет и больше наотрез отказался. В возрасте семнадцати лет попал в ученики к водопроводчику. Через пару лет устроился докером в порт. В то время, как и сейчас, им хорошо платили».

Для сравнения: в 1970 г. грузчик в Канаде за восьмичасовую смену получал 40, бригадир грузчиков — 56 долларов. Плотник, работавший на строительстве, — 4 доллара 95 центов в час. Джинсовая пара стоила от 18 до 27 долларов, кварта молока (1,136 литра) — 37, свиные ножки $(\text{один фунт} — 454 \, \text{г})$ — 42, бананы — 18, сыр — 32, свежие огурцы — 27 центов.

Вернемся к рассказу Бориса: «Я человек настырный. Полученную зарплату не транжирил. По субботам, в день получки, мог себе позволить только рюмку виски и кружку пива. Никогда не играл в карты. Не отказывался при случае и от сверхурочных работ. Они оплачивались в полуторном и двойном размере.

Как бы то ни было, но через десять лет, скопив денег, я купил домик. Домик требовал ремонта и поэтому стоил сравнительно недорого. Я его отремонтировал. В одной комнате жил сам, а в трех остальных поселил квартирантов. Мне уже стало легче. Часть получаемых с квартирантов денег уходила на уплату налогов, электроэнергии, телефона, газа. Я сам занимался ремонтом дома, его покраской и уборкой территории возле него. Потом купил

еще один дом. А когда исполнилось мне полсотни лет, я купил и третий. Когда стал получать доход тысячу долларов в месяц, работать перестал».

Возил нас Борис и по магазинам. Он прекрасно знал город и магазины, где можно было купить по дешевке какой-либо товар.

В один из ясных теплых дней мы стояли на причале и беседовали. К нам подошли еще двое эмигрантов в возрасте лет под шестьдесят. Один из них обратился к нам:

- Дела идут, контора пишет. Как, ребята, жизнь?
- Середка на половинку, ответили мы. А как у вас?

Один из них, назвавшийся Василием, ответил:

— Неважно. Все в Канаде принадлежит буржуазии. Из-за этого трудящимся все беды. Карл Маркс сказал правильно. Надо делать «революшн», то есть революцию. Надо отнять у буржуазии все созданное рабочими и полелить.

Но тут в спор включился Борис:

— Неужели тебе мало «революшн»? Ведь ваша семья, как и наша, еле унесла ноги из России, когда там была революция. Канада нас приютила и обогрела. Зачем же ты на нее клевещешь? У нас граница открыта. Если не нравится тебе здесь — можешь уезжать в Китай или Северную Корею. Там тоже была революция. По-твоему, я сейчас тоже капиталист? Значит, и у меня тоже надо отнять дома и поделить между вами? Но я нажил все это своим трудом. И делиться с кем-либо не собираюсь. На нашу зарплату в сорок долларов в смену можно хорошо жить. А грузчики в порту нужны всегда. Я за всю жизнь безработным не был ни одного дня!

Вот так и поговорили русские канадцы — «марксист» и «капиталист».

Со временем наша дружба с Борисом крепла. Да и как было не проникнуться уважением к этому трудолюбивому и порядочному человеку. На смену нам пришло другое судно. Но Борис помогал и другим ребятам, причем совершенно бескорыстно.

...Когда-то в 1938 г., когда я еще учился в школе, мы собирали по двадцать копеек, зачастую последних, в пользу Международной организации помощи рабочим. Учительница объясняла нам, что за рубежом рабочие и их дети живут очень плохо, впроголодь. Но когда пришло время, мы увидели, что это далеко не так. И я твердо убежден в одном: трудяга с голоду не умрет, а лодырь кинется отнимать и делить...

КОНДРАТОВСКИЙ ТОПОР

Долгое время я безуспешно пытался приобрести для своей коллекции знаменитый Кондратовский топор. Топоры эти остались только в музеях. Посещения барахолок Владивостока и Уссурийска ни к чему не привели. Наконец такой инструмент подарил мне старый знакомый — столяр-краснодеревщик, модельщик одного из заводов Василий Данилович Каленик.

Топор этот имеет очень красивую форму, хорошее отверстие для топорища, толстый обушок. Его металл представляет собой сталь серого цвета, как у ствола трехлинейной винтовки. Сколько его ни чисти, цвет так серым и останется, но лезвие во время точки на оселке становится зеркальным и с годами не тускнеет. На топоре вытеснен двуглавый царский орел и надпись очень красивым шрифтом: «Кондратов завод в Вачи. Основан в 1870 г. Дата изготовления: 1914 год».

Этими топорами снабжались саперные части русской армии. При работе они, по выражению столяров, «липли к дереву». Хорошо заточенный инструмент даже срезал волосы. Так что выражение, что русский мужик брился топором, имеет под собой реальную почву. Действительно, им при нужде можно было и бороду сбрить.

Мой знакомый, капитан Владимир Васильевич Пыжьянов, рассказывал, что у него в детстве в волосы на голове попал кусочек вара. Избавиться от него было большой морокой. Мыть голову керосином — несподручно. Дед его эту задачу решил просто — выбрил вар с волосами кондратовским топором. Эту «экзекуцию» Владимир Васильевич запомнил на всю жизнь.

В 1930-х гг. в Вачах на фабрике «Труд» изготавливали и опасные бритвы, тоже отличного качества.

А как делали эти знаменитые топоры, мне рассказал умелец Петр Егорович Воробьев: «В начале тридцатых годов я начал работать учеником на одном из уральских заводов. Топоры изготавливали по следующей технологии. Сперва их отковывали, потом сваливали в яму. Через год вытаскивали и окончательно обрабатывали. Закаливали, точили, и топор отменного качества был готов».

Мне попадался в руки очень изящный английский топор для столярных работ. Обушок у него был сделан в виде молотка, а в передней части — устройство в виде гвоздодера. Завезли его на Камчатку английские торговцы, очевидно, из компании Свенсона.

Точно такие топорики производили, судя по клейму, и в Ленинграде в начале 1930-х гг. Но уже без гвоздодера. Заводское клеймо имело вид: «Ленинградский машиностроительный завод». Выпускаются такие топорики и сейчас, но качество их намного хуже. Крайне редко на Камчатке встречаются американские и канадские топоры фирмы «Макдональд» с односторонней заточкой.

Из дореволюционных фирм, изготавливавших столярный инструмент, всемирной известностью пользовалась французская компания «Пежо». На ее изделиях имелись клейма: «Лев на стреле», «Лев на брусе» («Сфинкс»), «Рука», «Белка», «Полумесяц», «Глаз», «Голденберг» («Золотая гора»), «Два льва на стреле».

Рубаночные и фуганочные железки изготавливались так. На пластину мягкого железа сверху кузнечным способом наваривалась тонкая пластина из высококачественной стали. Такие железки легко поддавались точке, но в то же время сохраняли жало. Их качество было изумительное.

Во время бурного строительства Владивостока в 1912 г. столярный инструмент поставляла торговая фирма «Кунст и Альберс».

У меня в руках рубаночная железка знаменитейшей шведской фирмы «Антон Эрик Берг». В качестве клейма изображена акула, на контржелезке — восемь медалей (награды за качество) и даты промышленных выставок: Стокгольм, 1897 г., Париж, 1900 г. и прочие. Как видно, фабричной маркой очень дорожили.

То далекое время представляют железки английской фирмы «Каст стил» («Стальной замок»), Кеньон из Шеффилда. Это город английских сталелитейшиков.

Выделяются хорошим качеством финские стамески с клеймом «Пеккервуд» («Лесной дятел») и фирма «Сандвик». Но финны пользовались железками для рубанков шведской фирмы «Антон Эрик Берг».

Мне хочется рассказать об одной удивительной рубаночной железке. Приобрел я ее на барахолке в Уссурийске у старика. Он рассказал мне, что работал рубанком в 1930 г., когда строил дом. Железка имела клеймо «Акула». Видно было по всему, что сделали ее в начале века. Я принес ее к Василию Даниловичу Каленику в мастерскую. Железку заточили на оселке и приступили к испытанию. Для этого отпилили кусок двухдюймовой доски и стали строгать торец. К нашему великому изумлению, от доски не стали сыпаться опилки, а пошла стружка. Удивленный Василий Данилович только произнес: «За всю жизнь железку такого качества вижу впервые, — и добавил шутливо: — Михалыч, храни ее под подушкой, чтобы никто не украл». Комментарии, как говорят, излишни.

По рассказам старых столяров-краснодеревщиков, к инструменту относились бережно, его ценили. Ведь хороший инструмент давал возможность качественно работать, принося верный кусок хлеба. Поэтому порой жизнь заставляла ценный инструмент действительно хранить под подушкой.

Сейчас хорошего отечественного столярного инструмента не найдешь днем с огнем. Все помнят, как на прилавках наших хозяйственных магазинов продавались ножовки из черного металла по цене девяносто копеек. Очевидно, изготовители задались одной-единственной целью: показать, как их делать не надо. При виде такой ножовки, густо смазанной солидолом, сразу же возникала мысль отрубить руки мастерам, выпустившим с конвейера это «чудо».

За рубежом к выпуску столярного и плотницкого инструмента относятся очень серьезно. Такие знаменитые фирмы, как английские и американские «Стэнли», имеют специальные каталоги, причем оправдавшая себя

продукция выпускается столетиями без изменения внешнего вида. Рубанки различных модификаций тщательно и красиво сделаны. Самые маленькие рубанки служат для выделки музыкальных инструментов. Эти фирмы отправляют инструмент в любую точку земного шара наложенным платежом. При наличии такого каталога получить что-то другое вместо заказанного невозможно.

Славятся своим красивым инструментом Испания и Югославия. Там произрастают ценные породы деревьев с красивой текстурой. Рубаночные и фуганочные колодки клеятся из двух пластин. Нижняя часть — подошва — делается из граба, а верхняя часть — из бука. Причем бук подбирается красивого красноватого цвета. От такого хорошо сделанного инструмента действительно не оторвешь глаз.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Говорят, что охотники — это буйно помешанные люди, а рыболовы — тихо помешанные. Наверное, это определение имеет под собой реальную почву. Приведу примеры.

В 1953 г. на одном СРТ третьему механику, заядлому охотнику, при выстреле из дробового ружья разорвавшимся патроном оторвало большой палец правой руки. Пошел парень в экспедицию заработать денег, а вместо этого вернулся домой с покалеченной рукой.

А в одну из навигаций на «Мизаре» донимал нас другой охотник — второй помощник. Звали его, кажется, Леня. Стоило только заскочить в бухту отстояться от шторма, как он уже с дробовой двустволкой и патронташем — на палубе, просит отпустить его на охоту.

Как-то мы прятались от шторма в бухте Беринга на острове Спафарьева. Эта бухта — одна из красивейших в тех местах, удобная, совершенно укрытая от зыби и ветра.

Судя по всему, погода стихала, и утром можно было сниматься и выходить в море. СРТ должны были подойти в район поиска, а к вечеру — выметывать сети и ложиться в дрейф. Нам также следовало выходить в район промысла — принимать от СРТ сельдь и вырабатывать из нее пресервы.

Но нашему охотнику хотелось попасть на охоту обязательно по утренней зорьке. По его словам, как раз открылась охота на серую утку. Я его отпустил, но поставил условие, чтобы он прибыл на борт пораньше.

Наступил рассвет, охотника нет. Волей-неволей пришлось его ждать. Суда потянулись на выход в море. Мы же стояли и ждали опоздавшего. Возмущению нашему не было предела. Наконец, когда терпение у людей лопнуло, тот показался из каюты с заспанными глазами.

— Где ты был?!

— Как где? В каюте. Я прибыл с берега на шлюпке с другого судна, и пошел спать в свою каюту. Вахтенного матроса в это время не было, а вахтенный штурман находился у себя в рубке. Меня никто и не заметил.

В этот момент я был готов взять его двустволку и расплющить ее о кнехт. Но сдержался. «Возьми-ка ты свое ружье, — сказал я ему, — зачехли и положи в рундук. Больше с ним на берег ты не пойдешь».

Вот так и закончил Леня свой «охотничий сезон».

COH HA BAXTE

Как известно, в недавнем прошлом, в начале 1980-х гг., приняли иезуитское положение, по которому уходящий на пенсию специалист мог увеличить себе размер пенсии. Для этого требовался пустяк. Если ты проработал на инженерно-технической должности, то необходимо было перейти в сторожа, матросы, а бухгалтерам и экономистам — в уборщицы. Проработал на этих должностях год, получай надбавку к пенсии — десять рублей. Проработал еще год — еще десятку. Так можно было дополнительно заработать тридцать рублей — весомую надбавку.

Пришлось и мне для заработка этой десятки идти в сторожа. Встретил я однажды на улице своего давнего приятеля Сашу Рогова (фамилию я изменил). Был он уроженцем Петропавловска, знали мы друг друга с детства. Вырос он на улице Вилюйской. Окончил курсы радистов и по этой специальности проработал до самой пенсии на транспортном и рыбопромысловом флоте.

Обменявшись приветствиями, спросили друг друга, как дела. Я ответил, что пенсию получил, сейчас в сторожах зарабатываю десятку.

- И я тоже в сторожах, и тоже зарабатываю десятку, ответил приятель. А где дежуришь?
- Я нашел «золотую жилу». Несу службу на таком посту, куда вора и на аркане не затащишь.
 - А что это за пост?
- Да на охраняемой мною территории лежат якоря, якорные канаты, рельсы, стальные швеллера, железобетонные плиты. Так что если на посту и кемарнешь, то греха особого не будет. На территорию, как показала практика, может забрести только в дымину пьяный мужик. А у тебя как?
- А я несу службу в учебном заведении. Работа беспокойная. Студенты особой дисциплиной не отличаются. Так что приходится быть начеку.
 - Ну, а насчет сна как?
- А ведь я, Михалыч, на этот счет еще в молодости получил хороший урок, которого не забуду на всю жизнь.
 - А что за история?
 - Ну, если хочешь, расскажу...

На шестнадцатом году жизни я поступил юнгой на пароход АКОфлота «Ительмен». В конце 1944 г. нам посчастливилось пойти на ремонт в США. Капитаном был Борис Николаевич Соколов, старшим помощником Александр Александрович Чеков. Стармехом, если не изменяет память, был Лабут, имя и отчество, к сожалению, забыл (Валентин Петрович Лабут. — *Ped.*).

Шли мы туда долго. Уголь был плохой, скорость неважная, погоды, как на грех, штормовые. Наконец, пришли в порт назначения — Портленд, штат Орегон, на реке Колумбия. После нашего захолустья все нас здесь удивляло. Другая природа, хорошие дороги, много автотранспорта. Американцы к нам относились доброжелательно. Нас стали хорошо кормить — по нормам загранплавания. В скором времени нас одели и обули с ног до головы. Выдали хорошую робу, теплые меховые канадки, белье и ботинки. Комсостав получил прекрасные бостоновые костюмы с золотыми галунами и пуговицами, красивые мичманки. В общем, все мы преобразились на глазах.

Дисциплина был строгая, по законам военного времени.

Часть ремонтных работ экипажу пришлось взять на себя. Как правило, самые грязные — обивку ржавчины, чистку балластных танков, канатных ящиков и тому подобное. Нас же, юнг и палубных учеников, администрация решила поставить на вахту. Таким образом, освобождался матрос, которого использовали на более серьезных работах.

Но хорошо это было только теоретически, а на деле привело вот к чему. Поставили меня на вахту, шестнадцатилетнего сопляка, с полуночи до восьми утра. Вахтенный второй помощник капитана дал мне подробный инструктаж. Дело было в марте. Держалась промозглая прохладная погода, я был похож на озябшего воробья. Для проверки вахты на палубу периодически выходил второй помощник. Убедившись, что я бодрствую, уходил к себе в каюту.

Так продолжалось примерно до полтретьего. К этому времени сон сморил меня окончательно. А перед этим у нас шли работы по замене изоляции. Американцы доставили на борт эту изоляцию в больших картонных коробках. Часть этих ящиков лежала на палубе, убрать их еще не успели.

Что меня дернуло, уж сам не знаю, — решил залезть на минутку в этот ящик. И что ты думаешь? Как только я туда залез, так будто бы провалился куда-то. В общем, заснул моментально.

Очнулся около шести утра. И почувствовал, что что-то неладно. Прошелся по палубе и подошел к кают-компании. Вдруг открылась дверь, и показался второй помощник. «Где ты был?! Мы обыскали весь пароход, но тебя найти не могли!»

Завел он меня в кают-компанию, а там уже находились старший помощник и помполит. Запираться было бесполезно, и я чистосердечно признался, что залез в картонный ящик и уснул. Ругали меня сильно. А наутро за грубое нарушение устава службы дали пять суток содержания в карцере. Поскольку

оборудованного карцера на судне не было, то меня закрыли в одной из кают. Но к ужину капитан и помполит решили, что такое наказание является чрезмерным, и меня из-под ареста освободили.

Вот так я испытал на собственном опыте, что такое сон на вахте. А вскоре мы отремонтировали свой пароход и весной 1945 г. покинули гостеприимный Портленд, пошли в родной Петропавловск. Дома я вручил гостинцы всей своей семье и знакомым. Все интересовались, как к нам относились американцы. Рассказов было, конечно, много.

Работать мне пришлось в то время на старых пароходах, таких, как «Кура», «Эскимос» и других. А после транспортов трудился на промысловых судах. За границу мне больше плавать не пришлось, так сложились обстоятельства. Этот рейс на ремонт в Портленд оставил у меня неизгладимые впечатления.

КАК ПЕС ДОГНАЛ СУДНО

Дело было лет тридцать тому назад. Я работал лоцманом рыбного порта. В одно из дежурств получил указание от диспетчера взять пришедший из-за границы БМРТ Океанрыбфлота и поставить его к городскому холодильнику, на восьмой причал. БМРТ, прошедший таможенный досмотр и оформленный портовыми властями, стоял у колхозного причала в бухте Сероглазка.

Через час я на портовом буксире «Ударный» подходил к месту стоянки БМРТ. Команда стояла по швартовому расписанию, выбирала лишние швартовые концы. Был запущен и работал главный двигатель. Проходя на мостик, на ботдеке я встретил стаю собак, штук пятнадцать. Лай стоял оглушительный — это они так встречали незнакомого человека. Поздоровавшись с капитаном и поздравив его с благополучным возвращением в порт после длительного рейса, я не удержался и спросил:

- Как ты обзавелся такой троекуровской псарней?
- Да все очень просто. Когда вышли в море, то за воротами Авачинской губы обнаружили на борту двух собак. Оказались суки. Кто их привел на борт, узнать не удалось. А рейс был спаренный: в море пробыли девять месяцев. Суки ощенились. Экипаж хорошо питался, отходов с камбуза было много, да еще и вволю рыбы. Так что кормили собак, как на убой. Побросать щенят за борт рука не поднялась. При заходах в порты Новой Зеландии и Сингапур местные портовые власти категорически запретили оставлять их на берегу. Собак у них хватало и своих.

Из всей этой лающей своры выделялся огромный рыжий пес, очень упитанный, шерсть на нем так и блестела. И кличка у него была подходящая — «Рыжий».

В это время на причале появилась стая местных собак. Впереди бежала овчарка, а сзади нее штук десять кобелей. Картина привычная. Увидев стаю,

Рыжий ринулся к трапу и спустя несколько мгновений оказался на берегу. Команда стала звать его на борт, но он не реагировал. Наконец прозвучала команда отдавать последние прижимные концы, буксиры начали отводить судно от причала. Между бортом судна и причалом уже стало метров двадцать. Теперь Рыжий понял, что творится что-то непонятное. Подбежав к месту стоянки, он обнаружил, что на судно попасть не может. Надо было видеть его растерянность и отчаяние! Рыжий закрутился на причале и завыл. Если бы можно было перевести этот вой и лай на человеческий язык, то это, наверное, звучало бы так: «Что же вы меня бросили, предатели! Сами куда-то уходите, а я оставайся!»

— Ну вот, от одного избавились. Уже легче, — сказал капитан.

Но самое удивительное произошло через час, когда мы подошли к восьмому причалу, и буксиры нас стали прижимать к месту стоянки. Последовала команда подавать на берег швартовые концы. Полетели на берег выброски. И в это время от проходной метнулся наш Рыжий и, как молния, стремительно пробежав метров сто и ухватив зубами выброску, стал помогать швартовщикам. Те развеселились и крикнули бригадиру: «Включай Рыжего в бригаду!»

Через несколько минут судно стояло у причала, швартовые концы были обтянуты. Рыжий крутился у трапа. Капитан дал команду вахтенному матросу приспустить парадный трап: «Пусть этот гуляка идет на борт!»

Пришло время удивляться нам с капитаном. Как Рыжий сумел определить место нашей швартовки, ведь не мог же он позвонить по телефону в диспетчерскую? Да и в нашем порту пес был впервые.

После окончания швартовки я ушел с борта проводить другие суда. Как капитан в дальнейшем избавлялся от этих собак, я не знаю.

ПОЧЕМУ АМЕРИКА БОГАТАЯ

Как-то среди судоводителей зашел разговор о том, где им приходилось ремонтироваться во время Великой Отечественной войны. Старый капитан Григорий Лысаков рассказал, как он в 1944 г. ходил на ремонт в американский порт Сиэтл на рыболовном траулере «Буревестник». Это судно принадлежало в то время Морлову.

«При ремонте электропроводки в рулевой штурманской рубке пришлось снять подволок. Он крепился на медных шурупах и представлял собой толстую многослойную фанеру. Я в то время был молодым штурманом и занимал должность третьего помощника капитана. Ну и по простоте душевной решил, что фанеру эту ставить на место не будут, а поставят новую. Когда я сказал об этом бригадиру плотников (оказавшемуся из потомков эмигрантов), он удивленно мне ответил: "Что ты, этого делать нельзя! Эта фанера

настолько качественная и долговечная, что корпус вашего траулера сгниет, а фанере ничего не сделается". Когда я ему возразил, что страна-то Америка богатая, он мне ответил, что богатая потому, что все расходует с умом. То есть куда надо, и как надо. И ведь как прав был мужик! Подошло время, прошло лет тридцать, корпус траулера поржавел и был переплавлен на металлолом. А фанера осталась, как новая. В этом я убедился, так как видел собственными глазами».

Году в 1973-м я работал лоцманом рыбного порта и отводил от причала пассажирский теплоход «Петропавловск». Он уходил на ремонт в Гонконг. Я обратил внимание, что в дверях, в царгах, повреждены замки. И тоже решил, что при ремонте будут заменять все двери, ведь у владельцев верфи возникнет соблазн получить побольше денег. Да и пример нашего советского ремонта всегда был перед глазами, когда при малейшем повреждении двери просто заменяли (чего уж там мелочиться!).

Когда уходил с судна, сказал старшему помощнику, что если будут заменять двери, чтобы он их не выбрасывал, а привез пару штук сюда. Двери были сделаны из красивого тропического дерева, покрыты лаком, имели медные шарниры. У нас имелись умельцы, занимавшиеся поделками из дерева, но хорошей древесины на Камчатке мало. Поэтому от нее мы бы не отказались.

Пришло месяца два, и я встречаю на рейде «Петропавловск», пришедший из ремонта. Поднявшись на палубу по трапу, я первым делом обратил внимание на двери. Они были отремонтированы. Но как отремонтированы! В царгах, где крепятся замки и ручки, куски дерева были аккуратно вырезаны и мастерски вставлены новые. Такой работе можно только позавиловать!

Вот так и мне пришлось убедиться, что богат не тот, кто много производит, а, может быть, тот, кто умеет экономно расходовать.

КАК ПОВАР КАПИТАНА РАЗЖАЛОВАЛА

Этот случай произошел в конце 1960-х гг. Одно из транспортно-холодильных судов (назовем его условно «Тюлень») возвращалось с грузом из Усть-Камчатска в Петропавловск. Стоял густой туман. Безветрие. Мертвая зыбь. В результате навигационной ошибки в счислимом месте судно вылетело на камни. Но поскольку шло оно самым малым ходом, с камней сразу же сошло и при улучшении видимости проследовало в порт. В льялах воды не прибывало, значит, не было и течи. Поэтому капитан и командный состав решили факт посадки на грунт в судовом журнале не фиксировать и вообще о происшедшем помалкивать. Так бы оно, может быть, и сошло. Но тут вмешался случай.

На судне работала судовой повар Любаша Уткина — женщина заполошная и любительница пропустить стопку. После очередного проступка старпом ей устроил разнос. На что Любаша ответила: «Вы у меня еще пожалеете!»

Не долго думая, Любаша пошла в управление флота к начальнику службы мореплавания Г. А. Козыреву. Тот ее внимательно выслушал и поблагодарил за сообщение о том, что судно было на камнях, а капитан и комсостав это скрывают. Козырев распорядился произвести водолазный осмотр днища судна. Это не заняло много времени. Вскоре на его столе уже лежал акт осмотра, из которого явствовало, что на днище «Тюленя» имеются вмятины. Это, естественно, было доказательством того, что судно касалось грунта. После этого «Тюлень» ввели в плавдок, где ясно увидели все повреждения в днищевой части. Стало понятно, что судно надо выводить из эксплуатации и ставить в ремонт.

Через какое-то время в службе мореплавания созвали совещание командного состава флота. Обстановку с посадкой «Тюленя» на грунт доложил сам Г. А. Козырев. Он с возмущением говорил, что об аварийном происшествии узнал не от капитана и его штурманов, а от повара. Внес предложение: за сокрытие аварийного происшествия капитана и весь комсостав «Тюленя» разжаловать в рядовые сроком на шесть месяцев. Это значит, что капитана, трех его помощников и радиста перевести в матросы, а механика — в мотористы.

Вот так Любаша свела счеты со своими обидчиками. Оправдалась русская пословица: «От копеечной свечки Москва сгорела».

КАК ОБМАНУЛИ ПРОРАБА ПОПОВА

Человека этого я знал давно. Был он директором одного из небольших рыбокомбинатов восточного побережья. Фамилия его была Попов, а имя и отчество точно не помню, кажется, Владимир Иванович.

В начале лета 1953 г. он вышел на пенсию и с женой оказался проездом в Петропавловске. В это время как раз начали строить бараки для рыбаков в районе Четвертого километра. Стройке требовался опытный руководитель. Увидев в городе Владимира Ивановича, уговорили его возглавить строительство этого объекта, зная его добросовестность и серьезность. Поскольку строили чуть ли не хозспособом, то ему и поручили нанять бригаду шабашников. В короткое время набрали людей, и работа закипела. С работниками заключили трудовые соглашения, все по полной форме.

Казалось бы, что можно построить проще барака? Да ничего. Делай стены и засыпай внутрь шлак из кочегарки. Тем более что руководитель стройки Владимир Иванович Попов — человек очень серьезный, надзор ведет, как положено. Но, оказывается, и на старуху бывает проруха.

Весной 1954 г. я встретил Владимира Ивановича в коридоре городского суда. Спросил, что за нужда привела его в это заведение.

- Сужусь с бригадой шабашников, которые строили бараки на Четвертом километре, ответил он.
- А что за причина тяжбы? Ведь построить барак это самое, кажется, простое дело.
- Все оно так, но меня сумели провести. Контролировал их я действительно добросовестно. Лично смотрел, чтобы засыпка между стен была до самого верха. Сам лазил на чердаки и убеждался, что все засыпано полностью. Убедившись, что сделано как надо, я подписал документы, и деньги шабашникам выплатили. Наступила осень, а затем и зима. От жителей стали поступать жалобы, что в комнатах холодно. Бараки топились печами, и в каждой комнате имелась кирпичная плита. Но холод, тем не менее, стоял собачий. Начальство стало вызывать меня и интересоваться, в чем дело? Я отвечал, что все это враки, просто плохо топят.

Наконец, возмущенные жители собрали делегацию и пришли на прием к начальнику Камчатрыбпрома. Рыбачки-то, сами знаете, бабы горластые, напористые. Там они с участием корреспондентов «Камчатской правды» представили акты, что в комнатах замерзает в ведрах вода. Вызвали меня на «разнос». Но я искренне не мог понять, почему холодно в бараках? Ведь контроль с моей стороны был добротный.

После «разноса» я снова пошел в один из бараков. Теперь начал проверять основательно. Поднялся на чердак, взял в руки железный лом и начал шуровать засыпку между стенами. К моему великому изумлению, засыпка стала оседать вниз с шумом, и лом провалился в эту пустоту. Оказывается, мои шабашники провели меня, как воробья на мякине. Они в верхней части, на расстоянии примерно тридцать — сорок сантиметров от верха забили пространство между стенами мешками из-под цемента, старой макулатурой и всяким тряпьем, а оставшееся пространство засыпали шлаком. А внизу-то было пусто! Поэтому люди правильно возмущались, что в комнатах стоял собачий холод.

Когда состоялся суд, то шабашников к этому времени уже и след простыл. Наверное, на юге пили пиво и потешались, как обвели вокруг пальца камчатского прораба Попова...

- ...Прошло еще с месяц. Снова встретил я Владимира Ивановича. Не удержавшись, спросил его, чем все-таки закончилось это дело.
- На меня одного эти убытки, конечно, вешать не стали, ответил он. Шабашников найти не смогли. Пришлось Камчатрыбпрому изыскивать средства и засыпать шлак снова. Ну, а для меня наука. Но вопрос в том, как же можно уберечься от плутов и мошенников?

ПЬЯНЫЙ ГРИША

Году примерно в 1957-м моя свояченица Нина получила квартиру в маленьком домике на улице Крутой. Работала она в банно-прачечном комбинате, и комбинат приобрел этот домик для своих сотрудников. Выделили ей комнату и кухню. Кроме нее с мужем, в мансарде жила еще семья из двух человек — работница комбината Зина и ее муж Гриша. Все бы хорошо, да Гриша оказался горьким пьяницей и во хмелю очень буйным. Бедной Зине часто приходилось искать защиту от пьяных выходок своего благоверного у соседки.

Примерно через полгода измученная Зина подала заявление в суд о привлечении Гриши к ответственности. Поскольку в ближайшем отделении милиции на улице Ключевской на Гришу хранилось много протоколов о его безобразных выходках, то разбор этого дела много времени не занял. Через несколько дней Гришу осудили за пьянку и дебоши на два года исправительных работ. Отбывать срок определили в лагерь на Четвертом километре.

Поскольку Гриша не был опасным преступником, а проходил по категории, как говорят в лагере, «бытовиков», то его определили на хозяйственные работы. В обязанности Гриши входили уборка мусорных куч, распиловка дров для бани и другие работы. Прошло еще какое-то время, Гриша присмирел. Водки в лагере не было, и он уже получил возможность выходить на работы за территорию лагеря, правда, под присмотром молодых солдатиков.

Однажды Нина навестила нас и принесла ошеломляющую весть:

— Вы знаете, ведь Гриша пришел домой пьяный в дымину и вытащил из мешка два автомата с дисками. Первым делом спросил, где его жена, и сказал, что он пришел ее убивать. Я, конечно, перепугалась страшно и начала уговаривать Гришу успокоиться и отдохнуть. Поскольку Гриша был сильно пьян, он вскоре захрапел. Я, не долго думая, побежала вниз на Ключевскую, в отделение милиции.

В отделении дежурили сержант и два молодых милиционера. Когда я им выложила, что у меня в доме находится отбывающий срок лагерник Гриша с двумя автоматами, они все развеселились. А один даже язвительно заметил: «А автоматы-то не деревянные?» Конечно, в то время в мое сообщение трудно было поверить! Разговор закончился тем, что сержант заверил меня, что через часик они подъедут. После того, как я вышла, за дверями раздался гомерический хохот. Слышались слова: «Ну тетка! Ну дает! Тут не соскучишься. Это же надо — лагерник с автоматами!» Пришла домой, а самой страшно. Вдруг да Гриша проснется! Потянулись страшные для меня минуты ожидания. Ведь буйный Гришин характер я знала.

Наконец, затарахтела машина, причем какая-то огромная. Домик наш задрожал. Вышли из машины те самые молодые милиционеры и безо всякой опаски спросили меня: «Ну, показывай, где тут Гриша с автоматами». Повела я их в Гришину комнату. Мертвецки пьяный Гриша храпел. Один из милиционеров подошел к нему, увидел под кроватью мешок, взял его и открыл. К великому изумлению милиционеров, в мешке действительно лежали два автомата с дисками. Растолкали Гришу, усадили его в машину и очумевшего привезли в отделение милиции.

Рассказ Нины оказался действительно ошеломляющим. И я, естественно, спросил, где же Гриша мог взять автоматы? Оказалось, очень просто. Его направили на работу за территорию лагеря. Поблизости был магазин, а у него имелись деньги. Гриша уговорил солдатиков отпустить его в магазин, где он купит папирос и выпивку. Те согласились. Через несколько минут он принес несколько бутылок коньяка и папиросы. День был жаркий. Они уединились в кусты, в овраг. Начали понемногу выпивать. Молодые ребята, не пившие такого крепкого напитка, быстро захмелели и уснули. Гриша, не долго думая, взял их автоматы в мешок и прибыл к себе домой, на Крутую, где и перепугал до смерти мою свояченицу.

Но самое интересное произошло потом. Через несколько дней после случившегося я читаю заметку в «Камчатской правде». Написано в ней примерно следующее: «В отделение милиции г. Петропавловска поступило сообщение, что в одном из частных домов появился вооруженный преступник. При начальнике УВД была сформирована оперативная группа. Задача была предельно ясна: обезвредить преступника. Благодаря принятым мерам преступник был обезврежен». Было в красках описано, как группа захвата подкрадывалась к преступнику, как молниеносно его скрутили, не дав возможности применить оружие.

После этого я ушел в море. Чем закончилось это дело, я не знаю. Были ли осуждены молодые солдатики за служебный проступок, и сколько добавил к своему сроку Гриша, мне не известно. Но как сработала группа захвата!

ПОВАР ПОНЕВОЛЕ

В декабре 1961 г. плавсостав Управления тралового флота был озадачен очередным указанием Минрыбхоза, суть которого заключалась в том, что работающих на судах добывающего флота женщин, как правило, поваров и дневальных, необходимо списать и на их место набрать мужчин. Соображения, в основном, сводились к следующему: в семьях рыбаков много разводов, а корень зла видели как раз в работающих на судах женщинах. В эту кампанию включились партийные комитеты и женские советы. Видя пагубность этого нововведения, несколько судоводителей, в том числе и я, пошли в отдел кадров Тралфлота, где резонно доказывали, что не следует с этим торопиться, ведь для подготовки поваров-мужчин нужно время. Старики даже доказывали, что до революции и вплоть до 1930 г. на судах Добровольного флота

поварами и буфетчиками были китайцы. Ведь вот насколько серьезно подходили к питанию экипажей судов в то время. Но слушать нас никто не стал.

На другой день на наше судно из отдела кадров пришло распоряжение списать повара Александру Ивановну, очень хорошего специалиста, лет сорока пяти, и дневальную Тамару.

Судно готовилось к отходу. Через день на борт прибыл молодой парень в солдатской гимнастерке, опрятно одетый. Предъявил направление на должность повара.

Стали с ним знакомиться, задавать вопросы. При разговоре присутствовал и старпом. Выяснилось, что парень демобилизован из армии. Там получил специальность повара-инструктора. Зовут Мишей. Парень голубоглазый и необычайно рыжий, не просто рыжий, а какой-то огненный.

- А хлеб тебе приходилось печь? спросили мы его.
- Не приходилось, но думаю, что справлюсь. Какое-то время работал в кондитерской по венской сдобе.
- Ну, раз работал по венской сдобе, то уж с выпечкой хлеба ты справишься наверняка!

На другой день вышли в море. Рейс был коротким: следовало завезти продукты в Октябрьский и Кихчикский рыбокомбинаты.

С выходом в море на камбузе стало твориться что-то непонятное. Уголь в плите почему-то гореть не хотел, Миша его даже соляркой поливал. Дым упорно не желал идти в трубу, как ему положено, стояла жуткая копоть. Обед получили к трем часам, а ужин — к семи. Выдал Миша и первую выпечку хлеба. Хлебом это, конечно, назвать никак было нельзя. Это было похоже на чугунное литье. Мишу никто не ругал, наоборот, подбадривали. По приходу в Октябрьский рыбокомбинат купили в магазине два мешка хлеба, в Кихчике еще. Примерно дней через восемь подходили к Петропавловску. Камбуз был похож на самую настоящую кузницу. Коридор тоже.

По приходу в порт первым делом пошли мы со старпомом в отдел кадров:

— Направьте на судно повара!

Кадровики нас никак не могли понять:

— Ведь вам дали не простого повара, а инструктора!

С трудом объяснили, в чем дело. Наконец-то заместитель начальника отдела кадров Н. Н. Пименов согласился. Наш аргумент был таков: судно является транспортно-холодильным, сельдь перерабатывает три месяца в году, остальные девять — возит груз. Так что нас можно считать транспортом (а на них указание Минрыбхоза не распространялось). Наконец, Пименов дал команду направить нам повара-женщину, а Мишу перевести в матросы.

Свою отставку Миша принял даже с радостью. Камбуз и коридоры пришлось срочно красить ночью, иначе ни один санврач наше судно в море не выпустил бы.

На палубе Миша оказался очень добросовестным, безотказным работником. В июле мы снялись в Охотоморскую экспедицию вырабатывать баночную сельдь. Начали хорошо зарабатывать. Миша оказался душой команды и нисколько не жалел, что как повар он не состоялся.

К концу экспедиции выяснилось, что Миша никаких армейских курсов поваров-инструкторов не заканчивал.

- А как же тебя приняли на работу по этой специальности? удивились мы.
- Дело в том, что, когда я прибыл в Петропавловск и пришел в отдел кадров Тралового флота, на дверях висело объявление, что предприятию никакие специалисты не нужны, кроме поваров и дневальных-мужчин. И я решил пойти на обман. Перед этим выяснил у кадровых матросов, а что будет, если с обязанностями повара не справлюсь, что со мной сделают? Мне ответили, что увольнять меня, конечно, никто не будет. Ну, переведут в матросы или в обработчики. Что мне и надо. Поэтому, когда я пришел на прием к Н. Н. Пименову, и он спросил о моей специальности, я, не моргнув глазом, ответил: «Повар-инструктор, окончил армейские четырехмесячные курсы». «А свидетельство есть?» Я бодро ответил, что у меня об этом есть запись в военном билете, но билет сдан на оформление прописки.

Ответ Миши Н. Н. Пименова удовлетворил. Да и открытое лицо с ясным взглядом голубых глаз выдавали в нем, несомненно, честного человека. Дали команду оформить Мишу на работу поваром...

Со времени нашей первой встречи с Мишей прошло около сорока лет. Парень так и остался на Камчатке. Обзавелся семьей и детьми. Уже вышел на пенсию, но продолжает работать на берегу в какой-то ремстройконторе. Изредка я встречаю его. Вспоминаем молодые годы и без улыбки никак не можем говорить о начале его «поварской карьеры».

НЕЗАСЛУЖЕННАЯ ОБИДА

У каждого из нас в жизни бывает так, что в силу определенного стечения обстоятельств оказываешься в ситуации, когда никак не можешь доказать свою невиновность.

Вот что произошло с моим давним приятелем, капитаном транспортнохолодильного судна «Плутон». Приведу его рассказ:

— По выходе из Усть-Камчатска мне дали на буксир три кунгаса и кавасаки. Погода была хорошая, но налег густой туман. Поскольку стояло безветрие, то решил я проверить, как ведут себя буксируемые плавсредства. Самым малым ходом лег на обратный курс и стал проходить мимо них. Кавасаки шел концевым. К великому моему изумлению, его рубка оказалась повреждена. Объяснение напрашивалось само собой: какое-то судно налетело на него в тумане. Но попробуй это доказать! Никого мы в тумане не видели. В это время уже прошли мыс Кроноцкий. По приходе в порт пошел я с рейсовым донесением к начальнику службы мореплавания флота Г. А. Козыреву. Тот на меня напустился: «Ты сам на кавасаки налетел, когда осматривал плавсредства, а сейчас выкручиваешься!»

Доказать свою невиновность я, конечно, не мог. В это время нас поставили на недельную профилактику. Вопрос о повреждении кавасаки оставался открытым. Но вскоре все выяснилось. Оказалось, что один приморский СРТ занимался поиском рыбы. Налетел на кавасаки, а в судовой журнал о происшествии не записал, случившееся скрыл.

Через несколько суток этот СРТ зашел в Петропавловск, после чего должен был следовать во Владивосток. Таким образом, это аварийное происшествие было бы не раскрыто, и пришлось бы мне отдуваться за него. Но капитан этого СРТ списал за пьянку матроса, стоявшего на руле во время столкновения. Он, обидевшись, пошел и пожаловался капитану рыбного порта. На основании его заявления прошло служебное расследование, факт столкновения неопровержимо установили, и обвинения с меня сняли.

МЕДВЕДИ НА ПАРОХОДЕ

В памяти старых моряков сохранилось воспоминание, что на многих судах АКОфлота были медвежата. Их можно было запросто приобрести у охотников в селениях, как на восточном, так и на западном побережьях Камчатки.

Вот какую историю рассказал мне Александр Осипович Башкирцев: «Году в тридцать шестом работал я матросом на пароходе "Орочон". Совершали мы рейс по восточному побережью Камчатки. И вот при стоянке на рейде селения Ука к нам на борт прибыли охотники и предложили двух медвежат. И, чтобы не разлучать малышей, мы купили их обоих. Назвали их Мишка и Машка. Медведей на побережье пролива Литке в то время было очень много. Медвежата вносили в нашу жизнь большое разнообразие. Один из случаев запомнился особо.

Прошло порядочно времени, и мы встали на ремонт на судоверфь. Медвежата уже подросли. Они оказались на удивление миролюбивыми, не шкодничали. Команда на "Орочоне" была большая. Повар на обед готовил, как правило, ведерную кастрюлю компота и выставлял ее остывать с камбуза на палубу. Место, где он ставил эту кастрюлю, находилось как раз рядом с дверью, ведущей в кочегарку.

И вот однажды, когда повар пришел за компотом, чтобы передать его дневальной, кастрюли на месте не оказалось. Тут не надо было иметь проницательность Шерлока Холмса, чтобы догадаться, что кастрюлю умыкнули кочегары. Повар к ним и обратился: "Не жалко компота, но отдайте кастрю-

лю!" Те божатся и клянутся, что кастрюлю не брали. Повар был мужик принципиальный: "До тех пор пока кастрюлю не вернете, компота не получите". В общем, разгорелся настоящий сыр-бор.

Включились в это разбирательство старший помощник, помполит и председатель судового комитета. Но кочегары не сознавались. Дело с мертвой точки не двигалось. Через два дня нашли другую кастрюлю, и повар снова начал варить компот. Но осадок, конечно, остался неприятный.

Прошло с неделю после инцидента с кастрюлей. И вот вахтенный штурман пошел проверить крепление кормовых швартовых концов на кнехтах. И каково же было его удивление, когда он увидел, что злополучная кастрюля лежит за рулевым приводом Девиса, вся вылизанная и по краям в медвежьей шерсти. Но удивляться надо было другому. Как эти медвежата умудрились незаметно среди бела дня перенести кастрюлю по трапу, опустить на главную палубу, пронести от третьего трюма к четвертому, поднять по наклонному трапу на полуют, не пролив ни капли, и опустощить ее?

После выяснения сути дела кочегары торжествовали, повар же и те, кто поверил в виновность кочегаров, были посрамлены».

Александр Осипович Башкирцев, рассказавший эту историю, был человеком замечательным. На «Орочоне» работал более десяти лет. Во время войны ходил в Америку. Начал с палубного ученика. Потом окончил курсы судоводителей-двухсоттонников, затем курсы штурманов малого и дальнего плавания во Владивостоке. Командовал пароходами «Кадиевка», «Белоруссия» и другими. Награждался орденами и именными золотыми часами. После его кончины одному из рыболовных судов управления «Рыбхолодфлот» присвоили имя «Капитан Башкирцев». У меня остались самые светлые воспоминания от общения с этим замечательным человеком.

«БОЕВИТАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ»

А эта «идейно-политическая» история произошла на танкере «Иртыш». В конце пятидесятых годов им командовал капитан Василий Силаев, выпускник Владивостокского рыбного техникума, самолюбивый, к тому же молодой коммунист.

Как и положено, на танкере имелась партийная организация. Состояла она всего из трех человек — капитана, второго помощника и третьего механика, который и был парторгом. Фамилия его была Фринкриц, имя и отчество, к сожалению, за давностью лет стерлись из памяти. Как полагается настоящему коммунисту, он был серьезным и принципиальным.

Из-за чего у парторга и остальных двух членов парторганизации начались трения, сейчас никто уже и не помнит. Но Фринкриц, недолго думая, собирает партсобрание с повесткой «разбор персональных дел». Ставится

вопрос о наказании капитана и второго помощника. Первым разбирается капитан. Естественно, к голосованию он не допускается. Остаются два голоса. Второй помощник голосует «против», а Фринкриц, разумеется, «за». Но при подсчете голосов заявляет, что, поскольку у него, как у парторга, два голоса, а у второго помощника один, то большинством в один голос он выносит капитану Силаеву выговор.

Вторым вопросом ставится вынесение выговора второму помощнику. Голосование происходит по такой же схеме. Второй помощник от голосования отстраняется, капитан голосует «против», большинством в один голос парторг выносит выговор и второму помощнику.

Протокол партсобрания был составлен по полной форме, и Фринкриц понес его в политотдел Камчатрыбфлота. Там, конечно, его рвение оценили и сказали: «Вы молодец, товарищ Фринкриц. И парторганизация у вас хорошая, боевитая. Но что-то вы жестковато, жестковато...»

В общем, протокол партсобрания танкера «Иртыш» политотдел не утвердил. Прошло уже почти полвека. Нет в живых ни капитана Силаева, ни боевого парторга Фринкрица. Сейчас порой с улыбкой приходится вспоминать дела давно минувших дней. Такое было интересное время.

ДУРАКАМ ВЕЗЕТ!

Дело было в августе 1971 г. Я работал капитаном транспортно-холодильного судна Камчатрыбфлота «Паратунка». Оно имело два рефрижераторных трюма, совершало рейсы по побережью Камчатки, доставляло мороженую рыбопродукцию во Владивосток и на Амур, в порты Николаевскна-Амуре и Маго.

Мы частично выгрузились в Октябрьском рыбокомбинате, а остальное должны были доставить в Крутогорово. К выгрузке здесь предназначались тонны три овса и ячменя, располагавшиеся во втором трюме.

Приближалась полночь, и я решил пойти к лоцману Ивану Ивановичу Овчинникову, своему старому приятелю, пригласить его на борт для осуществления лоцманской проводки. Перед уходом дал команду несшему вахту третьему помощнику капитана и боцману принять двадцать тонн воды в балластный танк. Как положено, танк не прессовать, а при приеме воды замерять ее уровень. Воду брали пресную, так как судно стояло в реке. Третий помощник и боцман в один голос заверили меня, что все в точности исполнят, и что мне можно не беспокоиться.

Лоцман жил недалеко, и вскорости мы прибыли на борт. Я спросил, как проходил прием воды. Штурман и боцман в один голос ответили, что сделали все, как учили, то есть воду брали по замерам и танк не прессовали. Я успокоился.

Погода стояла штилевая. В полночь вышли из реки и взяли курс на север, вдоль берега, в Крутогоровский рыбокомбинат. В восемь утра при смене вахтенный старший помощник обнаруживает во втором трюме метровый слой воды. Я дал команду открыть трюм, оказалось, что там действительно метр воды, а мешки с ячменем и овсом плавают по поверхности. Согласно уставу службы на судах флота при смене вахт в обязательном порядке замеряется высота воды в льялах и записывается в судовой журнал. Но второй помощник этого не сделал, а в журнал занес ложные данные, гласившие, что в льялах сухо. Старпом же при сдаче вахты в восемь часов замерил льяла, и все это сразу же выяснилось.

После нахлобучки, данной мною второму и третьему помощникам, стал вопрос, как поврежденный груз сдавать получателю? Он подмочен, ответственные за это дело налицо, а ведь получатель может его не принять или же сделать в коносаменте оговорку, что груз испорчен. А это повлечет за собой неприятности для экипажа. На прямых виновников возложат возмещение убытков, а весь экипаж могут лишить квартальной премии. Поскольку погода для Камчатки стояла на редкость солнечная и безветренная, то ничего не оставалось делать, как попытаться этот ячмень и овес высушить. На палубе разостлали брезенты, и просушка началась.

За два дня перехода ячмень и овес привели в более-менее «ликвидный» вид. По приходе в Крутогорово прибыл на борт грузополучатель. Волейневолей пришлось его поставить в известность и о подмочке, и о просушке. Грузополучатель, на наше счастье, придираться к этому не стал, а сказал, что груз предназначен для корма лошадей и птицы. Но лошади уже долгое время совершенно не работают, а пасутся на вольных пастбищах в тундре, как мустанги. Этот корм еще подсушат, и никакого шума поднимать не будут. После выгрузки он, к великому нашему удовольствию, подписал чистый коносамент.

После того, как мы снялись из Крутогорово и пошли в порт, я собрал совещание комсостава и обратился к виновникам происшедшего:

— Вот, смотрите сами, к чему может привести ваша халатность. Причина в том, что когда судно стояло зимой на судоверфи в ремонте, то так же принимало воду, не замеряя высоту. Вода по замерной трубке поднялась чуть ли не до главной палубы, остановилась в сантиметрах тридцати (пресс, соответственно, снят не был) и замерзла. Она порвала замерную трубу и образовала трещину. А уж через эту трещину вода преспокойно сочилась в трюм.

Такие происшествия на судах случались и ранее. А приводила к ним исключительно человеческая халатность. В октябре 1935 г. на пароходе «Чавыча» в третьем трюме по такой же причине был подмочен груз сахара, который просто растворился. Поскольку убытки были большие, то руководство АКО сделало «оргвыводы» и уволило капитана без права поступления вновь на суда АКОфлота.

В нашем же случае по судну никакого приказа писать не пришлось, так как коносамент в коммерческий отдел сдали чистым, то есть без каких-либо оговорок. В назидание виновникам я сказал, что дуракам везет, но не всегда. И это надо помнить.

СЕКРЕТ В ГАРМОШКЕ

В 1971 г. мы стояли под выгрузкой в развеселом порту Находка. Судно наше было старое, и готовились мы его вскорости перегнать на слом в один из японских портов. Судовая касса опустела, а в карманах членов экипажа тем более «гулял ветер». В общем, жить было скучно.

Пароход наш купили в Англии в 1939 г. и перегнали в распоряжение АКОфлота, назвав в честь героя-летчика того времени «Коккинаки». После того как вышло постановление правительства имена живых людей судам не присваивать, это название упразднили, и судно получило имя Петра Соловьева — бывшего секретаря обкома партии.

В это время в Находке, как и в других дальневосточных портах, в магазинах недоставало мяса и масла. Городские власти распорядились охране портов запретить вынос со стоящих судов мясных продуктов. Охрану портов, состоявшую из гражданских лиц, заменили милицейской. Как любили шутить, сделали так, чтоб через проходную «муха не пролетела».

Однажды я обратил внимание, как два кочегара несли к трапу гармошку в футляре.

- Куда вы ее тащите?
- Да в мастерскую.
- А вы знаете, где эта мастерская?
- На проходной спросим.

К вечеру гармошка проследовал обратно.

- Что, отремонтировали?
- Да нет. Мастер заболел. Завтра снова понесем.
- И не надоело вам ее таскать?
- Нет, с гармошкой все-таки веселее.

Вскорости несколько кочегаров и машинистов оказались «под хмельком». Это было удивительно: где деньги берут? Тем более, что проносить в порт водку тоже запрещалось.

В том же году пароход-трудягу в порту Осака передали фирме «Кехо-Цуце» и разделали на металлолом. Возвращались мы на теплоходе «Хабаровск» из порта Иокогама в Находку уже в качестве пассажиров.

Прошло несколько лет. Уже на другом судне мне снова пришлось работать с бывшим завпродом «Петра Соловьева». И как-то зашел разговор о стоянке в Находке. Я снова удивился и спросил:

- Где брали выпивку? Ведь денег-то не было.
- Да, денег действительно не было. Но ларчик просто открывался, Тимофей Михайлович! Кочегары нашли способ приобретения водки. Они приходили ко мне и брали несколько десятков банок тушенки под запись. В футляре от гармошки выносили тушенку в ближайшие дома. Жители ее с удовольствием покупали и просили принести еще. На вырученные деньги наши умельцы покупали водку и несли ее на пароход в том же футляре. При получении зарплаты кочегары вносили мне деньги за тушенку, а я их, в свою очередь, сдавал в кассу. Никто материально не страдал. Но удивительно другое! Никто из милицейской охраны ни разу не приподнял крышку футляра и не заглянул внутрь.

Воистину — голь на выдумки хитра!

ШТУРМАН ВОЛОДЯ

Лет тридцать пять тому назад я работал капитаном транспортно-холодильного судна. Мы обслуживали западное и восточное побережья Камчатки и изредка рыболовные экспедиции. Осенью прислали на должность третьего помощника капитана нового человека — выпускника Ростовского мореходного училища, окончившего полный курс и получившего учебный диплом штурмана дальнего плавания. Звали его Володя. По национальности он был кореец.

Его семья до 1938 г. жила в Приморье. Но в 1938 г. всех корейцев и китайцев выселили в другие места. Володино семейство отправили в казахстанские степи. На новых местах, как рассказывал Володя, они перенесли немало лишений. По сути дела, обживали новые земли.

Начали обустройство с постройки глинобитных юрт, по типу круглых корейских фанз, которые повсеместно строились на Дальнем Востоке. Вначале делался круглой формы плетень, затем все это сооружение обмазывалось глиной. Пол, как правило, глиняный — досок в степи взять было негде. Крышу изготавливали из камыша. Особенно трудно приходилось с топливом: дерева в округе не было, топили кизяком. Боролись с холодом отчаянно. Платили за труд мало, жили только за счет того, что удавалось вырастить на подворье — это несколько овец или поросят.

Работник Володя был добросовестный. На судне все на виду, и волейневолей каждый беседует друг с другом, обменивается информацией, обсуждает прочитанную книгу или просмотренный кинофильм. Как мы убедились, Володя в этом отношении оказался полным профаном. Читал он, оказывается, очень мало, вести какой-то спор о литературе, конечно, не мог. И я, признаться, удивлялся, как он умудрился закончить мореходку.

Как-то он сказал, что собирается поступать в Дальрыбвтуз на отделение холодильных установок, хочет быть инженером. Но у меня сложилось мнение,

что вряд ли он сдаст вступительный экзамен. Туда же поступал и капитан стоявшего рядом судна Саша Колесников. На другой день после экзамена я встретил Сашу и поинтересовался результатами. Он ответил, что сдал на «хорошо».

- А как наш Володя? спросил я.
- А Володя удивил всех. Он за полчаса решил два варианта задач, дал всем шпаргалки. Получил, соответственно, «пять баллов»! Вот это голова!

Это и вправду было удивительно. И я как-то не выдержал и спросил Володю, как он сумел так хорошо освоить математику. И вот что он мне ответил:

- Дело в том, что среднюю школу я заканчивал там же, в Казахстане. А с пятого по десятый класс у нас был один ссыльный преподаватель математики и физики. Как я после узнал, он по решению НКВД не имел права куда-нибудь выехать. Математику и физику он любил, и этой науке отдавался весь, без остатка. В школе организовал математический кружок, и мы все как один увлеклись и математикой, и физикой. На областных математических олимпиадах наша школа всегда брала первое место. Если кто из наших выпускников сдавал вступительные экзамены в любой институт, то обязательно на «отлично» или на «хорошо». Я так же легко сдал экзамен в ростовскую мореходку. Правда, мне плохо давались русский язык и литература в школе были дети многих национальностей, русских мало, языку и литературе должного внимания не уделяли. Вот и получилось так, что мы этих предметов почти не знали. Но преподаватели в мореходке на это закрывали глаза, видя мою способность к математике.
- ...Прошло пять лет. Как-то я встретил улыбающегося Володю. Он радостно протянул мне руку и произнес:
- Тимофей Михайлович! Можете поздравить нового инженера по холодильным установкам. Вчера защитил диплом.
 - А как оценили твою работу?
 - На «пятерку!»

Я от души поздравил Володю и пожелал ему всего наилучшего.

С Камчатки Володя никуда не уехал. Продолжает здесь работать, растит семью...

СПИЧКИ ИЗ ОТЕЛЯ «ФУКУЯ»

Пароход «Петр Соловьев» долгое время был единственным лесовозом в АКОфлоте, а после реорганизации — в Камчатрыбфлоте. Построили его в Англии в 1939 г. Но всему приходит конец. И вот в 1971 г. судно сдали на металлолом фирме «Кехо-Цуце» в порту Осака.

После сдачи в ожидании отправки домой из порта Иокогама на теплоходе «Хабаровск» нам надо было десять суток жить в гостинице в Осаке. Прибыли мы в гостиницу «Фукуя» со своим багажом в сопровождении агента В. В. Яно.

Надо сказать, что с администрацией гостиницы у нас установились очень хорошие отношения. Мы взяли с собой приличный запас сгущенного молока, какао, сливочного масла, сахара и другого. Уборщицами работали пожилые японки. По всему было видно, что зарплату они получали не очень-то высокую. И члены нашей команды не обходили их вниманием — при случае угощали этими консервами. Они за это очень благодарили.

Сразу же, как только мы вселились, Яно подвел меня к столу администратора и протянул коробку спичек. Поскольку Осака является одним из крупнейших портов мира, то в нем нетрудно заблудиться, особенно людям, не знающим японского языка. А ведь в этом порту много китайцев, филиппинцев, русских и других моряков. Поэтому на коробке спичек написаны номера телефонов гостиницы, ее адрес и автобусная остановка.

Этими коробками членам нашего экипажа пришлось воспользоваться в первый же день выхода в город. В увольнение отправились повар, буфетчица и старший в группе — третий механик. Я вручил всем коробки и сказал: «Если растеряетесь, то не блудите по городу, потому что гостиницу все равно не найдете. А подходите к первому полицейскому, покажите его и скажите: "Гостиница «Фукуя»". Он сразу поймет и посадит вас на автобус или в такси».

В Осаке есть громадный универсальный магазин в пять этажей. Народу в нем очень много, как в большом муравейнике. И немудрено, что наша тройка потеряла друг друга в течение пятнадцати минут. Когда я вернулся из города в гостиницу, повар и буфетчица уже пребывали там. Я спросил, почему они вернулись так рано.

- Да растерялись, ответили они.
- Ну, а потом как добирались?
- А дальше поступили, как вы объяснили нам. Мы подошли к полицейскому и протянули коробку со спичками. Он сразу понял, в чем дело. Жезлом остановил проходящее такси и усадил нас в него. А потом дал команду, куда везти. Таксист быстро довез нас до гостиницы.
 - И во сколько это обошлось?
- Да примерно стоимость дешевеньких туфель. На автобусе, конечно, заплатили бы меньше. Но главное, что попали в гостиницу быстро, безо всякой мороки.

За десять дней мы немножко присмотрелись к жизни японцев. Бросалось в глаза, что все трудились — от мала до велика. Магазины практически не закрывались. Овощи и фрукты подвозились в них среди ночи. Обыкновенно небольшим магазином владела семья. Хозяева торговали днем, детигимназисты — вечером, а старики — ближе к ночи. В одном магазине, где торговали чемоданами и одеждой, хозяин был одновременно шофером, доставлял с фабрики и, очевидно, с какой-то базы товар. Жена вела

бухгалтерию. В общем, делом занималась вся семья. Праздношатающиеся и пьяные не попадались.

Удивило меня и еще одно обстоятельство. В агентстве я пожаловался Яно, что в магазинах трудно найти пальто большого размера. Тут же в разговор вступил пожилой мужчина и протянул визитную карточку. Он отрекомендовался заместителем директора пошивочной фабрики и сказал, что у них есть пальто больших размеров. «Обращайтесь к нам, какие размеры нужны — вам привезут». Потом я поинтересовался у Яно, почему этот господин вступил в разговор и предложил свои услуги? На это Владимир Владимирович ответил, что, купив эти товары, я скажу при случае об этом и другим морякам. А это уже создаст рекламу его фабрике. Все закономерно.

Быстро пролетели десять дней. На другой день в Иокогаму должен был подойти теплоход «Хабаровск». Наутро у гостиницы стояли три автобуса. Мы сердечно попрощались с В. В. Яно и персоналом гостиницы. Они пожелали нам счастливого пути и приходить в Осаку еще.

При поездке на автобусе приходилось удивляться многому. Во-первых, дорога отличная, обсажена фруктовыми деревьями. Вершины деревьев защищены полиэтиленовой пленкой. А чтобы зайцы не повредили ствол, от нижней ветки и до земли он обтянут циновками из рисовой соломы. Канавы вдоль дороги выложены булыжником. Причем сама канава сделана уступами для того, чтобы вода текла медленно и не выносила почву в океан. На вопрос, почему вершины деревьев покрыты пленкой, от сопровождавших нас двух молодых японцев, сотрудников фирмы, получили ответ: «У нас бывает так, что эти деревья начинают цвести, а потом выпадает снег и наступает мороз. Деревья обмерзают и завязи гибнут. Чтобы этого не допустить, вершины и обтягивают полиэтиленом».

По пути встречались фермы с очень красивыми домиками. Особенно красочно смотрелись крыши из красного, зеленого, синего синтетического шифера.

Проезжали большое болото протяженностью, наверное, километров двадцать, не меньше. В нем стояли мощные опоры, а на них сверху лежали бетонные панели. Конструкция очень дорогостоящая, трудоемкая, но оправданная — дорога сделана на века. Вот бы наших газопроводчиков привезти туда и показать, как надо строить дороги!

По пути встречались и автостанции с прекрасно оборудованными площадками. Много столов, скамеек, где удобно отдохнуть, покушать, туалеты с проточной водой, умывальники. Есть и киоски с недорогими сувенирами.

Очень продуманным оказался подъем дороги. Мы незаметно взобрались на большую высоту и как-то не ощутили этого.

По приезде в Иокогаму нас уже ждал «Хабаровск». Через пару часов после посадки под лоцманской проводкой мы отошли от причала. Кроме нас

на борту имелись иностранные туристы. Наш путь лежал в Находку, оттуда — во Владивосток, а из Владивостока на самолете в Петропавловск.

После нас в Осаку перегоняли пароход «Щорс». Мы получили приветы от агента В. В. Яно и хозяйки гостиницы «Фукуя». Радостно было сознавать, что нас не забыли. Значит, мы оставили о себе приятное впечатление.

А больше всего нас поразило бережное отношение японцев к земле, к природе, которого нам крайне не хватает...

ВСТРЕЧА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Эта встреча произошла во Владивостоке примерно в 1973 г. Я был капитаном транспортно-холодильного судна «Паратунка». Во Владивосток мы доставили из Усть-Камчатска груз свежемороженого лосося. Надо сказать, что рейс во Владивосток, да еще в сентябре, для моряка, наверное, самый желанный: в это время в Приморье стоит прекрасная погода, уже нет такой изнуряющей жары, какая бывает летом, рынок полон свежими овощами и фруктами.

Погода на переходе стояла очень хорошая. По приходе мы несколько суток стояли в ожидании выгрузки. Но, наконец, ее закончили, быстро загрузились. Оставалось взять отход. А это, как правило, связано с хлопотами. Надо, чтобы все судовые документы находились в полном порядке, были откорректированы карты и пособия по кораблевождению. После всего этого пришедший на оформление отхода дежурный капитан портнадзора еще и сыграет тревоги. Немаловажную роль играло то, какой придет человек — придирчивый или нет.

Наконец, к трапу подошел дежурный капитан портнадзора — рослый, с крупными чертами лица человек, очень сильный физически: из рубашки с короткими рукавами выпирали упругие мускулы. Представился Валентином Ивановичем Бурмакиным.

При проверке судовых документов он уточнил: «Кто судовладелец?» Я ответил, что Камчатрыбфлот, бывший АКОфлот. При этих словах лицо его изменилось.

— А вы знаете, — сказал он мне, — я ведь до войны работал в АКО-флоте. С 1938 г. был капитаном. В то время в АКОфлоте трудилась группа молодых капитанов — Владимир Зеньков, Павел Киселев, Сергей Пронин. Я командовал судами «Чавыча» и «Большой Шантар».

Он стал меня спрашивать про старых моряков, кого я знаю, стал называть фамилии. Я его спросил, помнит ли он Карла Карловича Берга. На что он мне ответил:

— Ну, как мне его не помнить! Ведь он был у меня старшим помощником на пароходе «Большой Шантар», легендарная личность. Проходили мы пролив Лаперуза, шли во Владивосток. Погода стояла прекрасная, Карл Карлович

начал рассказывать, как он в 1912 г., будучи матросом на барке «Процион», проходил мыс Горн. А я родился в 1912-м, то есть, в том году, когда Карл Карлович уже закончил Владивостокское училище дальнего плавания. Мне даже стало стыдно, что у меня в подчинении штурман, годящийся мне в отцы. К тому же Карл Карлович отработал около пяти лет в английском торговом флоте, прекрасно знал английский язык и имел рабочий диплом, как и я, капитана дальнего плавания. Но время было такое, что по Союзу только что прошли чистки 1937 г. Многие ложились спать и не знали, проснутся ли наутро свободным человеком, или нет.

У меня все шло хорошо до рокового зимнего дня 1943 г. Снялся я на «Большом Шантаре» на ремонт в США. Но в кромешной ночной тьме во время пурги вылетел на камни мыса Северо-Западный на Командорских островах. Пароход остался на камнях. А меня судили, дали большой срок. Но потом срок уменьшили, отправили на фронт в действующую армию. Воевать долго не пришлось — война шла к концу, и я получил ранение. Был комиссован, меня демобилизовали. Поработал несколько лет в Приморье, а потом поступил в Сахалинрыбпром капитаном на СРТ. Осваивали дальний район. Ну, а сейчас здоровье уже сдало, работаю в портнадзоре. Выход в море врачи задробили окончательно...

К концу беседы я заметил, что у Валентина Ивановича на глазах заблестели слезы.

Надо было провести учебные тревоги. А в этом рейсе в палубной команде трудились пять матросов — учащихся последнего курса Петропавловской мореходки. Ребята толковые, как на подбор, свои обязанности знали хорошо, на все вопросы отвечали без запинки.

- Ну что, капитан, я вижу, что команда у вас свои обязанности знает. Я доволен, сказал Бурмакин. Выход в море я вам разрешаю. А еще спасибо за беседу. Вспомнил я многое свои молодые годы, общих знакомых. Многих уже сейчас нет в живых... Передавайте привет всем, кто меня еще помнит.
- ...Прошло несколько лет. Я получил путевку в дом отдыха в Садгороде, под Владивостоком. Один отдыхающий оказался работником Владивостокского морского рыбного порта. Я спросил, работает ли еще Валентин Иванович Бурмакин. Тот ответил, что его недавно схоронили...

КАПИТАН И УБОРЩИЦА

Александра Ивановича я знал давно, с конца Великой Отечественной войны. Начинали вместе с матросов второго класса, как и положено послевоенным мальчишкам. Благодаря своему упорству и энергии он окончил учебно-курсовой комбинат, а впоследствии — и среднее мореходное училище.

Командовал небольшими судами, но сумел поплавать и за границу. Среди моряков пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

По работе ему приходилось сталкиваться с судовой уборщицей Зиной — женщиной крупного телосложения, обладавшей зычным голосом. При случае она была не прочь пропустить стопку водки. В конфликты с Александром Ивановичем ей вступать не доводилось, но ему порой приходилось ставить Зину на место. Но кто бы мог подумать, что когда-нибудь Александру Ивановичу придется быть у Зины в подчинении. Это казалось абсолютно нереальным. Но жизнь есть жизнь, она иногда выкидывает такие фортели, что и нарочно не придумаешь.

В 1983 г. Александру Ивановичу исполнилось пятьдесят пять лет, пришлось уйти на пенсию. Плавать дальше стало тяжеловато, и решил он построить себе дачу и отдыхать на природе, как говорят, от трудов праведных.

Уборщица Зина уволилась с флота года на три раньше и поступила кудато в воинскую часть. К этому времени как раз вышло постановление правительства, по которому пенсионеру, отработавшему три года после выхода на пенсию на должности рабочего, вахтера или матроса, доплачивалось к имеющейся пенсии по десять рублей за каждый год.

Использовав причитающийся после ухода на пенсию трехмесячный отпуск, Александр Иванович стал подыскивать более или менее подходящую работу. Как-то повстречавшийся старый знакомый сказал ему: «Я тебе подскажу такое место, которое ты ищешь. Нужны вахтеры в одну войсковую часть. Дежурство сутки через трое, с правом четырехчасового сна. Дежурство в теплом помещении. Тебя, как человека непьющего, пожилого и серьезного возьмут с превеликим удовольствием. Если ты не против, то я туда позвоню, у меня там знакомый кадровик».

Пришел Александр Иванович в эту часть. Женщина-кадровик проводила его к начальнику военизированной охраны. Тот ввел его в курс дела, в общих чертах рассказал круг обязанностей. Должность его называлась «стрелок военизированной охраны». Осталось сдать экзамен по уставу караульной службы, в том числе и по владению оружием, так как стрелок заступает на дежурство, вооруженный пистолетом Макарова. Часть несла дежурство в нескольких местах: от Дома флота до Богородского озера, на складах, в мастерских и других служебных помещениях.

Служба оказалась неутомительная. Надо было вести немудреный журнал, проверять путевки на выезжающие машины, отвечать на телефонные звонки начальства. Кроме того, мыть пол шваброй, заметать мусор возле сторожевого помещения. Знакомство с коллективом прошло благополучно. Работали там и несколько бывших мичманов военного флота.

Такая служба оказалась для Александра Ивановича не в тягость. На дежурство заступали три вахтера в одну смену. Один из них был старшим,

и звался «старший стрелок». Два остальных несли дежурство на других объектах, сменяя друг друга.

Но однажды, заступив на дежурство, Александр Иванович был несказанно удивлен, когда в помещение вошла Зина — та самая Зина — и сказала: «Здравствуйте! Я ваш старший стрелок. Прошу любить и жаловать! Что, удивились, Александр Иванович? Я была в отпуске. Дальше будем работать вместе».

Обалдевший от такого поворота событий Александр Иванович еле пришел в себя. А потом поменялись смены, и ему приходилось сдавать смену Зине. Не обходилось порой и без ее язвительных замечаний: «Грязновато тут у вас!» — и подобных. Шутки шутками, а пришлось Александру Ивановичу, капитану дальнего плавания, быть в подчинении у своей же уборщицы!

Зина вошла во вкус и даже стала вводить рационализацию. Однажды принесла на пост деревянные часы с циферблатом. На удивленный вопрос Александра Ивановича, что это за чудо, Зина ответила, что это автоматический контролер. Она приколотила это громоздкое сооружение к стене склада и позвала своих озадаченных подчиненных: «Вот, объясняю вам принцип автоматического контролера. Пост состоит из четырех складов. На каждом складе будут прибиты к стене эти деревянные часы. Вы обходите склады и на каждом складе переводите стрелки часов на начало часа. Если вы проспите, то, соответственно, стрелки часов не переведете. И это сразу будет заметно. Оправдаться вы уже не сумеете».

Не думал и не гадал Александр Иванович, что может попасть под удар. Ехал как-то он с дачи на смену. Пост на этот раз был у него на Садовой. Расстояние от Десятого километра приличное. Хотя и приехал он на Десятый с большим запасом времени, но уехать сразу не смог — автобусы не ходили. Водители объявили забастовку, не работали и таксисты. Еле-еле на попутной машине добрался Александр Иванович до своего поста, опоздав на целый час! Пришлось получить выговор от Зины за опоздание. Вот уж где она отыгралась! Отчитывала солидного капитана, как мальчишку...

Так прошли три года службы Александра Ивановича в военизированной охране. Но оказалось, что все это было впустую: изменилось пенсионное законодательство, и заработанные десятки при начислении пенсии учитывать не стали.

Вот такие интересные вещи случаются в жизни.

КИТЕЛЬ С КАПИТАНСКОГО ПЛЕЧА

Лет тридцать назад одно из старых судов Камчатрыбфлота поставили во Владивостоке на ремонт в бухте Диомид. Капитаном на нем был весьма уважаемый интеллигентный человек, звали которого Александром Осиповичем. Был он очень бережливым и хозяйственным.

У каждого из нас наступает момент, когда привычная вещь изнашивается и ее надо выбрасывать. Но выбрасывать жалко, да и оставить нельзя — мешает. Так получилось и у Александра Осиповича. Старый стал у него китель. И решил он от него избавиться. Поскольку Александр Осипович был мужик с юмором, то позвал машиниста и сказал ему: «Царь Иван Грозный наградил Ермака за верную службу собольей шубой со своего плеча. Но поскольку я соболей не имею, то дарю тебе этот китель. Будешь носить его на подвахту. А чтобы нашивки тебя не смущали, то спори их».

Машинист остался подарком очень доволен, доволен был и Александр Осипович, что сделал доброе дело.

После получения зарплаты машинист (назовем его Андрюша) собрался в питейное заведение. Но поскольку у него из одежонки ничего хорошего, кроме капитанского кителя, не было, он решил надеть его. Нашивки спарывать не стал — решил пофорсить.

Где он колобродил ночью, никто не знает. Под утро, вдребезги пьяный, еле добрался до проходной будки и свалился в бурьян, в канаву. Дежурившая на проходной женщина-стрелок военизированной охраны оставила его на месте, так как дело было летом, и ничто ему не грозило. Но в нашивках она немного разбиралась и посчитала, что мертвецки пьяный человек в кителе есть не кто иной, как капитан парохода. Идущему на вахту штурману она сказала: «Заберите своего капитана из канавы, — и сокрушенно добавила: — Это ж надо, при такой большой должности и так пить!»

Интересно, икалось ли Александру Осиповичу в этот момент?

БОРЕЦ С ПОТЕРЯМИ ТЕПЛА

В 1947 г. пароход «Сима» стоял на Западной Камчатке под выгрузкой. Третий механик Иван Игнатьевич Крайнов держал в руках какую-то деталь и неожиданно спросил нас, двух матросов: «Вы знаете, что это за штуковина?» Мы дружно ответили, что не знаем. Тут к нам подошел старший механик Петр Степанович Колесников, с интересом прислушался к разговору и тоже вступил в беседу.

Надо сказать, что Петр Степанович был механик-универсал первого разряда, по тем временам редким специалистом. Когда-то даже преподавал в морском техникуме, кроме этого, имел богатейшую флотскую практику. Довелось ему в 1937 г. в должности старшего механика принять из новостроя в порту Кобе, в Японии, танкер «Максим Горький». Долгое время это был единственный танкер в Камчатрыбфлоте.

Но вернемся к нашей «штуковине».

— Это, ребята, очень важная деталь парового котла, — сказал нам Колесников. — Она называется «подрывной клапан». При повышении давления

в котле выше допустимого этот клапан автоматически срабатывает и выпускает излишки пара в атмосферу.

- А для чего это нужно? спросили мы.
- Это нужно для того, чтобы предотвратить, например, взрыв котла.
- А бывали ли взрывы котлов на судах?
- Да, бывали. Эти аварии сопровождались большими разрушениями с человеческими жертвами.

Рассказчиком Петр Степанович был великолепным, и мы, молодые ребята, с удовольствием слушали его повествование:

— Человечество решило поставить заслон этим ненормальным явлениям. Поэтому во всех странах, имевших флот, были созданы классификационные общества. В Англии — Регистр Ллойда, во Франции — Бюро Веритас, в России — Русский Регистр. Выработали правила постройки морских судов. Перед проектированием составляется техническое задание, в нем оговаривается, что хочет иметь заказчик. В первую очередь, для чего предназначается судно, для перевозки какого груза — генерального или жидкого. Где оно будет работать, между какими портами — в тропиках или Заполярье. Если в Заполярье, то оно должно иметь усиленные ледовые подкрепления. Но есть и общие требования.

Например, у пассажирского судна должны быть хорошая скорость хода, удобные и уютные пассажирские помещения, спасательные средства и многое другое. У аварийно-спасательного буксира нужно предусматривать мощную машину, водоотливные средства и прочее.

Мы не удержались и задали вопрос:

— Как же можно у еще не построенного судна узнать скорость и другие технические данные?

На что Петр Степанович отвечал так:

— Проектированием и постройкой судов занимаются инженеры-кораблестроители. Одним из талантливейших специалистов был Алексей Николаевич Крылов. Он внес большой вклад в науку кораблестроения. Большой вклад в эту науку внес и адмирал Степан Осипович Макаров. По его чертежам в давнее время был построен первый мощный ледокол «Ермак», родоначальник русского ледокольного флота. К настоящему времени человечество уже накопило опыт постройки и эксплуатации судов...

Мы с превеликим удовольствием прослушали увлекательный рассказ Петра Степановича, который произвел на нас, молодых ребят, большое впечатление. Но не думали мы тогда, что можем когда-нибудь стать свидетелями взрыва котла. Хотя, может быть, выражение «взрыв котла» и не совсем точно описывает нижеследующую историю. Но начну по порядку.

В 1952 г. из новостроя прибыл СРТ под заводским номером 345. СРТ, как говорят, попал в хорошие руки. Первое время на нем старпомом был Михаил

Григорьевич Чекаленко, а потом он стал его капитаном. За хорошую работу и выполнение государственного плана по добыче рыбы по решению Хабаровского крайкома комсомола судну присвоили название «Тихоокеанская звезда». Несколько лет оно находилось в Тралфлоте на хорошем счету.

Как известно, на каждом судне с момента постройки решается и вопрос отопления его помещений. Для этой цели в корме траулера установили паровой котел, работавший на жидком топливе. Он обогревал кормовую надстройку и баню. Носовые кубрики отапливали водой, нагреваемой угольным камельком.

На камельке стояли водомерное стекло и термометр, показывавший температуру воды в системе. Поскольку камелек имел примитивное устройство, то для него не потребовалось подрывного клапана. Его роль выполняла труба небольшого диаметра, выведенная из корпуса камелька и шедшая к носовой тамбучине. При повышении температуры воды, находившейся в системе, она вытеснялась и вытекала на палубу. На конце трубы приварили устройство, напоминавшее воронку. Систему пополняли водой из форпика при помощи ручного насоса, называемого альвейером.

Эта система отопления, бесхитростная и сооруженная немцами, работала исправно и нареканий не вызывала. Но продолжалось это до тех пор, пока не появился русский умелец-самоучка. Им оказался третий механик, в чью обязанность входило следить за работой камелька. Поддерживали огонь в нем вахтенные матросы.

Поскольку из выведенной трубки часто шел пар, третий механик решил бороться с потерями тепла. Но весьма необычным способом. Недолго думая, он просто забил в трубку деревянный чоп. И все, проблема с выходящим паром решилась!

Как на грех, в этот раз для отопления получили высококалорийный уголь. Вахтенные матросы оказались ребятами добросовестными и шуровали вовсю. В результате нарушения воду из системы упустили, а подкатать ее альвейером не догадались. Выйти из системы пар не мог, так как в трубку был забит чоп. Случилось то, что и должно было случиться. Камелек оказался совершенно без воды и раскалился.

Заступивший на смену вахтенный матрос решил подкатать в систему воду. Как только она попала на раскаленные стенки камелька, моментально произошел взрыв. В результате взрыва были повреждены переборки и пострадали три человека: получили ушибы и переломы рук. Судно оказалось выведенным из эксплуатации на несколько суток.

Начальником механико-судовой службы Тралфлота был механик первого разряда Соколов (его имя и отчество я, к сожалению, забыл). По его инициативе были разобраны причины этой аварии. При разборе Соколов обратился к непосредственному виновнику аварии — третьему механику: «За-

чем ты забил в трубку чоп? Ведь это и стало причиной беды!» Но третий механик оказался настырным и упрямым. Вместо признания вины он сам пошел в наступление: «Вы тут ходите все теоретики, а я практик, и я при помощи забитого чопа боролся с потерями тепла!»

В конце разбора Соколов высказался так: «Молодой человек! Убедить в обратном я вас не могу, поэтому спорить с вами я не буду. Комиссия сделает выводы сама».

Решение комиссии было однозначным: авария произошла из-за грубого нарушения правил эксплуатации камелька. Третьего механика, как виновника, разжаловали до моториста сроком на полгода.

...Вот такие происшествия случаются из-за, мягко говоря, недалекости некоторых «умельцев». Причем в этой истории поражает еще и упрямство третьего механика, которого даже произошедшая авария не убедила в том, что практика с теорией не расходится, и что элементарные законы физики нельзя исправлять при помощи деревянного чопа.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Эта история произошла в 1951 г. в Усть-Камчатске. Мы стояли на рейде. Капитан послал меня по делам службы в контору Усть-Камчатского торгового порта. Управившись с делами, время до отхода попутного катера на рейд я коротал на базарчике. Там толкались еще несколько моряков со стоявших на рейде нескольких деревянных финских парусно-моторных шхун Камчатрыбфлота. Их направили перевозить ящичную клепку по восточному побережью Камчатки.

Вездесущие сыны Кавказа сумели соорудить на пятачке возле базара винный киоск. Торговля шла бойко. Продавалась какая-то красноватая бурда под названием «виноградное вино». После употребления этой жидкости наутро страшно болела голова, а желудок напоминал действующий вулкан. Люди были вынуждены употреблять этот суррогат, так как ничего лучшего в комбинате совершенно не было.

Возле киоска встретил двух знакомых штурманов — старшего и второго помощников капитана одной из шхун, Кирилла Г. и Николая С. После взаимных приветствий стали интересоваться, как идет служба, давно ли находимся здесь, делиться дальнейшими планами. Оказалось, что они сделали уже три рейса в Корф. Пробудут здесь до глубокой осени. А осенью, с наступлением холодов, волей-неволей начальство отзовет в порт, так как корпус у шхуны деревянный, для работы во льдах непригодный.

- Ну, а кто у вас капитаном? спросил я.
- Капитаном оказался наш общий знакомый Павел Романович А.
- На рейд добираться будем на восемнадцатичасовом катере?

— Да нет, — ответили ребята. — Мы на борт не торопимся. Погрузки еще на сутки, нам об этом сказали в порту. Так что ночь проведем у девчат в бараке.

Признаться, меня эта вольность до некоторой степени удивила. И сам по себе напросился вопрос:

— A Павел Романович с вас стружку не снимет? Ведь он мужик-то крутоватый.

И получил неожиданный ответ:

— Это он раньше стружку снимал, а теперь мы с него снимаем.

Меня это признание еще больше удивило:

- Что-то непонятно, как же это вы поменялись ролями?
- Если вы работали на одном судне с Павлом Романовичем, то знаете, что этот человек нечист на руку. Вот на этом он и попался. Мы в двух первых рейсах брали пассажиров, понемногу, человек по двадцать. Ну, а Павел Романович начал торговать билетами. Задачу решал просто: на клетчатом листке ставил судовую печать, а сверху писал слово «Билет» и ставил сумму. На этом мы его и поймали. Он что-то на нас зашумел, но мы быстро его поставили на место: «Будешь шуметь, сейчас же сообщим о твоей незаконной торговле липовыми билетами. Деньги за билеты в судовую кассу не оприходованы, получишь срок минимум пять лет»...

Вот так Павел Романович с опозданием понял, что попал в ужасное положение. Мне раньше приходилось плавать с ним на одном пароходе. Я был третьим помощником, а он вторым. Водились за ним эти грешки. То он умудрялся найти где-то устаревшие билеты, то занимался завышенным подсчетом лебедочных работ, получал наличные деньги и клал себе в карман. Комсостав, конечно, догадывался о его художествах, но куда следует не сообщал. За подобные вещи в то время карали очень строго. За пару кирзовых сапог, украденных из трюма, двум молодым матросам дали по десять лет тюрьмы и по пять лет поражения в правах, как за групповое воровство.

Но, очевидно, у нашего героя воровство было заложено в генах. Несмотря на суровые меры возмездия, человек все же на подобные поступки идет. Но здесь Павел Романович получил такую кару, до которой не мог додуматься ни один прокурор. Два его штурмана стали, как говорят, ходить на головах. По приходе в Усть-Камчатск они без разрешения капитана уходили на берег и находились там до окончания погрузки. Павел Романович сидел как мышка. В душе он наверняка проклинал самого себя. Надо было поделиться с ними, чтобы возникла круговая порука. Но он этого сделать не догадался. Теперь оставалось только одно — нести этот крест до конца рейса. И вот в конце октября рейс все-таки закончился. Шхуна пришла в Петропавловск. Два штурмана ушли на берег и не приходили на борт целую неделю. Вахту нес сам Павел Романович. А спустя несколько дней ребята взяли отгулы.

Когда капитан выдал им на руки аттестаты, это, наверное, был самый счастливый день в его жизни.

Вскорости Павел Романович уволился из Камчатрыбфлота и перешел в Камчатское пароходство, где и проработал до самой пенсии. Несколько лет тому назад во флотской газете прочитал, что на 73-м году жизни Павел Романович скончался. Скончался и его бывший старпом Кирилл Г. Изредка вижу бывшего второго помощника Николая С.

...Вот такая история о «преступлении и наказании». Наказании, которого не найдешь ни в одном кодексе. Павел Романович прекрасно знал, что в любую минуту мог загудеть в тюрьму. Ходить в течение нескольких месяцев под дамокловым мечом — наказание, хуже не придумаешь. О таких людях, нечистых на руку, как-то образно сказал А. И. Солженицын: «Есть Бог на небе — он долго терпит, но больно бьет». Так Боженька слегка ударил и Павла Романовича. Правда, не больно, а так, для острастки...

СВИНЬЯ ОТ КАПИТАНА

В ходе промышленного освоении побережий Камчатки и Чукотки возникла необходимость захода судов в устья рек. Это сулило немалую выгоду: сокращалось время на грузовые операции, к тому же работа в спокойной реке была безопасной.

Сначала в эти реки (Камчатка, Большая, Пахача и другие) суда проводили, как правило, капитаны флота рыбокомбинатов. Например, в 1948 г. с парохода «Якут» мы выгружали соль в Анадыре. Нужно было пополнить запасы пресной воды. Нас взял под проводку капитан флота Анадырского рыбокомбината, провел вверх по реке, где вода была чище. Забункеровавшись, мы снова спустились вниз по течению, на прежнее место якорной стоянки. За эту лоцманскую услугу из судовой кассы капитану флота выплатили пятьсот рублей. Оклад матроса в то время был шестьсот пятьдесят рублей.

Потом стали назначать на должности лоцманов наиболее способных и хорошо знающих фарватер реки и устье капитанов катеров. Ну, а создание портпунктов позволило этот вопрос отрегулировать окончательно.

История, о которой я хочу рассказать, произошла лет сорок тому назад. Я в то время командовал транспортно-холодильным судном «Мизар» Камчатрыбфлота. Мы подошли на рейд Усть-Хайрюзово. Был июнь, и там хорошо шла корюшка. Грузили ее со льдом в деревянные ящики.

Когда мы подошли и встали на рейд, на борт прибыл капитан флота и предложил услуги лоцмана по заводке судна в реку. Он обрисовал в общих чертах условия проводки. Объяснил, что фарватер обставлен железными бочками, так как оградить его буями с топовыми фигурами, как положено, нет возможности — таких буев нет в наличии. Он заявил, что фарватер знает

хорошо и безопасную проводку гарантирует. Поскольку заход в реку — дело серьезное, я запросил начальника службы мореплавания Владимира Ивановича Афанасьева дать «добро» на заход с изложением его условий.

Ответ пришел в течение часа. Радиограмма была короткой и ясной: «Заход в реку разрешаю при наличии государственного лоцмана и штатного ограждения». То есть буи должны быть с топовыми фигурами и заводского изготовления. А у капитана флота мало того, что диплома лоцмана нет, так еще и вместо буев — железные бочки. И читать радиограмму между строк можно было так: в случае посадки судна на грунт мне придется отвечать целиком и полностью самому, так как условия проводки не соблюдаются. Но капитан флота убедил меня, и я решил все-таки рискнуть.

Надо отдать должное капитану флота — фарватер он знал действительно хорошо. Зашли мы в реку, как говорят, без сучка и задоринки. За время проводки ни разу не коснулись грунта. Погрузку закончили за трое суток. Но неприятности начались после и там, где их ожидать было невозможно.

После окончания погрузки я пошел домой к капитану флота, чтобы пригласить его прибыть на борт и следовать на выход. Жил он в частном доме. Во дворе я увидел котел, в котором на костре грелась вода.

Своим ответом на мое приглашение капитан меня буквально огорошил: «Капитан, я идти не могу. Я договорился с рыбкоопом и должен резать свинью и сдать ее им в столовую. Уже пригласил мясника».

Что было делать? Не выходить сейчас — значит потерять время и ждать следующий прилив. А это будет суточный простой со всеми вытекающими последствиями. И виноват буду я.

«А вывести вас может капитан кавасаки, — сказал незадачливый «лоцман». — Он сейчас должен с приливом выходить на остров Птичий. Он тоже фарватер знает хорошо».

Надо сказать, что фарватер там узкий, для определения места судна надежных ориентиров нет. К тому же я совершенно не был знаком с капитаном кавасаки и не знал его деловых качеств.

Возмущен поступком капитана флота я, конечно, был сильно. Это было, по сути, настоящее предательство. Правда, как оказалось, капитан кавасаки фарватер действительно знал хорошо, и вышли из устья реки мы тоже удачно. С плеч как будто свалилась гора. Но неприятных минут я пережил предостаточно. И дал себе зарок, что ноги моей больше в Хайрюзово не будет.

Стоит отметить, что высота прилива в северных реках очень большая. В таких, как Пенжина, она достигает семи, а в Хайрюзово и Тигиле — четырех метров. Так что можете себе представить нашу ситуацию. Мы оказались, действительно, как в капкане.

А по приходе в порт я получил основательную выволочку, правда, устную, от начальника службы мореплавания В. И. Афанасьева. Вывод его вкратце

был такой: «Не стоит идти на неоправданный риск. В случае посадки судна на грунт могли несколько дней не сойти с мели из-за убыли воды, и груз свежей рыбы мог прийти в негодность. А это большие убытки. Так стоит ли рисковать?»

Надо сказать, что сейчас условия плавания в реке Хайрюзова существенного улучшились. В устье поставлен радиолокатор. Так что работники портнадзора могут проводить плавединицы в любое время дня и ночи.

КОПЧЕНАЯ «ПИКША»

Если мне не изменяет память, то 1966 г. мы находились в ремонте возле плавмастерской «Фреза». Рядом с нашим бортом стоял СРТ «Пикша» (пикша — это название неказистой промысловой рыбы, наподобие наваги). Его построили в 1951 г., и пришло оно в Тралфлот еще без названия, под заводским номером 386. Первым старпомом, а затем капитаном на нем был Михаил Григорьевич Чекаленко.

Судно, как говорят, попало в хорошие руки, экипаж подобрался дружный и работящий. Прославилось высокими уловами и, как результат, по решению Хабаровского крайкома комсомола этому номерному СРТ присвоили имя «Тихоокеанская звезда», так называлась в то время газета дальневосточных комсомольнев.

Прошло несколько лет. Из новостроя стали поступать суда с более мощными силовыми установками, новейшими электронавигационными приборами, а траулеры, вроде упомянутого, сразу оказались в тени. Кому-то из высоких начальников пришла мысль поменять название «Тихоокеанская звезда» на что-нибудь попроще, уж больно не соответствовал неказистый вид судна такому громкому имени. И поменяли на «Пикшу».

Но вернемся к началу моего рассказа. В 1966 г. «Пикша» по окончании ремонта готовилась к выходу на рейд для проведения ходовых испытаний и предъявления Регистру. Мы тоже были почти готовы к выходу. За день до этого покрасили белилами надстройку и в светло-шаровый цвет — корпус.

В то время выход из ремонта был событием. В эти дни все управление флота, как говорят, «стояло на ушах». На борт в помощь капитану и старпому, как правило, присылались флагманские специалисты. Так случилось и на этот раз.

Все шло нормально, пока механики в машине на «Пикше» не запустили паровой котелок. Работал он на жидком топливе. Наверное, котелок был холодный, или по какой-то другой причине, но из выхлопной трубы повалил густой черный дым, и понесло его на нашу белоснежную надстройку. Выходит, наш труд по покраске пошел насмарку. Дело в том, что эту прилипшую копоть и зубами не отдерешь, тем более легшую на свежую краску. Сразу

же с нашей стороны посыпались просьбы на «Пикшу» потушить котелок. Но там нас никто слушать не стал, и котелок продолжал отчаянно дымить.

Терпению нашему пришел конец, и мы решили наказать виновников. Боцман Драганов получил команду забить дымящую трубу деревянным чопом. Он быстро нашел круглый кусок дерева и тряпку, за считанные минуты забрался с кувалдой по скобтрапу на кожух дымовой трубы «Пикши» и забил в нее чоп.

Сразу же из машинного отделения повалил густой едкий дым. Догадаться о том, что была забита чопом именно труба, естественно, никто на «Пикше» не мог. Через несколько минут из машинного отделения начала форменным образом на карачках выползать машинная команда. Выползали, естественно, с матерком. Наконец, кто-то из механиков догадался перекрыть подачу топлива на котелок. Через несколько минут «Пикша» вышла на рейд. Стали выяснять, почему дым пошел в машинное отделение, и с удивлением вытащили из трубы чоп. Кто его забил, приходилось только догадываться. Ну а мы, естественно, признаваться не стали.

Вот так мы проучили безалаберных механиков с дымящей трубой. А если читателю интересно, что стало с «Пикшей» в дальнейшем, могу сказать, что через несколько лет ее порезали на металлолом, и многие не догадывались, что это когда-то была «Тихоокеанская звезда»...

Про историю присвоения названий морским судам надо сказать особо. С первых дней установления советской власти большевики стали давать судам и даже городам имена своих товарищей по партии. Одним из первых стал небольшой городок Троцк, названный по имени Льва Троцкого, одного из деятелей большевистской партии. Правда, по картотеке жандармского отделения царской охранки его истинное имя было Лейба Давидов Бронштейн. Еще пример — четыре линейных ледокола получили названия «Ленин», «Иосиф Сталин», «Каганович» и «Молотов». Также имена партийных вождей несли танки, паровозы и многое другое. Морские суда с названиями «Николай Ежов», «Генрих Ягода» и другие принадлежали Дальстрою, организации могущественного НКВД.

Проходило время, и всех этих наркомов внутренних дел расстреливали, а их имена уходили в небытие. Соответственно, приходилось переименовывать и корабли.

Вот что рассказывал мне один старый моряк Каспийского пароходства. Он работал в Волготанкерном флоте. Там имелось судно «Иосиф Сталин». Техническое состояние его было неважное, поэтому работать на него моряки шли неохотно. Недовольный вновь назначенный на него моряк послал это судно «на три буквы». Естественно, он имел в виду пароход. Но его слова расценили иначе и посчитали, что он послал именно вождя. Парня обвинили по 58-й статье, и схлопотал он десять лет лагерей.

Присваивали судам и имена деятелей компартий братских стран: Отто Гротеволя, Вильгельма Пика, Хо Ши Мина, Вайяна Кутурье и многих других.

Сейчас порядок присвоения названий судам в корне изменился. На пользу это или во вред, пусть судит читатель.

КУСТАРЬ-БЕСПАТЕНТЩИК

Случилось это давно, наверное, лет тридцать тому назад, а то и больше. У меня возникла необходимость в приобретении хорошей ножовки. В магазине такими вещами в то время не торговали, очевидно, не присылали заводы-изготовители. Как-то в беседе сослуживец подал мне мысль: обратиться за помощью к кустарю-умельцу, жившему на одной с ним улице. Фамилии он его не знает, а знает, что известен он как Серега-Американец. На вопрос, почему он получил такое прозвище, товарищ ответил, что Серега раньше был моряком, и из Америки привез красивую меховую куртку-«канадку» желтого цвета. Щеголял в этой «канадке» на зависть всей улице, поэтому и получил такое прозвище.

Город в то время был сравнительно небольшим, я быстро пришел на улицу Партизанскую и стал искать Серегу. Первая же встречная женщина указала мне его дом. На мой вопрос, как его имя-отчество, она ответила, что не знает, а зовут его здесь все Серега-Американец.

Подойдя к указанному дому, я увидел во дворе чистившего снег голубоглазого мужчину со светлыми волосами. На мой вопрос, где живет Серега-Американец, он, улыбаясь, ответил, что это он и есть. Разговорились. Он был человеком словоохотливым. Оказалось, что он — старый моряк АКОфлота, начинал кочегаром второго класса, через несколько лет стал машинистом. До механика дослужиться не смог — помешала слабая грамотешка.

Рассказал, на каких судах работал, с какими капитанами. Особенно ему запомнился рейс в 1944 г. на пароходе «Эскимос». Вышли они зимой из залива Корф в США, в Портленд. Шли туда долго, штормило, уголь был очень плохой, поэтому приличной скорости развить не могли. После постановки в ремонт постепенно освоились, подружились с рабочими-судоремонтниками, заходили к ним в гости. Уровень жизни у американцев был, конечно, высокий, зарплата хорошая.

Командовал пароходом К. К. Берг. Этот рейс для него закончился неудачно: с парохода сбежал кочегар. В то время за такие происшествия наказывали строго. Берга сняли с должности и направили из Америки домой, в Советский Союз. Вся команда сочувствовала Карлу Карловичу.

«Стояли мы в ремонте пять месяцев, — рассказывал Сергей. — За это время я постарался приобрести наборы ключей и столярных инструментов. После прихода из Портленда прошло несколько лет, я женился и решил осесть

на берегу. Нашел место кочегара в больнице. Работа не тяжелая — сутки через трое. Но я стал плохо себя чувствовать. После суточного отдыха от дежурства в течение следующих двух суток не знал, куда деться от безделья. Решил устроить мастерскую, чтобы чем-нибудь заниматься. Сзади дома перегородил помещение размером три на два метра, вставил большое окно. Получилась светлая и удобная мастерская. Там поставил столярный верстак и старый кухонный стол. Дальше дело у меня пошло, как по маслу.

В то время все дома на нашей улице отапливались березовыми дровами, известными под названием «колбаны». Расколоть их было сущее мученье. Поэтому каждому жителю нужно было иметь хорошую пилу, топор и колун. А поскольку этот инструмент тупится, то нужен был и мастер по заточке. Обзавелся я электрическим наждаком и по случаю приобрел станок по насечке зубьев для пил и ножовок. Приходилось делать и топорища, благо березовых поленьев хватало с избытком. Дохода ощутимого мне это не приносило, работа, по сути дела, была копеечная. Но благодарные жительницы порой приносили и пол-литра. А это в то время был дефицит.

Беда пришла неожиданно. Однажды ко мне пожаловали участковый милиционер, председатель уличного комитета и сотрудница горфинотдела. Они заявили, что им поступили «сигналы», что у меня оборудована мастерская, и я работаю как кустарь-беспатентщик. Работница горфинотдела мне предложила оформить документы на производство и купить патент в финотделе горисполкома. Меня это страшно возмутило. Я завел их в мастерскую. Показал им устройство для насечки зубьев, состоявшее из пуансона и матрицы и умещавшееся на ладони. Со злости я выбросил его в сугроб и заявил, что производство самоликвидировалось, и нужда в регистрации и оформлении патента отпала сама собой. Наступило лето, растаял снег. Нашел я на огороде свое устройство и принес в мастерскую. Сейчас помогаю хорошим знакомым — точу топоры и при нужде насекаю зубья на пилы».

Вот так и закончил свой рассказ старый моряк Серега-Американец, чуть не пострадавший от ретивых служителей закона. «Веселое» тогда было времечко, когда поэтов судили за тунеядство, портних, шивших платья соседкам, и таких вот кустарей, как Серега, — за спекуляцию.

...Прошло много лет. Дома в этом районе давно снесены, жители разъехались. Потерял я из виду своего знакомого Серегу-Американца, о чем, конечно, сожалею. Жив ли сейчас «кустарь-беспатентщик», не знаю.

ОВОЩИ ИЗ ПФУСУНГА

Стояла середина августа 1962 г. Мы собирались идти с грузом на Командорские острова. Давая рейсовое задание, меня напутствовал начальник отдела эксплуатации Валентин Алексеевич Громов: «После выгрузки возьмете

груз пушнины с Командорского зверосовхоза. Указание директору зверосовхоза Тимофею Михайловичу Кастарнову уже дано. Примите на борт двух сопровождающих — сотрудников зверосовхоза. Они этот груз буду сопровождать до Ленинграда. Поставьте их на довольствие. Бункера до Владивостока вам хватит. Остальные распоряжения получите от нашего морского агента во Владивостоке М. В. Василенко. Бункер на обратный рейс пополните с наших судов во Владивостоке или Находке».

До Командор переход небольшой. По приходе быстро выгрузились и также быстро погрузились. На борт прибыли сопровождающие. Один — инженер, второй — мастер забойного цеха. После погрузки трюмы опечатали, выбрали якорь и взяли курс на Первый Курильский пролив.

Сопровождающие были веселые ребята, очень довольные тем, что командировка им предстоит до самого Ленинграда. Оказывается, в скором времени там будет проводиться пушной аукцион. Мечтали хлопцы и о том, что удасться вволю покушать помидоров и арбузов. Я хорошо понимал этих людей. Все-таки продолжительное проживание на малонаселенном острове дает о себе знать.

После прохождения Первого Курильского пролива нас немного потрепало штормом, но потом море успокоилось. Вот показался пролив Лаперуза. Сперва прошли мыс Анива, а потом и мыс Крильон. Рейс, конечно, был очень желанный. Конец августа и начало сентября — это самое благодатное время на Дальнем Востоке. На базарах и в овощных магазинах все ломится от обилия овощей и фруктов, везут много арбузов с юга.

Пройдя пролив Лаперуза, легли курсом на мыс Поворотный. Когда подошли ближе к дальневосточному берегу, решили зайти в бухту Ольга, подкрасить корпус, чтобы прийти во Владивосток в более приличном виде.

Бухта Ольга — одна из лучших гаваней в тех местах, совершенно укрытая от ветров, берега поросли густым лесом. В годы войны на случай нападения противника здесь базировался военный флот. По сути дела, там была военно-морская база. Но к моменту нашего прихода бухта была уже пуста, только в одном месте сиротливо размещался небольшой причал. После швартовки к борту подошел начальник портпункта, узнал, что за судно и куда держит путь. Побеседовали с ним и выяснили, что с уходом военных наступили тяжелые времена. Часть людей, работая у военных, обзавелась собственными домами и хозяйством. Сейчас, когда пришлось увольняться, выехать стало невозможно — некому продать дома. Вот и приходиться прозябать здесь.

Прошло несколько часов нашей стоянки. Приступили к покраске. Но тут к борту подошел пограничный катер, и начальник заставы передал, чтобы мы срочно снимались во Владивосток — это распоряжение начальника группы министерства С. Г. Гинера.

По приходе во Владивосток нас сразу же поставили под выгрузку. На борт прибыл морской агент М. В. Василенко и сказал, что постоять придется под погрузкой около недели. Дело в том, что груз — техническое снабжение для судоверфи и механического завода — будут собирать с приморских заводов — из Уссурийска и Артема и доставлять автомашинами. Кроме того, следует взять в Находке пятнадцать тонн лука.

Сообщению о такой долгой стоянке все обрадовались. Некоторым членам экипажа, и мне в том числе, представился случай съездить к родственникам в приморские города. А еще все решили воспользоваться возможностью запастись овощами и фруктами. На другой день весь экипаж потащил на борт помидоры, огурцы и арбузы.

Быстро пролетела неделя, и мы снялись в Находку. Загрузились там луком и решили взять еще овощей — чтоб семье хватило, да и родню со знакомыми не обидеть. Кто бы мог подумать, с какими приключениями мы будет добывать эти злополучные овощи!

В Находке оказался очень любезный морской агент, если не изменяет память, по фамилии Маслов. Он выделил нам автомашину. Послали команду в совхоз, расположенный в тридцати километрах от Находки. Но поездка оказалась неудачной: машина сломалась, не нашлось ящиков под помидоры. Пришлось ждать до утра. После оформления отхода сняться в рейс могли только к десяти часам. Конечно, я был расстроен, что потеряли время, и с овощами ничего не получилось. Но провожавший меня старый знакомый Олег Викторович Лаврентьев посоветовал:

— Здесь недалеко есть бухта Пфусунг (наверное, сейчас она уже называется иначе. — *Авт.*). Там километрах в двадцати от берега стоит большое таежное село. Мы как-то брали там овощи намного дешевле, чем во Владивостоке и Находке. Так что советую тебе зайти туда. Дорога там есть, автомашину найдете.

Сказано — сделано. Подошли к бухте Пфусунг. Высадились на берег, начали выяснять обстановку. На рейде стояло учебное судно Находкинской мореходки «Секстан». Поинтересовались у них, что это за село и как туда попасть. Тут подошел словоохотливый местный житель, разговорились. Он сказал, что, действительно, до села километров двадцать пять, дорога есть, овощи тоже там есть, и цена невысокая. Тут же оказалась и машина из этого села. Быстро сговорились с шофером. Он сказал, что едет туда, будет возвращаться обратно через два-три часа, и нас довезет. Лучше и не придумаешь! Никакого подвоха от шофера я, конечно, не ожидал.

Собрал пять человек команды и решил поехать сам. Дорога была болееменее нормальная. Часа через два добрались до села. Оно оказалось большое, дома добротные. Расположено в долине, вокруг стоит дремучая тайга. Поля обширные. Пока нашли ящики, отобрали помидоры и огурцы, время шло. Наконец, поздним вечером управились и стали искать шофера. Нам показали дом, где он живет. Вышедшая к нам молодая женщина оказалась его женой. Но тут началось самое неожиданное. Шофера дома не оказалось, его жена ответила, что она не знает, где он. Пошли узнать в контору совхоза, как нам добраться до бухты Пфусунг. Дежуривший сторож ответил, что машина на ходу только одна, и та уехала в соседнее село и будет только завтра. А других машин здесь нет. Может быть, подвернется из ближайшей воинской части.

Положение было отчаянное, настроение не лучше. Да-а, запаслись овощами, ничего не скажешь! Ночь просидели у костра. Утром, на наше счастье, подошла машина из воинской части, и шла она в Пфусунг. Старшина и шофер были люди приветливые и взяли нас с собой.

Добрались мы, наконец, до нашего парохода. Но тут узнал другую неприятность. Ко мне обратился радист: «Тимофей Михайлович! Я по диспетчерской дал, что мы идем на ходу, а на самом деле мы стоим уже шестнадцать часов. Как будем давать диспетчерскую?» Ничего не оставалось делать, как послать радиограмму, что продолжаем следовать в Петропавловск и дать координаты впереди по курсу.

По приходе в Петропавловск Громов встретил меня вопросом: «Почему вы так долго шли из Владивостока в Петропавловск?» Пришлось отвечать, что все время был противный ветер и встречная зыбь, да еще у механика грелся подшипник, не могли держать полные обороты главного двигателя. Не мог же я ему сказать, как все было на самом деле! В общем, кое-как выкрутился, на этом и кончилось.

Прошло два года. Я находился в сельдяной экспедиции, мы вырабатывали сельдь баночного посола. Обратил внимание на то, что сейнер, который сдает нам рыбу, приписан к колхозу, расположенному в бухте Пфусунг. Познакомился с его капитаном Александром Михайловичем. Как-то в разговоре я рассказал ему, как попал в таежное село и еле оттуда выбрался. Александр Михайлович оказался уроженцем этих мест. Он мне сказал так: «Хорошо еще, что вы так быстро выбрались. Это село таежное, староверческое. Советскую власть там не любят. В начале 1930-х гг. их здорово пошерстил НКВД. Частью жителей расстреляли, а частью пересажали в тюрьмы. До сего времени между нами, береговыми, и ими отношения прохладные».

...Вот так мы съездили за овощами. Слава Богу, «овощные» неприятности обошлись без серьезных последствий.

«ШОВИНИЗА»

Эту историю рассказал еще во времена моей молодости старший брат моего тестя, Лев Арефьевич Комаров. Их большая семья стала первыми поселенцами в Шкотово, перебравшись на вольные хлеба из Перми. Надо

сказать, что царское правительство выделяло по сто десятин земли тем, кто поселялся на хуторах, включавших участок леса или ручей. Но послушаем самого Льва Арефьевича:

— Добрались мы на благодатные и богатые приморские земли только на третий год. Транссибирская магистраль еще не была проложена, и часть пути пришлось проделать обозами. Для хлебопашества выделялась отдельная земля, так называемые заимки. Наша семья занималась хлебопашеством и рыбной ловлей. В районе Шкотово была хорошая охота, росло много кедрового леса. Заготавливали множество кедровых орехов.

Как я помню себя, в наших селах проживало много китайцев и корейцев. Вражды между нами особой не было. С детства мы знали китайский и корейский языки. Не иероглифы, конечно, но разговаривать могли свободно. Знание языков облегчало нашу жизнь и общение.

В годы гражданской войны мы с братом партизанили в отряде товарища Шевченко. Но кончились гражданская война и интервенция. Многие из жителей Шкотово завербовались на рыбные промыслы. Рыбалок было много по всему дальневосточному побережью, Северному Сахалину и Амуру. Зимой во Владивостоке сколачивались артели и весной на зафрахтованном пароходе добирались до места назначения.

В 1932 г. я работал в бухте Терней на рыбалке неводчиком. После окончания рыбалки меня назначили сдавать рыбопродукцию во Владивостоке. После сдачи рыбы я остался зимовать у себя дома, в Шкотово, а весной надобыло возвратиться в Терней, готовиться к следующей путине.

Весной 1933 г. я был во Владивостоке и ждал попутного парохода в бухту Терней. В это время как раз началась кампания по борьбе с шовинизмом. Что же представлял собой этот шовинизм? Это когда русский называл украинца хохлом, узбека — сартом, украинец русского — кацапом, грузина — капказским человеком, еврея — жидом. А на Дальнем Востоке китайца называли фазаном, или, иначе, фырганом.

В царское время почему-то на этой почве столкновений не было, и из этого проблемы никто не делал. В 1916 г. я стал свидетелем такого случая. В китайской лавочке офицер попросил китайца-лавочника продать ему календарь с портретом царя Николая II. То ли китайцу неудобно было снять и подать этот календарь офицеру, то ли еще по какой-то причине, но он стал отнекиваться, а офицер настаивал. Наконец китаец взял календарь с рисунком «Три богатыря» Васнецова и, протягивая его офицеру, сказал: «Возьми вот этот календарь. А этот не бери. Его царь — дурака». На что офицер возмутился и сказал китайцу: «Как же ты, чужеземец, живешь на русской земле и ругаешь нашего царя?!» Позвали дежурившего неподалеку полицейского. Подошедший полицейский уяснил суть дела, составил протокол и оштрафовал лавочника-китайца на двадцать пять рублей. Надо сказать, что такая

сумма в то время была весьма ощутимой. Хороший костюм стоил около сорока рублей.

Наступили тридцатые годы, началась пресловутая борьба с шовинизмом. И пришлось мне наблюдать уже другую сцену. На суйфунском рынке у киоска стояла очередь. В нее пытался вклиниться китаец, а его вытаскивал за рукав русский мужик со словами: «А ты куда, птичка, лезешь без очереди?» На что китаец ответил: «Твоя чего, марга пи (китайское ругательство. — Авт.), говори "птичка"? Боись сказать "фазана"? Шовиниза, шовиниза!» И ведь по тогдашнему постановлению мог русский мужик за свой «шовинизм» схлопотать несколько лет тюрьмы!

А вскоре и мне пришлось на своей шкуре испытать, как наши власти боролись с шовинизмом. Я остановился в частной гостинице, прожил там три дня. Наконец договорился с капитаном одного небольшого буксира, что он возьмет меня пассажиром до Тернея. Но капитан сказал мне, что у него нет уверенности, что они завтра будут сниматься, могут и задержаться. Чемодан с вещичками я оставил на буксире и вернулся в гостиницу. На всякий случай на другой день заплатил хозяйке гостиницы за день вперед и сказал, чтобы для страховки она ночевать в номер никого не пускала, вдруг отход сорвется.

На другой день худшие опасения подтвердились: к вечеру стало ясно, что отхода не будет. Поздним вечером я пришел в гостиницу. Но хозяйка меня огорошила, заявив, что, несмотря на ее протесты, номер занял постоялецкореец. На мое требование освободить номер, так как за него уже заплачено вперед, он ответил отказом. Такая его наглость меня возмутила, и я, недолго думая, в этой перепалке смазал его по шее. Кореец выскочил из гостиницы, а я улегся спать. Но примерно через час он вернулся с двумя милиционерами, и повели меня в близлежащее отделение милиции.

В то время отдельных камер для такого рода нарушителей не было, и меня усадили в общую огороженную барьером площадку, где находилось десятка полтора бродяг и мелкого жулья. Ночь коротать пришлось кому на жесткой лавке, а кому — на заплеванном полу. Ругал я себя, конечно, за случившееся, но ничего изменить уже было нельзя.

Около семи утра я закемарил. И вдруг слышу голос над моей головой: «Лева, как ты попал в такое общество? На тебя это не похоже!» К моему удивлению, это оказался приятель по молодым годам Гриша Пономарев, мы вместе партизанили в отряде Шевченко. Он был заместителем начальника райотдела милиции. Завел меня в свой кабинет и спросил, что произошло, как я оказался в этом заведении. Рассказал, как все было. Спросил он меня, чем я сейчас занимаюсь, все-таки давно мы с ним не виделись. Пояснил, что сейчас добираюсь на место работы в Терней. «Твое счастье, что ты встретил меня, — сказал мне Гриша. — У нас сейчас началась кампания по борьбе

с шовинизмом. Сколько уже пересадили людей! Срок два или три года — как разменная монета. А твое положение незавидное. Этот кореец работает следователем в нашем отделении. Так что ты можешь схлопотать до пяти лет. И защитить тебя я не смогу. Единственное, что для тебя могу сделать, так это сейчас же отпустить, пока он не пришел на работу. Но ты сейчас же на любом катере уходи из Владивостока. А то он тебя найдет на дне океана».

Обидно мне было, что шовинизм этот тут был ни при чем. Точно так же я мог дать по шее за наглость любому мужику, независимо от его национальности. Но сейчас все складывалось в пользу «пострадавшего» корейца — и борьба с шовинизмом, и его служебное положение.

Попрощался я со своим спасителем и быстро поспешил на буксир, не заходя к хозяйке гостиницы. На мое счастье, на буксире уже готовили машину, собирались отходить. Когда отдали концы и подошли к мысу Голдобина, я облегченно вздохнул.

По прибытии в Терней я с перепугу остался работать там постоянно. Выезжать во Владивосток желания не возникало. Появился я там только в 1937 г., и то ненадолго.

Но тут уже началось другое время, пострашнее. Стало не до шовинизма. Китайцев и корейцев выселяли с Дальнего Востока в Казахстан и еще куда-то. Все получилось по словам Великого Вождя и Учителя: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». Когда на нашем Дальнем Востоке не осталось корейцев и китайцев, то и само понятие «шовинизм» исчезло...

Вот такую историю рассказал мне Лев Арефьевич. Я не удержался и спросил его, не доводилось ли ему встречаться со своим спасителем Гришей Пономаревым. На что он мне ответил: «Да нет, не пришлось. Началась война. Гриша был парень честный и порядочный, попросился на фронт добровольцем, хотя мог остаться по брони, которую имел как руководящий работник милиции. Попал на передовую и сложил свою голову в боях под Москвой. Не помоги он мне тогда, кто знает, как сложилась бы моя жизнь».

УРОК КАПИТАНА

Владивостокский порт, 1948-й год. Я — молодой второй помощник капитана парусно-моторной шхуны управления Камчатрыбфлота «Коралл». Шхуна глубокой осенью 1947 г. пришла из Финляндии из новостроя во Владивосток, где зазимовала. К июню 1948 г. судно было загружено и готовилось к переходу в порт приписки Петропавловск-Камчатский. В то время дипломированных специалистов не хватало. У нас в штате отсутствовал второй механик-дизелист. Как раз в Морском агентстве появился наш работник Царев. Был он старшим механиком на одном из пароходов, имел второй разряд и легко согласился пойти к нам вторым механиком.

Но дело осложнялось тем, что Царев имел диплом механика-паровика, а нам требовался дизелист. Это предстояло «утрясти» с капитаном рыбного порта. Внесли в судовую роль Царева как второго механика. Теперь надо было обратится с ходатайством к капитану рыбного порта, чтобы он выпустил Царева в море.

Капитаном на «Коралл» назначили штурмана дальнего плавания Алексея Михайловича Чубатова. Мужик он был гонористый и с первых дней вел себя высокомерно. Вместо того, чтобы послать капитану порта письмо с просьбой, он написал, что капитан шхуны не возражает, чтобы в рейс на должности второго механика выйдет паровик Царев, а не дизелист — как положено по Кодексу торгового мореплавания.

При оформлении отхода в службе капитана порта дежурный портнадзиратель сказал, что выпустить нас под свою ответственность не может. «Поскольку день выходной, то никого кроме меня на службе нет. Капитан порта находится дома и занят на своем огороде. Если хотите — идите к нему домой». Я согласился, и он дал мне адрес. Как сейчас помню, это был частный дом на мысе Чуркина. Стоял летний день, и, как всегда летом, во Владивостоке было сильно влажно и очень жарко. Поскольку автобусы в то время ходили с большими перебоями, то пришлось мне идти пешком. Наконец подошел я к нужному дому и постучал в калитку. Меня встретил высокий седой старик, одетый в робу, испачканную землей, со старенькой фуражкой на голове.

«Зачем пожаловали, молодой человек?» — приветливо спросил он. «Да нужда привела». «А ко мне без нужды никто и не ходит. Рассказывайте». Коротко я изложил ему свою просьбу и протянул ходатайство.

Прочел он нашу бумагу и спросил меня: «Я все-таки не пойму, кто кого просит о механике Цареве, я Чубатова или Чубатов меня? Если надо вам, то и просьбу надо писать на мое имя, что мы просим выпустить в море вторым механиком Царева — механика-паровика. А то у вас написано "не возражаю", как будто об этом одолжении прошу вас я. Так что, молодой человек, идите на шхуну, перепишите эту бумагу, как положено, и приходите сюда. Неудобно, конечно, гонять вас, но как писать деловые бумаги, вас надо приучать с молодых лет».

Через час я прибыл на шхуну и рассказал о своем разговоре с капитаном порта. Ходатайство переписали, и я снова отправился к нему. Увидев меня с новой бумагой, тот заулыбался и написал на судовой роли резолюцию: «Выпустить в море на должности второго механика Царева, имеющего диплом механика-паровика второго разряда».

Прошло уже почти шестьдесят лет после этого случая. Обиды на капитана порта я не имею. Но урок получил на всю жизнь. После этого я всегда внимательно относился к составлению деловых бумаг. К сожалению, за давностью лет фамилия капитана порта в моей памяти не сохранилась.

Ниже мы приводим два фрагмента из воспоминаний Зои Александровны Зайцевой, жены знаменитого дальневосточного моряка и организатора рыбной промышленности Александра Игнатьевича Дудника. Воспоминания переданы в редакцию «Вопросов...» известным журналистом Вячеславом Михайловичем Иваницким, исследователем биографии А. И. Дудника, автором замечательной книги об этом удивительном человеке — «Жил отважный капитан» (Владивосток, 1990 г.).

В 1943 г. З. А. Зайцева — молодой преподаватель русского языка и литературы Владивостокского рыбного техникума — была руководителем практики студентов на принадлежавшем Дальстрою, ведомству всесильного НКВД, пароходе «Феликс Дзержинский». Этому периоду ее жизни посвящен сюжет «В Америку на "Дзержинском"».

Второй рассказ — «Путина тревог и надежд» — относится к весне — началу осени 1945 г. В это время З. А. Зайцева вновь отправилась в море руководителем практики, на сей раз на самое большое судно в «системе» Наркомыбпрома СССР — рефрижератор-плавзавод «Пищевая индустрия». Им и командовал А. И. Дудник. Из текста читатель поймет, что их встреча оказалась для обоих «роковой» — вскоре З. А. Зайцева стала женой капитана. Дальнейшая их жизнь связана с Камчаткой. В 1947—1952 гг. З. А. Зайцева преподавала в Петропавловск-Камчатском морском рыбопромышленном техникуме (позже преобразованном в Петропавловск-Камчатское мореходное училище).

Воспоминания присланы в виде множества писем из г. Алушта, в котором 3. А. Зайцева жила в последние годы. Связь между ней и В. М. Иваницким прервалась в начале 1990-х гг. К сожалению, мы не располагаем подробными биографическими данными об авторе. Сама она их не сообщала, а ее личное дело из архива «мореходки» списано и уничтожено с формулировкой «по истечении срока хранения».

3. А. ЗАЙЦЕВА

В АМЕРИКУ НА «ДЗЕРЖИНСКОМ»

Призыв на войну значительно сократил количество преподавателей- мужчин рыбопромышленного техникума во Владивостоке, где я с осени 1939 г. преподавала русский язык и литературу. Проводить занятия приходили капитаны и механики с судов, стоявших в порту. В учительской часто обсуждались случаи из морской жизни, сообщались подробности гибели наших судов, говорилось о сложности плавания в условиях войны. Капитан Владивостокского порта Колотов иногда блестяще и увлекательно разбирал перед студентами случаи аварий, по принципу: на ошибках учимся. Многих

старшекурсников призвали в армию. Младших мальчиков готовили для пополнения личного состава флота.

Летом 1943 г. возник вопрос: где проходить практику студентам второго курса? Торговые суда совершали регулярные рейсы в Канаду и США для перевозки военных грузов. Их команды нуждались в пополнении, в опасных военных рейсах работы у моряков прибавилось. Пароход «Феликс Дзержинский», приписанный к Дальстрою, готовился к рейсу в Канаду. Директор техникума Геннадий Александрович Помалейко предложил зачислить в команду группу студентов штурманского отделения. Капитан Петр Павлович Караянов согласился взять нашу молодежь, но поставил условие, что с группой пойдет преподаватель-руководитель, так как у командного состава совсем не будет времени заниматься вопросами практики, дисциплины и быта наших юношей.

Я почти бессменно избиралась в местный комитет профсоюза, часто вникала в вопросы студенческой жизни помимо занятий, постоянно бывала в общежитии. Снизу вверх почтительно посматривала на бывалых моряков при беседах в учительской. Меня очень занимала та таинственная, незнакомая мне жизнь в плаваниях, к которой я каждый день вместе с коллегами готовила молодежь. Я все более утверждалась в мысли, что ее, эту морскую жизнь, нужно хотя бы поверхностно знать, чтобы быть честным учителем. Да и всеми нами по обстоятельствам войны владело чистое чувство патриотизма, звавшее быть более полезным тут, в тылу.

Я попросила послать меня руководителем группы на один рейс, до начала занятий. Директор решил, что я справлюсь с обязанностями, и в порту, в конторе, началось оформление наших документов. В числе студентов штурманского отделения были две девушки. В судовую роль всех вписали на соответствующие должности, а меня нельзя было оформить руководителем — судно шло за границу, там бы не признали моей роли. Меня записали санитарным матросом. Потом я даже получила зарплату — несколько долларов для расходов на берегу. У меня аккуратно сняли отпечаток пальца. Приложив к канцелярской подушечке с чернилами, я прижала палец к листу в морском паспорте, который выдавался взамен обычного. Все наши документы передали помощнику капитана.

В день отхода мы явились на судно. Студентов разместили в помещениях на нижней палубе. Мне предложили просторную пассажирскую каюту на верхней палубе. Нас встретил старший помощник капитана Аласания, очень энергичный, расторопный и строгий. Береговые власти проверили документы, соответствие людей судовой роли и после полагающихся формальностей дали «добро» — разрешение на отплытие.

Нам строго приказали соблюдать светомаскировку. Судно шло без огней. Даже двери на палубу просили открывать ночью пореже, без необходимости не ходить, чтоб не проблескивал огонь, свет из внутренних коридоров. Вахтенный матрос вошел ко мне в каюту и научил меня закрывать медной крышкой иллюминатор. В нем стояло толстое стекло в массивной медной оправе, герметически прижимавшейся винтом. Под иллюминатором против двери стоял мягкий диван, в углу у внутренней переборки была укреплена очень высокая кровать. Матрац помещался над большими деревянными ящиками для одежды и вещей. Доска загораживала его и не давала скатиться с постели. Письменный стол, стул и маленький умывальник у дверей дополняли обстановку. Кроме плотной массивной двери имелась еще и вторая, с решеткой вроде жалюзи. Наклонные планки не позволяли видеть, но пропускали много воздуха и звуки судовой жизни. Этой решетчатой дверью я пользовалась, боясь плотно закрываться, особенно в шторм. Ночью одной бывало так страшно, что совсем не закрывала дверей на крючок, думая, что может возникнуть надобность быстро выскочить из каюты — шторм, война.

Дверь каюты выходила в великолепный широкий коридор, отделанный дорогим деревом, с белым полом, длинные ровные доски которого сияли чистотой, а щели между ними были залиты черным варом. Коридор прерывался выходами. В центре между коридорами располагалась кают-компания с двумя длинными обеденными столами. За ней буфетная, затем загороженный верх машинного помещения, следом большая гостиная. Пассажиров не было, и наша кастелянша в этих великолепных пустых коридорах развешивала простыни для просушки после очередной стирки. На нижней палубе коридоры были поуже, иллюминаторы в каютах наглухо закрыты предохранительными крышками на случай, если бы волна разбила стекло. Выходить оттуда можно было только вверх, по трапам.

Утром я увидела в иллюминаторе высокие свинцовые валы, далекий горизонт. Начиналась моя морская жизнь. Нужно было вовремя явиться к завтраку.

В кают-компании стюард указал мне мое место, оно было свободно, потому что один из помощников капитана стоял на вахте. Места за столом занимались согласно этикету. Во главе стола сидел капитан, справа от него помощники по старшинству, слева — старший механик и механики по старшинству, радисты, между ними врач. Опоздавший должен был спросить у капитана разрешение сесть за стол. На советских судах готовится одинаковое питание для команды и командного состава. В матросской столовой на нижней палубе дневальный матрос подает всем те же блюда, что в кают-компании, но посуда там попроще и шуму побольше.

Я удивилась, что старший механик Рыбас ворчал за завтраком, недовольный малой порцией сосисок. Мы на берегу получали паек по карточкам. Мясо выдавалось в виде банки консервов раз в месяц. В студенческой столовой неизменно подавался кусочек соленой рыбы, хлеба недоставало, молоко было недоступной роскошью. На судне, шедшем за границу, мы увидели

колбасу, сосиски, белый хлеб, мясные блюда за обедом, отличную рыбу и, о роскошь, — яблоко после каждого обеда. Наши мальчики получили возможность наесться досыта.

После обеда капитан обычно еще оставался некоторое время за столом, беседуя с людьми из его окружения. Немного освоившись, я была не прочь послушать, каков ход судна, погода, новости, полученные по радио. В учительской техникума мы все были равными собеседниками. А в кают-компании соблюдался все тот же этикет. Вежливо шутя, четвертый помощник дал мне понять, что из-за стола надо вставать одновременно со всеми и не стоит всюду совать свой нос.

Боцман распределил утром студентов на работы, мне оставалось присматривать за ними. Вахтенный матрос сообщил, что меня вызывает капитан. Его каюта находилась над кают-компанией и была так же просторна, отделанная дорогим деревом. Сияли безукоризненной чистотой скатерти, занавески и светлый, натертый до зеркального блеска паркет. Каюта походила на квартиру из нескольких комнат — кабинет, спальня.

Петр Павлович Караянов был чуть полноватым человеком средних лет. Очень спокойный, неторопливый, он располагал к себе приветливым обращением и умением держаться просто. Позднее я встречалась с другими капитанами, бывала и в плавании, но той доверчивости, легкости при разговоре и чувства обаяния, какие вызывал во мне Петр Павлович, каждое слово которого я принимала как подарок, уже не возникало. За время рейса он несколько раз заходил посидеть со мной несколько минут. Проводил рукой по решетке двери, я кидалась открыть ее на этот звук, он садился у стола, и мы беседовали.

Очень рано, ребенком, пошел он плавать на Черном море. Его обязанностью было заправлять судовые лампы, чистить стекла. Работа ежедневная, скучная, и он, отвлекаясь другими делами, а иногда и игрой, откладывал заботу о лампах. День кончался, и вдруг оказывалось, что лампы еще не приготовлены. Вот тут ему здорово попадало — запомнил он и рассказывал с чувством.

Иногда Петр Павлович говорил, что его волнует будущее маленького сына, которого он мало видит и уделяет ему внимания, редко бывая дома. Через год я была потрясена известим о гибели мальчика. Он поехал в Находку посмотреть вновь строящийся порт. Там случилась авария, произошел какой-то взрыв... Словно за смертью явился в тот день туда этот любимый ребенок Петра Павловича.

В тот, первый, мой день в море, капитан сказал мне, что следует ознакомиться с судном и некоторыми работами, чтобы знать, что требовать с практикантов. По его приказу матрос принес кусок пенькового троса. Тут же на паркете капитан пояснил мне, как правильно уложить его в бухту, на шкертике показал, как вяжутся некоторые морские узлы, затем пригласил меня пройтись по судну.

Это была любезность: он нашел бы как использовать свое время и мог предоставить меня своим собственным наблюдениям. Но Петр Павлович не спеша объяснил мне названия палуб, способ спуска шлюпок на воду. В носовой части судна он показал канатный ящик, в который укладывалась якорная цепь, и посоветовал спуститься в него, чтоб видеть все своими глазами. На мне было светлое пальто из коверкота, единственное и в случае порчи незаменимое. Я в канатный ящик полезть не отважилась. Капитан провел меня по всем основным помещениям. Совершенно не помню, была ли я в машинном отделении. На практику в тот раз отправились будущие штурманы, а не механики. А теперь в памяти возникают другие кочегарки и цилиндры, уже из последующих плаваний. Машин «Дзержинского» не помню.

Судно было перестроено после покупки. Ранее оно строилось для прокладки кабеля по дну океана, когда впервые осуществлялась такая связь с Америкой. Кабель на громадных катушках помещался в трюме за машинным отделением и по мере движения выпускался. Поэтому остались крепкие переборки, большие, просторные помещения. Вспоминаю себя в одном из них, где капитан кратко и интересно рассказывал мне историю судна.

Я взялась за учебник морской практики, как за очень увлекательную книгу, так как вскоре предстояло проверять дневники и отчеты практикантов. Мне разрешили бывать на мостике. Через большие стекла рубки можно было смотреть в бинокли, хранившиеся в специальных карманах. Прибор Сперри удерживал руль на заданном направлении, и рулевому матросу было легче нести вахту. За работой прибора, помещенного где-то внизу, следил специалист — сперрист. Эхолот был новинкой, ему не очень доверяли и проверяли его показания, сопоставляя с собственным знанием моря.

Я с затаенным восторгом наблюдала за моряками на вахте, чувствуя исключительность своего приобщения к будням навигаторов. Они проверяли ветер, брали координаты с помощью секстана, делали расчеты, учитывали показание вертушки, считавшей пройденное расстояние.

Мы шли на север. Погода стояла холодная, пасмурная, ветер врывался в рубку, если выходили на крыло мостика. Нужно было помнить, что в рубку следует входить с подветренной стороны. Вдали от берегов всегда спокойнее: нет опасностей, судно идет прямо. Штурман делает поправки на течение и ветер. При приближении к повороту всегда докладывали капитану, и он или тотчас приходил на мостик, или разрешал поворот. Из-за войны некоторые маяки не действовали, плавание усложнялось. По навигационным документам было точно известно, какой маяк через сколько секунд дает проблеск — на его башне вращался щит, и свет фонаря открывался во тьме ночи по точному расчету. С момента появления света определялось расстояние до маяка.

Ночные вахты несли с минимальным освещением рубки, с прикрытыми щитками лампами, шли без сигнальных ходовых огней, рискуя столкнуться с встречным судном. Поэтому на самом носу нес дополнительную вахту впередсмотрящий матрос — в темноте, на ветру, один, далеко от всех, в брызгах пены.

Практиканты занимались палубными работами: обивали ржавчину — вечная, скучная и необходимая работа, красили, заделывали концы канатов, осматривали покрытия трюмов, чистили медь и мыли палубу. Вспоминаю, как со спардека, поеживаясь от ветра, я присматривалась к работе группы студентов на носовой палубе. Боцман показывает, как ее мыть. Из шлангов ее скатывают забортной водой, трут швабрами, снова скатывают, скоблят пятна. Резиновые сапоги тяжелы, одежда местами намокла от струй. Боцман торопит. От движений жарко, отставать от ритма нельзя. Мне глубоко жаль девочек, полощущихся в этой танцевальной сюите. Как им еще далеко до права стоять вахту на мостике!

Работа труднее, чем они ожидали. Мальчики находчивей — кто залезет в шлюпку и подремлет, кто охотно побежит передать поручение, кто просто немного поленится. Девочки на виду, к ним присматриваются. Вот однажды они жалуются мне на невыносимую грубость боцмана. Он не ругается, но он цинично говорит: «Тяни, тяни, все равно рожать не будешь».

За той, которая пококетливей, уже ухаживает один из механиков. Он женат, из каждого рейса привозит молоденькой жене подарки, ревнив. А тут явно желает понравиться, хочет побыть с девчушкой на пустынной палубе. У нее в ушах появились какие-то сережки. Я оказываюсь в роли наседки перед выводком и, конечно, смешна, как наседка. В техникуме у меня был бесспорный авторитет. Здесь — у меня нет морских качеств, в море я не моряк, порой излишне строга — скучно. Не красавица — не соблазнительна. А тем, кто работает физически, еще странно — зачем я здесь, ничего не делающая?

Уставший старший помощник капитана после тяжелой вахты в излишне резкой форме выговаривает мне за легкомысленных мальчишек. В техникуме бывали щелчки, но вежливые. Здесь без экивоков. Я осматриваю кубрики, учу заправлять постели, требую порядка в рундуках — индивидуальных узких шкафах, посылаю стирать брошенное в угол белье, требую, чтобы просушили робу до следующей вахты, чтобы ложились спать после отбоя. Дневники кое у кого уже запущены — нужно сразу много записать, работа над программой практики откладывается на «потом». Не все легко переносят качку, уставшие за день на ветру, просыпают подъем. Вечером в кубриках идет веселая возня, борьба, кое-кому нравятся двусмысленные песенки, услышанные у бывалых моряков — нужно там показаться, напомнить, что у нас коллектив.

Кое в чем мне помогает помполит — помощник капитана по политической части. То деликатно дает дельный совет, то сам побывает в студенческих кубриках и авторитетно поговорит. Он инженер по образованию. Назначе-

ние на судно — его партийное поручение. Но он смущен тем, что другие мужчины на фронте, а он живет с комфортом, и совесть его заставляет быть деятельным — дисциплина, соревнование, питание, выбор безопасного пути, сводки о боях по радио, поведение в иностранном порту, взаимоотношения в экипаже — масса повседневных, порой очень острых дел.

Судовой врач Вера Васильевна Прозорова по специальности окулист. Она старше меня лет на восемь, плавает два года и немножко ласково меня опекает. Посвящает в некоторые подробности судовой жизни, дает совет, как держаться в затруднительных случаях, приглашает посидеть у нее в каюте в жуткие штормовые вечера.

Всему экипажу после выхода из порта делаются прививки, без них нас не примут в порту прибытия. Вера Васильевна поручает мне быть ее помощницей, и за день уколов я знакомлюсь почти со всем экипажем. Дочка Веры Васильевны где-то за линией фронта с ее родными. Вера Васильевна волнуется, плачет. В кают-компании многие почтительно ухаживают за ней. Она красива броской южной красотой, нарядно одета в купленные в Америке платья, к тому же у нее имеется запас спирта, дозу которого кое-кому удается выпросить. У нее есть власть по санитарной линии. На камбузе и в пекарне ее немного побаиваются. Позднее, на другом судне Вера Васильевна попадет под обстрел с самолета. При встрече во Владивостоке она, все еще охваченная ужасом, расскажет мне о раненых, о пулях, попавших в ее каюту, об охватившей ее панике.

Слева в туманной дымке чуть виднеются вулканы Камчатки. Мы идем в Берингово море. Нам нужно забраться в высокие широты, чтобы избежать сюрпризов войны. В рубке советуются — насколько высоко подниматься, насколько рисковать. В довольно ясный день близко справа видна земля — Командорские острова. Волнующее зрелище — наблюдать землю с моря. Берег становится выше, видны скалы, стаи птиц. И вдруг дыхание перехватывает — четко заметен черный остов судна, наклонно, почти вертикально затонувшего в проливе. Это севший на камни лесовоз «Большой Шантар». Видеть его грустно и тревожно. Тоскливое чувство долго владеет мной. Мы уходили, земля тает вдали.

Через несколько лет я еду на Камчатку и знакомлюсь в пути с буфетчицей, направлявшейся на судно по новому назначению. Она рассказывает мне о гибели «Большого Шантара», на котором в тот рейс ходила буфетчицей. Груженный лесом, он долго оставался на плаву, и это спасло моряков. Эта женщина, много лет проведшая в море, утверждала, что гибель накликал один человек, который все посвистывал, а в море, если не хочешь беды, без надобности не свищи.

Мы идем без груза с пустыми трюмами. Облегченное судно становится игрушкой волн. Ночами я слышу пугающий звук. Подобно тому, как, сидя

в лодке, вы слышите, что в ее дно ударило большое бревно. Это когда под килем находятся две волны, и на спуске днище ударяется о первую. Штормит. Катаюсь в постели. Все, что не закреплено, качается и двигается. Ходить можно только придерживаясь за натянутые леера, иначе по наклоняющейся палубе быстро побежишь не туда, куда хочется. Тарелку с супом лучше держать в руке, хотя у стола на такой случай есть бортик. Есть не хочется. Котлета кажется совсем безвкусной, и нужно сделать усилие, чтобы ее доесть. Лучше всего пойти на палубу — там ветер, и ощущаешь себя лучше.

А люди работают. Проверяют снасти, заново обтягивают брезент на трюме — волной выбило крепление, крепят шлюпки. Где-то внизу, очень глубоко кочегары пританцовывают у горячих котлов, стараясь сохранить равновесие. Боцман пытается всех занять — работать лучше, чем думать о шторме. Плетутся маты, кранцы, делаются огоны — петли на канатах, смазывается проволочный трос. Но кроме расхода энергии на труд, нужно напряженно удерживать равновесие, подавлять тошноту, переносить головную боль. Накапливается усталость, хочется спать, появляется раздражительность.

В поисках свежего воздуха мы с Верой Васильевной забираемся на верхнюю палубу, где закреплены шлюпки, и садимся прямо на палубу за радиорубкой, чтоб загородиться от встречного ветра. Перед нами небывалое зрелище. Судно взлетает на гору волны, вокруг кипящий котел серо-зеленой зыби, над которой завиваются белые гребни. Все движется и все грохочет. Судно катится вниз — громадная корма летит перед нами высоко вверх, а еще выше над ней нависает голубоватая стена воды с белым гребнем наверху. Мгновение кажется, что она, несомненно, рухнет на палубу, но вот плавно уходит под корму, и судно опять взбирается на гору, плавно покачиваясь с борта на борт. Не можешь не думать о возможности беды, представляешь посадку в шлюпки, живо воображаешь свою беспомощность. Вспоминается судно типа «Либерти», переломившееся в море, и люди, скользившие по залитым нефтью палубам. Скрипят мачты, скрипят переборки, многие часы ничего не меняется. Наверху холодно, в каюте душно.

Ясным вечером, а может быть белой ночью, потому что мы далеко на севере, входим в узкую длинную бухту — следуем в Датч-Харбор. Непривычно после многих дней видеть берега. Они поднимаются с обеих сторон крутыми холмами, сплошь зелеными. Но зелень странная, как бархат. Или это мхи, или сплошные кустарники. Деревьев нет. Я робко забираюсь в рубку, боюсь помешать. Капитан, его помощники, старший механик — все сосредоточенно наблюдают и вычисляют. Идет какой-то эксперимент, кажется, проверяют, сколько проходит судно, застопорив машину. «В узкостях стармеху полагается быть у машины», — Рыбас идет вниз.

Мы медленно подходим к пирсу, появившемуся за поворотом, швартуемся. На косогоре домик, на пирсе офицер. Мы у американцев. Очень хочет-

ся сойти на берег, но пока нельзя — это чужая земля. Получены сведения, в какой порт идти, отмечена наша явка. Помню, что брали воду, шланг с пирса, матроса или солдата, его поправляющего.

Теперь мы в Тихом океане и спускаемся к югу. Иногда внезапно появляется самолет, делает круги над судном, низко, чуть не задевая мачты, оглушая шумом. Наше судно выкрашено в серый защитный цвет, на крыше рубки написаны краской буквы «СССР», вернее, «USSR», для опознавания. Но чей самолет, не будет ли стрелять, как уже бывало? Ощущение тяжелое. Вот самолет уходит. И так несколько раз.

Мы идем в канадский порт Ванкувер. Вот показались берега. Перед нами очень длинная бухта. Чудный солнечный день, небо голубое, вода почти синяя, и тысячи белых крупных, очень мохнатых птиц кружат над судном и далеко впереди. По берегам возникают парки, серые большущие здания. В намерении удивить меня помощник капитана, свободный от вахты, говорит: «Вот, сейчас будем рубить мачту, чтобы пойти под мостом». Я не удивлена. Знаю: «рубить» — значит, наклонить. Меня больше занимает зрелище возникающего города, громадный мост через бухту, цвета предметов. Вот она, Америка. Я вижу ее.

На судне идет тщательная приборка. Мне велели проверить кубрики, чисто ли прибрались мальчики. Я дважды предлагаю убрать грязное полотенце, все еще висящее на виду. Вот мне уже в повышенном тоне говорят, что я недостаточно все проверила — все то же полотенце. Ищу среди работающих студентов его хозяина и требую при мне спрятать грязную вещь. Наш богатырь раздражен придирками, он хватает полотенце и выкидывает его в иллюминатор. Все взволнованы, администрация покрикивает — нам предстоит проверка. Пароход швартуется в порту, далеко от города. Приходят власти, проверяют судовую роль, вызывая каждого из нас, делают санитарный осмотр. Сразу присоединяют телефон. Оформляются документы, начинается погрузка.

Многие грузчики приехали на своих машинах. На судно они принесли маленькие сундучки. Это обед, приготовленный дома. Трюма раскрыты, грузят металл — небольшие плашки. Один грузчик русский, разговаривает, предлагает газету. Он уехал из России в 1931 г. Значит, бежал от кооперирования. Это несколько настораживает нас. Когда он приглашает троих из нас поехать к нему и познакомиться с его канадской семьей, помполит не советует принимать приглашение во избежание неприятных разговоров в гостях.

Мы с Верой Васильевной идем погулять. За воротами порта пригородный поселок. Коттеджи. Перед каждым ухоженный газон, цветы. Тихо и безлюдно. Играющие дети нарядны, упитаны, розовощеки. Невольно думаешь — войны тут не знают. В мелочной лавочке хозяин появляется только после звонка, вызванного открывающейся дверью. Немножко удивлен — русские,

любезен. Я покупаю огромные луковицы — увезу в подарок во Владивосток. Ничего не купить — неудобно, зря хозяина потревожили.

Береговая администрация очень охотно принимает приглашение к обеду. Уже накрыт второй стол. Наш собеседник русский, он уехал из России в 1918 г. Рассказывает о лыжных прогулках в горах, с большим аппетитом кушает рыбу. У них рыба дороже мяса, ежедневное мясо надоело, а тут деликатес. А палтус, действительно, великолепен.

В порту мы получили свежие продукты, и стол наш стал несколько разнообразнее. Да и не качает. Выдали зарплату, всех отпускают на берег. Нашим юношам нужны тетради. Наводятся справки, где купить. Агент любезно предлагает выполнить заказ оптом, будет дешевле, лучше качество. На судно приносят блокноты, ручки, карандаши, тушь. Я плачу из общей кассы и добросовестно выдаю каждому, что заказал. Вдруг обнаруживается, что все стоит дороже, чем виденное на прогулках. Пришлось выслушать упреки за неудачную покупку.

Мы с Верой Васильевной и одним из наших офицеров отправляемся в город. Трамвай. Деньги получает сам вожатый. Я не привыкла к чужим монетам, в руке набираю мелочь и вдруг рассыпаю ее по полу. Вожатый быстро наклоняется со своего места, собирает медяки и подает их мне. Я смущена своей неловкостью. Вера Васильевна явно недовольна моей угловатостью, привлекшей к нам молчаливое внимание пассажиров.

Город похож на наши провинциальные. Самые доступные места — магазины. Овощи продаются вымытые. Самообслуживание. В маленьком кафе можно набрать, двигаясь вдоль прилавка, закуски и оплатить их в конце пути. У всего большого стола только одна кассирша. Вот многоэтажный магазин Вудворта, чьи товары продаются по всей стране. Универсальный промтоварный колосс, текущая без перерыва толпа на лестницах. В огромных залах товар разложен на столах, покупатели ходят между ними. Негритянка небрежно путает платья на вешалке. Обиженная продавщица вежливо ее упрекает. Мы выбираем для меня костюм, нарядный, с вышивкой, недорогой. Потом, дома, после первой же чистки он так много усаживается, что с ним приходится расстаться.

Я иду за Верой Васильевной. Меня очень занимают люди, хочется посмотреть на них, понаблюдать за иностранцами. Останавливаюсь на широкой площадке лестницы и вдруг слышу обращение ко мне по-английски: «Который это этаж?» Спрашивает пожилая, неброско одетая женщина. Я, не зная языка, ответила словами, которые давно запомнила, в смысле — я тут ничего не знаю, я русская.

Вдруг она живо на меня посмотрела и ясно по-русски спросила: «Вы русская? Откуда, что здесь делаете?» Я объясняю. «Русский пароход, — говорит она. — Нельзя ли мне на него пойти? Мы жили в Николаеве, я так соскучи-

лась по родине. Вот тут все продается, а мне ничего не дорого». Она плачет, стесняясь меня. Я очень взволнована ее искренним горем, остро понимаю, что это значит — потерять родину. Кругом все чужое, и ее слезы меня глубоко тронули. Она еще спросила, уверены ли мы в победе, знаю ли я что-нибудь о Николаеве. В победе мы были совершенно уверены. На судно без разрешения пригласить я ее не могла и посоветовала ей попросить пропуск в порт. Извинившись, она побрела дальше. Эта встреча запомнилась надолго.

Подошли мои спутники. Мы с Верой Васильевной отправились в отдел тканей. Она привычно перебирала разложенные ситцы, поглядывая на цены, ничего не выбирая, избалованная частыми покупками в прежних рейсах. Продавщица предлагала новые образцы и, слыша наш разговор, молчала, поняв, что мы приезжие. Достаточно развлекшись, Вера Васильевна позвала меня к выходу. В следующем зале нас торопливо догнала девушка и спросила по-русски, почему мы ничего не купили из тканей, возможно, нас не поняли, или нам не понравилось обращение продавщицы. Не хотим ли мы, чтоб она, эта девушка, пошла с нами и помогла сделать покупку?

Растерявшаяся, возможно, побоявшаяся быть нелюбезной, продавщица быстро нашла русскую, и вот нам оказали гостеприимное внимание. Девушка успела рассказать, что она в детстве приехала с родителями, что русский язык в ее семье родной. Она не пытается вовлекать нас в разговор, так как знает, что нам не разрешают разговаривать при выходе на берег. Это была ложь, повеяло недоверием, отчужденностью. Нашим возражениям она не поверила, сославшись на какой-то сомнительный источник сведений, и на этом мы расстались.

Недельная стоянка кончилась. Появились пассажиры — семьи работников посольств, которые из Европы через Америку возвращаются домой. Для них накрывают второй стол в кают-компании. Судно в грузу выходит из порта. Оно более устойчиво, но шторма нас укачивают. Опять идем на Север. Снова становится опасно.

Нужно проверять и править студенческие отчеты о практике, сдерживать проявление характеров тех, кто, отвыкнув от школьных порядков, почувствовал себя бывалым моряком. Но нет у нас ни пьющих, ни развязных. Нравственность студенческой молодежи военного времени была очень высока. Сильны патриотические чувства, у многих на фронте родные, многие испытали лишения, и все безотказно много работали. Бывало, прерывая учебу, все выходили в порт на разгрузку соленой рыбы, насыпью заполнявшей трюмы, выезжали на поля для уборки овощей, работали впроголодь, без претензий. Много тяжелого досталось тогда молодежи в тылу.

Приближаются родные берега. Настроение у всех приподнятое. В один из вечеров, уже в наших водах, мы танцуем на палубе под музыку из радиорубки. Вот и остров Аскольд — мы дома. Возникает очень живописный

Владивосток, рассыпанный по склонам сопок. Входим в бухту, катер ведет нас к причалу. Швартовка. Появились власти. Таможенники интересуются моими покупками. Приход оформлен. Всем неудержимо хочется домой. Мои мальчишки рвутся на берег. Возвращаемся в техникум...

3. А. ЗАЙЦЕВА

ПУТИНА ДОЛГА И НАДЕЖД

«Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет». Эту мысль высказал римский император Марк Аврелий. С годами ко мне пришла уверенность: то, о чем хлопотал Александр Игнатьевич Дудник, было очень значительно, и с государственной точки зрения «стоимость» сделанного им была весьма высокой. Это стало ясно позже, а вначале я была очарована событиями, выпавшими на долю этого человека, совсем как будто не считавшего, что что-то могло быть иначе, видевшего в своей работе повседневность и не сознававшего ее романтичности.

Лудник Александр Игнатьевич, капитан дальнего плавания, один из старейших и известнейших дальневосточных моряков, организатор рыбной промышленности на Дальнем Востоке. Родился 12 сентября 1892 г. в г. Голая Пристань Днепровского уезда Таврической губернии в семье потомственного черноморского морехода. Рано остался без родителей. В 1905 г. окончил Голопристанское народное училище, в 1911 г. — Голопристанскую мореходную школу со свидетельством штурмана малого плавания. Одновременно с учебой работал юнгой, матросом на черноморских парусных судах. С января 1914 г. трудился на Дальнем Востоке на охранных судах. В марте 1917 г. окончил владивостокское Александровское училище дальнего плавания. С 1922 по 1927 г. — капитан парусно-моторной шхуны «Св. Михаил», позже переименованной в «Наркомпрод Брюханов». С 1928 г. — капитан первого советского плавучего завода «Первый краболов», с 1932 г. — капитан-директор первой советской китобойной флотилии «Алеут». Член Консультативного совета Наркомснаба СССР. За заслуги в развитии рыбной отрасли 1 августа 1936 г. награжден орденом Ленина. В 1938 г. незаконно репрессирован, но в январе 1940 г. освобожден и полностью оправдан. С 1940 г. капитан на судах АКОфлота. В июле 1944 г. капитан рефрижератора «Комсомолец Арктики», затем капитан-директор парохода-рыбозавода «Пищевая индустрия». В 1945 г. откомандирован в распоряжение Наркомрыбпрома СССР, с 1946 г. — в Главкамчатрыбпроме. В декабре 1950 г. присвоено персональное звание «капитан флота рыбной промышленности 1-го ранга». В 1952 г. из-за травмы переехал на материк, жил в Крыму, где умер в 1973 г.

Вот как охарактеризовал его ветеран рыбной промышленности Камчатки помощник начальника Тралового флота В. П. Нахабов: «Дудник — всем капитанам капитан!» Может быть, это и есть самая высокая оценка современников.

В апреле 1945 г. я вновь отправилась в плавание со студентами Владивостокского рыбопромышленного техникума штурманского, судомеханическо-

го и судостроительного отделений. На этот раз мы направлялись на рефрижераторное судно «Пищевая индустрия», самое крупное, прямо-таки колоссальное, принадлежащее «Востокрыбхолоду».

Этот пароход был как маленький городок, где привились кем-то данные названия мест, вроде «Красная площадь», «Дунькин переулок» и прочие. Матросы размещались в удобных каютах на верхней палубе, кочегары — на нижней. Имелся целый завод с морозильными машинами, управлявшимися рефрижераторными инженерами, действовали большой штат бухгалтерии и цех по обработке рыбы, где работало много женщин, так же как и на береговых заводах во время путины разделывавших красную рыбу или соливших селедку. Руководил ими заведующий производством.

Попутно с морской практикой нашим студентам предстояло заниматься обработкой рыбы. Их разместили на баке. Будущих штурманов — в самой носовой части, сразу за форпиком, механиков — внизу, девушек — в каютах по бортам под верхней палубой. Мне дали место в каюте, где жила машинистка из бухгалтерии. Как только мы явились на судно, я попросила старшего помощника капитана Гаврилюка покормить нас чем-нибудь. Предложено было немного подождать, и для нас сварили овощной суп. Все мы были очень рады еде.

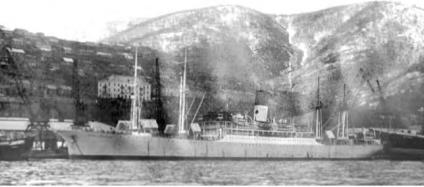
Накануне я побывала на судне, чтобы представиться, выяснить, чем будут заниматься студенты и где их разместят. Выйдя от старшего помощника капитана, я залюбовалась роскошно отделанной лестницей, двумя полукругами спускавшейся с просторной площадки на верхней палубе к кают-компании. Коридоры от кают, помещенные по бортам, сходились на этой площадке.

Вдруг появился капитан. Пожилой, худощавый человек, в черном форменном пиджаке с нашивками. Старший помощник Гаврилюк представил меня как руководителя студенческой практики. Меня немного смутила веселая улыбка и равнодушное рукопожатие капитана. Он прошел в каюту помполита, а я двинулась к трапу, с которого нужно было спускаться в шлюпку, чтобы, переплыв бухту Золотой Рог, попасть в город.

«Пищевая индустрия» стояла у холодильника. В моторной шлюпке собралось несколько человек, ждали. Появился капитан, сел на свободное место, мы отошли от борта. Капитан обратил на меня внимание кого-то из офицеров и сказал с улыбкой, в которой было что-то насмешливое: «Вот эта дама пойдет с нами в рейс». Я сидела против него на бортовой банке и от смущения не нашлась, что сказать. Девочки в техникуме рассказывали, что капитан Дудник очень строгий и излишне требовательный, с ним трудно. Они знали его по плаванию прошлого лета, когда практиканты находились на «Комсомольце Арктики» под его командованием.

В день отхода к прибытию властей весь экипаж собрался в матросской столовой. Нам предстояло идти к берегам Камчатки и в Охотск к началу хода

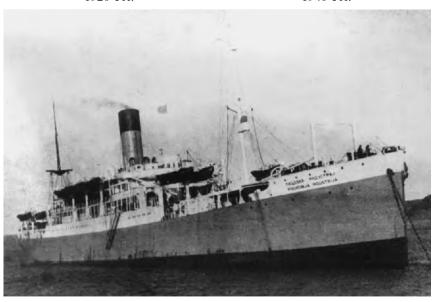
Пароход «Феликс Дзержинский» в Петропавловске (из архива А. А. Пирогова)

Александр Игнатьевич Дудник, 1920-е гг.

Капитан А. И. Дудник, 1940-е гг.

Рефрижераторный пароход «Пищевая индустрия» — самое большое судно Наркомрыбпрома СССР

сельди. Война делала эти рейсы сложными и опасными. На судне стояли зачехленные пулеметы, и в рейс шел военный руководитель, проводивший в море учения и учебные тревоги. Администрация объяснила нам цель рейса, значение дисциплинированности в условиях войны и вид работ в пути. Рядом со мной сидел худенький морячок лет сорока. Он доверительно вполголоса рассказывал мне, что еще вчера у него было больше двухсот рублей, но что вот он повеселился на берегу и сам не знает, куда успели деться деньги. Сегодня он без рубля выходит в рейс, и хорошо, что не надо уже ни о чем заботиться, так как и из одежды у него остался только тот ватник, что на нем. Что-то беспечное проскальзывало в этом сожалении. Передо мной находилась типичная забубенная головушка, которая только в море — дома.

Власти пали нам «добро» и сошли на берег. Раздалась команда: «По местам стоять, с якоря сниматься!» Отданы швартовы. Громадное судно плавно отошло от пирса. На нем есть пассажиры: начальство с комбинатов Камчатки, кооператоры, сопровождающие снабженческие грузы, семьи, возвращающиеся домой, работники наркомата. Помещение кают-компании небольшое, предназначенное только для офицерского состава. Мне определили место за столом в соседнем салоне, где собирались работники бухгалтерии, завода и пассажиры поважнее.

Снабжались они в зависимости от занимаемой должности, и поэтому кое-кто приносит к столу добавочные джемы, консервы. Хлеб на столе не ограничивался, а сахар выдавали каждому на руки раз в месяц. В матросской столовой хлебный паек давали каждый день. Стол наш оказался довольно скромным. Выручала американская тушенка, приевшаяся до отвращения. Позднее готовили блюда из рыбы. На завтрак подавали печеную сельдь на противнях, великолепное по вкусу блюдо. При нахождении вблизи берега в прибрежный колхоз за овощами для команды отправлялась экспедиция на моторке. Матросы с уважением говорят, что с Дудником плавать хорошо — о столе он всегда позаботится, пустых щей на его судне хлебать не будешь.

На другой же день плавания все рабочие в пустом трюме и на палубе сколачивали из взятой в порту клепки ящики для консервных банок. Приглашаются принять участие и все свободные от вахты. Весело, палуба оживилась, идет соревнование на скорость. Я становлюсь на баке и тоже работаю. А так как я левша, то каждый идущий мимо, не сразу догадывается, в чем дело, и, видя, что что-то не так, подхватывает мой молоток и дает мне наглядные уроки. Иногда мы стучим по моему ящику в два молотка. К вечеру в сводке у помполита становится известно, что несколько человек работали особенно успешно. Студенты говорят мне, что в их числе названа и я. Мои помощники наколотили мне больше нормы. Совестно, что мне приписан чужой труд, пытаюсь оправдываться.

Как в армии были в то время около солдат дети-сироты, которых называли «сын полка», так и в нашем экипаже около механиков кормятся три-четыре мальчонки. Механики заняты текущим ремонтом, в пути все время что-то разбирают и свинчивают. Они рады возможности сбыть ребятишек с рук, ведь так удачно — на судне педагог. Утром меня просят взять их на работу с собой — создать своеобразную бригаду. С трудом удается разбудить спящих ребят. Худущие, без ласки, целый день почти без присмотра, они, сироты, недавно голодали на берегу. На судне по суровым законам военного времени, каждый, кто получает питание, должен трудиться, да и нельзя оставить детей без взрослых, а взрослые все работают.

Мы спускаемся в просторный пустой трюм, освещенный через люк. За стальными бортами слышен плеск волн, от этих звуков неуютно — общивка кажется слишком тонкой. Дети со знанием дела принимаются за сколачивание ящиков. Клепка точна по размеру, ясно, какие стыки, какой брусок куда, сколько гвоздей вбить. Тружусь и я. Но вот через полчаса моя бригада вдруг побросала молотки, нашла какой-то диск и погнала его по просторному трюму. Грохот, хохот, беготня. Я их не стесняю, но рабочего настроения уже нет. Через некоторое время я по-товарищески пытаюсь убедить пацанов, что у нас есть норма, что мы должны спешить с работой. Они снова берутся за молотки. Мне их глубоко жаль и совестно заставлять работать, но они как будто и не придают значения моему присутствию, поработали и вновь предались шумной игре. Уже близок перерыв на обед. Позднее их забирают в машинное отделение — что-то подавать, что-то протирать, как-никак они не палубные, а ученики механиков, там им и место.

В техникуме не было обычая брать для обучения только плававших юношей. Поступали и те, кто представлял море весьма романтично и видел его лишь с берега. Попав на практику, некоторые студенты страдали морской болезныо. Победить ее можно только силой воли, работой на свежем воздухе. Боцман бесцеремонно гнал на палубу тех, кто не находил сил самому подняться утром после ночи страданий. Но случалось, когда юноши совсем расхварывались, отказывались идти в столовую. Приходилось ждать привыкания к качке или улучшения погоды. Через некоторое время работали все. В спокойный день открывали трюм: снимали крепления, раскрывали брезент, вынимали лючины — большие широкие доски, закрывавшие люк трюма.

Боцман несколько раз предупреждал, что нужно быть осторожными. Один из наиболее рослых и сильных студентов встал на лючину, лежавшую на комингсе на углу. Она качнулась и полетела вниз, в глубину метров пять и, потеряв равновесие, юноша полетел вслед за ней. Мы замерли — разбился! Боцман мгновенно спустился в трюм по трапу. Лючина, видимо, спружинила. Бедняга лежал на ней без сознания, но без переломов. Завели стрелу, спустили сетку, подняли лежавшего вместе с лючиной и отнесли в лазарет.

Доктор осмотрела пострадавшего, мы его раздели и оставили под ее наблюдением. Дня через два наш больней встал. Обошлось без видимых последствий, и он продолжил работу.

Лазарет из двух кают и ванной помещался на средней палубе в самой корме. Здесь было так тихо, так далеко он находился от шумной жизни палуб, что, сидя около больного, я чувствовала себя в полной изоляции, словно в другом мире. Потом я провела здесь еще несколько часов, ухаживая за заболевшей студенткой. Моряки рассказывали, что как ни прочен был этот лазарет, однажды в шторм волнами у него сорвало тяжелую входную дверь, и она пошла «гулять» от качки, разрушая все вокруг. Старший помощник капитана и матрос добрались до нее по заливаемой водой палубе и закрепили, рискуя быть сбитыми с ног и смытыми в море.

Когда завозили продовольствие на рыбокомбинаты, то иногда брали у них излишки добытой рыбы и засаливали в брезентовых чанах прямо на нижней палубе. Там работали женщины.

Западный берег Камчатки низкий, суда становятся далеко в море. Подходят катера, подводят кунгасы — огромные лодки, и эти лодки часами быотся о борт при разгрузке, вздымаясь и опадая на волне. Ветер меняется быстро. Однажды кунгас начало сильно раскачивать при усилившемся ветре и заливать водой. Я со страхом смотрела с палубы на одинокого рыбака, пытавшегося вычерпывать воду. Прибежал старший помощник и стал кричать ему, чтобы тот немедленно вылезал по сброшенному штормтрапу на судно. Кунгас уже почти заполнился водой. Но как ни было опасно, рыбак кинулся к носу, где у него на возвышении лежал узелок, и только прихватив его, полез наверх. В узелке он держал полбуханки хлеба. Долго я помнила то чувство, которое вызвала эта сцена. Очень дорог нам был в то время хлеб. Кунгас перетянули под ветер, когда стало спокойнее, откачали из него воду.

На кормовой палубе стояла круглая электрическая пила, на ней нарезали бруски из деревянных планок для угловых креплений консервных ящиков. Я с удовольствием поработала и на ней, хотя это с малым опытом было очень рискованно. На нашем педагогическом факультете научили обращению со станками на производственной практике в механических мастерских. Поскольку поступала свежая рыба, понемногу обрабатывали и икру. Целый день, одетая в большой клеенчатый фартук и резиновые сапоги, помогла мастеру-специалисту в стерильном отсеке солить икру. Ее промывали, заливали тузлуком — соляным раствором, складывали в сита, сортировали.

После работы мастер дал мне попробовать приготовленный продукт. Он завернул в пергамент граммов сто икры и предложил взять с собой к чаю. Вечером я явилась за общий стол ужинать и принесла с собой этот деликатес, как приносили мои соседи варенье, молоко, балычок. Увидав, как я развернула на столе икру, сидевший против меня заведующий одного отдела угрю-

мо сказал: «Вы хотя бы не показывали, что едите икру». Я в недоумении ответила, что мастер дал мне ее попробовать, так как я над ней работала. И тут мне растолковали, что брать икру не следовало. Это государственный продукт, никто не берет того, над чем работает. Только тут я поняла, какую сделала ошибку. Не работая с материальными ценностями, ничего не производя, я впервые столкнулась, с тем, что можно попробовать результаты своего труда. Получила отличный урок. Ни икры, ни рыбы мне теперь больше не хотелось.

Все, кто руководил какой-нибудь группой людей, по очереди несли суточное дежурство по судну. Приходилось дежурить и мне. Во время обеда в общей матросской столовой присматривать за порядком, помогать врачу в санитарном надзоре, следить за безопасностью работ, соблюдением светомаскировки, поведением посетителей клуба. Разбудить, кого следует, в случае ночной тревоги, дать знать на мостик о необычных происшествиях. В день такого дежурства я бывала всюду, потом ложилась вздремнуть в одежде и туфлях и опять шла по трапам на разные палубы, проверяла ночные работы студентов, когда они трудились в три смены.

Однажды один юноша оступился и попал ногой в соленый раствор для замораживания рыбы. Почти мгновенно нога закоченела, хотя резиновый сапог на ней был надет на что-то теплое. Не дай Бог, если кто-то сорвется в такой чан! Девочки упаковывают застывшую рыбу в коробки, переносят, укладывают. Нужно следить, чтоб увлекшийся начальник не перегружал их тяжелой работой. Вот щупленький мальчик подает рыбу на стол резчика, а рыба в его руках чуть не с него ростом. Нужно поставить его на другое место, здесь ему не по силам.

По расписанию на случай тревоги я должна была являться в распоряжение доктора. Раздавался сигнал громкого боя. Все бежали по своим постам, никогда не зная, боевая это тревога или учебная. Но обычно она оказывалась учебной. Группа женщин делала учебные перевязки, дожидалась отбоя и расходилась.

Как-то во второй половине дня, когда море было особенно спокойно, мы по тревоге должны были спуститься в шлюпки. Стрелы вынесли их с ботдека за борт, спустили на талях с одним матросом в каждой. За бортом с нижней палубы распустили сеть с крупными ячеями и приказали всем спуститься по ней и сесть в шлюпки. Моряки спускались по канату. Поспешая от волнения и испуга, толстушка-бухгалтер тоже съехала по канату, который придерживали в шлюпке, но обожгла ладони, не умея его перехватывать. В каждой шлюпке по расписанию был командир, он громко отсчитывал такт для загребных. Шлюпки отошли и некоторое время держались вокруг судна. Ощущение было неприятное. В просторе моря шлюпки, вернее, огромные ладьи с моторами (дори, попросту называвшиеся «дорками») казались очень

слабой защитой от бездны воды. Все мы знали о быстрой изменчивости ветра, громада судна подавляла своей близостью, да и уж очень часто мы слышали о вынужденном плавании при потоплении наших судов. Только что погиб пароход «Трансбалт», великолепный красавец. Мы узнали об этом в пути. Рано поседевший наш старший механик когда-то провел семнадцать суток в море после крушения...

Но вот учение закончилось, мы подошли к борту и возвращались на свою «Пищевую индустрию». Цепляясь за сетку, выкарабкалась наверх. Мой новый светлый шерстяной костюм, недавно изготовленный с большим трудом и расходом, был в черных пятнах, так как веревочная сеть была когда-то просмолена...

Иногда меня приглашали на короткие совещания, проходившие в каюте капитана. Вызывали к капитану, боцман или мастера жаловались на коголибо из моих подопечных. Иногда сама шла с какой-нибудь просьбой. Каюта капитана была великолепна. Она занимала в носовой части верхней палубы помещение от борта до борта. Салон с большими окнами на левый борт и бак был обставлен массивными креслами и диванами темной кожи, большим буфетом и письменным столом. В углу росло красивое растение в кадке. Обеденный стол, курительные и журнальные столики располагались свободно, оставляя много места для собиравшихся гостей или прогулок по каюте. Справа от выхода дверь вела в большую спальню, расположенную по правому борту. Каюта была отделана панелями из красного дерева, красивые шторы, скатерть дополняли ее убранство. Кто-то из предыдущих капитанов при ремонте приказал покрасить стены, не оценив прелести отделочного дерева, и потом, когда судно стало на капитальный ремонт за границей, терпеливые китайцы скрупулезно очистили дерево от краски, возвратив ему блеск полировки и рисунка. Над входной дверью висел креномер, на стене барометр, на письменном столе стрелка барографа вычерчивала на бумажной ленте кривую атмосферного давления. Телефон соединял каюту с мостиком и другими палубами. Большая квадратная кровать в спальне давала возможность удобно лечь и при килевой, и при бортовой качке. Необычная для капитанских кают туалетная комната с ванной отделялась небольшим коридором, имевшим выход на палубу, которым часто пользовались вахтенные, идущие с мостика.

В моей каюте не было умывальника и приходилось пользоваться общим, где-то далеко. Капитан был так любезен, что предложил мне приходить в его ванную комнату, убедив меня, что это его нимало не стеснит. Так я оказалась в привилегированном положении, вызвав немного вольные шутки скучающих вахтенных при встрече со мной в рубке.

Сезонных рабочих иногда перевозили с одного комбината на другой. Так, однажды мы взяли палубных пассажиров. Утром я увидела, что вся палуба

бака, первый и второй закрытые люки трюмов заняты людьми, в том числе семейными. С камбуза им давали горячую воду, продукты они везли с собой, спали под открытым небом и предпочитали поменьше двигаться из-за качки.

При очередном осмотре судна капитан Дудник увидел молодую женщину с грудным ребенком. Он приветливо поговорил с ней и предложил воспользоваться его ванной, чтоб выкупать малютку. Меня приятно удивила эта доброта. Моряки привыкли к пассажирам, видели и драмы, и страдания среди них. Многие давно стали равнодушными. Таинственная капитанская каюта для пассажиров всегда была недоступна. Чтоб женщина не смущалась и не оставалась одна, капитан пригласил меня ей в помощь. Он дал свежее полотенце, мыло, достал из американской аптечки рулон марли и, отрезав большой кусок для ребенка, ушел, чтобы не стеснять притихшую смущенную женщину. Мы выкупали малыша, перенесли его на кровать в спальне, запеленали, дали уснуть. День был теплый и спокойный. Вскоре мамаша поспешила на палубу, чтоб не навлечь на себя подозрений за долгое отсутствие.

Старший помощник капитана Гаврилюк, угрюмый и молчаливый, пригласил как-то меня спуститься на нижнюю палубу в кубрик, где жили студенты. Выдвинув из-под коек два-три чемодана, он показал мне лежащие в них банки мясных консервов и объяснил, что их похитили в трюме, где находился груз продовольствия для рыбокомбинатов. Я была поражена прискорбным фактом. Питались мы очень скромно. Растущие юноши, много работавшие, изголодавшиеся на берегу, не чувствовали себя вполне сытыми на судне. Случайно они увидели в трюме огромное количество банок американской тушенки. Соблазн был велик, и несколько человек унесли по банке. Кто-то сразу подкрепился, а кто-то положил про запас. Пока старпом ставил меня в известность, помполит уже вызывал к себе для беседы по одному моих мальчиков с места работы.

Мне было очень горько, я размышляла о качестве нашего воспитания, о моей, в частности, роли в нем. Этим молодцам я только что прочла курс советской литературы с ее темами о долге, о высоких подвигах, о жертвенности, о патриотизме. Я была обескуражена. Значит, впустую пошли мои уроки, не имели морального значения. Воровство не воспринималось как проступок, особенно воровство продуктов, которые всем доставались трудно и распределялись очень скрупулезно. Все это я высказала в кубрике, когда после работы там собрались все, правые и виноватые. Я волновалась, голос мой срывался. Не бранила их, а говорила о своем разочаровании в значении моих уроков. Никто не проронил ни слова. Что скрывалось за этим молчанием — несогласие, раскаяние? Время было очень суровое. Все мы устали от войны, от непомерного труда, ошибки не прощались, в отношениях было много требовательности, уставшие люди редко бывали добродушны.

Огорченная, растерянная, я встретила в коридоре капитана. Он позвал меня к себе и был единственным, кто не стал упрекать и учить. Очень мягко он посоветовал мне понять этих мальчишек, понять их единственное желание — поесть. Не корысть, а легкомыслие юности видел он в их поступке и попутно вспомнил, что, будучи сиротой, видел в юности много невзгод, знает, что такое полуголодная жизнь. Я была удивлена его добротой, пониманием и благодарна за ободрение, которого не ожидала. Этот случай заставил меня по-новому смотреть на капитана Дудника. Теперь он стал интересен мне как человек особого психологического склада.

Праздные пассажиры очень любопытствовали, хотели проникнуть в тайны морской жизни, иногда попадали к капитану на вечерний чай, и потом в кружке на палубе или в уютной каюте пересказывали слухи, собранные в пути. Один пассажир долго оказывал мне внимание, всюду тащился и вызывал негодование студентов, когда вслед за мной ходил в их кубрики. Бывая у капитана, он рассказывал мне о нем, не всегда лестное, не всегда верное.

Так он обратил мое внимание на юную девушку-пассажирку, очень бойкую крупную толстушку. Она, бывая у капитана, все хотела проверить, как сильны ее чары, и кокетничала очень смело. Как-то при приеме гостей на стоянке у берега капитан выпил, был в «глазу», как он сам говорил, и решил оказать внимание заигрывавшей девушке. В соседней с моей каюте жили две работницы бухгалтерии. Они приютили эту пассажирку. Вдруг я услышала визг и движение за перегородкой. Поспешила на шум и увидела, что капитан пришел в гости, но так как вид у него был «не рабочий», то соблазнительница испугалась и подняла излишний шум, — тоже своего рода кокетство. Тогда я очень возмутилась этим переполохом. Сказала старпому, что лучше было бы удержать капитана наверху, чтобы не допускать подобных «визитов», умаляющих его авторитет...

Когда конфликт с консервами принял в объяснении капитана такой оборот, я увидела в нем очень интересного человека, не похожего на других, со своим отношением к жизни, к людям.

Девятого мая день на «Пищевой индустрии» начался обычно. Все разошлись по работам, я проверяла рабочие дневники студентов. Вдруг в каюту ворвалась обиженная кем-то моя соседка, хорошенькая девушка, и с плачем уткнулась в подушку. Я, растерявшись, постеснялась допытываться о произошедшем, пыталась говорить обычные пустяки. Вдруг она подняла голову и, перестав рыдать, спросила меня, знаю ли я, что война кончилась. Теперь весело и возбужденно она рассказала, что радисты приняли объявление о победе, что вот уже наступил праздник, что на судне будет торжественный обед. Эта картина так и стоит в моей памяти — уж очень значительное было известие. Я надела лучшее платье и пошла на палубу. Всюду возбужденно говорили, поздравляли друг друга. Потом на баке состоялся короткий митинг.

К группе женщин, с которыми я стояла, подошла убиравшая в капитанской каюте пожилая Ю. В. и спросила, не мою ли приколку для волос она нашла во время уборки. Я вся залилась румянцем при мысли, что она хочет меня поставить в неловкое положение, запомнила, чем может грозить неосторожность, и отказалась от опасной улики, поскольку она была, действительно, не моя.

За обедом нам всем, без исключения, выдали по стакану водки. Я отдала свой кому-то. Водка хранилась в железной бочке с запахом керосина, в стаканах мелькали жирные блестки. Это не помешало любителям испытать истинное удовольствие, и возможно, добавить к нему еще и из других источников.

К вечеру стало шумно. Представьте себе судно в море, полное веселых людей, когда совсем трезвы только вахтенные. Ко мне в каюту зашел четвертый помощник капитана, в кармане его пиджака виртуозно стоял и не проливался полный стакан. Очень довольный моим изумлением, он пошел со своим запасом дальше. Большинство студентов отказалось от праздничной дозы. Среди них не возникло никаких недоразумений, все оказались на высоте.

Мы стояли на рейде, и ездившая по комбинатам труппа артистов оперетты из Владивостока почтила нас своим вниманием. Несколько певцов дали в матросской столовой концерт. Мы долго ждали, когда катер перевезет их с берега. Для капитана вахтенный матрос принес мягкое кресло и поставил ею посредине первого ряда. Очень кокетливо, стоя почти перед ним и обращаясь только к капитану, актриса пела о голове и шее в семейных отношениях. Капитан был заметно смущен этим демонстративным вниманием, весело улыбался.

После короткого визита в капитанскую каюту все артисты сошли на катер. У каждого в руках оказалась сумка или корзина с подарками, вернее, угощением в оплату за концерт. Было грустно видеть, что и служители муз не забывают брать с собой корзинки, озабоченные прозой жизни. Опереточным песням их вид очень противоречил.

Офицерский состав торговых судов в то время часто носил бежевые рубашки и брюки. Они покупались в Америке, кажется, из запаса списанной офицерской формы. Были удобны, практичны, отлично чистились. Носил такие рубашки и наш капитан. В море парадные пиджаки не надевались. Прохладно — старенький китель, холодно — короткое теплое пальто, сыро — брезентовый или прорезиненный плащ. И всегда фуражка с «крабом», как неотъемлемая часть формы. В сильный ветер ее пристегивали ремешком под подбородком, очень редко, при шторме, заменяли зюйдвесткой.

У капитана образовался мучительный нарыв на пальце ноги, и ботинок пришлось снять. А так как домашних туфель у него не оказалось, то капитан воспользовался вместо туфли калошей. Он прихрамывал, и в таком виде вызывал сострадание, свойственное многим из нас, наделенным бабьими

качествами. Докторша назначила ему ванночки. Лечиться мужчины не любят. Я поняла, что нужна моя помощь, и стала регулярно вечером готовить эти ванночки. Так мы стали видеться чаще. Иногда меня приглашали к ужину, который бывал лучше нашего общего. В начале рейса около каюты капитана сидели в клетке две-три курицы, утром пел петушок, потешая остряков на палубе. Кур постепенно скушали различные гости. А жареная картошка или стакан компота были деликатесом и сюрпризом, причем обнаруживалось, что мой хлебосольный хозяин с помощью электроплитки отлично справляется с приготовлением чего-нибудь сам, без заказа на камбуз. В шикарной просторной каюте вечером после делового дня было уютно. Приносили радиограммы, извещали об открывшемся маяке, заходил старший помощник, и говорили не о делах.

В один из таких вечеров, когда на вахте стоял третий помощник капитана, очень молодой человек, сообщили, что впередсмотрящий матрос на баке как будто бы услышал у борта голоса. А шли тогда в кромешной тьме, со светомаскировкой. Возникло подозрение — не подмяли ли какое-нибудь суденышко. Машины застопорили, прислушиваясь, смотрели за кормой. Я спустилась на бак, заглянула за борт. Глубоко в черноте кипел бурун волны, и было жутко от мысли, что кто-то сейчас находится за бортом, что разбилась в щепки лодка. Спустили моторку, обошли на ней вокруг судна — было пустынно и тихо. За борт свесили мощную лампу. Судно сделало два больших круга, но никого не нашло. Третьему штурману почему-то попало от капитана. По опыту последующих плаваний я знаю, что капитан Дудник проявил большую человечность, остановив свою махину в ночи и организовав поиски по малейшему подозрению. Не всякий способен на такое. Мой капитан вызывал у меня все большую симпатию.

Радисты предложили мне почитать что-нибудь через судовой узел в обеденный перерыв. Имея в виду прежде всего своих студентов, я читала «Героя нашего времени». Эта проза казалась мне настолько совершенной, что я не могла упустить случая дать почувствовать ее прелесть такой большой аудитории. Потом читала только что появившуюся в печати главу из новой книги Шолохова «Они сражались за Родину». В ней было много юмора, очень понравившегося неискушенным в чтении морякам, и потом многие говорили со мной о своих впечатлениях от услышанного. Этот интерес к чтению проявился и в разговоре на эту тему с капитаном. Оказалось, что он очень охотно покупает книги и часто читает, что очень любит стихи Шевченко, а в юности мечтал прочесть полный «Кобзарь», запрещенный цензурой. Он знал из Шевченко много стихов. Когда, не желая стеснять инициативу помощников на вахте, но и не совсем доверяя им, он несколько напряженно поглядывал в иллюминаторы, разгуливая по каюте, казалось бы, от нечего делать напевал: «Дывлюсь я на небо»...

Вечерами мы читали с ним то, что я выбрала в судовой библиотеке. То были «Первая любовь» Горького и великолепная вещь Лескова «Грабеж». Ради таких вечеров я охотно отказывалась от кино в матросской столовой, организованного механиками и собиравшими все свободное население нашей «коробки». Когда мы занялись книгами, я получила разрешение читать лоции тех морей, через которые мы прошли. Они оказались интереснейшими рассказами обо всем, что касается моря: берегов, климата, знаков, глубин, ветров, проходов и прочего.

Капитан дал мне отличную книгу — исключительно популярно и сжато излагающую устройство судовой паровой машины, вала, гребного винта. Я засела в дневные часы за ее изучение, спускаясь в машинное отделение для наглядности, и бывала в тоннеле, через который идет гребной вал.

Машину я изучала не просто из любопытства — группа студентов судомеханического отделения работала там, в кочегарке, у котлов. Чистили льяла — придонные колодцы, собиравшие стоки, работали у динамо-машин. Вахтенные механики — народ очень веселый, и я много раз слушала там разные побасенки до тех пор, пока не входил суровый старший механик. Он молча поглядывая на меня, а у вахтенных сразу находилось неотложное дело. Теперь эти чудища — котлы — я вспоминаю, как милые физиономии. «Улыбаясь, из далекой юности, словно из кино, иду домой», — прочла я такое созвучное моему настроению в стихах Олега Дмитриева.

В утренние часы, когда все еще вполне бодрые распределялись по работам, когда еще не назревали конфликты, когда качка еще не вымотала силы, когда мои собеседники были заняты, хорошо было побыть совсем одной. Достаточно уйти на самый бак, за которым над кипящей водой висел якорь, и можно почувствовать себя в совершенном уединении. Шум разбивающейся воды глушил судовые звуки, работавшие оставались где-то внизу, ведущие судно — в рубке, и на большой площади бака я находилась одна в окружении моря. Летние дни бывали великолепно ярки. Голубеющее море ласково, небо глубоко, ветер приятен.

Как-то во второй половине дня в далекой дымке стал проявляться силуэт. «Увидите остров Ионы», — сказали мне. С левого борта отчетливо стала заметна конусообразная гора, одна среди просторов воды и неба. Видимо, она была так велика, что казалась близкой, хотя, кроме ее коричневого цвета и формы, ничего нельзя было различить. Видение растаяло за кормой, вызвав опятьтаки ощущение необычайности. Вот я, совсем сухопутный человек, уроженка Урала, живущая книгами и тетрадями, вижу редкое зрелище — остров Ионы, такой далекий и лежащий в стороне от обычных морских путей.

Отправляя меня в рейс, администрация техникума не выдала зарплаты, а я, зная, что в море накормят, не думала, что будет возможность еще и что-то покупать. На судне оказался магазин — консервы, галантерея, одежда. Съезд

на берег требует расходов. Я попросила у капитана разрешения дать радиограмму своему начальству о переводе мне денег. Он посмеялся над моим положением, вынул из ящика стола сто рублей, сказал, что это его личные деньги, и я могу взять их и тратить. Смущенная, я стала уверять, что верну при первой возможности, он небрежно отмахнулся, не продолжая разговора. Много месяцев спустя мне представился случай возвратить их, когда я узнала, что ему в Москве нужны деньги.

Однажды утром ощутимо штормило. Я пришла к капитану по какому-то делу. Он сидел на диване и курил. Сильный крен потянул меня в сторону, и я, неловко балансируя, толкнула круглый курительный столик. Покатилась и разбилась толстая стеклянная пепельница и, о, ужас — поползло декоративное стекло со столика и раскололось пополам. Смущение мое было безгранично, но, недовольно хмыкнув, угрюмо высказав сожаление, он не извинил, не ободрил меня, спокойно наблюдая, как я собираю осколки пепельницы. Всегда он был самим собой — прям в выражении чувств, без ложной галантности, суров, по настроению. В этом характере было что-то похожее на море: величавость, суровость, быстрая изменчивость и чарующее великодушие рядом с грубостью и прямотой, чуть-чуть коварства и расположение к доверию, неожиданные гнев и доброта.

На рейде к нам пришвартовалось другое судно, которому не хватило то ли воды, то ли угля. Перебросили с борта на борт над бездной широкую доску, спустили кранцы, чтобы суда не сталкивались бортами, и начались визиты, встречи. Вдруг появились два наших старшекурсника, практиканты в машинном отделении. Приветствия, обмен впечатлениями, и вот они пожаловались мне, что полагающейся робы у них нет, одежда портится, старший механик просьбам не внемлет. Я посчитала себя обязанной похлопотать за них, поскольку официально представляла администрацию техникума. Через вахтенного матроса я обратилась к капитану с просьбой принять меня. Капитан Федор Иосифович Волчкович очень любезно встретил меня в своей каюте, был настроен шутливо и никак не хотел принять всерьез просьбу о робе для юношей, говорил, что ее нет, что старший механик сам решит.

Вдруг пришел мой капитан, посмотрел на меня неодобрительно. Быстро появилась на столе какая-то закуска, стопочки. Шутки, беглый разговор, и опять пренебрежение к моей просьбе. Вдруг мой капитан совсем без улыбки сказал, что он не будет давать свой уют тем, кто ходит на чужие суда. Он еще подумает, пускать ли меня в свою каюту. Я оторопела — упрек незаслуженный, пришла не в гости, а по делу. Едва скрывая слезы, я кинулась к выходу. Капитан Волчкович, смеясь, раскинул руки, задержал меня, отвел в спальню и стал уговаривать расписаться в книге посещений, уверяя, что все женщины, бывающие у него, оставляют в этой книге автограф. Мой капитан угрюмо молчал, его лицо обещало грозу. Я оставила каюту Волчковича, пере-

бралась на свое судно, забралась на ботдек, и с одним желанием — чтоб никто не видел моего волнения, села в углу на ящик со спасательными поясами, перебирая в уме весь визит, длившийся, наверное, минут десять-пятнадцать.

Меня оскорбило недоверие ко мне, двусмысленное подозрение или веселый розыгрыш. Я не знала тогда, что позднее встречусь со способностью этого характера к дикой, нелегкой, ошеломляющей ревности. Спустя несколько минут капитан под руку с кем-то из наших мужчин, весело разговаривая, прошел мимо меня. Зачем бы ему пониматься на ботдек? И, увидев мое смятенное лицо, удовлетворенно улыбнулся. Он очень убедительно улыбался, когда был доволен собой. Анна Ивановна Щетинина в своей книге «На морях и за морями» назвала эту улыбку «сатанинской».

Матросы, каким бы длительным ни был рейс, всегда что-то красят. Дошла очередь до покраски моей каюты. День мой был занят, я не входила в нее, а вечером выяснилось, что спать здесь невозможно. Моя соседка, хорошенькая бойкая девушка, имевшая поклонников и побаивавшаяся их угроз, из ревности предложила мне устроиться на диванах в клубе. Когда-то, в годы заграничной молодости судна, бывшего пассажирским, в этом большом помещении размещалась церковь. Очень просторное, расположенное в кормовой части на спардеке, оно часто пустовало. Соседка настаивала на необходимости сохранить тайну ночлега. Мы пробрались в темноте в клуб и затаились.

Странно, что при общем последовательном ремонте никто не придавал значения тому, что молодые женщины останутся ночью неизвестно где. Сказывались очень свойственная морякам легкость в отношении к некоторым вопросам жизни, беспечность. Главное, чтоб судно шло, не сбиваясь с курса. По молодости лет я постеснялась потребовать удобств, рассуждая, раз я в море, значит, неизбежны стеснения, неожиданности, назвалась груздем — лезь в кузов. Утром вошел электрик что-то взять в ящике под диваном. Удивленный нашим присутствием в постелях, пошутил в банальном стиле. Тайна пристанища раскрылась.

Соседка потихоньку нашла другое место. Меня пригласил бухгалтер. Каюта его была большая, со свободными диванами, и был он не один: с приятелем — пассажиром. Что не один, как раз хорошо, похоже на купе вагона. Лучше, чем совсем одной где-то в далеком клубе. Но когда мне постелили на диване, а гость моего великодушного хозяина был что-то подозрительно любезен, я не решилась остаться в его обществе и спустилась в маленький салон при кают-компании. Тихо, темно и неизвестно, бывает ли кто-то тут ночью. Уж лучше было пойти в каюту к четвертому помощнику капитана, который относился ко мне по-товарищески. Перед рассветом я пошла к нему, разбудила на вахту, а когда он ушел, выспалась у него в каюте на диване и поздно вышла. Возможно, кто-то видел меня, выходящую, и об-думал свое наблюдение.

Каюта наша просохла, мы вернулись к себе. Я рассказала капитану, что две ночи искала пристанища. Он ответил, что я вполне могла воспользоваться диваном в его салоне, и лукаво на меня посмотрел. Сами моряки запах краски не считали помехой для сна. Ею вечно где-нибудь пахло.

На стоянке около какого-то поселка один студент попросил разрешения съездить на берег, так как у него тут жили родственники. Я обратилась к капитану — длительна ли стоянка, можно ли отпустить. Узнав, что юноша собрался в гости, капитан приказал выдать ему со склада из директорского фонда большую банку консервированных ананасов, чтоб морячок мог явиться к родственникам с шиком — с подарком. И опять я восхищенно удивилась и щедрости, и пониманию ситуации. А морячок, думаю, и сейчас помнит своего первого капитана. Обычно дарить нам было нечего, а ананасы при пайке по карточкам — роскошь, недоступная на берегу.

Поскольку за многомесячное плавание я столкнулась не только с работой молодежи, но и с ее бытом, я с удовольствием вспоминаю о чистоте отношений, о светлой их дружбе, порой попадавшей под грубый нажим, терпевшей от повседневной будничности. Один юноша терпеливо ухаживал в лазарете за долго болевшей подружкой, просиживал около нее долгие часы после работы, помогал мне в уходе за ней. Не было ни крылечек, ни парков, где можно было бы посидеть лунной ночью. После отбоя не работавшие в ночной смене строго должны были занять свои койки. Мне много раз попадало за их опоздания. В девичьей каюте шесть мест, три внизу, три над ними. Вхожу проверить. Темно. Пятеро или спят, или притихли, а около шестой, верхней, перед лежащей в постели подружкой стоит юноша. Я нарушила их тихую беседу. Он не понимает, что ему тут не место, совесть его чиста. Где еще и когда, работая в разные смены, они поговорят? Мой упрек принимается почти враждебно.

Утром подружка, болтавшая ночью, не может проснуться. Мастер гневно жалуется мне на прогулы. Я пытаюсь пробудить в ней, все еще лежащей в постели, совесть, долг. Она сказывается больной — укачалась. Ситуация конфликтная. Обкатанные жизнью моряки не склонны видеть идиллию в дружеских парах. От меня недвусмысленно требуют более грубого вмешательства в нравственных целях.

Вот порт покрупнее. Отпускают на берег. Я обеспокоена — как погуляют, как вернутся. Вечер. Возвращаются довольные, целые. Но вот кого-то ведут. Дежурящий по судну военрук с сарказмом сообщает мне, что один из моих студентов пьян. Худенький, юный, один из наиболее вялых и робких, бледен до синевы и не узнает нас. Военрук расторопно запирает его в какой-то чуланчик на палубе вместе с бравым выпивохой, видимо, составившем на берегу компанию моему морячку, который, наверное, начитавшись о выходе былых моряков на берег, хотел приобщиться к полагающимся «прелестям» прогулки. Я возмущена и не сразу соображаю, что он болен, отравился.

Студенты говорят мне, что ему плохо взаперти. Я иду к капитану хлопотать — какой уж тут арест, мальчишке нужна врачебная помощь. Капитан приказывает выпустить и прислать к нему врача. Утром мальчику стыдно, и мы все молчим, не обсуждая проступка — все ясно.

Зная о том, что студенты пишут отчеты о практике, капитан по своей инициативе предложил устроить на судне проверку их навыков, полученных в море. Я могла только приветствовать такую любезность. Утром в большом салоне собрались специалисты: старший механик, рефрижераторный инженер, заведующий производством, старпом, кто-то еще. Под председательством капитана каждому студенту задавали вопросы, вызывая всех по одному. Не было обычной для нас церемонности экзаменов. Слышались шутки, остроты. Особенно волновались девочки, попавшие в такую необычную обстановку. Спрашивали немного и очень доброжелательно.

Я опять, как наседка, душевно трепетала за каждого. Вот задает капитан юноше вопросы о фарватере. Тот толково отвечает, повторяя: «Веха» (с ударением на втором слоге). Я по учительской привычке поправляю, говорю: «Веха» (с ударением на первом слоге). Капитан мягко выговаривает мне, что хотя я в русском языке разбираюсь хорошо, но моряки говорят с ударением на втором слоге, студент прав, и мне не следует зря вмешиваться.

После нескольких часов этой быстрой и точной работы мы расходимся, а капитан дает мне совет составить журнал оценок по продуманной им схеме. Позднее, в техникуме, директор был очень доволен этим журналом и хвалил капитана за инициативу. Практика получилась хорошей.

Мы пришли к Охотску. Бросили якорь на рейде. Берег низкий, отмелый. Рыбаки в переполненных кунгасах будут подвозить нам свой улов, а мы — морозить его и складывать в трюмы. Начало путины. Зашедшую в реки рыбу черпают, а не ловят. Собаки, лисы, медведи тоже выходят на берег, хватают, что попадется, и лакомятся.

Стоянка долгая. Всех манит берег, город. Капитан приглашает меня поехать на берег с ним в гости. В шлюпке полно людей. Всем весело, кто-то рассказывает безобидные анекдоты, день теплый, небо ясно. Приближается берег, волнующий, заманчивый. Река Кухтуй, на которой сооружен порт Охотск, вливается в море среди песков. Во время прилива морские волны встречаются с речным течением, над подводной отмелью образуется высокий вал-бар, и тихая, сонная река в этом месте превращается в коварную ловушку для небольших судов. На барах ежегодно опрокидываются, тонут. Проход в устье всегда связан с риском. Капитан строго приказывает всем сидеть спокойно, шутники замолкают.

Дорка взлетает на гребень и падает вниз, еще раз, еще. Как на качелях. Вошли в устье. Тихая вода, низкие берега, угрюмые склады, унылый пейзаж, вдали темный, еще зимний лес. Приехавшие быстро расходятся.

Теплый северный день. На бревне у домика сидят две молодые мамаши. Девочка постарше занимает малышей. Капитан Дудник извлекает откуда-то из карманов конфеты, незнакомое детям военных лет лакомство. Широким жестом, с добродушной улыбкой и ласковыми словами он раздает конфеты детям. Радость и удивление — вполне достаточная ему награда. Но вот из кармана извлекаются еще две конфеты. «А это мамам», — говорит капитан и угощает смутившихся женщин.

Стояли белые ночи. Работы на судне велись круглосуточно. Работали посменно и студенты. Около них и я, не всегда ложилась спать с вечера. Однажды вахтенный матрос разыскал меня и сказал, что вызывает капитан. Я удивилась — давно уже была ночь. Заболел юноша. Острые боли в животе вызвали у судового врача предположение о возможной операции. Капитан сказал мне, что дори спущена, моторист готов, одного студента отправлять нельзя, и, видимо, мне нужно поехать с ним.

Мы втроем отправились в плавание от судна, далеко стоящего от города. Юноша терпеливо помалкивал, моторист сосредоточенно ждал ответственного захода в устье через бары. Я думала о возможной операции далеко от родных, о своей ответственности в связи с ней и была взволнована необычным пребыванием в ночном море. Ночь оказалась очень светлой. Ровный, неяркий свет четко вырисовывал приближающийся берег, низкий слева по носу и более высокий в отдалении справа. Дул боковой ветер. Он развел волну, прибой впереди шел боком, и белая высокая пена клубилась у правого берега, а накат волн разбивался с грохотом, похожим на пушечный выстрел. Моторист заметно нервничал.

Мы благополучно прошли через бар, высадились у пирса и пошли в больницу. Кое-где в огородах Охотска, пользуясь белой ночью, женщины сажали картошку: в песке выкапывали ямку, крестом клали две селедки для удобрения, потом закапывали семенную картофелину.

Врач в больнице, осмотрев нашего больного, не нашел нужным его оперировать, положил на два дня полечить, и потом студент вернулся на судно. Мое присутствие не потребовалось. Моторист спешил воспользоваться начавшимся приливом, и по большой воде реки, поднятой подпиравшими ее морскими волнами, постарался поскорее выйти в море. Мы проскочили бар и успокоенные вернулись на судно. Капитану доложили о моем возвращении. Утром я отчиталась о своем вояже.

«Пищевая индустрия» не стояла на рейде Охотска, а переходила к рыбачьим поселкам в устьях рек для приема улова. Отчетливо помню одно утро. Стояли против устья реки. Берег сравнительно недалеко, чуть возвышающийся, видны редкие низкие кусты. По мелководью идет сильный накат. От приветливых и радушных местных жителей, подводивших кунгасы для разгрузки, я узнала, что поселок близко, и что там можно купить молоко. Стоянка предполагалась долгой. Получив разрешение съехать на берег, я договорилась о переправе со стареньким худощавым перевозчиком, юлившим в своей лодочке под бортом.

Теперь, оглядываясь с высоты лет на этот день, я удивляюсь той своей решимости. Было ли это легкомыслие, которое в какой-то мере присуще всем, долго пробывшим на воде, была ли это какая-то бесшабашная удаль от радости и удовлетворенности жизнью и работой, или любопытство молодости влекло меня все испытать. Я спустилась по раскачивающемуся канатному трапу с вплетенными в него деревянными ступеньками в лодку, вмещавшую только двоих. Она называлась «исабунка» и, кажется, была выдолблена из ствола дерева. Легкая, она как скорлупка, отыгрывалась на волне. Мой кормчий, которому я доверила жизнь, инструктировал меня, руля среди волн. Шла большая волна и, натыкаясь на прибрежную мель, с шипением и белой пеной закручивалась вниз, быстро уходя назад. Я должна была мгновенно, безошибочно выпрыгнуть на песок, когда исабунка поднимается на гребень волны. Следовало встать на ноги, шагнуть к носу и по команде прыгать. А лодочка тотчас легко отскочила в кипящий клубок. Дед похвалил меня за удачный прыжок и на следующей волне прыгнул сам со шкертиком в руке, за который вытянул исабунку на берег.

На катере, подводившем кунгасы, я возвратилась на судно с бидоном молока. Успех моей прогулки соблазнил старшего помощника капитана, и он таким же путем отправился на берег. Но вот, как это часто бывает на Севере, ветер переменился. Близкий берег создавал угрозу большому судну, кунгасы бились о борт и не могли идти на большой волне. Нам нужно было уходить мористее. Старший помощник прибыл на катере, мы тотчас пошли. А мне этот случай стал хорошим уроком — задуй ветер чуть пораньше, я бы не переправилась на судно, и ждать меня не стали бы — не персона.

Качка утомляла. При стоянке на якоре она иногда чувствовалась еще больше, и было очень приятно спокойно посидеть в капитанской каюте в удобном широком кресле, в тепле и уюте. Интересно было слушать деловые разговоры с пришедшими по вызову или по собственной инициативе. Приходили радисты, помполит, боцман, заведующий производством, бухгалтер, старший механик, рефрижераторный инженер, машинистка, буфетчица, матросы. С раскуренной трубкой в руке импозантный капитан Дудник сидел у письменного стола, а собеседник или приглашался сесть рядом, или виновато стоял, слушая внушение. Бывали случаи, когда разговор приобретал остроту.

Кто-то допустил ошибку или плохо себя вел, и теперь в капитанской каюте выслушивал очень строгое внушение, упреки и, получив разрешение идти, униженный, а иногда и обиженный, поворачивался к выходу. И вдруг слышал ровный голос капитана: «Хочешь стопку? Вон открой ту дверцу в буфете и налей себе». Обескураженный посетитель спешил воспользоваться угощением,

благодарил, и обиды на его лице как не бывало. Угощение предлагалось не только виноватым. Кто-либо торопливо, на ходу, закусывал отличным балычком или свежезасоленной капустой, которую приготовил сам капитан. Приятно было видеть благодарность, удовольствие от сюрприза.

Война кончилась. Хотя мы и испытывали лишения, но жилось уже спокойнее. В воскресный день несколько человек послали в город. За старшего в дорке был четвертый помощник капитана, молодой, чуть бесшабашный человек. Он помогал мне в свободное время сколачивать на палубе ящики, доверчиво рассказывал о похождениях в веселой компании на берегу, потом говорил о семье, о своей молодой жене, которая ждет первенца, говорил, что очень хочет поскорее попасть домой, видеть ее в этом состоянии, видеть милые ему веснушки на ее лице. В спокойные вахты во время якорных стоянок мы иногда, оставаясь на мостике вдвоем, вели такие разговоры. Рассказал он мне и о том, что всякий раз, когда ему снится красный конь, у него бывают то неприятности, то боязнь. Убежденно, с присущей морякам суеверностью, он связывал такие сны с событиями жизни, и на стоянке у Охотска огорченно говорил мне, что ему опять снился красный конь.

Пока наши моряки были в Охотске, погода изменилась, на берегу объявили штормовое предупреждение, вывесили у реки знаки, запрещающие выход из порта. Благоразумные люди остались на берегу, а четвертый помощник капитана и матрос-рулевой, вопреки правилам, поспешили на судно. Погода портилась стремительно. Над «Пищевой индустрией» клубились мрачные облака, день померк, пелена тумана укрыла берег, волны все увеличивались. У нашего незагруженного судна была большая парусность, и прижимной ветер гнал его к берегу, на мель. Нужно было уходить в море. Кунгасы и катера спешно отошли от борта, ушли штормовать, кто-то успел проскочить в устье реки. Северный ветер «шелкан» запирал воду в реке, бары сделались особенно опасными. Капитан приказал сниматься с якоря.

Вдали в волнах показалась дорка. Слух о ней, идущей к судну, распространился по палубам. Было тревожно, замирала душа. Я сбежала на нижнюю открытую палубу на корме и, придерживая на ветру одежду, заглядывала за борт с подветренной стороны. Волны кипели, глубоко опадая, цвет у них был темный, белые гребни дробились в крупные брызги. Вдруг почти у самой кормы появилась дорка. В ней согнувшись, в черных плащах, сидели две фигуры, среди больших волн казавшиеся уставшими, неподвижными, молчаливыми. Тотчас рядом со мной оказался подбежавший старший помощник капитана. Он бросил выброску от швартового каната. И в этот момент сильная волна отбросила дорку от борта. Оба ее пассажира распрямились, закачались, делая какие-то усилия, а дорку повлекло за корму и дальше, в туман. Очень быстро она скрылась из виду. С мостика приказали спустить вторую дорку и оказать помощь уносимой ветром.

Небо чуть прояснилось, но ветер не унимался. Спущенная дорка прыгает на высокой волне за бортом. Ищут моториста. Он спрятался в своей каюте, и его жена уверяла, что его там нет. Нашли, спешат, все очень взволнованы. Кто-то уже спустился по штормтрапу в дорку, нужен еще один матрос. Наши студенты работали у четвертого трюма. Старший помощник капитана, окинув взглядом их группу, сказал: «Иди и ты». Это был Саша Гайдук, рослый, плечистый, смуглый юноша, несколько молчаливый и очень исполнительный. Студенты работали в море по своей специальности и, занимая должности матросов, выполняли все приказы командования. У трапа я сняла со своей головы зюйдвестку и надела на голову Гайдука взамен его фуражки, завязав под подбородком шнурки. Саша быстро спустился в дорку, она отошла от борта, скрылась во мгле шторма и уже не возвратилась на судно. Через несколько недель мне нужно было на берегу написать письмо родным этого студента. Тяжелое это было письмо. Он пошел спасать людей — вот единственное для них утешение.

«Пищевая индустрия», отдалившись от берега, пошла вдоль него. По радио запрашивали берег, не видел ли кто наши дори, просили организовать поиски. К вечеру, когда шторм поутих, отправили еще одну дори, тщательно снарядив ее для длительного поиска. Через два дня на судно радировали, что нашли два трупа. Один моряк лежал на прибрежном песке, у него не хватило сил к жизни, когда он уже выбрался из воды. Руки его судорожно цеплялись за песок. Гайдука обнаружили в море рыбаки. Штурмана и двух матросов не нашли совсем. Позднее к берегу прибило совершенно целую дорку.

Утонувших привезли на судно, положили на каком-то возвышении на нижней палубе на корме. Люди толпились около, плакали, обсуждали событие. Старпом раздел и обмыл погибших и приготовил их к похоронам. В коридорах, каютах собирались группы, многословно рассуждали. Оказалось много знатоков и критиков, толковавших, как надо было поступить капитану.

Утром судно подошло к Охотску. Большая часть команды на портовых катерах съехала на берег для похорон. Кладбище в Охотске помещалось на низкой песчаной косе — ни одного кустика, песок и песок. Пустынно и сурово. Близко от могил плескались волны моря. Время было суровое, война унесла много жизней, многие потеряли своих близких. К нашей процессии присоединились городские женщины, жены и вдовы рыбаков, солдат. Многие из них горько плакали, может быть, о своем горе, может быть, из сочувствия к нашей драме.

К капитану из порта прибыла компетентная комиссия и несколько часов разбирала случившееся. Все действия капитана были признаны правильными, записи в судовом журнале точными. Предложено было продолжить рейс. Позднее, во Владивостоке, еще одна комиссия проверяла случай гибели пяти моряков и вновь нашла действия капитана правильными.

Работы по приему рыбы продолжались. Эта путина давала питание для изголодавшегося за войну народа. Тогда ко всему съедобному отношение было очень серьезное.

Рано утром колокол громкого боя разбудил меня. Тревога. Опять учения? Я быстро накинула пальто и побежала вниз, в матросскую столовую, где полагалось собираться бригаде доктора. Учение не начиналось, появился слух, что тревога не учебная, а боевая. За бортом кунгасы с рыбой, не разгрузившись, спешно отходили, рулевые недоуменно поглядывали на мостик. Капитан в мегафон торопил их уйти от судна. «Я ухожу», — говорил он. Тут же отдавалась команда выбирать якорь, прогревать машину. Стало известно — началась война с Японией.

У капитана хранился запечатанный секретный пакет, который следовало вскрыть после получения по радио условного сообщения. В пакете имелся приказ срочно идти в бухту Ногаева. Глубоко вдающаяся в берег северная бухта живо напомнила мне Датч-Харбор. Такие же высокие и безлесные берега, такое же освещение, так же стремительно суживается пространство.

В бухте мы не одни. Туда же сходятся другие суда, становится оживленно. Начинаются визиты. Капитаны и механики, не видевшиеся много месяцев, теперь навещают друг друга, выясняют обстановку. Радио приносит волнующие сообщения. Мы очень далеко от родных берегов, у многих там семьи. Владивосток теперь прифронтовой город. По радио следим за новостями. Наш студент во Владивостоке, будучи мобилизован и находясь в береговой обороне, удачно подбил японский самолет. Мальчики гордятся его успехом.

Но вернемся ли мы домой в эту навигацию? Будем ли мы воевать здесь, на Севере, или в море. Но вот дела на фронте предвещают нашу победу. Пора бы идти в море. Близится осень. Получив разрешение на выход из бухты, капитан Дудник уходит первым, провожаемый дружескими гудками других судов. На палубах судачат о его смелости, за обеденным столом уже говорят, что он способен пройти мимо Шантарских островов и направиться в Татарский пролив. В море опасно, можем наскочить на мину. Однажды впередсмотрящий увидел очень подозрительный черный предмет, сообщил на мостик. Не проверяя, что это, мы круто повернули и далеко обошли это место. Координаты записали и сообщили по радио. Я совсем не помню, как обогнули Сахалин, — это ночи без ходовых огней, с предосторожностями и без прогулок по палубе без надобности.

Идем в Советскую Гавань. Подход к бухте заминирован. На мостике появляется военный лоцман. Один он знает, как пройти по фарватеру. Это сын нашего капитана, Александр. Отец и сын, оба бывая в плаваниях, очень давно не встречались. Теперь сын в гостях у отца. Позднее я узнаю, что он отлично знал свое дело и довольно долго проводил суда между минных полей.

Берега Советской Гавани очень живописны. Взорам моряков, уставшим от однообразной картины северного моря, от постоянных туманов и резких ветров, предстали высокие берега, покрытие великолепным лесом, манящие могучей зеленью. Вода спокойна и кажется прозрачной. Деревья, близко подступающие к берегу, бросают таинственную тень. Глубина здесь начинается сразу. Наше громадное судно швартуется под самым берегом. Бухта кажется небольшой и очень уютной. Крутые тропинки от причала ведут высоко вверх. Там, немножко удаленный от берега, город. В бухте только одно наше судно. Тишина, отсутствие обычных для порта шумных и суетливых работ. Прекрасная погода ранней осени и манящее, не замолкающее любопытство при мысли, что где-то здесь лежит на дне фрегат «Паллада», описанный Гончаровым.

Говорят, что в хорошую погоду его мачты совсем недавно еще просматривались с поверхности. Но оказывается, в ту бухту нужно далеко ехать, это совсем не здесь, у Советской Гавани несколько бухт, а сразу после войны кататься по ним непросто.

Я получаю разрешение уйти на берег, в город. Как это замечательно — чувствовать землю под ногами после многих недель на палубе. Зелень, деревья воспринимаются остро, с обновленными ощущениями, люди на улицах кажутся приятными, город, дома, повседневность обретают особую цену. Испытываешь чувство праздника. Возвращаясь на судно, я заметила, что вечерние краски начали меркнуть, и, пройдя пустырь, отделявший город от берега, решила сократить путь. Я хотела выйти к одной из тех крутых троп, которые видела с судна, и спуститься прямо. Уже открылась передо мной бухта, уже видна «Пищевая индустрия», совсем маленькая при взгляде с высоты и уже зажегшая огни. Но вот почти у самого спуска мои высокие каблуки стали вязнуть, под ногами зачмокала вода. Болото. Я впервые увидела болото на горе. Неожиданность и растерянность надолго запомнились мне. Смеркается, я одна в незнакомом месте и забрела в болото, да еще в изящных туфлях. Вот он, Север, неласковый к чужакам.

Рискуя встретить самый неожиданный прием, грубость или насмешку, я побрела к видневшейся в отдалении избушке. Сторож или рыбак сидел в ней, крохотной, при свете жирника распутывая сеть. Он очень участливо объяснил мне, что с этой крутизны тут не спуститься, несмотря на кажущуюся близость, а нужно выйти на дорогу и дойти до обычного спуска. Отзывчиво, добродушно. Война, научившая нас понимать горе, сделала тогда людей дружнее, внимательней друг к другу, и всегда можно было рассчитывать на то, что в случае затруднений кто-либо отзовется по-доброму. Так со мной бывало в те годы не один раз.

Как только я вошла в коридор на верхней палубе, по разговорам, по расходящимся группам, я поняла, что что-то случилось. Оказалось, что за несколько минут до моего возвращения катер увез на берег в больницу двух студентов с ожогом глаз. На утро был назначен отход. Два молодца, перешедших весной на второй курс судостроительного отделения, ну те же школьники-восьмиклассники, бродя по судну и пользуясь тем, что на стояночных вахтах людей не много, увидали в рубке сигнальные ракеты. По непреодолимому мальчишескому любопытству взяли одну из них и унесли к себе в кубрик, а там попробовали разобрать. Ракета в неопытных руках взорвалась. К счастью, беды не случилось. Бедолаги отстали от судна, и, полечившись некоторое время в Советской Гавани, явились здоровыми на свой курс. На судне у каждой вещи свое назначение, свое место, и берет их только тот, кому это положено. Правило, которому нужно обучиться до вступления на борт.

Лоцман вывел нас из бухты. Мы благополучно миновали минные поля, кажется, где-то на Сахалине взяли уголь и направились к Владивостоку. В техникуме уже шли занятия. Я опаздывала на лекции на своих курсах, и меня ждали. В бухте Золотой Рог «Пищевая индустрия» встала у мыса Чуркин у холодильника. Капитан Дудник отказался от буксировки портовыми катерами и классно пришвартовался с хода. Ушел в глубину якорь. Мое многомесячное плавание закончилось...

А вот еще одна история, связанная с «Пищевой индустрией» и ее капитаном А. И. Дудником, вносящая дополнительный штрих в характеристику этого выдающегося моряка. Она рассказана Геннадием Алексеевичем Наталушко, в то время радистом парохода. Внимательный читатель обнаружит много общего между его рассказом и тем, что выше сообщила нам З. А. Зайцева. Различия в некоторых деталях, видимо, вызваны избирательностью человеческой памяти. В 1965—1977 гг. Г. А. Наталушко был преподавателем радиотехнического отделения Петропавловск-Камчатского мореходного училища.

Г. А. НАТАЛУШКО

РАССКАЗ РАДИСТА

Случилось это на «Пищевой индустрии» незадолго до объявления войны Японии. Стояли мы тогда у охотского побережья на якоре против речки, принимали от рыбаков ставных неводов кету.

На судне было четыре доры. Обычно две всегда были готовы к спуску на воду и подвешены на талях, другие — подготовлены. Чаще всего их использовали для выезда нашего химика на берег, где он проверял соленость готовой к отправке рыбы. Иногда уходили за десятки миль от стоянки парохода. В этих случаях капитан А. И. Дудник приказывал брать с собой радиостан-

цию для связи, на всякий случай. За радиста обычно приходилось ходить мне, так как мои помощники были или нездоровы, или неопытны.

Однажды дору № 1 с заведующим производством и химиком послали в устье реки, напротив которой стояла «Пищевая индустрия», где находился поселок и готовая продукция (левей устья реки Большая Охота). Пошли на ней пять человек: штурман, матрос, моторист, заведующий производством Оборин и химик. Дора быстро достигла устья речки и скрылась в нем.

Стояла еще первая половина дня, когда появились явственные признаки «шелкана». Так в этих местах называют внезапный предательский северный ветер. В течение нескольких минут он создавал такую толчею волн, что и большие суда порой были вынуждены сниматься с якорей и уходить штормовать мористей. С севера наваливалось, наливаясь чернотой, зловещее облако. Оно быстро приближалось. Задуло. Вокруг «Пищевой индустрии» находилось несколько кунгасов, катера. Там сразу почуяли опасность, и некоторые успели уйти к берегу, зайти в реку, а другие решили отойти подальше от берега и штормовать. И тут-то оказалось, что наши люди, сделав свои дела на берегу, уже вышли обратно. Это было очень опасно, так как при «шелкане» ветер, дуя под острым углом к берегу, запирал выход речной воды. В устье мгновенно образовывались кипящие бары, вода клокотала и высоко вздымалась волнами.

В бинокль увидели нашу дору в середине кипящих баров. Она то исчезала в волнах, то вновь взлетела ввысь. А потом все исчезло. Кое-кто утверждал, что видел, как дора встала вертикально, и из нее посыпались люди. Так ли это, не могу сказать, так как до баров было три-четыре мили, и при плохой видимости мало что можно было разглядеть. Капитан Дудник при-казал связаться по радио с берегом — может быть, оттуда видели, что случилось, может, дору уже прибило к берегу. Одновременно он дал команду сниматься с якоря, чтобы уйти мористей от сильного волнения. Кочегары подшуровали в топках, из трубы пошел густой дым, ветром его понесло в сторону баров. Теперь там невозможно было что-либо разглядеть — все густая черная мгла скрыла.

Мы связались по радио с берегом, но оттуда ответили, что сами ничего не видят. А потом с нами заговорил наш заведующий производством Оборин. Оказалось, он знал что такое «шелкан» и посоветовал штурману, бывшему за старшего на доре, переждать непогоду на берегу. Тот не послушался совета и приказал возвращаться на судно. Но Оборин решил остаться на берегу.

И тут весь пароход слышит команду Дудника: «Спустить дору номер два!» Приписанные к доре члены экипажа явились без промедления на ботдек, не было только старшего — матроса-рулевого. Несколько раз объявили по трансляции ему приказ прибыть к месту спуска, но он не появлялся. Старпом побежал в каюту. На стук открыла жена рулевого и сказала, что не знает,

где ее муж. И тут старпом увидел торчащие из-под дивана каблуки... Словом, рулевого доставили в дору. Ее спустили, уже в воздухе заработал двигатель и, коснувшись воды, дора стремительно понеслась в сторону баров. Больше мы ее не видели. Все исчезло за мглой и в штормовой кутерьме... Правда, некоторые утверждали, что видели обе доры рядом, люди на них будто бы орудовали баграми и т. п.

И тут вновь в динамиках звучит властная команда капитана: «Спустить дору номер три!» Команда ошеломила всех: «Как это — на верную смерть посылать людей?» То же самое заявили Дуднику помполит, старший помощник и другие члены старшего комсостава. И я помню, как ответил им Дудник: «Если мы не пошлем третью дору, как же тогда сможем послать четвертую? Кто же тогда будет спасать моряков?»

Третья дора ушла от парохода и не вернулась...

«Пищевая индустрия» снялась с якоря, и мы пошли по ветру милях в пяти от берега — авось что-нибудь увидим. Но ничего обнаружить не удалось. Под вечер Дудник собрал на совещание своих помощников. Решили спустить последнюю, четвертую, дору, и пройти на ней как можно ближе к берегу. Взяли радиостанцию, поэтому попал на дору и я. К тому времени ветер несколько поутих.

Двое суток шли мы вдоль берег, дошли до самой крайней базы Ульбея — в 120 милях от центральной базы. С помощью мощного американского мегафона опрашивали увиденных на берегу людей. Объясняли им, что пусть отвечают жестами, так как голоса их мы все равно услышать не могли. Если видели мертвых людей на берегу, то пусть дадут нам знать движением вниз горизонтально вытянутой руки; если живых — махать руками крест-накрест над головой. Первым мы увидели человека на лошади. Через мегафон, установленный на максимальную мощность, заговорили с ним. Видимо, голос наш был настолько оглушительным, что человек от страха свалился с лошади и долго не мог прийти в себя. Лошадь терпеливо стояла рядом...

Никто из встреченных ничего не мог сообщить о наших людях. Ночью мы зашли в какую-то речку. Шел дождь, было сыро и холодно. По радио запросили «добро» на ночевку: ночью увидеть в море или на берегу ничего нельзя. «Добро» нам дали до шести утра. Мы накрылись брезентом и кое-как переждали ненастную ночь.

Вышли в море в шесть утра. Штормило. Но вот увидели на косе несколько бараков, лебедку под паром для вытаскивания кунгасов и катеров, людей. Закричали в мегафон. Ответили нам условленным жестом — вниз рукой. Где, как? Жестами об этом не расскажешь, и мы спросили: могут ли нас принять? Ответили, что могут, засуетились, забегали, курибаны потянули к воде трос от лебедки. За него мы должны были уцепиться своей брагой в послелний момент.

На доре старшиной был помощник боцмана Евгений Ковтун, опытный и бывалый моряк. Выбросил дору на берег он мастерски. Выбрал «девятый вал» и так регулировал обороты двигателя, что наша дора словно «влипла» в этот вал, и он донес нас к берегу.

Вот что рассказали нам на берегу. Видели, как из моря выползал на берег человек. Накатной волной его бросало на берег, а когда волна уходила обратно, он, чтобы его не смыло в море, втыкал в песок большой американский тесак и так, заякоренный, пережидал сбегавшую волну, делал бросок к берегу и вновь втыкал нож, если волна готова была смыть его в море. Когда волны уже не могли его достать, он поднялся, повернулся лицом к морю и, словно торжествуя, поднял руки вверх... И тут же упал... Когда люди подбежали к нему, он был мертв. Сердце, видно, не выдержало переохлаждения.

Второго нашего моряка выловили в море уже мертвым. И еще видели в море дору — только нос ее издали торчал из волн. Сообщили обо всем на «Пищевую индустрию». Получили оттуда команду возвращаться. Когда подходили к пароходу, часто загудел гудок, люди облепили палубы. Мертвых моряков мы положили на бак доры, видно всем. Что тут творилось! Слезы, истерика...

Через несколько дней обнаружили недалеко от места трагедии выброшенную на берег дору. Стояла на ровном киле, почти без воды, все в исправности. Даже ремонт не потребовался. А людей не было.

Похоронили двух моряков на берегу, поставили памятник. Написали на нем имена всех погибших.

В разговорах с А. И. Дудником я никогда не возвращался к этой трагедии. Но думал о ней много, пытаясь дать ответ на мучивший вопрос: прав ли был капитан, отдавая команды, приведшие к гибели пятнадцати человек? Думаю, что прав. А иначе — кто придет на выручку попавшим в беду? В любом месте и в любых обстоятельствах?

К. Н. СЕМУХИН

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Перечитывая опубликованные в 2005 г. в «Вопросах истории рыбной промышленности Камчатки» воспоминания камчатских тоболяков, я вспомнил, что упустил ряд фактов прошлых лет, которые, на мой взгляд, могут быть небезынтересны. Буду рад, если они, дополненные полемическими отступлениями, придутся по душе камчатскому читателю.

Мало кто станет по собственному почину думать о заслугах ближнего...

Вот почему те, у кого много достоинств, но еще больше скромности, нередко остаются в тени.

Ж. Лабрюйер

Суть человеческого единства в движении. Полный покой означает смерть.

Б. Паскаль

В КРАЙ ОГНЕДЫШАЩИХ ГОР

Я сплю и вижу во сне блестящий круглый туннель, мчусь в нем с неимоверной скоростью, все быстрей и быстрей. Перед глазами появляется светлое, даже яркое пятно, я в испуге кричу: «Мама!»... и просыпаюсь. Мне лет шесть. С этого дня после долгой болезни я стал поправляться. Помню, что была война с фашистской Германией, и мы уже получили «похоронку» с сообщением о гибели моего старшего брата Леонида. Ему было всего девятнадцать лет. Это случилось в конце зимы сорок четвертого. Помню, как читали: «Младший лейтенант Семухин Леонид Никитович, верный присяге...»

Наступила весна предпоследнего военного года. К нам приходит однорукий бригадир колхоза Алексей Анисимов. Разговаривает с матерью о том, что пора пахать, а пахать некому. Просит мать, чтобы отпустила меня поуправлять лошадью. Мать согласилась, и я каждый день стал приходить на конный двор. Дед Пахом запрягал старого-престарого, как и он сам, мерина Мишку и сажал меня на него. Я ехал на поле, в обед меня снимали с лошади, а потом снова сажали, и уже до позднего вечера. И так все лето. Боронил, возил снопы на ток, сено в копнах к стогам, навоз на поле.

Летом мой верный старый конь помер. Мне стали запрягать Голубку — кобылу помоложе. Это была тоже умная и ласковая лошадь. Она щекотала губами мою шею, при виде меня радостно ржала. Я мог лазить у нее под брюхом, брать за задние ноги, если она наступала на вожжи. Потом Голубку

сменила Цыганка. Она почему-то меня сразу невзлюбила. Несколько раз сбрасывала со своего крупа. Порой, вдали в поле я, очухавшись от падения на землю, плелся в деревню пешком, вытирая от обиды слезы.

Наступил год окончания войны. Мне пора было учиться. В нашей деревне, состоявшей из десятка домов и расположенной в глухом лесу, школы не было. Школа находилась в соседнем селе, в пяти километрах. Дорога тянулась через густой лес. Сверстников у меня не было, поэтому чаще всего ходил в одиночку. Хорошо помню первую учительницу Елену Павловну Шулинину. Она посадила меня на первую парту, а Петьку Петухова, не из нашей деревни, второгодника, пересадила на заднюю, на «Камчатку». Для меня это слово было загадочным. Я не мог предположить, что в дальнейшем с Камчаткой будет связана вся моя трудовая жизнь.

Петька постоянно отпрашивался у Елены Павловны в туалет.

— Елена Павловна, можно выйти пос..?

Елена Павловна краснеет до ушей и говорит:

— Петухов, я же тебе много раз говорила, что надо спрашивать так: «Можно выйти в туалет?»

В следующий раз начиналось тоже самое. Петухов тянет руку.

— Елена Павловна, можно выйти в туалет... пос..?

Елена Павловна опять краснеет до ушей и снова терпеливо говорит, что надо спрашивать: «Можно выйти в туалет?»

В следующий раз Петухов опять тянет руку, а Елена Павловна ему говорит:

— Иди, иди, Петухов, ты же в туалет хочешь.

На перемене Петухов подходит ко мне и спрашивает:

— Откуда Елена Павловна узнала, что я хочу пос..?

Я ему ответил, что учительницы все знают.

Так мне запомнился первый класс, в который я проходил не более чем ползимы. Во втором классе я тоже много болел. В том году было наводнение, неурожай. Картошка — наш основной продукт — к весне заканчивалась, предстояло голодное существование. До нового урожая еще далеко. Старшая сестра Нина всю войну работала трактористкой. Однажды она взяла меня в колхозы, где она трудилась, за заработанным хлебом. Мы объездили пять-шесть хозяйств, нам открывали пустые амбары и показывали, что у них ничего нет. Так мы вернулись домой без единого килограмма зерна.

Надо было спасать детей. Районные власти открыли в селах детские дома. Мать вынуждена была, чтобы я не умер от голода, отдать меня в Карачинский детский дом, который открыли накануне нового учебного года рядом со школой, где я учился. Там я прожил четыре года. За год до окончания семилетней школы мать забрала меня домой.

Директором детского дома со дня его основания был Константин Иванович Рымарев. Мы, ребятишки, в нем души не чаяли, для нас он был идеалом.

Высокий, худощавый, стройный, добрый, все хвалебные эпитеты, какие есть, относились к нему. Так как он был коммунистом, то после создания детского дома, через пару лет его перевели на хозяйственную работу, а потом он стал председателем Тобольского горисполкома.

Помню, приехав в первый отпуск после работы на Камчатке, я решил навестить его, записавшись на прием. Я видел, как он был приятно удивлен и обрадован, узнав, в представшем перед ним элегантном молодом человеке, а мне было двадцать два года, бывшего его воспитанника, детдомовца Костю.

Мать решила меня забрать домой, так как к тому времени жить стало легче, а мне предстояло учиться в городе — опять вдали от семьи. Как раз к этому времени нашелся самый старший брат Михаил, который ушел на службу в армию еще в довоенное время, когда мне не было двух лет. Служил на Камчатке и остался там после демобилизации. А мать после гибели Леонида часто меняла места жительства. Нас выселили из дома, где мы жили, когда Леонид ушел на фронт. В этом доме располагался ветеринарный пункт, где Леонид работал ветеринаром. В войну оборвалась связь с Михаилом. Только через два года после окончания войны он смог побывать у нас проездом, когда учился в Москве.

Помню, в то время я был хотя и незамкнутым, но угрюмым мальчишкой, возможно, от нерадостного детства и потери моего любимого брата Леонида, заменившего мне отца, рано ушедшего из жизни. Я редко улыбался, а заразительно смеяться до сих пор не научился. У меня, как и у всех мальчишек, были прозвища. Одно — «Костя-капитан» — у воспитателей и учителей. Глядя на меня, они запевали: «Капитан, капитан улыбнитесь, ведь улыбка — это флаг корабля!» Я почему-то улыбался, но не более того, а чаще еще больше хмурился. У ребят-сверстников я звался «академиком». До сих пор не знаю почему, но помню, что при изучении нового материала по какому-либо предмету, я, пытаясь докопаться до истины, порой задавал наивные вопросы, чем раздражал учителей.

Восторженные рассказы брата о Камчатке, ее природе, горячих источниках, периодически извергающихся вулканах и огромном количестве рыбы в реках покорили мое воображение. Поэтому после окончания семилетней школы я решил поступить в Тобольский рыбопромышленный техникум Министерства рыбной промышленности СССР. Это был верный способ попасть на Камчатку.

Четыре года пролетело быстро. Знания в техникуме нам дали основательные. «Лекции читали по институтским конспектам... и мы конспектировали под диктовку. Может быть, поэтому выпускники техникума имели хорошие знания? И большинство их работало на руководящих постах», — отмечает в своих воспоминаниях одна из выпускниц. Нам преподавали выходцы из московских вузов.

И вот, я в числе большой группы моих однокашников: Гены Панова, Миши Семенова, Лени Сидорова и других ребят приехал на Камчатку. То, чем я грезил в годы учебы, сбылось.

Очень хорошо словами его героев выразил мои мысли о Камчатке писатель Василий Золотов в книге «Земля горячая»: «...непуганые лебеди зимуют на теплых озерах, лосось идет на нерест так густо, что хоть весло ставь — удержится... О гейзерах, траве шеломайнике в рост человека, горячих паратунских ключах, белоснежных вулканах, уходящих за облака, синей реке Николке, о Командорских островах, где лежбище котиков... Какая она, Камчатка? Скорее бы... Край незнакомый, далекий! ...К Петропавловску подходили поздно вечером, красотища какая! Огромная Авачинская бухта окружена сопками. Море огней, жилые кварталы взбегают вверх по кручам. Характер у города, сразу видно, настоящий — упрямо по террасам лезет вверх, раскидывает по орлиному крылья...»

Приехали мы в Петропавловск-Камчатский в середине августа 1956 г. В конторе «Камчатрыбпромкадры» нас распределили по береговым рыбокомбинатам. Мне хотелось попасть в Усть-Камчатск, где мой брат работал секретарем райкома. Но вакантных мест техников не оказалось, так как в то время закрывались два крупных рыбоконсервных завода, в Шубертово и Ничиро (бывший японский на мысе Крюгера. — *Ред.*). Там своих кадров было достаточно. Я попросил направить меня туда слесарем технологического оборудования — начало трудовой деятельности с рабочей должности отвечало моим интересам. Эту просьбу удовлетворили с удовольствием.

ПОСЕЛОК РЫБОКОНСЕРВНОГО ЗАВОДА № 65 И УСТЬ-КАМЧАТСК

Я на усть-камчатской земле. Приехал туда на пароходе «Углегорск», ходившим вдоль восточного побережья. Снова позволю себе процитировать Василия Золотова: «Мы вошли в устье реки через знаменитые бары. В том месте, где река Гремучая встречается с океаном, даже в самую хорошую, тихую погоду сшибаются, ревут на ветру вздыбленные волны. Вот их-то и называют барами. С обоих берегов реки видны домишки, а среди них какие-то высокие узкие строения. Как потом выяснилось, это рыбокоптильни».

Коса начиналась у устья реки Камчатки мысом Слива, по фамилии смотрителя маяка, установленного на этом мысу. Читаем далее: «Неуютен зимний океан. Злые студеные ветры, снегопады, туманы скрывают берег. Но только опускаются сумерки, вспыхивает огонь маяка. Не электрический — он бы мгновенно затерялся во тьме зимней ночи, — нет, вспыхивает яркое белое пламя ацетиленовых ламп, вспыхивает и зеркальным рефлектором отбрасывается миль на десять в океан. Так время от времени перемиги-

ваются моловый и створные огни маяка Слива. Огни эти радуют и веселят сердце моряка, судно которое затерялось в штормующем океане, согревающего душу, напоминая о близости берега и родного дома. Шумит океан. Он никогда не бывает тихим. Так и кажется, что вся его бездонная армада сейчас вот поднатужиться, станет на дыбы и захлестнет узкую полоску земли из голубого песка и гальки. Но океан не захлестывает ее, а с каждой волной намывает все новые и новые пласты.

Поколение за поколением едут на Камчатку люди. Многие из них, наиболее сильные и смелые, оседают, родятся у них дети, и земля эта становится их отчим краем. Я смотрю на обжитую полоску и начинаю понимать, как создается земная твердь. Я начинаю вдруг чувствовать огромное превосходство этой маленькой земли над океаном...»

С парохода, ставшего на рейде, меня и группу молодых специалистов-педагогов из Москвы сняли на катер, который повез нас в районный центр, в Усть-Камчатск.

Молодые учителя были одеты по последней московской моде. Ребята, как и подобает им, были в шляпах, не как мы, провинциалы, — в кепчонках, натянутых на головы, как попало. При подходе к пирсу Усть-Камчатска неожиданный порыв ветра сорвал шляпу с одного из парней. Шляпа, кстати велюровая, попала под буруны от работы винтов катера. Через некоторое время она вынырнула из бурунов, и ее понесло течением отлива в открытое море. Команда катера пыталась выловить ее из воды, но безуспешно. Шляпа уплыла через бары в океан. Так закончился последний крик московской моды в барах Усть-Камчатска.

В управлении рыбокомбината я получил направление на рыбоконсервный завод № 65. Стою на палубе катера и смотрю, как капитан какими-то немыслимыми путями, зигзагами ведет катер мимо мыса Слива, где рядом с берегом, а где — заходя на первую волну баров. Наконец мы удачно попадаем в протоку завода. Сразу стало тихо, вода — как зеркальная гладь. С обеих сторон протоки берег — песок и галька. Только с правой стороны, далеко от прибрежной стороны виднеется чахлая травяная растительность.

Думаю о предстоящей жизни на этой земле. Невольно, оглядываясь назад в глубину двух-трех веков, я представил себе, что мои предки, последователи Ермака Тимофеевича, как сейчас и я, приплывая на своих стругах, мечтали об освоении сибирской земли. Наверное, не думали они, что заложенный ими город Тобольск спустя века наравне Парижем и Москвой будет претендовать на звание «седьмого чуда света» своей картинностью, златоглавыми церквями, Софийским собором, Прямским и Никольским взвозом, Троицким мысом.

Безусловно, у меня и в мыслях не было, что через много лет на этой земле, куда я сейчас еду, будут жить мои дети, внуки и правнуки, сегодня считающие

Камчатку своей родиной. Может быть, их поколение сделает полуостров одним из главных «чудес света». Ведь она своей уникальностью достойна этого...

Поселок одноименного с заводом названия состоял из нескольких бараков и одноквартирных домиков, размещенных на косе между океаном и протокой. За поселком тянулись несколько километров тундры, а дальше виднелись горы. На ближайшем холме просматривался какой-то предмет. Как оказалось, это был японский катер «кавасаки», заброшенный туда волной цунами в 1923 г. Имелись в поселке школа, баня, магазин и другие строения бытового назначения.

Поместили меня в двухместную комнату в бараке, в которой стояли две железные кровати и стол. Ни стулья, ни табуретки в комнате уже не помещались. Между кроватями оставался полуметровый проход. Перед входом стоял камин с плитой. Туалет располагался на морском берегу в двух десятках метров от прибрежной полосы океана.

В ноябре в комнату поселили еще одного молодого специалиста, выпускника Астраханского рыбвтуза Якова Юрьевича Кисельмана. Больше года мы прожили вместе, как одна семья, и дружба наша сохранилась на всю жизнь. Через несколько лет он стал главным инженером колхоза «Путь Ленина» в Усть-Камчатске. Потом работал в Петропавловске-Камчатском руководителем межколхозного объединения, затем директором межколхозного судоремонтного завода.

Через год с небольшим мне пришлось побывать на обоих закрытых заводах в Шубертово и Ничиро. По-моему, их закрытие было большой ошибкой руководства Камчатрыбпрома. Так, на Сахалине недалеко от Корсаковского рыбокомбината есть база «Охотское», действующая в гораздо худших условиях, но существующая, как мне известно, до сих пор. На заводах было прекрасное водоснабжение, в Камчатском заливе водилось несметное количество рыбы, и не только лосося, но и камбалы, трески, окуня и других пород.

Ездил я туда проводить инвентаризацию основных средств. Следовали вдоль побережья Камчатского залива на двух собачьих упряжках. Первая остановка — Ничиро, то есть завод № 64. Приехали туда к трем часам дня. Покормили собак, перекусили сами и двинулись дальше. К нам присоединился завхоз заводов. Ехать стало труднее: во многих местах снег лежал волнами, и собаки еле тащили нарты. Часто приходилось тянуть их волоком. Попадались ручьи, которые переходили вброд. На середине пути прямо к воде примыкала отвесная скала, и пройти ее можно было только во время отлива. А в это время стоял прилив. Возвратились назад и стали искать пологий подъем. Мне с каюром-камчадалом пришлось вручную поднимать собак и нарты наверх. Бухгалтер и завхоз сами еле смогли подняться.

Перевал преодолели только через два часа. Уже было темно, собаки еле плелись, и мы тоже. Как могли, помогали им тащить нарты. При подходе

к почти безлюдному поселку, нас встретили пограничники. Они пригласили нас в баню, напоили чаем. Такой воды, как в Шубертово, мне пить не приходилось. Она не только светлая и чистая, но и обладает каким-то особым приятным вкусом. Пьешь ее, а пить все хочется. На другой день мы закончили работу, побывали у пограничников на заставе, посмотрели с ними кино, рассказали о своих буднях. Для пограничников это был праздник: на заставе гражданских лиц им видеть не приходилось. Я помню, что среди них была только одна женщина, жена начальника заставы. Сегодня это место недосягаемо для жителей Камчатки, как и десятки других, не менее уникальных, заброшенных в результате укрупнений, а в дальнейшем из-за «перестройки».

Заводы зимой не работали, занимались ремонтом оборудования и подготовкой к следующей путине. Зимняя «спячка» для нас, молодых специалистов, была неприемлема, и мы вместе с учителями школы стали искать способы оживить культурную жизнь поселка. В институте Яша Кисельман руководил духовым оркестром. У нас каким-то немыслимым способом оказались инструменты. Набрать желающих играть не составило труда. Собрался полный состав почти профессионалов. Был даже свой «композитор» — фрезеровщик из механического цеха. Он разрабатывал партитуры для инструментов оркестра. Нашлись кларнетист и трубач. Я тоже входил в составе оркестра. Через два месяца, к Новому году, наш оркестр впервые выступил в клубе в концерте художественной самодеятельности.

Теперь субботние концерты стали регулярными. К весне мы уже выезжали в другие поселки с выступлениями. Забегая вперед, скажу, что наш оркестр приобрел популярность, и когда открылся Камчатский фестиваль (в 1957 г. — *Ред.*), мы были в Петропавловске-Камчатском желанными и единственными участниками из районов области. Тогда еще не существовали ныне известные ансамбли типа «Мэнго». Мы прошли парадом по Озерновской косе с маршем «Привет Сибири» — он у нас особенно хорошо получался. Играли на площадках будущего стадиона около озера Култучного, в парках, на сопке Никольской. Приехали с фестиваля с дипломом второй степени.

В то время партийные и комсомольские органы уделяли моральному воспитанию советского человека большое внимание. Особое рвение в этом проявляли местные руководители, желая приобрести авторитет у вышестоящих инстанций. Доходило до того, что если женатый комсомолец, тем паче коммунист, не так, как подобает, посмотрел на незамужнюю женщину или девушку, то этот «вопрос» могли сразу же вынести на обсуждение на комсомольском собрании и «пропесочить» за аморальное поведение и даже исключить из комсомола с формулировкой «за разврат».

Я помню, однажды к нам приезжал секретарь райкома комсомола Александр Сыченко, впоследствии секретарь Олюторского райкома, первый секретарь Корякского окружкома и председатель комиссии партийного контроля Камчатского обкома КПСС. Он проводил комсомольское собрание в клубе поселка, обсуждавшее аморальное поведение одного нашего комсомольца. В поселке повесили объявление об открытом собрании с повесткой дня: «Обсуждение комсомольца, ставшего на путь разврата». В клубе даже мест не хватило всем желающим посмотреть этот спектакль.

Тогда даже секретарь райкома партии был в курсе личной жизни каждого коммуниста его района.

Есть любовь, и есть секс. Но есть и проблемы, порой неразрешимые. Не зря у нас проблемой сексуальной гармонии даже занялись ученые, например академик И. Агаджанян. Особенно это важно для моряков и рыбаков, находящихся в длительных рейсах. Вспоминается забавный случай, произошедший в Траловом флоте. Приходит в партийный комитет жена одного из знатных капитанов с жалобой на мужа. Вернулся он из длительного рейса, а с ней не спит. Вызывают капитана на «тройку» (начальник базы, секретарь парткома и председатель базового комитета). Спрашивают, как так, ты орденоносец, герой, а с женой не спишь? Почему? Встает капитан и смущенно отвечает:

— Товарищи, я импотент!

Вскакивает со своего кресла начальник базы, стучит по столу кулаком:

— Ты в первую очередь коммунист!

...Вредные привычки сопровождают нас всюду, от них порой не можем избавиться, борясь с ними всю жизнь. Особенно от трех самых вредных: курения, матерщины и пьянства. Понимаю, что курить бросить трудно, сам я курил до первого «звонка» сердца. А кто в молодости не любил в компании встречать праздник? Без выпивки это не обходилось. Может, для кого-то это проходило безболезненно. А я страшно болел похмельным синдромом. Понял, что это не мой конек. Кроме вреда, это ничего не дает.

А ругаться нецензурной бранью кому-то, может быть, и к лицу. Даже женщины этого не замечают. Помню, в молодости как-то выругался — что-то с машиной не ладилось. Ко мне подходит слесарь-инструментальщик, убеленный сединами человек, и говорит:

— Никитич, не идет тебе это.

У меня как-то язык не мог выговорить бранные слова. С тех пор за всю жизнь в моем лексиконе их нет. Кстати, этот тихий, спокойный человек, про которого говорят: «Мухи не обидит», оказался героем войны, кавалером орденов Славы всех трех степеней. Его звали Василий Петрович Колосков.

Путины 1957—1958 гг. были нерыбные, комбинат план по лососевым консервам не выполнил. В этих условиях, чтобы выполнить план, посылали комсомольцев и активистов завода на ставные невода «уполномоченными» райкома. Меня тоже мобилизовали на это. Я, помню, как-то пробыл в море на ставном неводе бригадира Заводнова десять дней. Мы не поймали ни одной

рыбки и, вдобавок, чуть не ушли на дно в барах при входе в устье реки Камчатки. А дело было так.

Утром из управления комбината пришло указание снимать невод. К четырем часам дня после кропотливой работы его сняли и погрузили в два кунгаса. Кавасаки взял нас на буксир, и мы пошли в устье реки. Неожиданно небо потемнело, ветер усилился, бары грозно заревели. При входе в устье на второй волне бара (их всего четыре-пять) буксир лопнул, и мы с кунгасами остались один на один с бушующими волнами. Гибель казалось неминуемой. Годом раньше в этом же месте и в таких же условиях погибла бригада невода. Одни и те же грабли всегда нас преследуют, и мы не можем на них не наступать!

Картина удручающая. Кругом плавают шары, перевернутые кунгасы, наплава. Мы со страхом и удивлением смотрим с высоты многоэтажного дома очередной набежавшей волны на оголившееся дно устья реки. Все рыбаки, за исключением бригадира, были новички в море. Никто не знал, что делать. С катера, до которого было метров около пятидесяти, что-то кричат, бригадир машет руками. В одной руке у него чалка от буксировочного каната. Я решил, что надо бросить якорь, и побежал на нос сампана. Мне кто-то помог, и мы бросили якорь за борт. Вдруг чалку из рук бригадира выхватывает Цыган, так звали одного рыбака, и бросает ее, как лассо на катер. И удачно. Буксир закреплен. Мы спасены!

Жизнь на побережье постоянно была сопряжена с опасностями в, казалось бы, простых ситуациях. Помню, в то время секретарем обкома был Рындин. Он в конце путины совершал объезд рыбокомбинатов. Решил также заехать к нам на завод. Его сопровождали, назовем так, чиновники районного масштаба — секретарь райкома, директор рыбокомбината и другие. На заводе Рындина решили принять с моря, хотя путь был и по суше. Подходит катер к заводу, высаживают всех в шлюпку, которая направляется к берегу. У самого берега набежавшая волна, которую называют «девятым валом», опрокидывает шлюпку, и все во главе с Рындиным оказываются в воде. Уходящая волна увлекает их обратно в море. Ситуация критическая: если они не успеют выскочить на берег до следующей волны, то погибнут. На берегу их ждет бригада курибанов, это своего рода бригада спасателей. Их задача принять судно на берег. По пояс, а кто по горло в воде, они вылавливают всех, и в полном смысле этого слова, спасают их от гибели. Об этом случае мне рассказал брат Михаил. Он сопровождал Рындина в этой поездке.

Или случай в Камчатском заливе. При замете невода опрокинулся сейнер. Он длительное время оставался на плаву. Люди внутри судна были живы, но спасти их не смогли. Не было в то время средств, способных сделать это. А может, просто не додумались как?

Иногда происходили и курьезы. Помню такой. В протоке загрузили консервами баржу для отправки на рейд. Там стоял под погрузкой пароход. При осмотре баржи перед выходом оказалось, что руль у нее поврежден. Решили сами устранить дефект, чтобы не выгружать консервы обратно на склад. Для производства работ к берегу подошел трактор. Его пригнал помощник тракториста и поставил машину с работающим двигателем на пригорке. Пришел тракторист и начал ругать помощника за какое-то упущение. Трактор стоял, стоял и вдруг от дрожания стал медленно двигаться с пригорка в сторону воды. Тракторист с помощником идут следом и продолжают переругиваться. Под ногами у них уже вода, а трактор продолжает движение. Трактористы разинули рты. Уже скрылась в воде выхлопная труба, и трактор остановился только тогда, когда уперся в днище баржи. В наказание пришлось помощнику нырять в ледяную воду и цеплять буксир. Трактор был вытянут на сушу.

Однажды я ездил в управление комбината через Усть-Камчатск на конной повозке. Дело проиходило зимой. Возвращаюсь обратно и догоняю инженера лова нашего завода Германа Голитенко. Он едет на мотоцикле. Началась поземка. Кое-где дорогу перемело. Чуть в сторону, и мотоцикл погружается колесами в снег на полуметровую глубину. Я предложил Герману погрузить мотоцикл в сани, а самому ехать с нами в них же. Но он отказался. Я был вынужден отпустить повозку с возчиком, а сам решил поехать с ним на мотоцикле. Это был сущий ад. Пятнадцать километров мы почти тащили мотоцикл на себе. К поселку от усталости мы еле доползли, но мотоцикл не бросили.

В 1957—1958 гг. мы с женой Надежной Филипповной, приехавшей ко мне через год после окончания рыбного техникума с «красным» дипломом, встретили предстоящую путину с большим интересом. Надежда Филипповна стала работать консервным мастером. Все было для нас вновь: и огромное количество рыбы, и объемы выпускаемых консервов. В то время на заводе работали восемь консервных линий фирмы «Троер-Фокс», каждая производительностью 60 банок в минуту. Осенью того же года я начал работать начальником механического цеха, а через год все механические службы в результате очередного сокращения штатов объединили в одну, и я стал инженером-механиком завода.

Завод выпускал в основном натуральные консервы из лосося на экспорт. Стране нужна была валюта, чтобы приобретать за границей трубы большого диаметра (начиналась эпопея тюменской нефти и газа), современную технику, электронику, строить новые суда.

Старое технологическое оборудование не позволяло наращивать объемы выпуска экспортной продукции. Правительство закупило в Японии десять автоматических консервных линий типа «Даичи». Три из них поступили на наш завод. Производительность каждой линии составляла 250 банок

в минуту. Осваивали их с трудом. Это все равно, что с лошади пересесть на трактор. Надо было построить новую котельную, электростанцию, а никаких проектов не было (они поступили из Гипрорыбпрома только через год). Все устанавливалось в цехе, что называется, «с ходу». Выгружали судно, распечатывали ящики и тут же монтировали оборудование в линию. Работали, не считаясь со временем, и за два месяца — в рекордно короткий срок — запустили линии в работу. План по выпуску экспортных консервов выполнили досрочно. В этом году нашему заводу — первому в рыбной промышленности Советского Союза — присвоили звание коммунистического труда.

В то время директором Усть-Камчатского рыбокомбината был Борис Георгиевич Разгонов, человек удивительной судьбы. Сучанский комсомолец, расстрелянный белогвардейцами, могила которого до сих пор сохранилась в Сучане (городе Партизанске Приморского края). Это обнаружили пионеры-следопыты Приморья в шестидесятых годах. Оказалось, что расстреляли не его, а другого партизана, имя которого установить не удалось. Борис Георгиевич в тридцатых годах был репрессирован как враг народа в числе других директоров комбинатов АКО. Потом его реабилитировали и восстановили в партии и на работе.

Новые технологические линии обслуживали комсомольцы и молодежь. Я, как секретарь комсомольской организации завода, занимался их комплектованием. Была создана комсомольско-молодежная бригада Нади Олейниковой, которая за три месяца путины выпустила более полутора миллионов условных банок экспортных консервов. К обслуживанию новой линии привлекли технически грамотную молодежь. Технику осваивали бывшие токари, механики-дизелисты, выпускники фабрично-заводских училищ и Тобольского рыбтехникума. Помню, что к нам приезжали три выпускника, в том числе Степан Мигалев, который позднее окончил Высшую партийную школу и трудился на предприятиях в Елизовском районе.

Рабочие и инженерно-технические работники завода, особенно механизаторы, действительно были достойны звания, присвоенного заводу. Они проявляли творческий энтузиазм, инициативу, работали, сколько могли, физически, не гонясь за заработком. Даже взаимоотношения были подлинно коммунистические. Например, в поселке в домах и квартирах не было замков. В цехе у нас действовал буфет без продавца. Я не помню случая, чтобы когда-нибудь в нем случилась недостача. Может, это характерно для всей Камчатки.

Часто бывало так, что улетающие в отпуск камчатцы встречали возвращающихся из отпуска, поиздержавшихся до основания совершенно незнакомых и «субсидировали» их, зная, что по прибытии долг будет возвращен. Как-то сидя в аэропорту Елизово, ожидая рейса в Усть-Камчатск, я оставил баул у стойки регистрации, а сам пошел в ресторан покушать. Вдруг объяви-

ли посадку на мой рейс, я выскочил из ресторана. Смотрю, баула нет. Дней через двадцать мне опять пришлось ехать в командировку. Выхожу из самолета, прохожу через зал ожидания и вижу свои вещи на том месте, где я их оставил. Оказывается, уборщица, мывшая зал, перетащил баул, а потом вернула его на прежнее место.

По результатам путины 1959 г. бригадира консервной линии Надежду Олейникову удостоили высокой правительственной награды. У нее нашлись последователи. В следующем году была создана еще одна комсомольскомолодежная бригада Шуры Руденок.

У каждого мастера, механика, инженера был свой стиль работы, взаимоотношений с подчиненными, коллегами и руководством. Так, наш механикпрактик, рационализатор Георгий Петрович Голуб мог сделать своими руками любую деталь, произвести сложный ремонт, быстро устранить поломку. Его любили и уважали механизаторы. Если он уходил в отпуск или уезжал в командировку, цех лихорадило, происходили непредвиденные остановки. Часто приходилось срочно отзывать его из отпуска или командировки. Я не хвалюсь, у меня нет и маленькой доли тех положительных качеств, что были у Голуба, но я почему-то беспрепятственно мог уехать в отпуск, при этом цех продолжал работать.

Я считаю, что не надо в людях глушить инициативу, надо не давать ей дремать. Не потому ли из цеха, в котором мне пришлось работать несколько лет, выросло много руководителей и лидеров. Я уже упоминал о Степане Мингалеве, стали партийными руководителями токарь Виктор Дудин, механикдизелист Владимир Круглов, профсоюзными руководителями — Александр Вакуленко и Владимир Русин.

В 1960 г. надо было закрепить успех, достигнутый в освоении японских линий, и решить проблему использования пищевых отходов лососевых рыб. В то время в отходы на тук уходили головы, плавники, брюшки и хвосты. А ведь это ценное пищевое сырье. Мы в зимний период занялись изготовлением поточно-механизированной линии для производства консервов «Рагу из лососевых рыб».

Особенно трудоемкими были разделка голов и укладка их в банки. Это делалось вручную. Нам удалось механизировать эти процессы. Для разделки голов с отделением пищевой части от непищевой был изготовлен станок с использованием дисковых ножей и специальных лотков, установленных на транспортерной ленте. Для укладки продукта в банки мы переделали шестишпиндельную ротационную набивочную машину отечественного производства.

Переделка заключалась в установке строго определенного числа оборотов барабана, при котором продукт вталкивался в банки. Для этого мне пришлось углубленно изучить теорию удара. Эта задача была успешно решена.

Механизированной укладки подобного продукта в банки в то время не было. Кстати, мне еще не раз пришлось заниматься накопительными машинами, и у меня даже есть три изобретения в этой области. Получилась поточномеханизированная линия, абсолютно исключавшая ручной труд на трудоемких процессах. Линию укомплектовали бригадой из учеников местной школы, руководила которой опытный наставник Колчанова. Хотя бригада трудилась не полный рабочий день, так как в ней работали подростки, ей удалось выпустить высококачественных консервов в несколько раз больше, чем делали раньше. Колчанову наградили орденом Ленина. И я рад, что мы, механизаторы, как «бойцы невидимого фронта» были причастны к этому трудовому подвигу.

Невообразимо трудно было работать в путину. Рабочий день длился шестнадцать, а иногда и восемнадцать часов. Особенно у нас, механизаторов. Надо было успеть обслужить линии, когда завод выводили на технический перерыв. Спать приходилось иногда по три-четыре часа в автоклавном отделении. Нам с Надеждой Филипповной приходилось еще труднее, так как у нас родилась дочка Людочка, а детсадик и ясли почему-то работали только днем. Путина длилась с мая по октябрь, до ухода последнего парохода с готовой продукцией. Требования к технологии производства натуральных консервов предъявлялись высокие. Не дай Бог, если партию забракуют и отправят на внутренний рынок. Сейчас, спустя десятки лет, удивляемся, откуда тогда брались силы?

Мог ли быть счастливым человек, если бы он работал на хозяина? Сейчас же, по существу, мы стали жить при капитализме. Нам ничего не принадлежит, все «прихватизировано» дельцами, олигархами и прочими прихлебателями. «Капиталистическая мораль не только не считает труд делом чести, но и признает его лишь позорной необходимостью», — писал Бернард Шоу.

В социалистическом обществе, работая, якобы, на всех, ты работаешь на себя. Чем больше ты работаешь, тем большая уверенность в завтрашнем дне, в своем будущем, будущем своих детей, внуков. Ты знаешь, что твои дети получат образование, они будут сыты, одеты. Когда все потребности удовлетворяются, а особенно «одна из потребностей, глубоко коренящаяся в человеческой природе — это стремление к свободе выбора занятий и их разнообразию», если говорить словами Бебеля. Ты знаешь, что твой творческий труд пойдет на пользу всех, на пользу и благо общества. При социализме не было безработных, не было лишних людей. Все желающие имели работу. Каждый мог учиться и научиться тому, чему он пожелает.

Да, были перекосы в нашем обществе. Был блат, знакомства и связи, взяточничество и коррупция. Были «несуны» — это не воры и не грабители. Их не судили и не сажали, хотя и не поощряли. Наш «развитой социализм» стал неузнаваем особенно в последнее перед «горбачевской перестройкой» вре-

мя. Вдруг стали возводить дворцы-обкомы, создавать закрытые от народа спецраспределители дефицита, спецполиклиники и спецбольницы. До этого на всякие «спец» действовало «табу».

Я помню (это было задолго до перестройки), мой брат, работая первым секретарем Олюторского райкома партии, имел зарплату немного выше моей зарплаты главного механика рыбокомбината. Продукты для его семьи продавались, как и всем, в магазинах. Единственное, что у него было — это лечебная надбавка, бесплатная путевка в санаторий. Так и у меня была путевка в санаторий всего за тридцать процентов стоимости. Он себе не мог позволить помочь получить для дочери Ларисы Михайловны с семьей (ее муж работал заведующим отделением больницы, а она — на радио и телеведущей) в Петропавловске квартиру вне очереди. А был он депутатом областного совета и членом обкома партии. Дочь длительное время снимала комнату в частном доме без всяких удобств. При его жизни ее очередь на квартиру так и не подошла.

«Право на труд в нашем обществе — это не только право на заработок, но, прежде всего, право на творчество, право на участие в социалистическом строительстве, в решении государственных задач», — говорил Макаренко. Найдите сейчас рабочего, награжденного правительственной наградой! Не найдете! А в наше время меня окружали рабочие, творческий труд которых высоко ценился. Например, на Петропавловском рыбоконсервном заводе трудился слесарь Е. Н. Трофимов, награжденный орденом Ленина, в Усть-Камчатском рыбокомбинате наградили орденом Трудового Красного Знамени слесаря Петра Шаненкова. В Олюторском, Озерновском, Октябрьском рыбокомбинатах трудились механизаторы, имевшие высокие правительственные награды.

«Труд и наслаждение представляют собой два существенных условия человеческой жизни — личной и общественной», — писал В. Вейнтлинг. Как бы ни изощрялись в восхвалении современного капитализма, как бы не охаивали социализм политические деятели новой формации, рано или поздно время покажет, что будущее за социализмом. Считай, читатель, это моим лирическим отступлением.

На следующий год комбинат и завод пополнились новыми кадрами, выпускниками Тобольского рыбтехникума 1950—1951 гг. Директором комбината стал Иван Павлович Черниговский, заместителем директора завода № 65 — Михаил Павлович Фролов, старшим мастером засольного цеха — Екатерина Никитична Себякина (Долгушина).

Как много зависит от первого руководителя предприятия, показывает пример И. П. Черниговского. При нем комбинат продолжал строиться, возводились новые цеха, внедрялась новая техника. Я в то время начал эксперименты по обезвоживанию лососевой икры при посоле. Она слишком долго стояла

на стеллажах в корзинка при достаточно высокой температуре, теряя качество. Результаты экспериментов в дальнейшем помогли остановиться на центробежном способе обезвоживания, который стали применять на всех рыбокомбинатах. На нашем комбинате проводились технические и технологические конференции, и не только местного, но и областного масштаба. Иван Павлович сумел организовать приемные экзамены в Дальрыбвтуз прямо на комбинате. Многие благодаря ему получили высшее образование без отрыва от производства, в том числе и я. Одним словом, у Черниговского все получалось с помпой, с размахом. Будь он в кабинете на совещании или на трибуне рыбацкого слета. Поэтому не случайно, что он в дальнейшем возглавил Управление тралового и рефрижераторного флота (УТРФ), которое при нем было награждено орденом Ленина. Позже он стал председателем Петропавловск-Камчатского горисполкома.

Наступила очередная межпутинная зима. В это время оживлялась, можно сказать, бурлила культурная жизнь. К нам в клуб часто наведывались из Петропавловска и районного центра артисты театра, приезжали к нам и будущие камчатские писатели Виктор Кудлин и Николай Санеев. Первый работал секретарем райкома комсомола, а второй — в редакции районной газеты.

Приезжал на литературные вечера и камчатский писатель Александр Харитоновский, автор книги «Человек с железным оленем». Он так описывает в своей книге наш Усть-Камчатск: «Между рейдом и берегом — бары, наносные песчаные мели. Даже при небольшом ветре бары страшны, образующиеся на них завихрения волн выворачивают иногда со дна камни. Для неосторожного и неумелого моряка на барах каждый вал может стать "девятым"».

Приезжали к нам Александр Кошеровский и Иван Хрюкин. В тот год погода стояла неблагоприятная. Зимой во время штормов косу перемывало. Периодически ощущались землетрясения силой до шести баллов. На совещаниях обсуждалось, а иногда и в газетах появлялись сообщения, что завод надо закрывать, так как он находится в цунамиопасной зоне. Стали вспоминать цунами апреля 1923 г., когда смыло завод фирмы «Демби», когда-то размещавшийся рядом с нашим, да и кавасаки, заброшенный волной того бедствия на ближайший холм, постоянно напоминал о коварной стихии.

Мы уже привыкли к коллективу завода, можно сказать, породнились и не мыслили себя на другом месте. Но в 1962 г. мне и Надежде Филипповне настойчиво стали предлагать работу в управлении комбината, в Усть-Камчатске. В это время директором завода № 66 (первого) назначили Михаила Павловича Фролова, и он предложил нам переехать вместе с ним, что мы и сделали в конце ноября 1962 г. Я стал работать главным механиком Усть-Камчатского комбината, а Надежда Филипповна — бактериологом лаборатории комбината.

Стихия не забыла о себе напомнить во время извержения вулкана Шивелуч, находившегося на довольно значительном расстоянии от Усть-Камчатска. Оно случилось в начале ноября 1964 г. Среди ясного солнечного дня стало темно, как ночью. Посыпался «дождь» из песка и пепла, сверкали молнии, гремело и трещало. Ощущался запах электрических разрядов. Подобное происходило перед нашим приездом на Камчатку 30 марта 1956 г. Извергался вулкан Безымянный, расположенный в 120 км от Усть-Камчатска. Тогда площадь, покрытая пеплом, имела в длину 400, а в ширину 100—150 км. Если учесть, что вулкан Шивелуч ближе к Усть-Камчатску в полтора раза, то зрелище было еще грандиозней. В районе Усть-Камчатска толщина слоя пепла и песка составила 5—7 см.

На комбинате шла подготовка к очередной путине. Интенсивно внедрялась новая техника. Камчатское отделение Гипрорыбпрома приступило к разработке проекта переноса завода № 65 (второго) в Усть-Камчатск. Началась «хрущевская оттепель», на просторы океана начали выходить плавучие крабо-рыбоконсервные заводы, оснащенные самой современной техникой, плавучие базы и траулеры типа БМРТ. А у нас проекты готовились годами, особенно если за проектирование бралось Камчатское отделение института Гипрорыбпрома.

МОРСКИЕ ПРОСТОРЫ И СНОВА КАМЧАТКА

В 1965 г. у нас появилась возможность переехать во Владивосток. К этому времени окончился срок моего очередного трудового договора. Детям нужно было побольше солнца, тепла и фруктов. Во Владивосток уже пришли новые плавучие консервные заводы типа «Андрей Захаров», которые все больше и больше привлекали меня. В конце 1966 г. я отправился устраиваться в Крабофлот. Мне предложили работу на плавзаводе «Александр Обухов». В начале 1967 г. я вышел в море вторым механиком по технологическому оборудованию. Плавзавод был оснащен собственным маломерным флотом (мотоботами) для лова и доставки на судно улова. При переходе в новый район лова мотоботы поднимались на уровень палубы по бортам и закреплялись.

Первым пунктом назначения был район Аляски, объект лова — крабстригун. Через неделю перехода перед нашими взорами во всей красе своих неприступных скал предстала Аляска. Через несколько недель работы опять переходим в новый район — Охотское море. Работаем на крабе более значительный срок. Я уже полгода в море, на берег не ступал ни разу. Наш корабль может целый год пребывать в автономном плавании, только пароходы-перегрузчики изредка подходят к нему снимать готовую продукцию. Даже питьевая вода готовится опреснительными установками. Работа в море, на мой

взгляд, чрезвычайно интересна и увлекательна, но рейсы длительностью до десяти месяцев (как тогда было) в отрыве от семьи очень тяжелы.

Наступил июль, и мы отправились в сайровую экспедицию к острову Шикотан. Там на воде уже стоял целый «город» из судов. Весь флот Дальрыбы: это и Магадан, и Камчатка, и Сахалин, и Приморье. Сайру ловят ночью на яркий электрический свет. Иллюминация на море изумительная, на палубе тепло, благодатная летняя пора. По мере ухода косяков сайры к югу, флот перемещается за ними, становятся видны берега Японии.

В середине июля получаю телеграмму от Надежды Филипповна, она сообщает, что хочет приехать ко мне на судно с шестилетним сыном Александром, а дочь отправила в пионерский лагерь. Иду к нашему директору Евгению Константиновичу Розову. Он удивлен, такого в его бытность на судне не бывало, чтобы жена с ребенком к кому-нибудь из экипажа приезжала в море. Я дал телеграмму, что капитан запрещает, но было уже поздно. Все десять дней, пока семья была на судне, инженер по технике безопасности по поручению капитана неотлучно находился рядом с сыном. От вахты меня никто не освобождал. С большими приключениями пришлось мне доставлять семью на остров Шикотан. Оттуда они на перекладных, где катерами, где пароходами и самолетом добирались до Владивостока. Особую опасность испытал, когда пришлось по штормтрапу спускаться на руках с сыном с судна, привезшего семью на остров.

Сайровая экспедиция подходила к концу, плавзавод начал готовиться к переходу в Охотское море на сельдь. Несколько дней плавания, и мы уже у берегов Камчатки, приступаем к производству продукции. В конце ноября наш плавзавод вернулся в родной Владивосток. После ремонта на Дальзаводе через полтора месяца мы снова вышли в море. В этом году сын Александр пошел в школу. Это обстоятельство вынудило меня уйти с судна на берег, во вновь созданное Центральное проектно-конструкторское бюро Дальрыбы (ЦПКТБ) ведущим конструктором. Надежда Филипповна к этому времени работала в центральной лаборатории Дальрыбы. Через год мне предложили перейти в Дальтехрыбпром, и я стал заниматься работой по проектированию накопительных машин.

...Тот, кто хоть раз побывал на Камчатке, никогда не забудет ее, и его постоянно будет тянуть обратно. И вот, через восемь лет я вернулся на Камчатку, на работу в филиал ЦПКТБ Дальрыбы, в Петропавловск-Камчатский. Надежда Филипповна стала работать в центральной лаборатории Камчатрыбпрома. Пригласил меня на работу в филиал, возглавлявший его тогда, незабвенный Виталий Васильевич Гаврилов. Камчатрыбпромом руководил Владимир Афанасьевич Бирюков, позже ставший губернатором Камчатской области.

Мне предстояла интересная работа по реконструкции береговых рыбоконсервных заводов с условием перевода их на круглогодичную работу. Начал работу в должности заведующего сектором, а затем стал заместителем начальника отдела. В кратчайшие по тем временам сроки было реконструировано производство всех действующих рыбоконсервных заводов. Были спроектированы и построены два новых консервных завода — Крутогоровский и Петропавловский. За проект цеха Петропавловского рыбоконсервного завода и за помощь в его осуществлении я в числе руководства и ряда инженерно-технических работников получил благодарность и премию от министра рыбного хозяйства СССР А. А. Ишкова.

В то время директором Петропавловского рыбоконсервного завода был Игорь Анатольевич Велицкий, прекрасный инженер, незаурядного ума, схватывающий на лету технические идеи и способствующий их осуществлению. Ему пришлось руководить заводом в сложное время полнейшего переоборудования цехов, строительства не только консервного, но и блока других цехов, холодильника. Очень жаль, что в «послебирюковском времени» (если можно так выразиться), он пришелся не ко двору новому руководству Камчатрыбпрома.

Оба руководителя — В. А. Бирюков и В. В. Гаврилов — как правило, принимали непосредственное участие в важных технических решениях. Часто на месте осуществления проекта проводились технические советы с участием ведущих специалистов заводов. Мне запомнилась одна совместная поездка с ними на Озерновский рыбокомбинат. В проекте закладывались решения, еще не опробованные в производстве. Был риск, что принятые решения могут оказаться ошибочными. В процессе обсуждения некоторые наши предложения принимались с опаской. К чести, как Гаврилова, так и Бирюкова, они не боялись рисковать. И нам было вдвойне отрадно, когда риск оправдывался с большим эффектом. Проведенное переоснащение заводов позволило Камчатке увеличить выпуск консервов в несколько раз против прежнего. Камчатка начала производить почти триста миллионов условных банок консервов в год. Таков оказался итог выполненной работы. Полуостров стал «консервным цехом страны, работающим круглогодично».

В период реконструкции были созданы новые поточно-механизированные линии. А таких, как линия закусочных консервов производительностью 25 тысяч условных банок в смену, в СССР больше не имелось. Были также разработаны линии фаршевых консервов, котлет в томатном соусе и много других. Решены многие задачи по механизации производственных процессов. Так, нам удалось комплексно механизировать ранее ручной труд при приведении консервов в товарное состояние. Часто решение технических задач становилось новым словом в рыбной промышленности.

Нам принадлежат десятки изобретений и статей, вышедших в технических журналах. Около десятка работ опубликовал и автор этих строк.

Мой брат Михаил Никитович Семухин, работая в Усть-Камчатском и Олюторском районах, не понаслышке знал тоболяков, особенно в то время, когда в Олюторском районе действовали сезонные базы по обработке сельди почти со всех рыбокомбинатов. Я помню, он восхищался деловыми качествами директора Олюторского рыбокомбината Александра Павловича Старцева, выпускника нашего техникума 1955 г. В последние годы и в период перестройки он работал заместителем генерального директора Камчатрыбпрома.

Некоторых моих однокашников и земляков уже нет в живых, другие достигли преклонных лет. На Камчатке по сей день живут Леня Сидоров, который был директором Оссорского рыбокомбината, а затем главным инженером фабрики орудий лова. Многие давно на пенсии. Это сослуживцы Надежды Филипповны — Татьяна Тимофеевна Баженова, С. С. Серикова, старейший тоболяк Камчатки Петр Карпович Кривошеев, окончивший наш техникум в 1947 г. Нет уже среди нас бывшего директора Ичинского и Командорского комбинатов Михаила Павловича Фролова, моего однокашника Гены Панова, начальника автотранспорта Петропавловской судоверфи им. В. И. Ленина, Аллы Пановой, однокурсницы Надежды Филипповны, профсоюзного лидера жестянобаночной фабрики.

Имена одних наших земляков в свое время «гремели» не только на полуострове, но и по всей стране, другие скромно трудились на своих местах, внося свой вклад в общее дело, приумножая экономическую мощь нашей страны...

Жизнь продолжается. Верю, что рыбная промышленность обязательно возродится. Камчатка снова станет процветающим краем России.

Январь 2008 г.

БЕРЕГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАМЧАТКИ

С. В. ГАВРИЛОВ

ОЗЕРНОВСКИЙ РЫБОПРОМЫСЛОВЫЙ РАЙОН В 1910—1930-х гг.

Летом 2008 г. исполнилось 80 лет со дня начала работы первого государственного рыбоконсервного завода на западном побережье Камчатки в устье реки Озерной. Со временем ему предстояло стать одним из крупнейших предприятий полуострова, продукция которого стала широко известна не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Это стало возможным благодаря подходящему сюда уникальному стаду нерки, самому ценному виду природного тихоокеанского лосося, пользовавшемуся ранее и пользующемуся сейчас огромным спросом на международном рынке.

История возникновения села Запорожье и Озерновского рыбокомбината активно разрабатывается в последнее время. В газетах и ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» опубликован ряд статей краеведа В. Г. Спичака, издана отлично иллюстрированная книга писателя А. А. Смышляева «Запорожье камчатское, славное». Совсем недавно из печати вышла еще одна книга А. А. Смышляева «Озерновский рыбоконсервный завод № 55. 80 лет истории (1928—2008)».

Эта тема близка и мне, так как я являюсь уроженцем здешних мест и в настоящее время также работаю над историей рыбокомбината. К истории этого предприятия я обращался и ранее (см. статью «Предприятия Камчатки в годы Великой Отечественной войны» в ежегоднике «Вопросы истории Камчатки», выпуск 2, с. 410—424). Надеюсь со временем подготовить полноценную монографию, показывающую историю Озерновских рыбных промыслов. Протекавшие здесь процессы во многом являются характерными для большинства рыбопромышленных предприятий Камчатки. Пока же хочу добавить к уже известной информации несколько фактов и соображений, которые, как мне кажется, позволят дополнить картину освоения юга нашего полуострова.

1. ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В УСТЬЕ РЕКИ ОЗЕРНОЙ

Промысловые богатства юга западно-камчатских вод давно привлекали к себе внимание иностранных промышленников. Еще в шестидесятых годах XIX в. их облюбовали американские рыбаки, приходившие за треской

на Явинскую банку, лежавшую в море на расстоянии 15—25 миль от берега между селениями Явино и Голыгино.

Вот что сообщал об этом в 1895 г. исследователь Камчатки Н. В. Слюнин: «Шхуны фирмы "Фриман, Факельбург и Ко" ежегодно приходят из Сан-Франциско с запасами провизии и разных предметов, необходимых в быту камчадала. На каждой из шхун по 15—20 человек команды. Подойдя к названным селениям, они, вероятно, сначала обменивают привезенные товары на пушнину, затем нанимают жителей в помощь для лова трески, который начинается с половины июня и продолжается до начала августа... При лове трески выбирают экземпляры не менее 28 футов весом, остальные бросают в море. Таким образом... они успевают наловить более 300 000 штук. Чтобы судить о выгодности этого промысла, нужно заметить, что соленая и затем подвяленная треска составляет любимое кушанье в Японии и Китае... Но помимо этого широкого сбыта соленой треки в Японию и Китай... эта рыба дает другой ценный продукт — тресковый жир, эксплуатации которого здесь предстоит широкая будущность» [1, с. 12—13].

В другой работе, вышедшей пять лет спустя, Н. В. Слюнин развивает эту тему. «Лучшие места лова трески находятся против селений Явино и реки Итудиски, где, например, в 37 дней 15 рыбаков поймали 180 000 шт... Для приготовления жира на каждой шхуне есть паровая машинка; добыча жиру за полтора месяца лова равняется приблизительно 10 тысячам галлонов... Спрашивается теперь, что же давал тресковый промысел американцам?.. Хозяину остается около 39 000 долларов, не считая, конечно, стоимости шхуны, ее вооружения, расходов по документам, страховке и прочего. Иначе сказать, что одна только задельная плата служащим на шхуне почти равняется стоимости всего соболиного промысла южной Камчатки; отсюда с очевидной ясностью вытекает вся важность трескового промысла и его экономическая роль в будущей жизни камчадалов, промысла, который до сих пор для них пропадал даром» [2, с. 552—555].

Американцы промышляли в здешних водах треску и в начале XX в.

В конце XIX в. интерес к камчатскому побережью стали проявлять японцы, с 1875 г. утвердившиеся на Курильских островах. Одним из вдохновителей и непосредственных организаторов японской экспансии явился отставной флотский офицер Сечу Гундзи. В 1892 г. он основал «Хоокоогикаи» («Патриотическое общество возрождения справедливости»). На самом северном из Курильских островов — Шумшу — появилась японская база, которой предстояло стать опорным пунктом для завоевания Камчатки, как экономического, так и военного. Отныне в водах, омывавших юг Камчатки, промышляли сотни хищнических шхун с вооруженными командами.

Интерес японцев к полуострову подогревался рассказами побывавших здесь соотечественников, которых в сезоны 1896—1897 гг. нанимали в каче-

стве рабочей силы появившиеся на Камчатке первые русские рыбопромышленники. Японцы убедились не только в сказочных природных богатствах полуострова, но и в его полной беззащитности: здесь не имелось ни многочисленного населения, ни регулярных воинских частей.

Летом 1904 г., после начала русско-японской войны, на Камчатку стали высаживаться первые японские десанты. Один из них появился в конце июня 1904 г. в устье р. Озерной: сюда несколько шхун доставили полторы сотни отставных унтер-офицеров с двумя пушками во главе с самим С. Гундзи. Японцы заняли располагавшееся неподалеку от устья р. Озерной селение Явино. Здесь они повесили деревянную табличку, гласившую: «...именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто, того трогает это тын будет убит. Командир японской войска Сечу Гундзя». Эта доска ныне представлена в экспозиции Камчатского краевого объединенного музея.

17 июля 1904 г. отряд русских ополченцев под командованием унтер-офицера М. И. Сотникова разгромил десант, причем С. Гундзи попал в плен. Всего за два военных сезона, пришедшихся на лето 1904 и 1905 гг., ополченцы отразили несколько попыток врага закрепиться на побережье полуострова. При этом японцы потеряли убитыми свыше четырех сотен человек и не смогли вывезти с Камчатки ни одного рыбьего «хвоста».

Официальный доступ к рыбным запасам полуострова японцы получили по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., ставшей прямым следствием Портсмутского мирного договора, закрепившего неудачные для России итоги войны. Но конвенция запрещала иностранный промысел в заливах, бухтах и устьях рек. Заниматься этим могли только подданные Российской Империи. Как известно, в р. Озерную заходит одно из самых больших на тихоокеанском побережье стад нерки, или «красной», как ее называли раньше, — самого дорогостоящего вида лосося. Консервы из этой рыбы имели наибольшую стоимость на международном рынке.

Естественно, что японцы были заинтересованы в доступе к такой богатой сырьевой базе. Видимо, совсем не случайно, что рыбопромышленное освоение р. Озерной началось в этом же году. Весной 1907 г. в устье реки обосновалась первая русская колония, основателем которой стал Иван Афанасьевич Потужный. По словам современника, это был «высокий, крепкий старик, обросший большою седою бородой. Движения его степенны, речь плавная... Много лет назад он командовал пароходом на Амуре. С началом постройки северного участка Уссурийской железной дороги бросил пароход и стал подрядчиком. По окончании постройки дороги, он переехал в Японию и занялся там торговлей» [3, с. 71].

На средства японских рыбопромышленников (в счет платы за будущий улов, который они должны были получить с поселенцев) из тонких досок были сооружены два небольших домика, обложенные дерном и покрытые

волнистым железом. Каждый домик состоял из нескольких помещений, отапливавшихся русскими печами работы колониста Васильева. Он, по профессии механик, научился складывать печи уже здесь, на месте. В домиках жили семейные поселенцы. Сами колонисты выстроили одну землянку — здесь размещались холостяки [3, с. 8].

И. А. Потужный замышлял, что все колонисты будут работать на равных. Сам же он намеревался стать посредником между ними и японцами и заняться снабжением колонии всем необходимым. Скоро между колонистами начались недоразумения, часть из них отказалась трудиться, и их заменили наемными рабочими. Но отказавшиеся от работ продолжали считать себя хозяевами. Они требовали от Потужного свой пай: выдачи продуктов наравне с остальными.

За первый сезон рыбы добыли немного из-за больших затрат времени и сил на первоначальное обустройство колонии, постройку землянки, устройство вешал для рыбы, заготовку дров и прочего. И. А. Потужный смог продать рыбы в Японии на 15 тыс. руб. Из этих денег он должен был заплатить за построенные дома, купить продовольствие на зиму, заплатить рабочим и членам колонии. Срок платежа приходился на август 1907 г., когда Потужный пребывал в Хакодате — главном порту северной Японии. Но платить он не стал, а вырученные деньги оставил у себя. Заготовленного летом продовольствия хватило лишь до осени. Хотя военный транспорт «Шилка», уходивший с Камчатки во Владивосток и подошедший к устью р. Озерной, и снабдил колонию некоторым количеством муки и соли, но зимой начался голод. Колонисты пытались охотиться на медведей, но тех оказалось мало.

Зимой И. А. Потужный выписал муку из Петропавловска. Ее доставляли камчадальскими собачьими упряжками в очень незначительных количествах, так что после прихода очередного транспорта на каждого местного обитателя приходилось лишь по пригоршне. В апреле 1908 г. начался настоящий голодный бунт. Одни очевидцы рассказывали, что некоторые колонисты в озлоблении порывались убить Потужного. Другие говорили, что голодные люди решили убить и съесть его свинью. Когда стреляли в животное, Потужный находился близко и принял это за покушение на свою жизнь. Перепуганный, он заперся в своем жилище и три дня никому не показывался, после чего тайно уехал в Петропавловск. От голодной смерти всех избавил колонист И. Л. Хлоптунов, выдававший муку и крупу из своих запасов.

«По словам семьи Потужного, Хлоптунов, как более зажиточный, сначала считался кладовщиком, но скоро присвоил все вверенное его хранению имущество и стал возбуждать всех против Потужного. Колонисты приняли его сторону. Иван Афанасьевич, оставшись почти один, не мог заставить колонистов работать, а без этого он не считал себя обязанным их кормить. Кто прав?» [3, с. 9].

А вот что летом 1908 г., по свидетельству генерала-гидрографа М. С. Латернера, говорил сам И. А. Потужный о своих недавних подопечных. «Только когда заговорили о его колонии, он несколько заволновался. Всех колонистов он назвал лентяями, дармоедами, революционерами. Он заявил, что они действительно покушались на его жизнь, и убийство ими свиньи было только поводом к лишней ссоре. После этого он несколько дней не выходил из своей квартиры и уехал из Озерной тайком. В молодости он знал своих родственников в Херсонской губернии как скромных, трудолюбивых людей, почему и пригласил их в свою колонию. Оказалось же, что с течением времени они избаловались, а в последние годы заразились такими идеями, которые мешают им в серьезной совместной работе. Он предполагает выселить главных бунтарей и заместить их посторонними людьми, с которыми отношения будут проще. Начатое же дело колонизации он бросить не предполагает» [3, с. 71].

На сезон 1908 г. промысловый участок в устье р. Озерной был сдан в аренду «Товариществу на вере "Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и Ко"». В мае 1908 г. Товарищество отправило на место рефрижераторный пароход «Роман». Судно доставило муку, крупу, соль и другие продукты. Его приход стал для местных обитателей настоящим праздником. К тому же река вскрылась ото льда, появилась первая рыба, и «теперь дети смотрят совершенно здоровыми, а женщины и некоторые мужчины смотрят даже веселыми». Но одновременно «Роман» привез поселенцам и плохие новости: фирма С. Грушецкого объявила, что право лова рыбы в р. Озерной принадлежит исключительно ей. С судна выгрузили на берег бочки, ящики, котлы, соль, рыболовную снасть, а также промысловиков — двух русских и десяток корейцев. Это вызвало новую вспышку гнева против Потужного, который, устраивая колонию, должен был знать, занята река или нет [3, с. 9].

«Роман» ушел из Озерной 24 мая 1908 г., а 25 мая сюда прибыл военный транспорт «Шилка», доставивший из Владивостока продовольствие и товары для колонистов. Их на деньги И. А. Потужного приобрел секретарь Владивостокской городской управы Вильчинский.

В это время колония, которую побывавший здесь М. С. Латернер именует «селением Озерное», состояла из 72 чел. Из них около пятидесяти мужчин, женщин и детей являлись собственно колонистами, остальные — работниками. Все колонисты приходились И. А. Потужному ближними и дальними родственниками, приехавшими сюда по его приглашение и частью за его счет из Херсонской губернии. Некоторые из них, такие как И. Л. Хлоптунов, покинули Херсонщину уже давно: они уехали в Енисейскую губернию или на Китайскую Восточную железную дорогу, где работали машинистами, телеграфистами и электротехниками, получая «хорошее содержание».

Основная масса колонистов ютилась в тесноте. Так, семья Васильева с женой и двумя детьми, в том числе новорожденным, занимала каморку

объемом не более одной кубической сажени (сажень равна 2,13 м). В соседней, несколько большей, комнате жили восемь человек. Только помещения И. А. Потужного и И. Л. Хлоптунова были просторнее и светлее других. Они и обставлены были лучше. Здесь имелись железные кровати с матрасами и пирамидами подушек, столы, накрытые чистыми скатертями, на окнах висели кисейные, а на дверях — матерчатые занавески. Полы покрывали циновки и дорожки. Освещали жилища подвесные и стоячие керосиновые лампы, на стенах висело множество фотографий в рамках. Оба хранили домашние вещи в больших сундуках. Потужный имел старую мягкую мебель, обитую малиновой тканью, Хлоптунов — венские стулья. Особой гордостью последнего была большая венская гармонь, под звуки которой зимой устраивали танцы.

Помимо людей, в селении имелись восемь ездовых собак и один петух. Его привезла сюда в прошлом году одна семья. Она везла и одиннадцать кур, но все они пали в пути.

Похоже, что конфликт поселенцев с фирмой Грушецкого был отрегулирован вмешательством камчатских властей. Побывавший на месте в ноябре 1907 г. советник Приморского областного правления Ф. Ф. Сомов убедил начальника Петропавловского уезда оставить за поселенцами рыбалку на правом берегу р. Озерной [4, л. 339—340]. Промысел Грушецкого разместился на левом берегу, где позже был возведен рыбоконсервный завод. Впрочем, этот конфликт оказался не последним.

13 сентября 1909 г. в устье р. Озерной побывал участник зоологического отдела экспедиции Ф. П. Рябушинского А. Н. Державин, прибывший сюда на пароходе «Владивосток». Вот какой увидел он колонию: «Еще с парохода было видно несколько крыш, выглядывавших из-за высокой "кошки". Это — общественные здания колонии, теперь почти пустые. Три довольно больших одноэтажных дома из тонкого американского леса, почти до крыши обложенных для тепла дерном, пришли в упадок».

К этому времени здесь оставались только два семейства: Хлоптунова и Канцедала, а также несколько случайных «молодцов», сейчас находившихся на охоте. Большинство других членов колонии после прошлогоднего конфликта с И. А. Потужным расселились по окрестным камчадальским селениям или были вывезены отсюда уездной администрацией «от голодной смерти» [5, с. 311].

Теперь главой колонии был ее староста И. Л. Хлоптунов, коммерсант из Харбина, приехавший на Камчатку после русско-японской войны. «Его предприимчивость проявилась здесь весьма разносторонне: он ловил рыбу, скупал соболей в Явине и Голыгине, получал товар, являлся серьезным конкурентом для Компании (Камчатского торгово-промышленного общества. — $C. \Gamma$.) и мелких скупщиков, посещающих этот район». Хлоптунов мечтал превратить колонию в настоящее поселение, утвержденное администрацией.

Экономической основой существования колонии оставался общественный рыбный промысел в р. Озерной. Заготовленная рыба продавалась, доходы распределялись между членами колонии. «Дело могло бы идти, но ввиду того, что оборудование промысла требовало капитала, а большинство колонистов сюда приходили без рубля, создавались условия, превращавшие кооперативное предприятие в капиталистическое, и колонисты попадали в экономическую зависимость от немногих более богатых членов колонии».

Помимо рыбного промысла колонисты промышляли охотой, хотя поначалу «соболь оказался для них недоступным, и первые охотничьи экскурсии оканчивались катастрофами». А. Н. Державин полагал, что перспективным занятием могло стать скотоводство [5, с. 311—312].

Мечты И. Л. Хлоптунова осуществились в 1910 г. С этого времени поселение в устье р. Озерной стало именоваться Унтербергеровкой (в честь «главного начальника края» — Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера). В 1910 г. здесь жили 24 чел. За сезон этого года рыбаки, сдавшие фирме С. Грушецкого 120 000 свежих рыбин и часть уже засоленного улова, «имели хороший заработок». На промысле фирмы Грушецкого трудились привезенные из Владивостока 162 русских рабочих. Они получали 25 руб. в месяц, премию от улова и питались за счет хозяина [6, с. 23].

«Товарищество на вере "Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и Ко"» являлось одной из крупнейших отечественных рыбопромысловых компаний, работавшей на Камчатке в начале 1910-х гг. Его главная контора размещалась в Санкт-Петербурге. В 1914 г. председателем правления фирмы состоял граф Э. Ф. Берг, ее директором был Е. Э. Фон-Этлингер. Основные промыслы фирмы размещались на западе полуострова в районах рек Большая и Озерная [7, л. 115].

Расширение Товариществом масштабов промысла на р. Озерной ввиду предстоящего устройства здесь рыбоконсервного завода привело к очередному конфликту с местными жителями.

В 1912 г. смотритель рыболовства Пушков отвел Грушецкому прямоугольный участок, частично накрывший территорию, которой уже несколько лет пользовались осевшие здесь рыбаки. Спорная земля находилась на правом берегу р. Озерной и имела форму треугольника площадью 310 кв. саженей. На ней стоял недостроенный деревянный склад, сооружение которого промысловый надзор приостановил из-за спора, возникшего между рыбаками и промышленником. Это место, возвышенное, сухое и примыкающее к удобному для притонивания невода речному берегу, у него оспаривали поселенцы. Далее берег понижался и в половодье заливался водой.

8 июня 1913 г. жители Унтербергеровки в присутствии помощника начальника Петропавловского уезда И. Е. Анкудинова и промыслового пристава Л. Л. Шикера обсуждали на сходе вопрос «о спорном участке земли общества

с товариществом "С. Грушецкий и К^о" — может ли общество уступить этот участок земли, дабы дружелюбно сойтись обеими сторонами».

Сход решил, что если областная администрация отберет у него этот клочок земли, то «рыбакам нельзя будет заняться засолкой и приготовлением рыбы своим трудом, и [придется] волей-неволей соглашаться сдавать таковую Компании... по той цене, по которой она захочет, и на тех условиях, на каких ей пожелается, — хорошо зная, что обществу приготовить рыбу впрок самим уже места не окажется». Тем не менее, рыбаки соглашались уступить фирме участок с тем, чтобы она «построила бы нам сруб с дерева на нейтральном берегу и подняла бы его на должную высоту, чтобы на этом срубе нам было можно приготовить рыбу впрок». Сруб должен был иметь длину 50 и ширину 10 саженей. Для того чтобы его не унесло водой при наводнении, пол следовало выполнить в виде клеток, засыпанных галькой. Недостроенный склад, по мнению рыбаков, также нуждался в переносе.

Отсутствие на сходе представителя Грушецкого вызвало сожаление поселян, полагавших, что «если бы таковой присутствовал, то общество могло бы сойтись и на других бы условиях, дабы все сделать как лучше, то есть, не обижая себя и не делая вреда другим».

В этот же день Анкудинов и Шикер осмотрели спорную территорию, признав необходимым полностью передать ее фирме, теснимой «с юга, югозапада рекою и морем, и с юго-востока — крестьянами, тогда как в распоряжении последних все правое и левое побережье реки, и устроить в том или другом засолку и склад можно при самой незначительной затрате труда и денег». В связи с этим представители администрации полагали, что выселение отсюда поселян будет «весьма желательно для прекращения враждебности сторон» [7, л. 28—30 об.].

Устье р. Озерной в месте впадения ее море имело ширину около 15 саженей. На мелком баре резвились стада нерп. Для облегчения нахождения входа в устье реки использовались особые ориентиры. В 1908 г. в качестве такового называется русский национальный флаг [3, с. 6], в 1909 г. — некий «мигающей огонек» [5, с. 311].

Но с самого начала существования колонии избежать трагедий с людскими жертвами не удалось. В 1907 г. в устье реки погибли восемь матросов с военного транспорта «Колыма». По словам командира «Колымы» С. А. Иванова, с транспорта на берег была отправлена шлюпка во главе с офицером. Ко времени ее возвращения стало свежеть. Гребцы не справились с прибоем и приливом, шлюпку перевернуло, и все матросы утонули. Когда погода стихла, их тела, выброшенные на берег, взяли на транспорт и доставили для погребения в Петропавловск на городском кладбище. Спасся лишь один офицер, которого выкинуло волной на берег [3, с. 81]. Фрагмент чугунного креста с могилы моряков «Колымы» с надписью «Погибшим

в борьбе с волнами» ныне можно наблюдать в экспозиции Камчатского краевого объединенного музея.

Здешние места были весьма живописны. Река промыла невысокую сопку, образовав за ней ее мелкий лиман длиной около одной и шириной свыше половины версты. Во время отлива в лимане образовывались несколько островков. Берега лимана покрывали травянистые заросли. Долину реки ограничивала сухая тундра, неширокой полосой уходившая вдоль берега на север к селению Явино. В двух верстах от морского берега параллельно ему тянулись невысокие сопки, спускавшиеся к тундре.

2. НАЧАЛО РЫБОКОНСЕРВНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РЕКЕ ОЗЕРНОЙ

Первый рыбоконсервный завод (РКЗ) С. Грушецкого заработал на р. Озерной в 1914 г. Его здание длиной 40, шириной 18 и высотой от 4 до 6,4 м было обшито гофрированным оцинкованным железом. К нему примыкали три склада. На правом берегу реки располагался тесовый засольный сарай и кладовка. В засольном сарае в 1915 г. установили машину для чистки рыбы, приводимую в действие мотором мощностью 12 л. с.

В 1915 г., в связи с началом Первой мировой войны (1914—1918 гг.) цены на все промысловые товары и рабочие руки заметно выросли. Это сдерживало оборудование речных рыболовных участков, на которых работали русские промышленники. В этот сезон только компания С. Грушецкого планомерно продолжала развивать свое хозяйство на западной Камчатке в районе р. Озерной. К концу 1915 г. здесь появились жилой дом, больница с аптекой, склад продуктов и промыслового снаряжения, кухня для рабочих с тремя котлами и русской печью для выпечки хлеба, баня. Два барака для рабочих без пола и потолка площадью 36 квадратных саженей имели по четыре окна и по две печи.

Всего морские и речные участки Западно-Камчатского района в 1915 г. приготовили 3 591 636 пудов рыбопродуктов, из которых 171 303 (4,77 %) составили консервы для лондонского рынка и русского интендантства [8, л. 19—19 об.].

После революции 1917 г. и начала гражданской войны Камчатка, как и весь Дальний Восток России, оказались отрезаны от центральных районов России и тамошних рынков сбыта. Предприниматели остались и без кредитов. Все это привело к тому, что отечественная частная рыбная промышленность все больше и больше попадала в зависимость от японцев, предоставлявших им и кредиты, и промысловое снабжение, и рынок сбыта готовой продукции.

В 1919 г. единственным русским фабрикантом на Западной Камчатке, работавшим относительно самостоятельно, оставался С. Грушецкий. Его фирма на р. Озерной произвела 10 928 ящ. продукции общим весом 21 860 пудов

брутто. Всего же за сезон эта компания выпустила 70 157 ящ. весом 140 314 пудов. Осенью она доставила в главный порт северной Японии Хакодате 32 140 ящ.

В 1920 г. на Западной Камчатке консервы вновь производили только заводы Грушецкого, выпустившие 103 204 пуда или 51 000 ящ. [9, л. 400, 439]. Похоже, что в этом сезоне Грушецкий сдавал свои предприятия в аренду Центросоюзу. По сообщению газеты «Известия Камчатского областного исполнительного комитета», Центросоюз арендовал заводы, «где вырабатывается 50 000 ящиков рыбных консервов для русского рынка, для чего им отправлены туда товары и продукты на зафрахтованных японских и Добровольного флота пароходах» [10, № 60].

В сезоне 1921 г. работа японских промышленников на Западной Камчатке сопровождалась массовыми нарушениями правил рыболовства. Их основными видами являлись запрещенные рыболовной конвенцией прием рыбы от населения на реках, использование на участках двух неводов, самовольный захват промысловых угодий, торговля спиртом, скуп пушнины. «В начале мая японская фирма "Ничиро...", не имея на то права, расставила по всему побережью, начиная примерно от р. Камбальной, в районах р. Озерная, Явино, Кошегочек, Голыгина, Опала и Воровская, крабовые сетки, и в течение, главным образом, мая и июня, интенсивно производила их лов. Пойманные крабы перерабатывались на консервы на находящихся здесь консервных заводах... В общем на всех заводах, по частным сведениям, было выработано более 10 000 ящ, крабовых консервов».

Из 101 участка только 19 эксплуатировались русскими. Но фактически два из них, принадлежавшие Центросоюзу, захватила фирма Ничиро, один не работал совсем. Из семи участков С. Грушецкого три были переданы японцам, а два бездействовали. Оставшиеся десять русских промыслов использовали общество «Астраханский Холодильник», предприниматели Шатик, Люри, Надецкий и Черкасский [9, л. 339 об., 341 об., 342].

Оба РКЗ Грушецкого продолжали работать. Их деятельность являлась существенной подмогой для жителей близлежащих селений. Экспедиция с продовольствием, отправленная в мае 1921 г. из Владивостока на западную Камчатку на пароходе «Кишинев», 20 июня прибыла к устью р. Озерной. Здесь она нашла положение с продуктами нормальным: население получало их со складов завода в обмен на рыбу, пойманную в реке [11, л. 3].

В 1923 г. завод Грушецкого на р. Озерной имел две консервных линии и мог выпускать в сутки до 1 600 ящ. однофунтовых банок. Куски лосося укладывались в банки не вручную, как у японцев, «а механическим способом особой укладочной машиной». Ее, как и другое оборудование, произвела американская фирма «Фрезер и К°». Всего в 1923 г. Грушецкий изготовил 19 019 ящ. горбуши и 43 025 ящ. нерки. Из числа последней на долю Озерновского завода пришлось 24 159 ящ. [9, л. 132—133].

В следующем 1924 г. на Западной Камчатке действовали одиннадцать РКЗ японской фирмы «Ничиро». За сезон они произвели 459 307 ящ. нерки, горбуши, кижуча и крабов. В этом году здесь работало только одно предприятие Грушецкого — завод на р. Озерной. Он выпустил немногим более 24 тыс. ящ. нерки в однофунтовых банках. Вся продукция завода ушла на экспорт «за отсутствием емкого русского рынка, а также из-за кредитования в Японии» [9, л. 123 об.].

Состояние отечественной и японской рыбной промышленности на морских участках в первые годы после советизации Камчатки можно охарактеризовать следующими данными.

В 1923—1924 гг. на Озерновском участке № 234, лежавшем на расстоянии 2,7 км к югу от устья реки, начало работать акционерное общество «Рыбопродукт». Далее к югу участков в то время еще не было, а все шесть северных находились в аренде у фирмы «Ничиро». Наиболее ценным являлся речной участок, на котором располагались пять тоней. На промыслах Рыбопродукта трудились 65 рабочих: японцы, несколько китайцев и всего двое русских. Промысловые постройки перешли к Рыбопродукту от частника Андреева. Они состояли из старой, подгнившей конторы размером 6,4 на 4,3 м, оценивавшейся в 200 руб., барака для рабочих «из жердочек», размером 21,3 на 6,4 м, стоившим 180 руб., склада, обшитого ящичными досками толщиной менее сантиметра под проржавевшей крышей (150 руб.), колодца с гнилым срубом, двух лебедок — паровой и ручной. Паровая работала, ручная была полностью изношена. В сезон 1927 г. Рыбопродукт потерпел убытки в размере 20 000 руб.

На р. Кошегочек действовало второе рыбозасольное предприятие Рыбопродукта. Улов ему сдавала местная рыболовная артель. Этот участок, размером 80 на 30 саженей, находился в 1,5 км от устья. В двух километрах южнее лежал еще один рыбозасольный участок. Здесь распоряжался кооператив, в правлении которого состоял прежний владелец участка Чурин. Постройки «облегченного типа» были возведены в 1922—1927 гг. Контору и склад однажды смыл шторм. Рабочих и служащих на участках было 15 чел., в том числе 13 японцев. В артели трудились 23 чел., в том числе пять женщин. План вылова в 1927 г. они выполнили в денежном выражении всего на 15 %.

А вокруг дымились трубы японских рыбоконсервных заводов фирмы «Ничиро». Их насчитывалось пять [12, л. 18—20]:

- Опалинский рыбо-крабоконсервный № 11 в 15 км к северу от устья реки Опалы. Его три линии в 1927 г. произвели 38 тыс. ящ. рыбных и 11 тыс. ящ. крабовых консервов;
- Кошегочекский крабоконсервный № 3 в 4,8 км от устья реки Кошегочек, трехлинейный, выпустивший 47 тыс. ящ.;

- Кошегочекский рыбо-крабоконсервный \mathbb{N} 4, трехлинейный, выпустив-ший 25 тыс. ящ. рыбы и 8,5 тыс. ящ. крабов;
- Явинский рыбоконсервный N = 5 в 4,8 км к северу от устья р. Явино, трехлинейный с продукцией 30 тыс. ящ.;
- Озерновский смешанный № 4 в 9 км к северу от устья р. Озерной. Шесть его линий в 1927 г. выдали 40 тыс. ящ, рыбы и 3 тыс. ящ, крабов.

В мае 1924 г. было организовано Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО) с государственным участием. Одной из его задач стало постепенное вытеснение из рыбной промышленности частного капитала. Способом достижения этого могло стать акционирование. Представитель С. Грушецкого предложил правлению ОКАРО эксплуатировать его Озерновский и Большерецкий заводы совместно, но договориться об этом не удалось.

По замечанию председателя правления ОКАРО В. Л. Бурыгина, акционирование необходимо было проводить так, «чтобы фактическими хозяевами были мы, а не частный капитал. Условия же Грушецкого говорят совершенно противоположное. Кроме того, завод Грушецкого на р. Большой не представляет ценности ввиду необходимости строить [его] заново. Завод на Озерной в сносном состоянии, но надо учесть, что он находится на реке преимущественно горбушечной (? — $C.\ \Gamma$.), и если уж затрачивать капитал на постройку завода, то целесообразно это сделать с таким расчетом, чтобы завод оправдывал себя, и на такой реке, которая дает вполне подходящее количество красной рыбы, как, например, на р. Охоте или в Усть-Камчатске» [13, л. 307].

На обоих заводах Грушецкого в 1925 г. работало до 400 чел. русских рабочих. «Сохранились следы, доказывающие стремление владельцев разрешить вопрос снабжения рабочих свежим мясом — путем разведения рогатого скота и свиней, используя для последних рыбные отбросы, а также свежими овощами и корнеплодами, выращенными на огородах около заводов. Обычно овощи приходилось возить на Камчатку из Японии и нашего Приморья» [14, с. 5].

Вопрос о создании мощных государственных РКЗ был поставлен в том же 1925 г. [15, л. 15]. Правление ОКАРО для расширения объемов производства, повышения рентабельности продукции и продвижения ее на иностранные рынки обратилось к правительству СССР с ходатайством о необходимости постепенного перехода от изготовления соленой рыбы для Японии, Китая и внутреннего рынка к производству лососевых консервов. С этой целью оно «возбудило» перед Высшим Советом народного хозяйства (ВСНХ) и своими акционерами «вопрос о постройке или покупке собственных консервных заводов: в первую очередь в Усть-Камчатске и во вторую — в Озерной на западном побережье Камчатки» [16, л. 167].

Дальнейшее развитие Озерновских рыбных промыслов связано с деятельностью Акционерного Камчатского общества (АКО), акционерами которого состояли только государственные организации. АКО было создано 4 июня 1927 г. Его устав был утвержден Совнаркомом СССР 21 июля 1927 г. Уставный капитал общества определялся в 11 млн руб., разделенный на 440 акций по 25 тыс. руб. каждая. К июлю 1928 г. учредители в счет покрытия капитала внесли 6 млн руб., частью наличными, частью имуществом. Учредителями АКО стали Наркомторг СССР (3 млн руб.), Наркомторг РСФСР (1 млн руб.), ВСНХ РСФСР (3,5 млн руб.), Госторг РСФСР (1 млн руб.), Далькрайисполком (1 млн руб.) и Совторгфлот (500 тыс. руб.). Общество имело право самостоятельного выхода на международный рынок, хотя могло заниматься экспортом и через Госторг.

Председателем Совета акционеров АКО состоял народный комиссар торговли А. И. Микоян, его заместителем — Эйсмонт, членами совета — Манцев, Бабкин и другие. Председателем правления избрали С. П. Нацаренуса, членами правления — И. А. Чаплыгина, В. Л. Бурыгина, А. Х. Кантора и М. Д. Шеина [17, л. 29].

Уже во втором протоколе (тогда их называли «журналами») заседания правления АКО, состоявшемся 13 августа 1927 г. в Хабаровске, было постановлено срочно откомандировать председателя правления общества С. П. Нацеренуса в Москву для разрешения, в числе прочих, вопросов ассигнования средств на строительство двух новых рыбоконсервных заводов в Усть-Камчатске и на р. Озерной [18, л. 257].

31 октября 1927 г. заслушан доклад члена правления АКО В. Л. Бурыгина «О плане рыбопромышленности и постройке заводов». Принятое по этому поводу постановление, в частности, гласило: «В предстоящем операционном году (1928 г. — С. Г.) Общество намечает в своей программе следующие положения: 1. Максимальное получение продукции в виде консервов, для чего намечена постройка рыбоконсервных заводов в Озерной и Усть-Камчатске № 2 (морские участки). Первый будет использован с полной нагрузкой и второй с частичной в осенний период…» [18, л. 264 об.].

Из сохранившихся документов не ясно, работал ли по прямому назначению завод С. Грушецкого в 1926—1927 гг. Сведения о том, что в эти годы на Камчатке производилась отечественная рыбоконсервная продукция, автором не выявлены. Возможно, завод использовался только как рыбопосольная база. О состоянии предприятия в это время свидетельствует акт, составленный контролером Калинниковым 18 октября 1927 г. Он гласит: «На кошке правого берега р. Озерной стоял завод Грушецкого. Его предстояло переделывать на две линии. Рыборазделочное помещение было низко и темно. Администратор тов. Боровой пьянствовал, икрянщик бездельничал, а приемщик рыбы из-за нетрезвого состояния не мог садиться на пароход» [12, л. 19].

В конце ноября 1927 г. правление АКО рассматривало эксплуатационные и строительные сметы по вновь вводимым в 1928 г. рыбопромышленным предприятиям АКО. В их число входил плавучий крабоконсервный завод (будущий краболов «Камчатка») и Озерновский завод. Докладчиком по последнему вопросу выступил заведующий Озерновскими промыслами Иванов-Киселев [18, л. 274].

Практическая реализация давно намеченных планов началась в мартеапреле 1928 г.

Писатель А. А. Смышляев обнаружил в «Алфавитной книге рабочих и служащих, работавших с 1928 по 1946 г.» Озерновского РКЗ сведения о первых штатных сотрудниках, принятых на работу Ивановым-Киселевым 12 марта 1928 г. Ими стали сметчик И. К. Щетинин, производитель работ Н. В. Червов, который должен был набирать рабочих для строительства завода, и бухгалтер В. П. Введенский. В течение марта и в начале апреля на работу приняли В. В. Новицкого, П. Д. Вебера, Л. Н. Черникова, Л. С. Иванова, И. Д. Красильникова, В. В. Флетчера, Н. Н. Воронова и других [19, с. 8].

4 апреля в устье р. Озерной из Владивостока на пароходе «Астрахань» были отправлены материалы и рабочие в числе 302 чел. 12 апреля за ними проследовала еще одна партия стройматериалов и квалифицированные специалисты. 19 апреля Рыбный отдел АКО отчитывался о проделанной работе перед правлением общества: «В Озерновском районе приступлено к выгрузке парохода "Астрахань" и возведению временных жилых построек» [18, л. 129].

5 апреля правление АКО утвердило должностные оклады руководителей будущего Озерновского завода № 3: управляющему полагались 225 руб. в месяц во Владивостоке и 350 — во время нахождения непосредственно на промысле. Его помощник получал, соответственно, 175 и 250 руб. [18, л. 118].

29 апреля 1928 г. Правление АКО решило командировать в Озерную В. Л. Бурыгина. «Принимая во внимание, что на постройку завода № 2 (рыбоконсервного в Усть-Камчатске. — *Ред.*), как самого мощного, командированы сильнейшие технические и административные силы АКО, чем несколько оголен персонал завода № 3, поручить члену правления тов. Бурыгину выехать с первым отходящим в Озерную пароходом для непосредственного наблюдения и руководства строительством». В этот же день было постановлено ввиду намеченного увеличения масштабов консервного производства расширить помещение жестянобаночной фабрики во Владивостоке, на что выделили до 50 тыс. руб., и изменить размеры ящиков для консервов, «ввиду возрастающего спроса таковых в банках фунтового размера» [18, л. 140].

Весной 1928 г. местное население устья р. Озерной, жившее в селении Запорожье (бывшей Унтербергеровке или Унтербергере) насчитывало 341 чел. или 71 семейство. Среди них мужчин: пять камчадалов и 94 украин-

ца, женщин: девять камчадалок и 110 украинок. Детей было 124 чел., в том числе шестеро камчадалов. Трудоспособных ловцов имелось 124 чел. Запорожье образовывали 57 дворов и юрт [12, л. 429].

Новый завод в Озерной заработал летом 1928 г. Он получил наименование «Рыбоконсервный завод № 3 Акционерного Камчатского общества». Предприятие возглавил управляющий Алексей Леонтьевич Лузин, его заместителем трудился А. С. Граматчиков. Руководил постройкой основных сооружений техник А. В. Попов. Техническую помощь ему оказывал американский инженер Киорк. По словам одного из участников строительства, механика З. К. Захарова, здесь присутствовали и другие американские «спецы» — инженеры и механики Уолес, Борджомсон и Бу.

Завод разместился на месте разобранного предприятия С. Грушецкого. Его сооружение завершилось за 24 дня: здания и оборудование собрали и пустили на неделю ранее намеченного срока. За это В. Л. Бурыгин в виде поощрения выставил мастеровым и строителям два ведра спирта, а дирекция завода дала им два выходных дня.

Завод состоял из главного корпуса площадью 1 774,8 кв. м, в котором располагались рыбо- и крабоконсервные отделения, котельная и слесарная мастерская, электростанция. Корпус представлял собой деревянный каркас, обшитый оцинкованным железом, с бетонным полом. По мнению Попова, «подобный тип построек является наиболее приемлемым в рыбной промышленности Камчатки, так как переработка рыбы там носит сезонный характер... поэтому затрачивать капитал на постройку более дорогих каменных зданий не имеет смысла».

Консервное отделение имело длину 87 и ширину 15 м. Рыба к разделочным машинам подавалась по конвейеру. Консервы выпускали четыре линии, сгруппированные по американской системе: две готовили «полуфунт» (227 г), две — «высокий фунт» (454 г). Их оборудование приобрели у фирмы «Seattle Factoria Smith», за исключением разделочного станка, купленного у компании «Camery Mashine Co». Эта техника обеспечивала производство до 117 000 банок за восьмичасовой рабочий день.

В. Л. Бурыгин отмечал, что предприятие строилось гораздо быстрее, чем в прошлом году возводился РКЗ № 1 в Усть-Камчатске. «Озерновский завод по своей конструкции много лучше Первого завода, и это вполне понятно, так как [там] строительство было новое, а построив один завод, мы имели опыт, хотя и очень маленький. Завод был во всех отношениях удачный — удобное расположение, нет сложности, которая была в прошлом году в Усть-Камчатске, полная механизация и, самое главное, что вся эта механизация была упрощена и не стоила таких денег, как на Усть-Камчатске. Не было элеватора, а сделали конвейер, который обошелся в 5 тыс. руб. и будет служить;

не было поставлено водокачки, и целый ряд намеченных сметой сооружений не был выполнен; завод сконструирован много проще и дешевле».

Потенциальные возможности РКЗ № 3 В. Л. Бурыгин оценивал в 50—60 тыс. ящ. консервов, не считая крабовых. По плану он должен был иметь три линии, но так как строительство завершилось раньше расчетного срока, то до начала рунного хода заводчане успели собрать еще одну линию. Подходы рыбы в районе были неплохие. Максимальная производительность завода достигла 2 700 ящ. за двенадцатичасовой рабочий день.

Помимо новой техники, в ходе создания РКЗ № 3 было использовано старое оборудование разобранного завода С. Грушецкого: консервные машины и котлы.

Всего на постройку нового предприятия израсходовали 326 куб. м древесины, 1 684 листов гладкого и волнистого железа, 22 бочки цемента весом по 155 кг. За сезон оно обработало 811 543 шт. лососей. Его продукция составила 920 208 банок, на которые ушло 478 641 рыбина или 59 % объема всего улова. Японским сухим посолом переработали 260 409 (32,09 %), русским бочечным — 72 496 шт. (8,91 %). Кроме этого, 2 934 «хвоста» ушли в пищу рабочим [20, л. 278—284].

Сырьевая база Озерновского государственного РКЗ № 3 в 1928 г. складывалась из двух групп промыслов:

- Озерновской с четырьмя участками, два из которых находились в 14 км к северу от р. Озерной, и еще два в 2 км от нее. К этой же группе относился и скупной речной участок;
- Опалинской с тремя участками, расположенными в 3,5—7,2 км к северу от устья р. Опалы. В нее входил и скупной пункт участка Голыгинской рыбопромысловой артели, лежавший в 12 км к югу от р. Опалы [12, л. 22].

25 сентября 1928 г. АКО подвело итоги строительства и первого рабочего сезона РКЗ № 3. За сезон он произвел 11 000 ящ. полуфунтовых банок и 19 000 ящ. фунтовых консервов из нерки, 250 ящ. консервов из горбуши, 131 ц икры и 24 000 ц разной соленой рыбы. «В отношении выработки завод сделал излишек по красной рыбе, но недоработку по кете и горбуше. В ценностном выражении... против плана, по которому 750, а выработано 849 тыс. (руб. — $C. \Gamma$.)». Пароход с экспортной консервной продукцией отправился из Озерной 17 сентября 1928 г. [18, л. 156—157].

5 декабря 1928 г. в Москве о результатах работы АКО в истекшем сезоне отчитывался председатель правления общества С. П. Нацаренус. По его словам, с программой расширения рыбоконсервного производства оно справилось. «Все эти задания выполнены полностью, причем завод в Озерной построен на четыре линии».

В 1929 г. предприятие имело следующие производственные здания (сведения почерпнуты из бухгалтерского отчета).

На Озерной: консервный завод каркасного типа с двумя пристройками общей площадью 1 573 кв. м. Стены снаружи обшиты гладким оцинкованным железом. Крыша выполнена из оцинкованного волнистого железа, пол бетонный.

Пристройка к заводу для лакировального отделения из железных каркасов со стойками из двутавровых балок. Стены общиты оцинкованным железом. Пол деревянный. Размер 18,6 на 30,7 м.

Пристройка к складу для автоклавов из железных каркасов, размером 12,5 на 6,7 м. Обшита волнистым, покрыта оцинкованным железом.

Пристройка к зданию бывших электромеханических мастерских для кузницы из железных каркасов, обшита оцинкованным железом.

Деревянная икрянка, крытая тесом и сверху волнистым оцинкованным железом. Японская икрянка площадью 54,6 кв. м.

Туковый завод площадью 598,4 кв. м, способный перерабатывать в час 2,5 т отходов консервного производства. Постройка в форме буквы «Г». Стены на свайном основании (от реки) и на стульях (от берега). Обшиты досками с одной стороны. Крыт гладким оцинкованным железом. Пол в производственной части здания бетонный, в складской — деревянный.

На Опале: каркасная икрянка размером 15,5 на 9 м, обшитая досками. Обслуживающие производства в 1929 г. включали:

На Озерной: склады для хранения горючих материалов, промыслового имущества, продуктов, навес для просушки банок, бондарную мастерскую, паровую лебедку, пожарный сарай. Здесь же располагалась общепромысловая больница площадью 141,3 кв. м каркасного типа, построенная на стульях. Ее стены были обшиты с двух сторон досками с засыпкой шлаком, крыша из черного волнистого железа.

На Опале: склад для продуктов и материалов, лебедку, баню.

Жилые здания и службы:

На Озерной: общее здание для кухни, столовой и барака для квалифицированных рабочих, каркасное, деревянное, площадью 349,8 кв. м. Стены внутри обшиты тесом, снаружи — гладким оцинкованным железом. Крыша из оцинкованного волнистого железа.

Дом администрации и контора площадью 335,3 кв. м, бараки для русских и японских рабочих, деревянные, каркасные; бани для русских и японских рабочих, прачечная, умывальня для японских рабочих, кипятильня площадью 14,6 кв. м, поставленная на столбах, дом ОГПУ, дом жилой деревянный, дом курибанов, дом радиостанции, клозеты, временная кухня, баня, хлебопекарня.

 $\it Ha\ Onane:$ столовая для русских рабочих площадью 141,3 кв. м, контора, клозет.

Разные сооружения:

 $\it Ha\,O$ зерной: контора участка № 234 площадью 27,5 кв. м, кухня, помещение для рабочих.

Обслуживающие производства:

На Озерной: склады, котельная, табельная будка, колодцы, водосточные канавы, морская и речные пристани, приемники рыбных и туковых отбросов, цистерна с площадкой под ней, будка для насоса на пристани, речной элеватор, водонапорные баки (8 шт.), электросеть по территории завода и некий «навес над котлами Грушецкого».

На Опале: колодезь и морская пристань.

Все это хозяйство оценивалось в 258 363 руб. 81 коп. [21, л. 92—102 об.].

Работавший с самого основания РКЗ № 3 механик Свидерский в 1937 г. вспоминал, что в 1928 г. здесь трудились 150 русских, а остальную массу рабочих — до 300 чел. составляли японцы и американцы. «Они занимали все ведущие участки работы (инженеры, механики, мастера, ловцы и т. д.)». По окончании промыслового сезона (во второй половине сентября) основная масса работников уезжала во Владивосток или Японию. На месте оставался небольшой штат сторожей, охранявших предприятие в зимний период.

Начиная с 1930 г. в заводском поселке стало оседать все больше и больше постоянных русских рабочих. АКО взяло курс на полное замещение иностранных рабочих рук отечественными, причем последних следовало всячески «закреплять», то есть заключать с ними договоры на несколько лет (обычно, на три года) или способствовать переезду на Камчатку на постоянное место жительства. В 1936 г. в Озерной зимовало уже около тысячи человек. В середине 1930-х гг. началось преодоление сезонности в деятельности Озерновских промыслов.

Так прошли первые годы становления отечественной рыбоконсервной промышленности в районе устья р. Озерной. Первым современным предприятием, построенным здесь, стал частный завод С. Грушецкого. Спустя тринадцать лет его сменил более мощный государственный завод АКО, положивший начало Озерновскому рыбокомбинату, ставшему к середине XX в. крупнейшим на западном побережье Камчатки.

3. ОЗЕРНОВСКИЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ РАЙОН В 1930—1940 гг.

В 1930 г. Озерновский район по-прежнему имел две базы: Озерновскую и Опалинскую. В нем действовали шесть морских рыболовных участков (№ 217, 217а, 225а, 225б, 232, 234), один речной на р. Озерной, скупавший рыбу у местного населения, два краболовных (№ 41 и 42) и тресколовный, входивший в состав Опалинской базы. На р. Озерной работал РКЗ № 3, вырабатывавший рыбные и крабовые консервы. При нем действовала утилизационная (туковая) установка на 2,5 т сырья в час.

Производственный план района на 1930 г. был установлен в объеме 60 000 ящ. нерки и 6 000 ящ. краба. Его выполнение составило: нерки — 58 346 ящ. (97,2 %), краба — 1 658 ящ. (27,6 %). Дополнительно произвели 6 242 ящ. консервированной горбуши. Производительность одной линии завода в сезон 1930 г., в среднем, составляла 70 банок консервов в минуту, достигая максимума в 82 банки. РКЗ № 3 испытывал большие затруднения в снабжении пресной водой.

В 1931 г. состав промыслов Озерновского района изменился: Опалинская база, специализировавшаяся на лове трески, выделилась и стала самостоятельной. Морские рыболовные участки № 217 и 217а, входившие в ее состав, отошли к Опалинскому району. Теперь в Озерновском районе остались пять морских рыболовных участков (№ 216а, 216б, 232 и 234 и вновь открытый в районе р. Кошегочек), два краболовных № 41 и 42 и тресколовный промысел. Уменьшение числа участков обещало выигрыш в сырьевой базе: два переданных должны были дать 120 000 шт. нерки и кеты, а один вновь открываемый — 200 000 шт. [22, л. 1—2].

В сезон 1931 г. РКЗ № 3 при плане 72 000 произвел 74 700 ящ. консервов [23, л. 4 об.].

В начале 1933 г. в составе Озерновского района произошли очередные перемены: к нему присоединился купленный у фирмы «Бр. Люри» РКЗ № 13, построенный в 1929 г. в 8 км от р. Озерной, бывшие участки № 872, 873 (находившиеся в аренде у Люри с 1929 г.) и 874 (в аренде с 1930 г.), расположенные на расстоянии от 6 до 10 км к югу от устья р. Озерной, а также новые участки 875 и 876, открытые в 1933 г. В 30 км к северу от р. Озерной лежал участок № 859, в 1930 г. арендовавшийся фирмами «Бр. Люри», затем «Ничиро», а потом перешедший к советскому государственному заводу. В район вновь вошли и участки вблизи р. Опалы.

После объединения все эти участки образовали отдельные базы, называвшиеся в середине 1930-х гг.: Опалинская (северная) № 1, Центральная № 2 (с РКЗ № 3) и Южная № 3 (с РКЗ № 13) [12, л. 22—23]. Изменилась по сравнению с предшествующими годами и система обозначения участков. Отныне вместо «двухсотых» с номером они стали именоваться «восьмисотыми».

В 1934 г. предприятие возглавлял директор Георгий Григорьевич Граждан [24, л. 10]. Теперь оно называлось «комбинатом».

На *центральной базе* (ее называли также «второй») комбината находился РКЗ № 3 со вспомогательными производствами. Его обслуживали четыре морских участка № 863, 864, 868, 869, располагавшиеся на юг от базы в 2 км первый и в 18 км последний, один скупной колхозный на реке, где солили рыбу и обрабатывали икру. Консервный завод по-прежнему располагал четырьмя линиями (двумя фунтовыми и двумя полуфунтовыми). Два консервных склада могли одновременно принять на хранение 50 тыс. ящиков.

Кроме них имелись следующие сооружения: материальный и продуктовый склады, хранилище сетематериалов, пекарня, рабочая столовая, радиостанция, сезонная барак-контора, засольный сарай вместимостью 2 040 ц, икрянка, склад горючего на 100 т с бетонированным баком, пилорама, бездействующая баня с вышедшим из строя котлом, две паровых лебедки (на морском и речном берегу), причем речную начали устанавливать в 1934 г., и пока она не имела здания и котла.

Жилые постройки включали: административный барак, пять бараков, разделенных на комнаты, два семикомнатных домика, построенных в 1934 г., сезонный летний барак и две землянки.

Первая база располагалась в 50 км к северу от центральной. В ее состав входили морские участки № 832, 853, 856. Один из них лежал в 2 км севернее базы, два остальных — южнее. База принимала и солила рыбу, обрабатывала икру и осваивала производство балычно-колбасных изделий.

Здесь размещались административный барак, два барака для рабочих, отдельно столовая рабочих и кухня, две летних землянки для сезонников, склады, икрянка, две лебедки, засольный сарай вместительностью 2 080 ц, хлебопекарня и ряд мелких построек. При базе находилась сельскохозяйственная ферма и 6 га посевных площадей.

Третья база перешла в начале 1933 г. от торгового дома «Бр. Люри» [24, л. 37]. Она располагалась на 6 км южней центральной и обслуживалась морскими участками № 872, 873, 874, 875. Один из них находился в полукилометре к северу от базы, остальные — в 12 км южнее. Тресковый промысел обслуживался 14 ловецкими кавасаки.

Третья база занималась посолом, обработкой икры и консервированием на двухлинейном РКЗ № 13, выпускавшем однофунтовые банки. Она располагала складом при заводе на 15 тыс. ящ., складом для материалов, засольным сараем без чанов, икрянкой, пекарней, одной лебедкой, административным бараком, бараком для рабочих с кухней и столовой. В 1934 г. были построены еще два барака и восемь домиков «типа землянок индивидуальных». Размеры производственных зданий считались недостаточными, сами сооружения — изношенными.

Кошегочекский участок № 859 лежал в 30 км севернее центральной базы. На нем имелась лебедка и один склад для материалов.

Как видно, хозяйство комбината было разбросано на большой территории. Это весьма затрудняло оперативное руководство работами. Управление комбината в лице его директора Г. Г. Граждана дважды предлагало начальнику АКО выделить первую базу (Опалинскую) в самостоятельный комбинат, объясняя, что это позволит сделать ее рентабельной. Возможность этого уже была показана в 1932 г., когда база выполнила план на 172 %. Сейчас же работа первой базы сильно зависела от центральной. Все пароходы заходили толь-

ко в Озерную. Поэтому выгруженное здесь приходилось перебрасывать на Опалу морем на неприспособленных для этого плавсредствах [24, л. 15].

Бухгалтерский аппарат комбината в июне 1934 г. состоял из 15 чел.: главного, старшего и трех рядовых бухгалтеров, двух помощников бухгалтера, пяти старших и двух рядовых счетоводов. Из них только пять бухгалтеров имели теоретическую подготовку, остальные счетные работники являлись практиками. Обоих счетоводов завербовали в качестве рабочих и взяли в аппарат для технической работы, как грамотных людей [24, л. 37].

Плавсредства, привезенные в 1928 г. и доставшиеся еще от Грушецкого, износились до крайности. Все катера имели поврежденные корпуса, старые моторы без запчастей. При подготовке к путине 1935 г. местным умельцам пришлось заниматься «изобретательством по ремонту корпусов» [24, л. 17].

Засольное хозяйство называлось «безобразно бедным и необорудованным». Катастрофически не хватало посольных чанов. В путину 1934 г. неоднократно складывалось положение, когда рыба шла, что называется, «стеной», а приготавливать ее было не в чем. «Сельдь солилась в специально сшитые чаны из дрели, которые пропускали тузлук. Спрашивается, как же можно сохранить качество и нормативы соли? Вот вам и борьба за качество продукции...» [24, л. 17].

«Вредительским действием» называлась присылка консервных банок. Их доставили на пароходах 70 тыс. ящ. Более трети из них оказались негодными — имели ржавчину и оказались неправильно спаянными. Для сортировки банок в самое горячее путинное время, когда остро недоставало рабочих рук, пришлось создавать бригаду из 30 чел., иначе заводы могли остановиться. Бракованные банки загромождали склады. После путины на РКЗ № 3 и 13 их осталось 24 тыс. ящ. [24, л. 19].

В 1934 г. на комбинат с материка привезли 1 288 рабочих. Медосмотр выявил 249 чел. (то есть 19,3 %) непригодных к работе, из которых 18 оказались венерическими больными, а 28 женщин — беременными. Три четверти завербованных в Астрахани страдали малярией. Всего половина ловцов имела опыт, остальные ранее не работали в море и рыбной промышленности. Рыбное управление АКО, взявшее курс на «закрепление», то есть на оставление завезенных на Камчатку людей на длительный срок, «спустило» комбинату контрольную цифру в 825 чел. На деле таковых оказалось 754, включая 351 члена семьи [24, л. 17].

В 1928 г., когда был построен РКЗ № 3, жилье на нем предназначалось для сезонников и строилось по «двухъярусной системе», что вполне соответствовало тогдашним потребностям. С началом заселения Камчатки численность остававшихся здесь приезжих росла из года в год. Поэтому все сезонные бараки разделили на комнаты и утеплили. Но имевшегося жилья крайне

недоставало. Комбинат начал строить его «диким способом». Как указывал директор, «только крайность заставляет идти на этот поступок. Титул ежегодно утверждается АКО и спускается в комбинат на бумаге. В 1934 г. было спущено на строительство 498 тыс., но денег и смет не дано. Несмотря на ряд обращений к руководству АКО утвердить намеченные постройки, ответа комбинат не получил, а строить надо: время не терпит, рабочим создавать условия было нужно». В течение лета и осени 1934 г. были построены три семикомнатных дома и барак на 18 комнат, заложена баня, отремонтированы несколько имевшихся зданий [24, л. 20]. Как перспективная ставилась задача увеличения жилплощади для постоянных рабочих до 4,5 кв. м на человека.

Снабжение шло с перебоями. С октября 1934 г. по январь 1935 г. оставшимся рабочим ежедневно выдавалось по 450, отъезжающим на материк по 250 граммов хлеба, что вызывало недовольство и отражалось на отношении к производству [24, л. 23].

Оставшиеся зимовать готовились к путине 1935 г. Их распределили на различные участки и цеха: пошивку неводов, ремонт моторов и корпусов катеров, строительство, восстановление оборудования заводов, заготовку дров. Часть людей отрядили в «охотбригады» по добыче морского зверя и пушнины. Началась подготовка кадров в учебном комбинате, «который имеет своей целью в течение трех лет подготовить кадры: старшин, мотористов, ловцов и обработки рыбы». В комбинате занимались 52 чел. Еще 306 чел. посещали кружки техминимума по всем основным специальностям. Работал и семинар по хозрасчету (к 20 марта 1935 г. две базы перешли на хозрасчет).

Велась и обязательная политико-воспитательная работа. Действовала сеть кружков сети по изучению истории $BK\Pi(\delta)$, партийных постановлений, решений 7-го съезда Советов и ноябрьского пленума ЦК $BK\Pi(\delta)$. «Прорабатывались» и решения 3-го пленума Камчатского обкома. Прошел ряд технических и производственных совещаний. Работники бухгалтерии засели за составление обстоятельного отчета. Его следовало к началу апреля доставить на собачьей упряжке в Петропавловск, в главную бухгалтерию $AKO[24, \pi. 21-22]$.

О ходе подготовки к путине извещалось не только руководство АКО, но и «органы». 2 июня 1935 г. уполномоченный НКВД информировался о состоянии обоих РКЗ. «Сведения о РКЗ № 13. Промфинплан на 1935 г. 15 000 ящ. красной и 500 ящ. кеты. Рабочих имеется: механических цех 17, завод 69, служащих 2, ИТР 2. Итого 90 (56,2 %). Для обеспечения работы двух линий нужно 160 чел.». Донесение по РКЗ № 3 гласило: «Кадры квалифицированных рабочих имеем хорошие и обеспечены полностью. Кадрами неквалифицированными обеспечены на 19.06 на 40 %» [25, л. 16, 17 об.].

А вот как характеризовались в донесениях «в органы» руководящие работники РКЗ № 3. 1. «Изгородин — заведующий производством. Член ВЛКСМ. Способный, хороший работник. Толковый администратор. Технологические процессы консервного производства знает неплохо.

- 2. Свидерский старший механик. Беспартийный. Работает в Озерной с 1928 г. Дело свое знает хорошо и работает не за страх, а за совесть. Как администратор слабоват и имеет некоторые отрыжки мастеровщины (в идеологическом отношении).
- 3. Ильин бывший заведующий производством. Член ВКП(б). Болтун и большой краснобай, работать конкретно не умеет или не хочет. Пожалуй, можно сказать, что работает более не за совесть, а за страх. Техники и технологических процессов консервного производства не освоил и дело знает сугубо поверхностно (практик). Изучением этого дела интересуется мало.
- 4. Филиппов механик по паросиловому хозяйству. Беспартийный. Паросиловое хозяйство знает хорошо. Как администратор шляпа. Мягкосердечен и безволен. Любит семейственность в работе.
- 5. Кузьмененок электромеханик. Беспартийный. Дело свое знает хорошо. В идеологическом отношении типичный мастеровой старого закала.
- 6. Тарасов мастер утильцеха. Беспартийный, малоинициативный. Досконально дела своего не знает, но в общем и целом с работой справляется. За последнее время заметно подтянулся, начинает вникать в мелочи и более глубоко интересоваться делом.
- 7. Осьминин инженер-стажер. Член ВЛКСМ. Включился в работу по освоению техники хорошо. Работой интересуется» [25, л. 18—19].

А вот еще одно донесение о ходе подготовке к началу лова от 7 июля 1935 г., подписанное неким лицом, укрывшимся под агентурным псевдонимом «Вика»: «...Основные недостатки, вследствие которых не освоили постановку всех 14 неводов, по объяснению руководителей комбината Граждана, Огреба, Казанцева, то, что у комбината нет наплавов, сетематериалов для всех неводов полностью, а имеющиеся в условиях Охотского моря не годны. Но необходимо тщательно проверить работу, особенно районного технического руководителя лова Огребы, который в последнее время стал пассивно относиться к работе. Часто в пьяном виде говорит: "Не хочу работать, пусть выгоняют", а если ему замечают, что так просто с работы не увольняют в разгар путины, а за саботаж привлекают к ответственности, то Огреба ответил: "И так можно жить" (опыт нахождения под следствием у него уже был. — C. Γ).

В другой раз, явившись пьяным в контору, Огреба в присутствии ряда работников: главного бухгалтера Векшина, его заместителя Зеброва крикливо спросил: "Ну! Когда деньги будете давать?!" Обращаясь к Векшину, добавил: "Если не дадите, скажу, чтобы ловцы не выезжали на невода — они и не поедут. Да!"

В конце июня был такой случай. Днем вдруг ловцы с неводов первой базы приехали на берег. Базовый технический руководитель Горшков пришел

к Граждану и возмущенно объяснил, что, по словам ловцов, им было сказано приехать на берег на какое-то собрание, и Граждан дал распоряжение завбазой № 1 Петрову выяснить, по чьей инициативе отдали такое преступное распоряжение: вызвали ловцов с работы на неводах, когда идет рыба.

Эти факты говорят за то, что необходимо усилить бдительность, так как, очевидно, в комбинате имеются "мерзавцы", которые заинтересованы в срыве работ по выполнению производственного плана в самом ответственнейшем цехе лова...» [25, л. 41 об.—42].

В 1935 г. комбинат ввел в эксплуатацию 1 040 кв. м жилплощади. «Столь широкий размах освоения строительства объясняется тем, что комбинат реально провел в жизнь обращение наркома тов. Микояна, изложенное в письме директорам комбинатов и начальникам политотделов о ликвидации текучести кадров, создании бытовых условий, что повысит производительность труда и улучшит качество работы, о чем неоднократно напоминала и дирекция АКО…» [26, л. 12].

В названом выше письме наркома пищевой промышленности СССР, председателя Совета АКО А. И. Микояна говорилось: «...надо по окончании путины направить их (рабочих. — $C. \Gamma$.) на строительство жилищ, надо позаботиться дать им огороды, лучшим из них дать поросенка, некоторым — корову, лучшие бытовые условия» [27].

Основным орудием пассивного берегового морского лова в 1930-х гг. являлись ставные невода. Колхозники, работавшие на реке, ловили рыбу закидным неводом.

Ставные невода делились на селедочный («како-ами») и лососевый («накануки-ами»). Они представляли собой огромный четырехугольный сетной ящик, открытый сверху. Вместе с пересыпью или крылом невод по форме напоминал букву «Т». Такая снасть была хорошо приспособлена к облову рыбы, шедшей к берегам или проходной. Ставными неводами весной ловили сельдь, случайную треску и позже лососей, а во все время стояния неводов — камбалу.

Ставной невод обладал главным преимуществом перед всеми другими пассивными орудиями лова (закидными неводами и прочими): его можно было далеко продвигать в море. Был учтен опыт 1934 г., когда все невода комбината находились в окружении японских. Они «стараются забить наши морские участки, то есть выставляют в море ловушки от 4 до 6 км, когда мы рядом ставим невод на 1 800 до 2 000 м. При такой установке... наши невода теряют уловистость» [24, л. 16].

Длина крыльев невода на участке № 859 (Кошегочек) в 1936 г. составляла 3 200 м. Он «выдвигался» из всех «зажимавших» его с севера и юга японских неводов длиной по 2 600—3 000 м. Но для пошивки такого сооружения тре-

бовалось много материалов, поэтому оно обходилось очень дорого. Потеря же его, например из-за штормов, сопровождалась большими убытками.

Характеристики ставных неводов Озерновского комбината в 1934—1935 гг. показаны в табл. 1 [12, л. 276—278].

		Таблица 1
Показатель	1934 г.	1935 г.
Количество, шт.	7	7
Дней работы на один невод	109	79,5
Нагрузка на невод, ц	7 217	2 924
Общий вылов, ц	50 532	20 303
Рабочих на неводе, чел.	22	22

Действовавшие в 1935 г. семь неводов весили 2998,6 т, их постановка обощлась в 173,5 тыс. руб. [12, л. 280].

Эффективность работы неводов в условиях рунного хода лосося оценивалась как весьма высокая. Промышлявшие поблизости японцы на восьми снастях за 1931—1935 гг. поймали свыше 10 млн шт. нерки. Их средний годовой улов составлял 2 000 000 шт., то есть по 250 000 шт. на невод.

Сетевязальная мастерская, как специализированное предприятие, в комбинате отсутствовала. При подготовке к путине из какого-либо помещения, временно отведенного под мастерскую, вычищали снег и начинали заготавливать здесь части неводов. Вскоре прибывали первые партии завербованных сезонников, которых некуда было селить. Помещение приходилось освобождать, работы продолжались на открытом воздухе. Они осложнялись непогодой, когда выработка снижалась вдвое, а то и вообще все дело останавливалось. Во время «штормовых» дней, рабочим выплачивались 50 % зарплаты, что, конечно, не устраивало ни их, ни администрацию.

Плохая консервация материалов способствовала их быстрому гниению. Из-за отсутствия деревянных вешал невода «сушили» на песке, траве или земле. Иногда в качестве вешал использовались случайные предметы, вроде каркасов теплиц, сараев и прочие. Вновь прибывший инженер лова Ефремов, позже погибший в пургу, и технический руководитель лова Горшков в 1936 г. «едва добились возможности спасти от окончательной гибели неводное крыло».

Невода для путины 1936 г. изготовлялись в засольном сарае рыбозавода № 2. По окончании изготовления их вынесли на воздух, так как сарай начали готовить к приему улова. Пришедший мочальный трос для подъякорников оказался подгнившим и не мог быть просушен. В результате он регулярно рвался в море. Как указывалось в одном из документов, «потеря годности в новых неводах достигает 30 %, в старых, чиненых — выше» [12, л. 285].

«Съемка лососевых неводов особенно неблагоприятна. Обычно их додерживают до последней возможности. Рыбокомбинат отыгрывается на слабом

ходе поздних проходных лососей, вроде кижуча, в целях достижения совершенно нерентабельного процента выполнения плана. Часто невода срывают осенние шторма. Подмерзшие наплава, более или менее очищенные от нарослей, в штабелях засыпаются снегом, замерзают, и мокрые, со сниженной плавной способностью попадают весной в море. Качество завозимых наплавов невысокое, они обычно обрабатываются не под рубанок, а идут прямо из-под топора, много суков, дыр и прочего, края их не обтесаны. Они рвут дель. Будучи не просмоленными, наплава быстро тяжелеют от впитываемой влаги, теряют несущую способность и скоро портятся. Грузила откапываются из-под снега. Их качество также невысоко. Процент глазурованных мал. Часто вместо глиняных грузил идут небольшие равновесные камни, завязанные в дель. Последняя разных степеней амортизации вообще расходуется очень широко: ею прикрывают верхи палаток, стога сена, бараки и прочие предметы больших площадей сопротивления, которые дель удерживает от сноса упорными ветрами Озерновского района. Также безрассудно временами расходуется и импортный трос: буйки и легкие знаки крепятся в море концами прекрасного манильского каната, а не обрезками мочальных тросов и т. п.» [12, л. 285—287].

Приемка выловленного сырца производилась так. Пристани комбината делились на приемно-сортировочные и приемно-разделочные. Они располагались на берегу, обычно в 5—10 м от линии высокой воды и представляли собой деревянную площадку, укрепленную на свайном основании. Пристани изготавливались разборными и работали от начала лова до осенних штормов, а на зиму убирались с берега.

Кунгас, нагруженный рыбой у ловушки ставного невода, буксировался моторным катером к пристани. К берегу кунгас подавали кормой вперед: в этом положении он лучше отыгрывался на прибойной волне. Если погода была спокойной, кунгас сразу же буксировали кормой вперед. При волнении и ветре его вели к пристани носом вперед.

Недалеко от прибойной полосы катер останавливался, и ослабевший буксир переносили с носа на корму кунгаса. Катер шел к берегу, кунгас поворачивался кормой вперед. В начале прибойной полосы (в 30—50 м от берега) катер резко поворачивал параллельно берегу, а на кунгасе отдавали буксир, после чего он по инерции двигался к берегу. В спокойную погоду кунгас подходил к берегу на веслах, в случае прибоя его нос прихватывался коротким тросом к канату, проходившему сбоку от пристани перпендикулярно к берегу. Один конец этого каната крепился на берегу, другой при помощи буйков и мертвого якоря — в воде. Этот канат предотвращал опрокидывание кунгаса при нахождении бортом к волне. Перебирая поднятый на борт кунгаса канат, рабочие подтягивали плавсредство к берегу, при этом кунгасники часто помогали им веслами.

На берегу кунгасы принимали бригады особых рабочих, так называемых «курибанов», в числе 8—12 чел. Руководил операциями старшина, управлявший работой прочих курибанов и паровой лебедки для вытягивания кунгасов. Сигналы лебедчику подавались цветными флажками.

Курибаны встречали подошедший к берегу кунгас, подавали на него трос от лебедки с гаком на конце. По сигналу флажком пускалась лебедка, кунгас вытягивался на берег при помощи подкладывавшихся под него по мере движения круглых бревен — катков, так называемых «покотов». Направление движения кунгаса достигалось подкладкой и подбивкой покотов наискось. После доведения кунгаса до уровня пристани лебедка останавливалась.

Улов из кунгасов выливался при помощи сетки, предварительно заложенной в пустую лодку. Сторона сетки, примыкавшая к пристани, цеплялась крючками, другой край захватывали тросом с «кошкой», спускавшейся с мачты, укрепленной на пристани. При натягивании троса внешний край сетки поднимался, вываливая на пристань находившуюся в ней рыбу. Мачты, служившие для вылива рыбы, имели высоту 8—10 м и располагались на пристани в 2—3 м от ее приемной стороны. В верхней части они имели блок, через который проходил трос с крюками («кошками»), служивший для подтягивания сети.

Спуск кунгаса на воду производился вручную, под уклон. Лебедка, обслуживавшая пристань, питалась паром от вертикального котла. Обычно она имела два барабана и помещалась так, чтобы иметь возможность обслуживать обе стороны пристани. Трос отводился на ту или иную сторону при помощи блоков, укрепленных на уровне земли. Блоки прикреплялись к бревнам, врытым в берег. Один барабан лебедки вытягивал кунгас, другой — подбирал трос для вылива рыбы со скоростью 0,4—0,5 м/с. Лебедки чаще всего были японскими.

Все операции — от оставления катером кунгаса до спуска последнего на воду — в нормальную погоду занимали от 12 до 20 минут, то есть пристань могла принимать в час от трех до пяти лодок с каждой стороны [28, л. 510—517].

Специального контроля за ловом не велось. Из-за этого в так называемые «штормовые дни», а чаще всего тогда, когда рыбы в неводах оказывалось мало, комбинат, вопреки правилам, занимался речным ловом, дешевым, простым и эффективным. Здесь он создавал конкуренцию колхозу «Красный труженик», ущемляя интересы постоянного местного населения [12, л. 428].

Селение Запорожье, в котором располагался «Красный труженик», в середине 1936 г. населяли 304 чел. Колхоз имел пять 50-метровых закидных неводов, 21 разных кунгасов и исабунэ. Основным занятием колхозники, как и много лет назад, считалось рыболовство. Но теперь оно велось не на «самостийной» основе, а в соответствии со специально установленным каждому

Лагуна в устье реки Озерной. Справа речная пристань и выход в море

Паронама Озерновского комбината с запада на восток, 1936 г.

Панорама Озерновского комбината в направлении с юга на север вдоль морского берега, 1936 г. (из фондов ГАКК)

Вид РКЗ № 13 с северной стороны, 1936 г.

Сушка сетей на каркасе сарая при отсутствии специальных вешал, 1936 г.

В пути на установку. Катер буксирует кунгасы с погруженным на них ставным неводом (из фондов ГАКК)

хозяйству, равно как промышленному предприятию, государственным планом добычи рыбы-сырца. Колхозники в 1930-х гг. ловили только в реках. Их подсобным занятием была охота. Они промышляли медведя, нерпу, сивуча (сивучье лежбище в находилось в 35 км к югу от р. Озерной), редко соболя и незаконно выдру [12, л. 429—430].

Еще одним поставщиком рыбы для комбината была Кошегочекская рыболовная артель. Селение Кошегочек, лежавшее в двух километрах от устья одноименной реки, было основано около 1918 г. Оно имело 15 дворов, из них пять камчадальских и десять русских. Русские приехали сюда в 1919—1921 гг. Река Кошегочек была очень богата рыбой. Участок на ней с 1914 г. эксплуатировался предпринимателем Чуриным, японцами, потом перешел к артели. «Норм эксплуатации никогда не устанавливалось, и учета [улова] не велось. Нормой в прошлом служили запасы соли, а теперь — емкость и число кунгасов Озерновского комбината. О прошлом говорят, что 120-метровый невод в четные годы не могли вытащить из реки, а лодки не проходили из-за движения рыбы в рунный ход» [12, л. 431].

В 12 км к северу от р. Кошегочек и в 6 км на юг от р. Опалы располагалось селение Голыгино. По течению р. Голыгиной размещались два селения: камчадальское Голыгино в 20 км от берега моря и Отрадное рядом с берегом. Отрадное образовали в 1926 г. переселенцы из Кошегочека и других мест. «Дворов в обоих селениях около двадцати, сотня людей, да около трехсот собак, посевы и скот ничтожны».

Ввиду малочисленности населения здешних колхозов, обилия рыбы в реках и море, громадные местные богатства оставались неосвоенными, а суша — первозданно дикой и непроходимой.

Учитывая, что местные жители были прекрасно знакомы с условиями работы в море, специалисты Камчатской комплексной экспедиции (ККЭ) Наркомпищепрома СССР, работавшие в Озерновском районе в 1936 г., полагали желательным расширить «сферу применения их труда на морские акватории, как-то мы имеем в весьма удачном опыте работы мурманских колхозов». Колхозники, снабженные соответствующей техникой, вместе с государственным комбинатом могли бы заняться активным ловом в море. «Эти мероприятия нашли бы ориентацию Озерновского рыбокомбината и всего Озерновского района на море». Это и произошло, но спустя два десятка лет, причем при весьма драматических обстоятельствах.

Для развития района требовалось его заселение «семьями нормального состава», способными освоить земельные угодья и заниматься животноводством и огородничеством. «Природные условия решения этой задачи вполне соответствуют. Колхозы района должны стать многочисленными и мощными» [12, л. 432—433].

А теперь покажем, в каких условиях трудились, жили, отдыхали, лечились и учились работники комбината и их семьи в середине 1930-х гг. Острая нехватка не просто хорошего, а хотя бы вполне пригодного жилья оставалась, пожалуй, главной бытовой сложностью тех лет.

Жилые и бытовые здания *второй* (*центральной*) базы были двух типов: стандартные каркасные бараки, завезенные с материка, с двойной обшивкой стен тесом и засыпкой шлаком или песком, крытые оцинкованным железом, сооруженные в 1929—1935 гг., и бревенчато-рубленные дома из круглого соснового леса, построенные в 1935 г.

По конструкции все бараки и жилые дома являлись однотипными. Они делились внутренними тесовыми перегородками на комнаты. Посредине здания проходил общий коридор. Отапливались преимущественно временными железными печами. Некоторые помещения обогревались электричеством — пожаропасными печками «с нитками на кирпиче». Все каркасные здания уже в 1936 г. требовали штукатурки, перестилки полов, ремонта крыш. В санитарном состоянии они признавались неудовлетворительными.

Рубленые из сосновых бревен здания были гораздо лучше. В их число входили школа и баня-прачечная, построенные в 1935 г. и оборудованные центральным отоплением от котельной бани. Других рубленых построек вторая база не имела. Но содержание школы оставляло желать лучшего: перед ней располагалась свалка мусора.

Кроме упомянутых сооружений, на второй базе имелись временные постройки: жилые землянки, внутри обшитые тесом, мелкие сооружения из местного материала, крытые преимущественно старым железом, тесом, дерном. Такими являлись кунгасная мастерская, гараж, лесопильный сарай, уборные, сараи, свинарники.

Несколько десятков палаток были расставлены в линии, образовывавшие что-то наподобие улиц. Их покрывали делью, причем нередко, как было показано выше, новой. «Состояние этих объектов со строительно-технической точки зрения примитивно, с жилищно-бытовой — неудовлетворительно и неприемлемо, с санитарной, несмотря на стремление к чистоте, — так же неудовлетворительно».

Планировка на второй базе отсутствовала. Производственные и бытовые сооружения возникали хаотично, ничем не разделялись. Белье сушилось у самого РКЗ № 3, повсюду бродили свиньи и собаки. «Образующиеся от талого снега над южной террасой озерки засоряются экскрементами из здесь же расположенных уборных без ям... Заразный барак летом (палатка) и засольный сарай стоят в непосредственной близости».

Между тем база имела все возможности для исключительно удобной и рациональной планировки. Вот что сообщает нам отчет ККЭ: «От морского берега и берега лагуны р. Озерной, занятых производственными сооружениями,

по гладкому и широком дну долины (со всех сторон огражденной от ветров), удаляясь на восток, могут размещаться зоны общественных учреждений. За ними — селитебная зона, наконец, ближе к лугам, под склонами южной террасы к берегу р. Озерной — детская зона, смыкающаяся через реку с колхозом и удаляющаяся в прекрасную полную цветов, снежников и кедрача долину р. Озерной, выше по которой идут пионерлагеря, сельхозфермы со свежим молоком, яйцами и овощами, лечебные места (Явинская терма), вновь сельскохозяйственные угодья и место отдыха (Паужетские термы) с развитием дальше на восток зоны туризма к Курильскому озеру, по реке и в соседние живописные горные массивы».

Некоторым украшением базы служили сочные газоны, разбитые у рыбозавода № 3, здесь же стояли парники с цветочной рассадой. Хорошая клумба находилась возле клуба, за школой разбивался, правда, пока жалкий, но все же бульвар [28, л. 657—659].

Эксплуатация жилья обходилась комбинату очень дорого. В 1935 г. на это израсходовали 408 422 руб. на 4 433 кв. м жилплощади при проживавших 1 312 чел. Квартплаты за это же время получили 22 262 руб. В комбинатском поселке в 1936 г. имелась всего одна индивидуальная постройка в 28 кв. м площади. Ее населяли 9 чел. [28, л. 759].

На *первой базе* (Опалинской) имелись: икрянка, засольный сарай, две коптилки, разделочно-приемная морская пристань и разделочная площадка, две лебедки, сетеснастный склад, электростанция. По конструкции они были такими же, как и на второй базе и нуждались в ремонте. Жилье составляли семь стандартных каркасных бараков, засыпанных шлаком и общитых тесом.

Правильная планировка здесь, как и на второй базе, тоже отсутствовала, «но общее впечатление, которое оставляет Опала, — это порядок, стремление к возможному благоустройству и чистота. Строительный фонд поддерживается с всевозможной заботой» [28, л. 659].

Между первой и второй базами находился сезонный морской участок № 859 «Кошегочек». Он имел засольный сарай, разделочно-приемную пристань и одну лебедку аналогичного предыдущим типа. «Здесь они нуждаются в капитальном ремонте, а лебедка должна быть определена к сносу, как ветхая». Жилищный фонд на участке отсутствовал, на время путины ставились палатки. Предполагался к постройке один жилой дом для будущих зимовщиков.

На третьей базе, где располагался РКЗ № 13, все производственные помещения и сооружения для приема, обработки и хранения продукции построили в 1930—1931 гг. Это были сборные каркасные строения из сосновых брусьев сечением 12 на 12 см. Почти все сооружения привезли с материка и собрали на месте. Стены общили тесом, крыши покрыли оцинкованным железом. Здесь, кроме завода, имелись засольный сарай и икрянка.

РКЗ был построен в 1930 г. из отдельных секций-каркасов под общей кровлей. Силовой цех и котельная отделялись от электростанции бревенчатой стеной, а электростанция от консервного цеха — дощатой перегородкой. При заводе имелась слесарная мастерская, нуждавшаяся в ремонте, и каркасный склад для хранения продукции и банок размерами 38,7 на 13,2 м. К заводу примыкало помещение для мойки и сортировки банок.

Засольный сарай размерами 46,5 на 11 м имел бетонный пол толщиной 10—15 см на галечном основании, квадратные деревянные чаны, установленные вдоль стен. Посредине проходил узкоколейный путь. Икрянка размером 12,1 на 10,1 м с деревянным полом нуждалась в ремонте.

Подсобные производственные сооружения включали лебедку, кузницу, бондарку и склад промыслового снаряжения. К помещению лебедки были пристроены жиротопка и помещение для береговых рабочих.

Третья база располагала двумя приемно-разделочными пристанями, расположенными недалеко друг от друга. Это были временные, на период путины, сооружения. Заводская рыбоприемная пристань размерами 32,5 на 17,8 м представляла собой помост из сосновых досок, настланный на березовые сваи диаметром 12—18 см. Площадка наклонялась к середине, где проходил обитый жестью лоток. По нему рыба поступала в приемный бункер, попадала на ленту транспортера и поднималась на разделочную площадку.

На центральной базе работал хороший, просторный, светлый клуб на три сотни мест, площадью в 170 кв. м со сценой. Эта постройка считалась «солидной», имела высокие потолки и хорошее освещение. Здесь имелись пианино, прекрасные духовые инструменты. При клубе действовала хорошо укомплектованная библиотека, киноаппарат. Но новые фильмы в Озерную попадали редко. Зато часто проходили любительские рабочие спектакли, выступали самодеятельные кружки. При клубе были организованы велосипедная, лыжная и футбольная команды.

Правда, помещение клуба было запущено, стекла не вымыты и тусклы, пол и сиденья неопрятны. Расстроенное пианино на частых танцевальных вечерах нередко заменяла виктрола (патефон), воспроизводившая вполне современную музыку. Пластинки последних выпусков местные любители выменивали на заходящих пароходах. Клуб охотно посещался и из-за того, что в убогих жилищах в свободное от работы время было тесно, и полноценно отдохнуть не удавалось. В клубе также проходили общие и специальные собрания [28, л. 760].

На первой базе клуб был значительно меньше, как был меньше и сам поселок. Клуб площадью 50 кв. м на 80 мест выглядел победнее, но блистал опрятностью.

Клуб третьей базы имел площадь 150 кв. м. Перед ним размещалась физкультурная площадка с рытвинами и лужами. Всюду виднелась грязь, мусор, валялись порожние консервные банки. Совсем маленький клуб, совмещенный со столовой, имела сельхозферма. Но здесь было «исключительно чисто и прямо-таки красиво: свежие цветы, портреты товарища Сталина, оборонные фотомонтажи, гирлянды, свежая краска стен, хорошо пригнанные двери, и здоровые, веселые, сдержанные, заветренные и обгорелые на солнце посетители».

При всех клубах действовали красные уголки, ведавшие разнообразной кружковой работой. Всего на комбинате в 1936 г. насчитывалось 163 члена оборонно-спортивного общества [28, л. 761].

Школа работала на центральной базе. Она задумывалась как средняя, но пока была неполной пятиклассной. Здесь трудились три учителя: член ВКП(б), комсомолец и беспартийный. Учились 101 чел.

По данным поселкового совета, детей возрастом до 12 лет в комбинате в 1936 г. насчитывалось 288 чел. (табл. 2).

		Таблица 2
Предприятие комбината	Мальчиков	Девочек
База № 1 «Опала»	12	16
Центральная база	102	91
База № 3 «Южная»	20	29
Сельхозферма	7	11

Школьники более чем на 80 % являлись пионерами и комсомольцами. «За школой поднимается терраса с сухой "тундрой" наверху, весной полная зелени, росы и цветов, а во вторую половину сезона — с массой грибов и ягод. С "тундры" в ясные дни прекрасный вид на колхоз Запорожье, р. Озерную и окружающие сопки. По фронту школы на северо-восток от нее к реке идет широкий луг с цветами весной и летом, стогами душистого сена к осени.

Однако перед самой школой стоит уборная, непролазная грязь, все те же использованные консервные банки, наполовину вбитые в землю, мусор и прочее. Рядом лужа, прачечная и баня. В смысле учебных пособий школа не устроена, а преподавательский персонал недостаточно подготовлен и опытен.

Во время летних каникул, в путину, в нижнем этаже школы открываются (в 1936 г. с 25 апреля) ясли. По словам местного врача и личному осмотру, они не стоят на должном уровне. Штат не обучен. Во главе дела стоит женщина, не имеющая подготовки в области работы с детьми. Ее личный опыт исчерпывается единственным первенцем.

Колхозные дети здесь же, за рекой, дома пьют молоко. Комбинатские им не пользуются даже в яслях. Детской кухни при яслях нет, питание идет через общую рабочую столовую. В основе его сушеная картошка, капуста крепкого засола, консервы. Отношение к яслям со стороны матерей, занятых на производстве, беспокойно-ироническое. Детские заболевания часты, смертных случаев немного, но они все-таки есть.

Школьники все лето проводят за сельхозфермой комбината в лагерях на Явинских ключах... В поселке всегда можно было узнать вернувшихся на побывку загорелых ребят в красных галстуках, закупавших в кооперативе печенье или сладости и торопящихся обратно на Ключи. В начале осени, с ухудшением погоды, дети, встреченные оркестром озерновских организаций, весело шагали из лагеря со знаменами и флажками, рассыпаясь по баракам и палаткам» [28, л. 764].

Детские рассказы и воспоминания о жизни в лагере делались еще ярче на фоне унылого поселка с его беспорядочными «площадями» и «улицами», с отсутствием зелени и санитарии и всегда скрипящими или хлюпающими под ногами, смотря по погоде, песком и галькой.

Здание больницы рыбокомбината на 12 коек принадлежало АКО, ее персонал содержался за счет бюджета Камчатской области. Здание требовало ремонта. При слабом ветре в палатах так сквозило, что колебалось пламя свечи. Неоштукатуренные потолки затрудняли борьбу с клопами. Больница размещалась в гуще производственных сооружений и жилых бараков.

Летом заразных больных содержали в палатке, стоявшей возле посольного сарая и отделенной от него колючей проволокой, зимой — в общих помещениях. Не были отделены роженицы. Врачебный персонал жаловался на перебои в снабжении медикаментами.

В первое время после прибытия завербованных работников (май-июнь) больница переполнялась более чем вдвое, зимой часть коек пустовала. Недоставало акушерки и фельдшера. Из специалистов-медиков в Озерной имелся только один врач и неквалифицированные сестры.

Врач находился не на высоте положения. «Он выпуска 1926 г., малоопытен, справиться с разными видами медпомощи он не в состоянии. Сверх того, он пассивен. Например, такие исключительные природные условия, которыми располагает Озерновский рыбокомбинат, как горячие сернистые и щелочные термы, он не только не использует на практике, но за два года работы в Озерном даже и не осмотрел их на месте. Хотя, по его мнению и опыту работы, источник прекрасно помогают при ревматизмах, накожных болезнях, травмах, расстройствах обмена веществ, то есть болезней, приобретаемых в условиях местной работы и жизни в сырости, при работе с солью, при слабовитаминном питании и прочем» [28, л. 765].

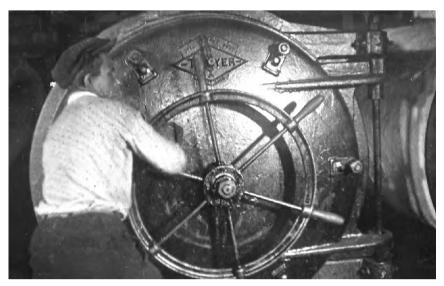
В 1935 г. больница зарегистрировала 86 родов и 25 смертей, причем 15 детских. Смертность взрослых, если не считать трех случаев гибели в море, была вызвана, главным образом, ослаблением организма в течение долгого пути и ввиду возникших в это время болезней. Основной причиной смерти являлся перитонит. Отмечался один случай цинги. Особенно ослабляюще переезд действовал на детей. Четверо ребятишек погибли от кори, прочие от поноса и менингита. Зимой, в межсезонье, смертность была несравненно ниже.

Рыба в мотне речного невода на реке Озерной. Колхозная бригада «Красного труженика», 1936 г.

Ловля краба с кавасаки. Озерновский рыбокомбинат, 1936 г.

Автоклав для стерилизации консервов фирмы «Троер Фокс» на РКЗ № 3

Отвозка баночек на площадку для охлаждения

Характер большинства заболеваний также зависел от времени года. Во время путины основными являлись травмы, кожные болезни, как правило, вызванные действием соли, простуды, ревматические явления.

Здоровье комбинатских обитателей в значительной степени зависело от санитарно-бытовых условий, в которых они находились. Здесь далеко не все было в порядке. Главными сложностями являлись [28, л. 769]:

- недостаток источников воды: всего три «точки» с открытыми водоемами и разливом в бочки;
- неупорядоченность уборки и отсутствие постоянных мест для свалки мусора и «ассенизационного материала»;
- проживание подавляющей части работников «в палаточно-земляночных» условиях, теснота в помещениях и плохое отопление;
- обилие клопов и тараканов. «Вшивость ограничивается, главным образом, в пределах некоторых категорий холостяков, ввиду недостаточной обеспеченности их бельем, хотя постельное белье находится в слабом состоянии и для более широких кругов населения»;
- недостаточная производительность прачечной и пошивочной мастерской. Расходы на содержание первой в 1935 г. составили 51 714 руб., выручка от стирки белья 9 376 руб. На вторую потратили 118 375 руб., от пошивки спецодежды поступило 105 636, от пошивки одежды рабочим и служащим 8 901 руб.;
- своеобразие питания, достаточного по калорийности, но однообразного, с почти полным отсутствием свежих овощей.

К тому же состояние санитарии и гигиены зависело от лиц, которым ее поддержание было поручено. Об этом красочно повествует следующий документ:

«Мы имели случай наблюдать врача Озерновского рыбокомбината и фельдшера Опальской амбулатории. Первый пассивен, не завоевал себе должного положения у администрации, пациенты... им недовольны. На комбинате грязно, столовая не упорядочена и т. д. Второй — с раннего утра уже бродит по базе. Он всюду: в бараках, уборных, в конюшне, на производстве. Базовая баня топится, не переставая. Достаточно тов. Плохих встретить мальчишку с грязью в ушах или под носом, как уже через несколько минут рука матери трет его мочалкой.

Тов. Плохих с 1927 г. не обедает в так называемой "административной" столовой. Потому-то так чисто в кухне рабочей столовой и в ее светлом зальце. Он помнит трудные времена первых лет освоения Опалы. Продуктов не хватало, мясо нерпы не всем было привычно, но если за столом доктор, то кто же будет спорить о продуктах — обед проходит гладко.

В 1936 г. на кухне — шум. Через толпу в столовую протискивается тов. Плохих, он запрещает обедать и сообщает присутствующим, чтобы они приходи-

ли через три часа, что марки остаются действительными, и приколачивает на доску объявлений листок приказа с выговором заведующему столовой и отнесением на его счет стоимости испорченных продуктов. За нарушение санитарных правил тов. Плохих штрафует одного из руководителей АКО, а, получивши штраф, требует, чтобы оштрафованный вечером прибыл в рабочий клуб для обсуждения его поведения на пищевом предприятии. Однако виновник внимания тов. Плохих предпочитает еще засветло "по делам" уехать в Озерное.

На базе у тов. Плохих всюду чистота и порядок. Он вывел гонорею, у него нет смертных случаев, резалки рожают, не успев вскрикнуть. Он умудряется несложным ассортиментом своих лекарств "всерьез и надолго" вылечивать пациентов, его отчетность в образцовом порядке...

Тов. Плохих побаиваются, даже, может быть, субъективно недолюбливают. Из наблюдательного пункта — окон своей амбулатории — он видит все и, как ястреб на добычу, всегда готов броситься уничтожать любые санитарные беспорядки. Тов. Плохих считает, что за производство, как таковое, отвечает заведующий базой, а за здоровье ее населения, за санитарию производства — он, — тов. Плохих. И ежедневно с утра он бродит по своим "владениям", ликвидируя непорядки. Он всюду: на производстве, в бараках, в уборных, на скотном дворе и в столовой.

К сожалению, Опала потеряла своего энтузиаста. Тов. Плохих осенью 1936 г., больной и переутомленный, выехал на материк для более спокойной работы. Но последняя не в его природе и, наверное, на Колыме или Чукотке будут вновь побаиваться и даже субъективно недолюбливать этого удивительного работника» [28, л. 772—773].

На питание работников комбината в 1935 г. было затрачено 746 687 руб. Стоимость суточного рациона рабочего составляла 3,03 руб., инженернотехнических работников (ИТР) — 6,54 руб. (табл. 3) [28, л. 774].

Таблина 3

Цена, руб.	Рабочее питание	Питание ИТР
Завтрак	0,68	1,66
Обед	1,34	3,37
Ужин	1,01	1,51

На работу хлебопекарни в 1935 г. потратили 528 454 руб. Себестоимость, отпускные цены, ассортимент ее продукции показан в табл. 4 (руб. за кг).

Таблипа 4

Ассортимент	Отпускная цена	Себестоимость
Хлеб пшеничный 96 %	1,18	1,26
Хлеб пшеничный 85 %	1,36—2,80	1,49—3,27
Хлеб ржаной 95 %	1,03—1,50	1,11—1,75
Хлеб белый сдобный	2,00	2,18

		Продолжение табл. 4
Ассортимент	Отпускная цена	Себестоимость
Сайки белые	2,00	2,02
Булки белые	5,00	5,04
Пирожки	0,50	0,54
Булочки	0,40	0,48
Сухари	2,27	2,73

Белый хлеб выпекался преимущественно из японской муки. Последняя признавалась «пышной и непитательной». Но ее применение позволяло «избегнуть загрузки отечественного транспорта перевозкой и перегрузкой сибирской пшеницы».

На первой базе действовало мясо-рыбоколбасное производство. Оно было начато в 1934 г. как опытное. Но ввиду малой производительности и недостатка мясного сырья себестоимость продукции была высока. (В 1935 г. произведено 1 273 кг колбасы из медвежатины и мяса домашних животных, при этом себестоимость 1 кг медвежьей колбасы составила 16,36, а из мяса домашних животных — 23,76 руб.) [28, л. 775].

Обеды, завтраки и ужины готовились, в основном, из сушеных и консервированных продуктов. Местное сырье в их производстве применялось в ничтожно малой доле. Одним из немногих продуктов питания местного происхождения была названная выше медвежья колбаса. Из мяса традиционного скота приготовили всего 58 кг колбасы и 13 кг сосисок. На месте произвели около 50 т молока, 6 тыс. шт. яиц и посеяли менее 13 га овощей вместо плановых 32 га.

Эта «традиция» сохранялась со времен сезонной работы, когда отечественные частные и акционерные промыслы обеспечивались завозным иностранным снабжением и рабочей силой.

Номенклатура продуктов питания, которую АКО гарантировало японским рабочим в начале своей деятельности, включала следующие наименования: рис, красные бобы, соя, соленая и сушеная редька, сушеные овощи и морская капуста, лук, картофель, соленый чеснок, японская лапша (сомен и удоин), кампио и вараби (сушеные овощи), бобы-дайзу, черные сухари, факусинауке (готовые овощи), уксус, растительное масло, выжимки от саке, мучича (японский чай), мука, ничара (соляной сок), свежая и соленая рыба [28, л. 777].

Несмотря на то, что к 1935—1936 гг. общественно-производственные отношения в Озерновском рыбопромысловом районе были коренным образом изменены путем вытеснения частного и, частично, иностранного капитала, сырьевая база питания осталась прежней. Неиспользование местных ресурсов вызывало большой перерасход государственных средств на его заготовку, доставку и хранение. К тому же однообразное и нездоровое питание

не способствовало закреплению на комбинате постоянных работников. Оно скорее напоминало «быт корабля дальнего плавания или экспедиционную обстановку, чем живущее всей полнотой жизни советское пищевое предприятие, к тому же расположенное в непосредственной близости к такой благодатной местности, как долина реки Озерной» [28, л. 778].

Одна из первых попыток ослабить влияние привозного продовольствия на результаты работы предприятия была предпринята в 1934 г. Вот что сообщал главный бухгалтер комбината П. Г. Квацек 17 мая 1935 г. главной бухгалтерии АКО и группе оперативного учета: «В связи с вашим предложением дать вам объяснения по вопросу оставления рыбопродукции собственного производства на питание сверх установленного вами количества около 2 000 ц, сообщаю, что на питание оставлена целиком вся продукция колбаснобалычного производства, которое в Озерновском комбинате в 1934 г. было организовано как опытное производство в целях изыскания возможности использования собственных пищевых ресурсов для снижения завоза продовольствия и улучшения питания рабочих в первую очередь, а в дальнейшем на основе опыта... освоить этот вид производства уже в промышленных целях, повысив выпуск более ценной высокосортной продукции.

Что же касается рыбопродукции основных производств выработки 1934 г., как соленой, а равно консервов и тука, то таковые были оставлены Управлением комбината, в основном, имевшие наружные дефекты. Так, сельдь соленая — лопанец, консервы — технический брак (наружные дефекты тары) и тук исключительно для подкормки скота и удобрений в пригородных хозяйствах комбината...» [24, л. 10].

Квалификация рабочей силы была весьма низкой. В 1936 г. около половины ее составляли рабочие второго и третьего разрядов. Обычно на работах, не требовавших значительных физических напряжений и специальной квалификации, занимали необученных женщин. Но в Озерной их было очень мало. «На комбинат за тысячи километров от места работы вербуется в массе малообеспеченная мужская рабочая сила». Рабочие с шестым и седьмым (тогда был и такой!) разрядами составляли всего 6 % всей численности. Рабочих седьмого разряда имелось 27 на 1 595 чел.

Не лучше обстояло дело и с инженерно-техническими работниками. «В составе "инженеров" нет ни одного лица с высшим техническим образованием, исключая молодого химика без стажа — заведующего не обустроенной лабораторией. Ни один механик во всем комбинате не имеет высшего технического образования; удивительные механизмы завода № 3 предоставлены в распоряжение очень неплохим, но все же не имеющим никакой теоретической подготовки практикам.

В графе "техников" значатся два лаборанта, молодые женщины, приехавшие на Камчатку с мужьями, и до того времени никакого отношения к химии

не имевшие. Обоим экономистам со специальным образованием вместе не больше 45—50 лет и т. д. В "прочих" значатся руководители комбината и баз — смелые моряки, большие практики в области рыболовства, давние жители Камчатки, но далеко не все успевшие побывать даже на краткосрочных курсах по рыбному хозяйству. Единственный человек не только с высшим образованием, но и имеющий ученое звание — это начальник политотдела комбината И. А. Ретинский — по специальности философ. К ИТР же относятся радист, колбасник, прорабы и прочие» [28, л. 703].

В группе служащих из 69 чел. преобладали счетные работники — 29 чел. При общем излишке, «на отдельных звеньях учета» ощущался их острый недостаток и почти всюду — низкая квалификация.

ИТР, хотя в подавляющем большинстве и без высшего образования, составляли 2,4 % ко всей численности коллектива, рабочие высшей квалификации — седьмого разряда, на которых могли бы опираться малочисленные ИТР — только 1,7 % всей массы рабочих и служащих. Рабочие с квалификацией до четвертого разряда включительно в 1936 г. представляли 80 % всех трудящихся рыбокомбината [28, л. 702—704].

Весной 1937 г. по приказу наркома пищевой промышленности СССР А. И. Микояна Рыбное управление АКО разделилось на два: по восточному побережью (начальник Б. Волков) и по западному побережью (начальник К. Кужимчак) с непосредственным подчинением их заместителю начальника АКО [29, № 109, 148]. Ожидалось, что это позволит улучшить управляемость обширного хозяйства общества.

Теперь Озерновский комбинат возглавлял директор Николай Андреевич Огреба. Предыдущий руководитель — Г. Г. Граждан был репрессирован. По сведениям, опубликованным писателем А. А. Смышляевым, в декабре 1936 г. он уехал из комбината в отпуск сначала в Петропавловск, а затем во Владивосток на курсы директоров [19, с. 16], где и был арестован.

1937-й год проходил под лозунгами социалистического соревнования к 20-летию Октябрьской революции и борьбы с «вредителями» и «врагами народа». «Спусковым крючком» к началу этой борьбы послужил доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников». На местах его восприняли как сигнал к чистке, в первую очередь руководящих кадров.

26 апреля газета «Камчатская правда» опубликовала статью В. М. Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами» — его речь на пленуме ЦК ВКП(б) с небольшими изменениями, перепечатанную из «Правды» от 21 апреля [29, № 93].

Одновременно с 18 по 30 апреля в Петропавловске шла вторая городская партийная конференция, а чуть позже — в мае — началась областная

партийная конференция, ставшие «катализатором» в деле разоблачения «врагов народа» в АКО. В ожидании ареста застрелился начальник АКО И. А. Адамович, словно «подтвердивший» этим свою причастность к деятельности «вредителей».

Как указывает историк В. А. Ильина, «поэтому не случайно, что именно в 1937 г. органами НКВД в рыбной промышленности Дальнего Востока была обнаружена "контрреволюционная эсеровская японо-террористическая организация, имевшая связь с ЦК партии социал-революционеров в Москве". Считалось, что контрреволюционная организация состояла из групп, действовавших в основных управлениях и трестах дальневосточной рыбной промышленности: Акционерном Камчатском обществе, Северо-Приморском госрыбтресте, управлении Главвостокрыбпрома, Дальгосрыбтресте и других.

По мнению следствия, "деятельность" организации была направлена на замедление темпов освоения рыбных богатств Дальнего Востока, неправильное размещение капиталовложений и срыв капитального и жилищного строительства, вредительство при строительстве крупных предприятий отрасли, массовый завоз в край антисоветского и контрреволюционного элемента, организацию диверсионных групп для совершения террористических актов, передачу японской разведке материалов об обороне и хозяйственном строительстве в крае.

Волна арестов распространилась по всем рыбопромысловым районам Дальнего Востока. В середине марта — начале апреле 1937 г. органы НКВД вскрыли "вредительство" в АКО. Были арестованы начальник Акоснабторга Н. Н. Смирнов, бухгалтер Акорыбснаба И. У. Акулович, Н. С. Воршев, М. П. Елисеев. Затем "враги" были найдены в Петропавловском совхозе, Крутогоровском рыбокомбинате. Были арестованы руководители этих предприятий М. М. Хонин, Б. Г. Разгонов. Так с этих трех предприятий началась лавина репрессий 1937 г. в АКО» [30, с. 212—213].

9 июня в Петропавловске в клубе АКО открылся суд над бывшим директором Крутогоровского рыбокомбината Б. Г. Разгоновым, арестованным 16 апреля, венчавший так называемое «Крутогоровское дело» [29, № 120]. Вот что ставилось ему в вину.

«Ревизия Крутогоровского рыбкомбината, произведенная по приказу наркома тов. Микояна, выявила отвратительную картину преступлений, творившихся шайкой врагов во главе с бывшим директором комбината Разгоновым. План добычи рыбосырца в 1936 г. был позорно провален (общее выполнение 78 %), но это не помешало Разгонову и его приспешникам сделать огромный перерасход материальных ценностей. В частности, соли перерасходовано 550 т, угля — 648 т, фонда зарплаты — на 769 000 руб. Тара преступно разбазаривалась, хотя на базах комбината лежала незатарированная продукция 1934 и 1935 гг. Кстати, этой продукции испорчено 8 031 ц

на сумму свыше миллиона рублей. Из улова 1936 г. испорчено продукции и скормлено скоту 765 ц...

Миллионные убытки, срыв государственных планов, озлобление рабочих — вот итог преступной деятельности кулацкого выходца, вредителя Разгонова, который творил свои гнусные дела под руководством и защитой врага народа Адамовича» [29, № 128].

Как видно из перечисленных выше обвинений, все они касались низкой экономической эффективности работы, традиционной для большинства камчатских рыбопромышленных предприятий 1930-х гг. Но ошибки в управлении отраслью приписывались конкретным людям, преимущественно руководителям подразделений управления АКО и предприятий общества, приобретая политическую окраску с далеко идущими из этого выводами следствия.

Осужденный на пять лет исправительно-трудовых лагерей Б. Г. Разгонов, оправданный в 1956 г., впоследствии продолжил работу в рыбной промышленности Камчатки. В 1966 г. Камчатский обком КПСС ходатайствовал об установлении ему персональной пенсии союзного значения.

На Озерновском комбинате аресты пришлись на август и сентябрь 1937 г. В. А. Ильина называет имена «взятых» работников комбината из числа его руководства: Леонида Сергеевича Иванова (дело прекращено в 1939 г.) и бухгалтера Федора Ефимовича Репина (осужден на восемь лет исправительнотрудовых лагерей). Пострадал и руководитель Опалинской базы Михаил Анатольевич Мухин, арестованный 19 августа, но дело в его отношении также было прекращено в 1939 г. [30, с. 216—217].

Мы не знаем, какие обвинения предъявлялись М. А. Мухину. Вполне возможно, что ими стали те самые, о которых он лично писал 17 мая 1937 г. в «Камчатской правде» в статье «Пасынок Озерновского комбината», коим, по его словам, являлось вверенное ему производство.

«В любом другом комбинате даже маленькие базы имеют свои моторные единицы, а вот у нас нет ни катера, ни кавасаки, хотя Озерновский комбинат имеет 10 катеров. Плавсредства после зимнего ремонта за базами не закреплены. Дирекция комбината, составляя график постановки неводов, по неизвестным для заведующего базой соображениям отодвинула Опалу на последнюю очередь, а это грозит тем, что Опала пропустит ход сельди. Ведь катера у нас нет.

Еще характерный факт. Во Владивостоке был завербован засольщик для Опалинской базы. Засольщик был направлен к месту своей работы и по распоряжению заместителя директора комбината тов. Огреба он был отправлен на базу № 3. Опала осталась без засольщика, причем Огреба не потрудился объяснить, почему он перебрасывает засольщика на третью базу.

Социалистический договор с Микояновским комбинатом в области подготовки к встрече прибывающих рабочих, не выполняется. В Опале нет

не только свободной жилой площади, но не завезен даже палаточный материал. Озерновский комбинат в целом и Опала в частности не имеют горючего, а рыбное управление вместо горючего шлет только телеграммы. Заверения о том, что Опалинская база будет в достаточной мере обеспечена продуктами и промтоварами, — оказались болтовней. Опала не обеспечена папиросами, копченостями и другими продуктами».

Но и после ареста М. А. Мухина на Опалинской базе мало что изменилось, свидетельствуя о системном кризисе, а вовсе не о происках отдельных «вредителей». Вот что сообщала о положении на базе та же «Камчатская правда» спустя полгода, 28 декабря 1937 г.

«...Затягивание уборки продукции из-за отсутствия тары стало обычным у АКО. Рыба в чанах пересаливается, теряет качество, а ведь каждый промысел оправдал бы в несколько раз затраты на постройку ледников и бондарок. У нас есть заготовленный лес, бракованная клепка, и будет преступлением, если база опять останется без мастерской.

Плохо также обстоит с хранением соли. Она ежегодно валяется под открытым небом, ничем не прикрывается, во время ветра ее заносит песком. Хорошего качества рыбы от такой соли, конечно, не жди. А сколько ее погибает от дождей? Каждое вылитое на соль ведро воды уносит одну четвертую часть ведра соли.

Где же экономия у АКО? Сколько погибает соли во всех комбинатах за год? Где же рассудок у администрации промыслов и рыбного управления?! Практика говорит, что выиграешь путину, когда встретишь ее как мать родную, а не мачеху…» [29, № 291].

Общественно-политическая обстановка на комбинате была накалена. Любое неосторожное слово, неправильное действие могли стать поводом к обвинению во «враждебной деятельности». Появилась возможность и к сведению личных счетов. Характерным примером служит, например, статья в газете «Камчатская правда» под названием «Чужак пролез к руководству», подписанная псевдонимом «Озерновский». В ней осуждался парторг первичной парторганизации комбината Мельзоб. Он «целые дни проводил в трансузле, работой которого он увлечен. Партийная работа на комбинате ослабла. В июне месяце было проведено занятие политшколы. С тех пор политшкола свои занятия прекратила.

Мельзоб поддерживает "теорию" о том, что во время путины надо заниматься ловлей рыбы, а не партучебой. Парторг даже перестал собирать членские взносы. "Деятельность" Мельзоба направлена и в другую сторону. Во время подписки на заем обороны, он оклеветал вновь прибывших рабочих-сезонников, заявив: "К ним ходить нечего, все равно не подпишутся". Прикрываясь партийным билетом, Мельзоб распускает исподтишка контрреволюционные слухи.

Только идиотская болезнь — беспечность, заразившая коммунистов Озерновского комбината, позволила пробраться к руководству этому чужаку с партбилетом в кармане» [29, № 176]. Сведений о дальнейшей судьбе Мельзоба выявить нам пока не удалось. Вполне возможно, что для него все завершилось благополучно.

Досталось критики и обвинений и директору комбината Н. А. Огребе. Но в 1937 г. он не пострадал. Всего же, по сведениям, сообщенным автору историком В. П. Пустовитом, Огребу «брали» по самой суровой 58-й статье дважды. Первый раз 16 ноября 1934 г., дело прекращено в 1935 г., второй — 4 мая 1939 г., освобожден 14 марта 1940 г. В 1930-х гг. дважды побывать под следствием и выйти на свободу, при этом сохранив руководящую должность, — это довольно редкий случай. В 1989 г. Н. А. Огреба был реабилитирован.

Производственная деятельность комбината тем временем продолжалась, и весьма успешно. К началу июля 1937 г. его рыбаки поймали 16 774 ц рыбы. Лидировала стахановская бригада ставного невода Василия Морозова, выполнившая план по добычи сельди на 130 %. Началось опробывание оборудования консервных заводов: к 13-му числу выпустили первые 416 ящ. консервов. На 15 июля план по гослову был выполнен на 66,9 % — этот показатель был на Камчатке самым высоким [29, № 148, 156, 158].

5 августа 1937г. он составил 90,3, а 10 августа — уже 108,3 % и продолжал расти: 15 августа комбинат отчитался о выполнении задания по добыче рыбы на 126 %. Правда, программа выпуска консервов сильно отставала из-за недостатка снабжения [29, № 176, 179, 183]. Банку привозили из Владивостока — Петропавловская жестянобаночная фабрика только строилась. Свою первую продукцию она дала в 1939 г. Это резко улучшило снабжение промыслов. Отсутствие качественной соли стало причиной выпуска соленой трески вторым и третьими сортами (современному потребителю, наверное, невозможно даже представить себе, что это такое: соленая треска третьего сорта).

По результатам социалистического соревнования к 20-летию Октября бригадир Морозов, рыбаки которого в августе выполнили план на 170 %, был награжден патефоном, мойщица Соколова — отрезом на платье, приемщик кунгасов Неведомский — коровой [29, № 181].

В конце августа началась отгрузка готовой продукции на подошедшие пароходы. К 5 сентября на них передали четверть заготовленной соленой рыбы, но консервы грузить еще не начинали. План вылова к этому времени был выполнен на 149,3 %, план отгрузки по соленой продукции — на 24,3 %. 15 сентября рыбы было добыто 151,5 % задания [29, № 209].

Озерновский комбинат считался одним из лучших и по отправке продукции. Пароход «Карл Маркс», стоявший на его рейде, грузился ударными темпами: за тринадцать рабочих часов на него с берега подали 343 т, а за трое

суток — 1 200 т. Приняв в Озерной всю готовую рыбу, «Карл Маркс» снялся в Микояновский комбинат за тамошними консервами [29, № 214].

Отправка первой партии рыбной продукции на материк завершилась 17 сентября. «Карл Маркс» с двух баз комбината принял ее на 7 млн руб., в том числе сельдь, горбушу и 19 100 ящ. консервов.

Особенно интенсивно пришлось потрудиться рабочим третьей базы. Отсюда, несмотря на прибой, кунгасы буксировались до парохода на расстояние 8 км. За двое суток к судну подали 32 вагона сельди и 12 вагонов горбуши и консервов. Если бы оно стояло ближе, то погрузка могла завершиться всего 10—11 часов.

«Образцы честной высокопроизводительной работы» показали кунгасники-стахановцы Плотников, Горбунов и Еременко. Команда кавасаки № 50 (старшина Сергей Андрющенко) прибуксировала 25 кунгасов из 41, поданного этой базе. На берегу отлично трудились бригады грузчиков Никулина и Студенкина, загрузивших за смену по 14 кунгасов. Хорошая работа обеспечила высокие заработки: за смену каждый рабочий получил по 89 руб.

А вот на центральной базе (заведующий Лычагин) должного порядка не наблюдалось. «В решающие дни отправки продукции в комбинате царит пьянка, неорганизованность». Так, ночью 16 сентября в трюм судна поставили команду кунгаса, объяснив это отсутствием рабочих, хотя последних на базе насчитывалось 400 чел. Для погрузки на берегу и пароходе были мобилизованы административно-технические работники, тогда как много рабочих слонялось без дела. Очевидец утверждал, что «в момент разгрузки на центральной базе вовсю торговали вином в магазинах, ларьках и столовой» [29, № 217].

В сентябре сменилось руководство политотдела комбината: вместо Козлова (инициалы не установлены) начальником стал К. Н. Кулаженко, будущий начальник политотдела АКО, секретарь обкома ВКП(б), а впоследствии — начальник АКО. Причины этой замены нам неизвестны. Возможно, что она была связана с шедшей чисткой.

10 сентября план добычи был выполнен уже на 160,7 %. На пароходы погрузили 29,3 % соленой рыбы и 65,6 % заготовленных консервов. Спустя месяц — 10 октября — выполнение программы по консервам у РКЗ № 3 составило 102,5, РКЗ № 13 — 72,8 % [29, № 207].

Продолжалась тарировка соленой рыбы. Укладчица сельди Солодова при норме 17 ежедневно заполняла 21 бочку. Соревновавшаяся с ней укладчица Кабунова «несколько отстала» — она выполняла норму на 120 %. Отлично трудились, ежедневно выполняя задания не менее чем на 130 %, сортировщицы Молоканова, Николашкина, Тимощак. Укупорщик Караваев при норме в 160 обрабатывал 194 бочки. Прессовщик Иванов давал не ниже 124 % нормы. Укладчицы третьей базы Кислова, Комарницкая. Охотникова и Автонина выполняли дневное задание на 120—135 %. Начальник политотдела

К. Н. Кулаженко заявил, что комбинат может закончить тарировку продукции к 20 сентября [29, № 203].

Действительно, по состоянию на 1 ноября 1937 г. вся соленая рыба была затарирована, а 93 % ее количества уже отправилось на материк. Туда же проследовали и 98 % консервов [29, № 234, 247].

Трудовые будни перемежались с крупными государственными праздниками: Первомаем, годовщиной Октября и небольшими местными радостями. Так, в апреле в партнере комбината — соседнем колхозе «Красный труженик» села Запорожье прошел «вечер знатных охотников», посвященный окончанию зимнего пушного промысла [29, № 85]. На него пригласили лучших охотников соседних колхозов «Труженик» и «Рассада» и стахановцев комбината. Последние считались наиболее уважаемыми на производстве людьми.

Началом «стахановского движения» в СССР считается ночь с 30 на 31 августа 1935 г., когда шахтер А. Стаханов добыл за смену 102 т угля, что составило четырнадцать действовавших тогда норм выработки. 19 сентября Стаханов установил новый рекорд, вырубив за смену уже 227 т. Этот опыт, оформленный в речи И. В. Сталина на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 14—17 ноября 1935 г., был взят на вооружение партийными комитетами по всей стране. При этом на «местах» ему придавался вид «инициативы снизу», исходившей от рядовых тружеников. Впрочем, зачастую это так и было: трудовой энтузиазм в 1930-х гг. был необычайно высок. Ему способствовали видимые перемены в развитии страны и постепенное улучшение материального положения людей. Высокие достижения «стахановцев» в труде стали результатом не просто его интенсификации, но и внедрения элементов научной организации.

В июле 1938 г. в Озерной заработал радиоузел на 160 «точек». Теперь «на самом южном комбинате, вблизи мыса Лопатка, трудящиеся каждый вечер слушают передачи из Хабаровска. В ближайшие дни трансузел будет передавать по грамзаписи доклад товарища Сталина на Чрезвычайном Восьмом Съезде Советов и последние известия» [29, № 168].

В ноябре на комбинате действовали два участка по выборам в местные Советы. «Рабочие, служащие и домохозяйки изучали новый избирательный закон. Члены сельсовета и комсомольцы ведут разъяснительную работу. Радиоузел передал доклад товарища Сталина, речь товарища Молотова и статью товарища Калинина» [29, № 247].

Многие рыбаки готовились к предстоящей зимовке: осенью 1937 г. в комбинате осталось более тысячи рабочих. Одиночек поместили в «отепленных» бараках, семейным выделили отдельные комнаты.

Недостаток жилья оставался самой острой бытовой проблемой комбината. Многие оставшиеся занялись постройкой собственных домиков. Кунгасный плотник В. А. Павленко, работавший четвертый год, решил навсегда

поселиться на Камчатке. На строительство дома ему безвозвратно ссудили 8 000 руб. «Построив домик, я всю жизнь буду честно работать на комбинате, — заявил Василий Андреевич. — Да и чего мне еще надо? Мы с женой оба работаем, наши четверо детей учатся в школе, старшая из них — Маня уже в седьмом классе».

Рыбаки Воронов, Жирнов и Молоканов по окончании путины взяли месячный отпуск для постройки индивидуальных домов.

Надо отметить, что с обзаведением домом возникали большие трудности. В качестве строительного материала дирекция предлагала промтоварные ящики и бочки из под соли по очень дорогой цене — 25 руб. за штуку. Один из индивидуальных застройщиков, приобретший ящики, остался крайне недоволен качеством материала.

С получением ссуд тоже было непросто. В распоряжении дирекции деньги для этого находились, но чтобы ими можно было воспользоваться, Дальневосточный банк требовал заверения нотариуса или народного суда. Однако ни того, ни другого в Озерной не имелось. Не мог придти на помощь и поссовет: у него отсутствовала печать. Комбинат же заверять ссуду не имел права. Каждому индивидуальному застройщику приходилось выбираться в Большерецк, что было неудобно. Полученный отпуск нередко пропадал из-за отсутствия средств и строительных материалов [29, № 206, 284].

Среди зимующих в январе 1938 г. насчитывалось 243 стахановца и 326 ударников. Соревнованием в подготовке к путине были «охвачены» 712 чел. [31, № 13]. Они занимались ремонтом оборудования, пошивкой неводов, ремонтом плавередств.

Рабочие и работницы первой базы готовили к путине травяные якорные мешки для ставных неводов. Ткацкая мастерская располагала четырьмя станками. Работавшие на них ткачи Литик и Кунгурцев перевыполняли задания в 2—2,5 раза, зарабатывая за день до 25 руб. Сновальщица основы Серова справлялась с нормой на 160 %, зарабатывая за смену по 20 руб. Нитки для основы делали из бывших в употреблении веревок. Прошлогодний опыт показал, что маты, сделанные из такого материала, прекрасно служат всю путину [31, № 33].

К 1 февраля 1938 г. РКЗ № 3, по докладу его директора Сухова, был отремонтирован на 70 %. Работы встали из-за отсутствия материалов и запасных частей. Ресурсы пытались «изыскать» на месте: своими силами наладили медное и бронзовое литье. На ремонте завода «лучшие образцы производительности труда» показали стахановцы Камышинский, Ласюк, Сомов, Шатковский, Шкиль, Волкогонов, Субботин, Серебряков, систематически выполнявшие нормы на 170—180 % [31, № 32].

Одновременно подводились итоги прошедшего сезона, ставились новые задачи. Так, впервые заводы Камчатки в 1938 г. должны были приступить к выпуску нового вида продукции — консервов из гольца. На западном

побережье планы по их выработке Рыбное управление АКО «спустило» Озерновскому, Большерецкому, Микояновскому, Кихчикскому и Пымтинскому комбинатам [31, № 91].

7 февраля 1938 г. в Петропавловске в зале клуба управления АКО собрались «дорогие гости, славные патриоты Камчатки — стахановцы рыбных комбинатов». Они съехались сюда со всех концов полуострова на слет. Его в шесть часов вечера открыл временно исполняющий дела (по-современному — исполняющий обязанности) начальника АКО Гладков. «Подробно рассказав делегатам о бурном росте нашей промышленности за последние годы, об оснащении пищевой индустрии передовой техникой, т. Гладков останавливается на состоянии рыбной промышленности Камчатки, приводит цифры итогов прошлого года. Комбинаты и колхозы в 1937 г. выловили на 130 000 ц рыбы больше по сравнению с 1936 г. Усть-Камчатский комбинат выполнил годовой план путины на 155 %, Озерновский — на 153 %, Кихчикский — на 141 %, Ичинский — на 126 %...» Затем выступали сами виновники торжества — стахановцы. Вечернее заседание закончилось показом звукового фильма «На Дальнем Востоке».

В один из дней слета о работе со стахановцами Озерновского комбината рассказал его директор Н. А. Огреба. Он поведал собравшимся «о методах подрывной работы врагов, сидевших в прежнем руководстве АКО. Озерновскому комбинату на путину 1937 г. был запланирован убыток в 1 млн 800 тыс. руб. Комбинат смог мобилизоваться, раскрыл эти действия и из убыточного вышел прибыльным. Рыбаки Озерной и Запорожского колхоза "Красный труженик" выловили 80 683 ц рыбы — 154 % годового плана. Мы снизили стоимость рыбной продукции: по сельди с 294 руб. (в 1936 г.) до 179 руб. (в 1937 г.), по красной рыбе: с 190 руб. — до 154.

Стахановцы-ловцы тт. Жогла, Володин выполняют свои производственные задания на 200—250 %, резчица т. Кабунова — на 221 %, мойщица т. Амбросова — на 190 %. Комбинат имеет 155 стахановцев. Этого далеко не достаточно. Наша задача — помочь росту новых стахановцев из среды ударников, лучших производственников, а этим мы еще не занимаемся.

Остановившись на вопросе закрепления кадров, т. Огреба отметил, что в нынешнем году в Озерной будет построено 100 индивидуальных домов».

Надо отметить, что доклады директоров Микояновского комбината Разговорова и Озерновского Огреба делегатов слета не удовлетворили. Выступавшие отметили, что «одно то, что в комбинатах мал процент стахановцев, показывает, что на местах не занимаются этим вопросом, не заботятся о росте и культуре людей, занятых в одной из важнейших отраслей промышленности Камчатки — рыбной». Упреки в том, что они видятся со стахановцами раз в году, когда те приезжают на слет, получили работники политсектора и управления АКО, обкома союза рыбников [31, № 32, 34].

10 июня 1938 г. в окрестностях Озерной начался массовый ход сельди. Рыбаки, несшие постоянное дежурство на ставных неводах, к 15 июня поймали 894 ц. К 30 июня годовой план путины был выполнен на 7,2 %. Интенсивность лова по сравнению с прошлым годом значительно снизилась [31, 138, 158]. 5 июля комбинат выполнил годовой план путины на 13,9 %. Традиционно отставал так называемый «скуп», то есть прием рыбы от колхозников. Он составил всего 2,7 % запланированного [31, № 152].

Соревнуясь между собой, хорошо работали резчицы и засольщики. Бригады засольщиков Логинова, Тумина и Михайлова ежедневно перевыполняли дневные нормы. 28 июля показатели этих бригад были такими: Логинова — 188, Тумина — 121, Михайлова — 115 %. Резчица Прохорова 28 июля выполнила дневную норму на 120, Глешкова — на 125, Авдеенко — на 137. По-стахановски действовали и мойщицы Беляева и Козлова. Комбинат ежедневно принимал и обрабатывал до 1 200 ц рыбы. К 28 июля план путины был выполнен на 37,6 %. Работу тормозило отсутствие брезентовых чанов, клепки и донника для бочек, соли [31, № 170].

По отчету за 5 августа РКЗ № 3 справился с программой выпуска консервов на 66,9, а РКЗ № 13 — всего на 34,7 %. За первые пять дней августа 1938 г. рыбоконсервные заводы АКО обоих побережий Камчатки дали прирост в выработке консервов на 19,5 %, выполнив годовой план на 54,9 %. Эти цифры признавались «явно неутешительными». В Озерной консервов произвели на 8 903 ящ. меньше, чем в прошлую пятидневку [31, № 184].

Но дело потихоньку двигалось: 15 августа с комбината в адрес управления АКО пришла радиограмма: «Озерновский рыбоконсервный завод № 3 первым на западном побережье выполнил годовой план по выработке консервов. Консервная программа заводом выполнена на 100,7 %». Результаты РКЗ № 13 были пока скромными — 76,2 % [31, № 190].

Показатели выполнения плана медленно росли: к 25 августа — 92, к 1 сентября — 98,6, к 10 сентября — 100,1 %. На последнюю дату Озерновский комбинат оказался единственным на Западной Камчатке, завершившим производственную программу. Близки к этому были Кихчикский (98,4 %) и Пымтинский комбинаты (97,2 %) [31, № 204].

Первенство по лову трески в комбинате держал молодежный экипаж кавасаки № 49. К 25 августа он добыл 18 600 крупных рыбин при плане в 20 000 шт. Вот что рассказывал о своей работе моторист И. Н. Гадючнин.

«В большинстве комбинатов принято, что кавасаки на лов трески выходят только днем. Ночной лов не признавали. Мы эти "традиции" нарушили, стали как можно больше делать ночных выходов. Так как на опыте убедились, что треска лучше ловится ночью. Были дни, когда за один выход мы привозили до 1 540 штук трески и получали за свою работу по 130—180 руб. в день на каждого ловца.

Озерновский рыбокомбинат. Приемка кунгасов на морском берегу, 1936 г. (из фондов ГАКК)

Посол сельди в брезентовом чане без навеса, 1936 г.

Засол рыбы сухим стоповым посолом, 1936 г.

Выходы нашего кавасаки в море мы старались делать стахановскими. Без трески на берег не возвращались. Все наши рейсы были безаварийными. Я, как моторист, старался не допускать, чтобы по вине мотора задерживалась работа, весь текущий ремонт мотора проводил в море или во время стоянки у берега. Своими достижениями мы не удовлетворяемся, ибо план еще не выполнили. Мы будем множить наши успехи с каждым днем. Руководство комбината и базы тормозит нашу работу. Кавасаки вышел в море на лов поздно — горючее завезли не вовремя. Часто кавасаки срывали с лова и посылали на всевозможные транспортные работы.

К числу недостатков надо отнести и плохое руководство технорука лова т. Попова. За все время путины он не удосужился собрать всех тресколовов для обмена опытом стахановской работы» [31, № 240].

Достаточно высокие заработки у значительной части работников, в первую очередь стахановцев, не могли быть полностью использованы только на их текущее потребление. Сбережения вкладчиков в Озерновской сберкассе быстро росли. На 1 января 1938 г. 578 чел. накопили здесь 1 181 000 руб. (то есть, в среднем, 2 043 руб. на человека). Через год число вкладчиков выросло до 782 чел., а сумма сбережений — до 1 417 000 руб. (1 812 руб. на человека). «Внесенный в сберкассу рубль не только укрепляет мощь Советского Союза, но и дает выгоду самому вкладчику. Вкладчик получает три процента прибыли, гарантирован от возможности потери и хищения денег» [32, № 1].

Еще одним способом укрепления «мощи Советского Союза» была практиковавшаяся на всех предприятиях «добровольно-принудительная» подписка на государственные займы, ежегодно объявлявшиеся правительством (государственный заем Третьей пятилетки (выпуск второго года) и пр.). «Приветствуя решение правительства, мы все, как один, с радостью дадим взаймы государству не менее трехнедельного заработка. Дружно проведя подписку, продемонстрируем нашу социалистическую организованность, любовь и преданность партии Ленина-Сталина», — гласила резолюция митинга трудящихся комбината, прошедшего в августе 1939 г.

«Одним из многочисленных мероприятий партии и правительства, направленных на дальнейшее улучшение материального обеспечения граждан Советского Союза, являются добровольные виды страхования жизни. Являясь дополнением к социальному страхованию, система добровольных страхований показывает Сталинскую заботу о трудящихся, о материальном обеспечении их, или семей, на случай несчастья». В августе 1939 г. в комбинате работала «бригада ЦК Союза рыбников и Крайгосстраха по добровольному индивидуальному страхованию». Страхование проводилось на один год в сумме до 50 тыс. руб. на человека. Плата за эту услугу устанавливалась в зависимости от рода его работы и колебалась от 2,5 до 12 руб. за одну тысячу страховой суммы [32, № 44].

1 января 1939 г. комбинатская газета «За большевистскую путину» опубликовала описание двух новых правительственных наград — серебряных медалей «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». На оборотной стороне этих медалей был выбит лозунг: «Труд в СССР — дело чести» [32, № 1].

19 января указом Президиума Верховного Совета СССР из Наркомата пищевой промышленности СССР выделился Наркомат рыбной промышленности СССР. Его возглавила первая в стране (да, вероятно, и в мире) женщинанарком, то есть министр, П. С. Жемчужина, по совместительству супруга Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова.

Коллегия Наркомрыбпрома учредила два переходящих Красных знамени наркомата и ЦК профсоюза рыбников Дальнего Востока: одно для лучшего добывающего судна, другое — для лучшего обрабатывающего предприятия. Оценивала результаты социалистического соревнования имени Третьей Сталинской пятилетки и присуждала знамена комиссия в составе восьми человек под руководством заместителя наркома А. А. Ишкова [32, № 34].

В 1939 г. комбинат состоял из двух баз и одного участка. Самая северная — Опалинская (первая) — база выделилась в отдельный комбинат. Предприятие снабжалось рыбой, добытой активным (с кавасаки) и пассивным (ставными неводами) «гословом», то есть собственными силами, и «скупом» — уловом близлежащих колхозов, приобретенным по фиксированным ценам. Эксплуатировались шесть рыболовецких участков: 863, 868, 869, 872, 873 и 859 [33, л. 41].

26 апреля 1939 г. на основании приказа по Наркомпищепрому СССР № 1796-л от 7 декабря 1938 г. и приказа по АКО № 44-л от 13 апреля 1939 г. в обязанности директора комбината вступил Лукьян Демьянович Рубец. Директорами рыбозаводов, холодильника, консервных и утилизационных заводов в это время трудились Овсянников, Смищук, Гужавин, Сахаров, Яковлева, Чурилин. Механической мастерской заведовал Носаев, шлюпочной мастерской — Анохин, электростанцией — Козуб, сельхозфермой — Фролов. Механиком флота трудился Путий, начальником хозчасти — Дроздов, главным бухгалтером — Агафонов, начальником торговли и технического снабжения — Колесниченко, начальником планового отдела — Хонгурьян [34, л. 64].

19 апреля на пробный лов трески вышел кавасаки № 190 (старшина Пакалов). За три часа рыбаки поймали и привезли на берег три центнера свежей рыбы [32, № 22].

24 апреля, на день раньше срока, опробован после ремонта утильзавод при РКЗ № 3. На ремонте оборудования под руководством механика Свидерского отлично потрудились слесари Волкогонов и Бредихин. Завод начал работать 23 мая. За первый день он произвел 12 ц тука. Добротный ремонт обеспечил бесперебойное действие механизмов при их полной загрузке [32, № 280].

Наступал Первомай, тогда один из главных государственных праздников. Клуб комбината готовился «культурно и жизнерадостно обслужить трудящихся». В нем шла покраска и побелка, здание «художественно оформлялось» внутри и снаружи. Драматический кружок ставил пьесу «Слава». С 22 апреля регулярно репетировал духовой оркестр, готовился к выступлению струнный кружок. 24 апреля по инициативе жен-общественниц начались занятия хора. В праздничные дни в клубе должен был пройти детский утренник для 400 детей рабочих и служащих.

Готовились к встрече пролетарского праздника и в школе. Пионерский отряд № 3 разучивал пьесу «Дружба», комсомольцы и пионеры учили стихи, репетировали танцевальные номера и песни. С ребятами много и с желанием занималась учительница Н. Н. Тактарова. Школьники украшали классы и пионерскую комнату, девушки-комсомолки занялись изготовлением цветов для украшения портретов вождей.

Ребята готовили и еще один праздничный подарок. По словам старшей пионервожатой М. Яремчук, «все школьники стараются учиться еще лучше, чтобы к празднику не иметь ни одной плохой отметки» [32, № 22].

3 мая 1939 г. началась постановка селедочных неводов. На базе № 2 в этот день на участке № 869 установили 1 100 м центральной части. Затем разыгрался шторм, работы приостановились до 7 мая. 9 мая заканчивали установку рамы и производили навеску крыла. 8 мая приступили к постановке селедочного невода на участке № 868. Хорошо работали ловцы Кривченко, Гуров, Шишкин, Стрельцов, Ледков, Рабочев, команды кунгасов, завозивших якоря, Зарецкого, Силатьева, Стурова, экипаж катера № 94 (старшина Черников).

На базе № 3 первый день постановки селедочного невода на участке № 872 показал, что к этой важной работе здесь подготовились плохо: не погрузили нужное количество железных якорей на кунгасы и тем самым не обеспечили бесперебойную работу на весь день. Тем не менее, здесь отличились команды катера № 96 (старшина Глызин) и кавасаки № 190 (старшина Пакалов) [32, № 25].

Одновременно шла подготовка к встрече сезонных рабочих. Это считалось одной из важнейших задач, от умелого разрешения которой во многом зависело выполнение плана путины. Первая партия людей ожидалась на днях, но к их прибытию многое еще было не готово. Выяснилось, что комбинат не имеет запаса белья и постельных принадлежностей. На базе № 3 не приступили к ремонту коек и палаток. На базе № 2 следовало переоборудовать склад под общежитие и установить палатки, но ни то, ни другое еще не делалось. Завхозы толком не знали количество имевшегося хозяйственного инвентаря, вроде умывальников. К пошивке матрацев не приступали, не хватало извести для побелки общежитий.

Партийное собрание комбината указало, что «требуется проявление максимума внимания к людям, заботы о каждом человеке в отдельности, помня при этом указания великого Сталина о том, что человек у нас является самым лучшим, самым ценным капиталом. Для дирекции нашего комбината это означает то, чтобы к моменту прибытия новых рабочих нужно подготовить все необходимое для создания им надлежащих жилищных и культурно-бытовых условий, окружить сталинской заботой новое пополнение нашего коллектива» [32, № 25].

Уже 25 июня бригада ставного невода участка № 869 (бригадир Гуров) завершила выполнение плана добычи сельди с рузультатом в 101 %. Остальные бригады сильно отставали: 41 % дала бригада ловцов Стурова на участке № 868, а бригада Коваленко на участке № 859 — всего 0,5 % [32, № 34].

Борясь за выполнение взятых обязательств в социалистическом соревновании имени Третьей Сталинской пятилетки, женская бригада неводного цеха базы № 2 (бригадир — стахановка Евгения Кабунова) регулярно перевыполняла дневные нормы выработки. При пошивке лососевых неводов бригада добилась образцовых показателей. Так, 7 июля, изготавливая крыло, она выполнила норму на 215,8 %. При этом каждая работница за восемь часов заработала по 20 руб. 72 коп.

С окончанием изготовления невода бригада Кабуновой в составе Пелагеи Карбышевой, Гути Кабуновой, Марии Квашевой, Шуры Нишнулкиной и Ольги Маркушевой перешла на обработку рыбы. Девушки обязались и там не снижать темпов работы, добиваясь еще лучших показателей [32, № 40].

И это им вполне удалось. Впереди всех резчиц шла Евгения Кабунова, выполнявшая норму до 147 %. С ней соревновалась Устинья Васильевна Тимощак — до 143 %. Августа Андреевна Кабунова вырабатывала по 120 %.

Образцы высокой производительности труда в путину 1939 г. показывали мойщицы РКЗ № 3. Татьяна Соколова выполнила взятое еще в январе обязательство — мыть 2 000 рыбин в день. 28 июля она за восемь часов обработала 2 070 нерок, выполнив норму на 259 % и заработав за день 26 руб. 29 коп.

Анастасия Ивановна Минькова 26 июля вымыла за это же время 1 310 шт., норму выполнила на 164 %, а на следующий день — уже на 200 %. Мария Панфиловна Голубева справлялась с нормой на 157, Мария Яковлевна Тимкина — на 127 %.

На 171 % выполняли задание подносчики рыбы Надточий и Жигулов, на 247 % — братья Антон и Алексей Изосимовы [32, № 41].

Рунный ход нерки начался 10 июля 1939 г. По оценке находившегося в Озерной государственного инспектора Наркомвнешторга СССР И. Мазуркевича (напомню, основная масса консервированной продукции шла на экспорт, являясь источником валютных поступлений для страны), комбинат к приему лосося был не готов. На консервных заводах и промысловых базах

недоставало 450 рабочих. Из-за отсутствия леса на базе № 2 оказалась не достроена пристань, не установлен конвейер для подачи рыбы в рыбохранилище. Отсутствовал приемщик рыбы. Паросиловое хозяйство на РКЗ № 62 находилось в запущенном состоянии. Вместо трех котлов работал только один. При этом слесарей и кочегаров отправили на разгрузку парохода. Консервных банок на РКЗ № 62 в достаточном количестве не имелось. Все это, по мнению инспектора, «грозило срывом плана выработки консервов».

Обращает на себя внимание новая нумерация предприятий: бывший РКЗ № 3 стал 61-м, а РКЗ № 13 — 62-м. Ее провели с учетом всех действовавших на Камчатке рыбопромышленных заводов: как советских, так и японских. Впрочем, наряду с новой, использовалась и старая нумерация.

Согласно сводке выполнения плана путины, на 1 августа 1939 г. комбинат справился с заданием на 45,7% [32, № 42]. Производительность труда рабочих постепенно росла. За вторую половину июля пять бондарей базы № 3 перевыполнили дневные нормы выработки на поделке бочек. Лучше всех трудился бригадир Петр Михайлович Деревенский, выполнивший полумесячную норму на 221 %. Бондари А. Х. Макаров, П. К. Вельчинский, Н. Я. Крысин и С. М. Денисов справились с заданием от 174 до 112 %.

У мойщиц рыбы базы № 2 новых высоких показателей производительности труда добилась стахановка Александра Ивановна Нишнулкина. 30 июля за семь часов работы она вымыла 3 750 шт. горбуши, выполнив норму на 194,8 %, а днем раньше — 29 июля — выполнила четырехчасовую норму на 231 %. С Нишнулкиной соревновалась мойщица М. И. Григорьева, давшая выработку от 193 до 208 %. Немного отставали от нее И. Б. Молоканова (188,6 %), Т. Я. Дорогова (175 %), П. Д. Карбышева (168 %).

У мойщиц рыбы РКЗ № 3 впереди всех, как и всегда, шла стахановка Татьяна Соколова. Добились перевыполнения норм и многие новые мойщицы, первый год работавшие на путине. Так, 28 июля Б. В. Пуряева промыла за семь часов 1 000 нерок, дав 142,9 %. Отлично трудились мойщицы Д. А. Мишенина, С. К. Церно, А. Т. Подлегалина и А. А. Михайлова.

На резке рыбы по базе № 2 первой по выполнению норм выработки шла Устинья Васильевна Тимощак. Она 30 июля за восемь часов вырезала 5 200 горбуш при норме 3 360 шт. Старались и новые резчицы: Т. Н. Ковалева, Е. Полякова, А. Божайкина [32, № 42].

Заготовленная продукция требовала тарировки. Тару поставляли бондари базы \mathbb{N}_2 2. Они обязались в социалистическом соревновании «имени Третьей Сталинской пятилетки» своевременно обеспечивать засольный цех высококачественной тарой и держали свое слово, выполняя и перевыполняя норму выработки на 130 %.

Здесь лучше всех работал Николай Георгиевич Николаев, выполнивший план с 26 по 30 июля, в среднем, на 194,1%, сделавший 67 высококачествен-

ных бочек. Его заработок за эти четыре дня составил 257 руб. (Для сравнения: в августе 1939 г. в магазине сельхозфермы комбината мужские хромовые ботинки стоили 24 руб. 20 коп., метр материала под названием «креп-жак» — 6 руб. 20 коп. [32, N 44].)

От него не отставали В. И. Аношкин и Г. Ф. Елфутин, правда, по словам бригадира бондарной мастерской базы № 2 Овчинникова, «наряду с высокими количественными показателями у тов. Елфутина, Караваева, Редкобородова и Финяк не всегда бывает хорошее качество, что является большим недостатком в их работе. Этот недостаток должен быть изжит немедленно».

Прилежно трудился мангальщик Каруза. Все бочки, делаемые бондарями, независимо от их количества, проходили через его руки своевременно и только с оценкой «хорошо» и «отлично». Упорно и настойчиво осваивали профессию ученики бондаря Козырев и Никулин. Они уже приступили к самостоятельной поделке бочек и перешли на сдельную оплату [32, № 42].

На помощь рабочим в самые «горячие» дни, точнее, вечера, пришли бригады, организованные из работников административно-технического персонала, служащих, жен-общественниц. На базе № 2 на посоле рыбы эти бригады ежедневно засаливали от 150 до 180 ц рыбы, с 6 по 9 августа обработали 495 ц. Лучше всех работали бригады заведующего почтовым отделением Крупенина (9 августа заготовившая 59 ц, выполнившая норму на 131 %) и бригада заведующего химической лабораторией Кривозуба (8 августа выполнившая норму на 102, а 9 августа — на 115 %).

По словам директора базы № 2 И. Смищука, «нужно повести еще большую массово-разъяснительную работу среди населения в целях привлечения его на выполнение плана путины. Начало конкретной помощи закрепить и в дальнейшем» [32, № 44].

Опасения госинспектора Мазуркевича насчет возможного срыва экспортной консервной программы не оправдались. 1 сентября комбинат отчитался перед АКО радиограммой: «Коллектив Озерновского рыбокомбината встретил четвертую годовщину стахановского движения замечательными подарками. Рыбаки, работающие на морских неводах, досрочно выполнили годовой план добычи рыбы. Добыто более 42 тысяч центнеров. Успешно закончен летний сезон на рыбоконсервном заводе № 13. Выработано более 65 000 ящиков лососевых консервов» [35, № 200].

А 18 сентября о выполнении задания доложил и второй консервный завод: «Коллектив трудящихся Озерновского РКЗ № 61 с честью выполнил обязательство, взятое в соревновании имени Третьей Сталинской пятилетки. План выработки лососевых консервов выполнен на 108,9 %. Выпущено свыше 68 000 ящиков консервов» [35, № 215].

На Камчатке, как и по всей стране, внедрялась новая, самая современная техника. Вблизи комбината в море работали и сдавали улов на берег суда

Морлова — первого камчатского предприятия, занимавшегося активным морским промыслом рыбы. Его флот составляли стальные паровые траулеры и деревянные дизельные сейнеры и дрифтеры, оборудованные по последнему слову тогдашней судовой техники.

Ожидалось новое оборудование, а с ним и новая технология обработки улова и на берегу. К 25 июля 1939 г. должно было завершиться строительство комбинатского холодильника. Его планировали пустить к началу лососевой путины. Но оборудование прибыло с большим опозданием, и в конце июля еще не было доставлено на стройплощадку. Здесь не закончились даже земляные работы и заливка фундаментов, ведшиеся трестом «Камчатстрой». Руководил стройкой инженер П. А. Мартынов. Сам же комбинат тоже плохо готовился к началу эксплуатации нового оборудования. Пятеро рабочих, выделенные в качестве будущих эксплуатационщиков, не прошли и половины необходимого техминимума и не принимали участие в монтаже новой техники, а также не изучали ее [32, № 34]. Холодильник был построен в 1940 г.

24 декабря 1939 г. должны были состояться выборы в местные Советы. Со второй половины ноября трудовые коллективы по всей стране выдвигали кандидатами в депутаты наиболее достойных людей. Такое же собрание избирателей 4-го избирательного округа по выборам в Озерновский поселковый Совет депутатов трудящихся состоялось и в клубе центральной базы комбината 21 ноября 1939 г.

«Первое слово на собрании взял стахановец тов. Могила, который в своем выступлении сказал: "Перед нами, избирателями, стоит великая задача — выдвинуть кандидатом в депутаты поселкового Совета такого товарища, который бы твердо стоял за ленинско-сталинскую политику, за интересы всего народа. Таким депутатом будет тов. Иван Кузьмич Коваленко".

"Кто не знает Ивана Кузьмича в комбинате? — говорил на собрании агитатор 4-го избирательного округа тов. Перухин. — Он по происхождению из крестьян-бедняков, с двенадцати лет остался без отца и матери, воспитывался у дяди до 1929 г. С 1929 по 1931 г. работал ловцом. С 1931 по 1934 г. служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1938 г. прибыл в наш рыбокомбинат. Работал бригадиром грузчиков, давал высокие показатели производительности труда, о которых знает весь коллектив комбината. Сейчас работает бригадиром засольного цеха, где также оправдывает свое звание. За стахановскую работу в комбинате он премирован пять раз".

Иван Кузьмич показал себя не только хорошим производственником, но и активным общественником. Он член завкома, активный, растущий товарищ, достоин быть депутатом поселкового Совета, где оправдает доверие избирателей.

Избиратели единогласно выдвинули своим кандидатом в депутаты Озерновского поселкового Совета тов. Коваленко Ивана Кузьмича» [32, № 71].

План по заготовке рыбы-сырца в путину 1939 г. был выполнен на 108,3 %. При этом гословом добыли всего 43 % красной. Не выполнили и задание план по вылову трески (51,3 %). Как сообщает отчет о работе предприятия, «вместо планируемых пяти кавасаки на добычу трески было занято 0,8 кавасаки». Остальные использовались на постановку неводов ввиду отсутствия у комбината достаточного количества плавсредств [33, л. 22]. Видимо, с учетом этого 31 декабря 1939 г. сняли с должности с формулировкой «как не обеспечившего руководство комбинатом» директора Л. Д. Рубца. Практика объявления несостоятельных руководителей «врагами народа» и «вредителями» уходила в прошлое: Рубца перевели директором Авачинского комбината, меньшего, но расположенного близ Петропавловска [19, с. 16].

В 1940 г. Озерновский рыбокомбинат возглавил директор Иван Евдокимович Ассоров. В качестве главного инженера предприятия трудился его недавний директор Н. А. Огреба, выпущенный из-под следствия.

Зимней технической учебой в январе и феврале 1940 г. занимались 320 рабочих, из них 100 женщин. Работали два кружка обработчиков, один слесарный. Учащиеся на собрании постановили: заниматься 25 дней в месяц вместо 15 запланированных. Учебой руководили техник И. Смищук, занимавшийся с ловцами, и инженер-механик холодильника Сахаров, обучавший машинистов. Русский язык преподавала учительница поселковой школы Ковалевская. Тормозом занятий называлось отсутствие «света и хорошего помещения» [36, № 27].

В январе 1940 г. ожидалось прибытие парохода «Ительмен» с продовольствием и техническим снабжением. Команда кавасаки № 49 в составе старшины Климешова, матроса Вилисова, моториста Кушпилева и помощника моториста Строева обязалась обеспечить досрочную, бесперебойную и безаварийную разгрузку судна. Почин поддержали береговые грузчики бригады № 1. Они обещали разгружать один кунгас не долее, как за полчаса, бережно относиться к грузам [37, № 8].

Учитывая важность своевременной обработки парохода, дирекция назначила премиальный фонд из 4 000 руб. и установила 11 бригадных и индивидуальных премий. Две премии в 1 000 и 700 руб. предназначались для лучших бригад береговых грузчиков, две в 300 и 200 руб. — для трюмных бригад. Четыре премии ожидали лучших кунгасников, по одной — лучшего приемщика кунгасов, команду кавасаки и учетчика груза. «Завоевать право на получение премии — дело чести каждого участника разгрузки парохода. Получить премию — это значит работать по-стахановски, разгрузить пароход досрочно» [37, № 9].

Трудовые будни перемежались с отдыхом. Одним из его видов был комбинатский шахматный турнир. К 23 января его участники сыграли десять

туров. Победителями стали Каразин, Баждай Мельников, Шевцов, Спичак, Карбышев. Очередной тур состоялся 30 января 1940 г. [37, № 8].

В 1940 г. Камчатское отделение ВНИРО, озабоченное уменьшением численности нерки, решило организовать на р. Озерной рыбоводно-биологическую станцию «в целях выявления необходимых мероприятий по повышению урожайности красной рыбы». За помощью ученые обратились к руководству АКО. 26 января 1941 г. оно приказало руководству комбината передать сруб двухквартирного дома и «оказать станции ВНИРО всемерное содействие». Из правительственного фонда освоения Камчатки ученым выделялись 86 тыс. руб., в том числе 30 тыс. на постройку учетной плотины и 20 тыс. на приобретение транспорта [38, л. 65].

В 1940 г. РКЗ № 3 получил почетное право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Это была заслуженная награда предприятию, из года в год расширявшему производство и перевыполнявшему планы. В 1937 г. он выполнил задание на 103,6, в 1938 г. — на 110,3, в 1939 г. — на 111,3 %. Выпуск продукции в 1939 г. вырос по сравнению с 1937 г. на 43 % [37, № 49].

23 апреля 1940 г. управление АКО утвердило комбинату план выпуска готовой продукции на 1940 г. Он предусматривал заготовку 62 500 ц лососей (31 500 гословом и 31 000 скупом). Помимо лосося намечался вылов 22 000 ц сельди, наваги, частика и трески. Всего на долю гослова должно было прийтись 46 000, на скуп — 37 500 ц. Еще 3 000 ц следовало принять от траулеров Морлова. Ожидался выпуск 70 000 ящ. консервов, в том числе впервые 3 000 ящ. ранее не производившихся на Камчатке закусочных консервов в томатном соусе, и 42 923 ц прочей продукции [39, л. 56, 119, 120].

Увеличение плана на четверть по сравнению с предыдущим сезоном при одновременном уменьшении завоза рабочей силы с материка осложнило положение комбината. Ничего не оставалось сделать, как обратиться за помощью к домохозяйкам, коих насчитывалось 375 чел., а вместе с «третьими членами семей», то есть детьми-подростками — до 500 чел. Это была большая сила.

19 апреля прошло собрание по обсуждению обращения жен-общественниц Жупановского рыбокомбината об активном участии в путине, результатом которого стало довольно активное заключение договоров. Только за половину дня 21 апреля на центральной базе было оформлено более двадцати таких договоров.

Домохозяйки рабочего поселка были «готовы вместе с мужьями, сыновьями и дочерьми бороться за выполнение плана путины 1940 г.». Одной из первых откликнулась на призыв комбината Федосья Моисеевна Пономаренко, обязавшаяся выйти на работу 15 мая.

Комбинат обязался расширить ясли и детскую площадку «до размеров полного обслуживания всех детей». Домохозяйкам оплачивалась четверть

стоимости содержания детей в яслях, им в первую очередь отпускался семенной картофель за наличные и производилась вспашка огорода за счет предприятия. При выполнении взятых обязательств комбинат отпускал им за наличный расчет 150 кг картофеля, 75 кг капусты, при перевыполнении норм это количество увеличивалось. Домохозяйкам, выполнившим обязательства по трудовому соглашению, комбинат обещал в первую очередь предоставить квартиры во вновь выстроенных домах, в первую очередь продавать свиней и коров, обеспечивать дровами на зиму. А самых лучших ждали 23 премии на сумму 5 тыс. руб. «Бороться за получение первой премии в 500 рублей — дело чести каждой домохозяйки!»

Домохозяйка Тимаева пообещала: «Работать буду, как требует производство, наравне с передовыми кадровыми рабочими. Добьюсь получения первой премии. Все домохозяйки должны выйти на работу и бороться за выполнение плана комбината».

Домохозяйка Коваленко обязалась вымыть 22 000 рыбин на РКЗ № 3 и перевыполнить нормы выработки, мыть на «хорошо» и «отлично». Она вызвала на соревнование свою подругу домохозяйку Пузову. А домохозяйка Васильева, вызвавшая на соревнование Мальцеву, Кузнецову и Кривцову, обещала пересортировать 3 000 ящ. консервов вместо 2 812 по договору [37, № 30].

С 1 июня 1940 г. начались регулярные дежурства ловцов на трех селедочных неводах, на каждом из которых стояли по две ловушки. Вечером 13 июня к участку № 868 подошел первый косяк сельди. За ночь бригада Стурова доставила на базу № 2 первые 250 ц. В пять часов вечера 14 июня масса сельди приблизилась к участку № 872, немного позже — к участку № 873. Всю ночь на неводах кипела работа. Ловцы базы № 3 к полудню 15 июня выловили 1 200 ц первосортной рыбы.

Комсомольско-молодежная бригада Еременко добыла за ночь 16 кунгасов сельди. Такого обильного улова в комбинате не было в течение последних пяти лет. За первые три дня хода сельди взяли $3\,000\,$ ц $[37, N\!\!_{\odot}\,34].$

Первые 146 ящ. консервной продукции новой путины были произведены 16 июля 1940 г. [37, № 49]. К 10 августа комбинат выполнил план по добыче рыбы на 35,6, а по выработке консервов — на 25,4 %.

11 августа команда комсомольского катера № 96 обратилась во всем водникам комбината с призывом работать без аварий и происшествий, сэкономить 20 % горючего, всю путину работать без стоянок для ремонтов мотора и содержать катера в образцовой чистоте [37, № 54].

В 1940 г. на сельхозферме появился трактор XT3, намного облегчивший расширение посевной площади за счет поднятия целины. К 13 июня ферма засеяла овощами 41,8 га. Больше всего (38,8 га) посадили картофеля [37, № 43].

26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю

и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Теперь уход с предприятия или переход на другое место работы разрешался только директором или начальником в оговоренных случаях. Самовольно ушедшие предавались суду, по приговору которого они подвергались тюремному заключению сроком от двух до четырех месяцев. За прогул по неуважительной причины теперь по приговору народного суда полагались исправительно-трудовые работы по месту работы на срок до шести месяцев с удержанием в пользу государства до четверти заработка. Обязательное увольнение за прогул без уважительной причины отменялось.

В этот же день Совнарком СССР постановил сохранить без изменения существующие дневные тарифные ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих, повысить нормы выработки и снизить сдельные расценки пропорционально увеличению продолжительности рабочего дня. Такими внеэкономическими мерами правительство пыталось закрепить тружеников за конкретными предприятиями, чтобы обеспечить рост квалификации людей и повышение эффективности производства.

29 июня на всех базах и ферме состоялись многолюдные митинги. «Трудящиеся нашего комбината с великой радостью встретили новый закон». Рабочие и работницы, инженеры, техники и служащие в своих выступлениях «горячо приветствовали мероприятия партии и правительства по еще большему укреплению оборонной и хозяйственной мощи СССР».

На митинге трудящихся центральной базы выступил инженер Кривозуб, обративший внимание собравшихся «на необходимость принесения любых жертв во имя родины».

«Девять лет я работаю в комбинате, — говорил в своем выступлении на базе № 3 мастер-жиротоп т. Глоба. — За это время я хорошо овладел техникой, добился профессии мастера. Мне просто было обидно за государство, когда из года в год сотни рабочих прибывают в комбинат, затем снова уезжают, нанося тем самым огромные убытки государству. Новый закон положит этому конец» [37, № 46].

В 1940 г. удалось выпустить 40 041 ящ. консервов или 57,2 % плана. Такое же процент выполнения (57 %) пришелся и на заготовку рыбы-сырца. Вместо требовавшихся 84 500 добыли всего 48 937 ц [40, л. 1, 24]. Несколько улучшился ассортимент продукции за счет 9 542 ц малосольной сельди, выработка которой не предусматривалась. Ее сдали на рефрижератор «Рион», принадлежавший владивостокскому «Востокрыбхолоду».

Консервы шли высшим и первым сортами в пропорции 35 на 65 %. Лососевая икра производилась аж четырех сортов: высшего, первого, второго и третьего [40, л. 9]. План вылова не выполнили в основном из-за сокращения количества лососевых неводов: вместо обычных семи были выставлены только три. Произошло это из-за отсутствия в комбинате сетеснастных материалов, в особенности каната для изготовления оттяжек. Помешала и штормовая погода в период рунного хода, повредившая действующие орудия лова. Девятибалльный шторм, бушевавший с 9 по 12 августа 1940 г., разрушил невода на участках № 872 и 873. Менее поврежденный невод на участке № 873 удалось восстановить за один день, а на участке № 872 повреждения оказались более сильными, поэтому восстанавливать его не стали, а в конце августа приступил к снятию.

Была и еще одна, особая, причина остановки промысла: активность находившихся вблизи советских территориальных вод японских эсминцев, «охранявших промыслы». Они появились у берегов Камчатки в 1920-х гг., а ушли отсюда только с началом Великой Отечественной войны. «Японцы старались задерживать ловецкие команды. В результате этого лов на участке № 868 был приостановлен на пять дней, а на участках 872 и 873 на семь дней, что, бесспорно, явилось изрядным фактором недолова рыбы» [40, л. 22—23 об.].

Среднесписочное число персонала в путину 1940 г. составляло 922 вместо $1\ 106$ чел. по плану $[40, \pi.\ 1]$.

Работа комбината в 1940 г. получила такую оценку руководства АКО: «хозяйственная деятельность — неудовлетворительная, деятельность по капстроительству — неудовлетворительная, финансовая деятельность — удовлетворительная» [40, л. 2].

Озерновский рыбокомбинат АКО играл особую роль. С точки зрения сырьевой базы это предприятие являлось основным по добыче и обработке нерки — наиболее ценного вида дальневосточных лососей не только в СССР, но и соседней Японии, работавшей на концессионных началах в советских водах. К тому же в границах Озерновского промыслового района, рядом, действовали и конкурировали две «принципиально, от начала до конца, различные силы» — социалистическая советская и капиталистическая рыбная промышленность Японии. Так что приходилось учитывать и тот факт, что комбинат являлся своеобразным «лицом» социализма, обращенным к иностранцам.

Комбинат административно относился к Усть-Большерецкому району Камчатской области Дальневосточного края. Его центром являлась база № 2, отстоявшая от районного центра Усть-Большерецка (бывшего селения Хайково) примерно на 150 км. До Петропавловска, где находилось управление АКО, морским путем считалась 231 миля.

Развитие экономики и необходимость рационального использования богатств Озерновского района требовали создания на месте рабочих кадров для комбината и достаточного количества постоянного местного населения, не менее 15—20 тыс. чел. Особую роль в этом должно было сыграть индивидуальное жилищное строительство и частная инициатива населения, подчиненные общему плановому регулированию.

ИСТОЧНИКИ

- 1. Слюнин Н. В. Водные богатства Приморской области // Вестник рыбоводства. СПб., 1895. 33 с.
- 2. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т. 1. СПб., 1900. 685 с.
- 3. *Латернер М. С.* Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на «Шилке». Б/м, б/г. С. 71.
 - 4. РГА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 481.
- 5. Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского. Отдел зоологический. Вып. 1. М., 1916.
 - б. *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912.
 - 7. РГА ДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 62.
 - 8. ГАКК, ф. 210, оп. 1, д. 2.
 - 9. Там же. д. 3.
 - 10. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. Комплект за 1920 г.
 - 11. ГАКК, ф. 119, оп. 1, д. 1.
 - 12. Там же, ф. 541, оп. 1, д. 12.
 - 13. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 16.
- 14. Материал по обследованию Охотско-Камчатского побережья в 1925 г. (Труд и быт). Хабаровск, 1925. 143 с.
 - 15. ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 22.
 - 16. ГАКК, ф. 132, оп. 1, д. 1.
 - 17. АВПР, ф. 0147, оп. 9, п. 50, д. 18.
 - 18. ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 1.
- 19. Смышляев А. А. Озерновский рыбоконсервный завод № 55. 80 лет истории (1928—2008). Петропавловск-Камчатский, 2008. 134 с.
 - 20. ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 626.
 - 21. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 1.
 - 22. Там же, д. 2.
 - 23. Там же, ф. 106, оп. 1, д. 25.
 - 24. Там же. ф. 376. оп. 1. д. 4.
 - 25. Там же, д. 5.
 - 26. Там же, д. 7.
 - Камчатская правда. 1935. 10 июня.
 - 28. ГАКК, ф. 541, оп. 1, д. 13.
 - 29. Камчатская правда. Комплект за 1937 г.
- 30. *Ильина В. А.* Репрессии в системе Акционерного Камчатского общества в 1937 г. // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Вып. 10. Петропавловск-Камчатский, 2007. С. 212—229.
 - 31. Камчатская правда. Комплект за 1938 г.

- 32. За большевистскую путину. Орган политотдела Озерновского рыбкомбината. Комплект за 1939 г.
 - 33. ГАКК, ф. 376, оп. 1, д. 18.
 - 34. Там же. д. 19.
 - 35. Камчатская правда. Комплект за 1939 г.
 - 36. Там же. Комплект за 1940 г.
- 37. За большевистскую путину. Орган политотдела Озерновского рыбкомбината. Комплект за 1940 г.
 - 38. ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 103.
 - 39. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 23.
 - 40. Там же, д. 22.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Генерал-гидрограф М. С. Латернер о первой русской колонии на реке Озерной, 25 мая 1908 г.

...Около двенадцати часов дня во время завтрака с вахты доложили, что по носу виден берег. Мы вышли наверх и стали всматриваться: берег — несомненно; но тот ли пункт, к которому мы шли? Туман лежит на горах, а предгорье и берег покрыты снегом. Разобраться в местных предметах чрезвычайно трудно. Когда, наконец, нашли на косе наш национальный флаг, то оказалось, что попали в точку и притом часов на пять ранее исчисленного времени. В час дня бросили якорь на шестисаженной глубине.

Вскоре с берега подошел кунгас с несколькими русскими переселенцами. Им приказали подать все их плавучие средства, а с «Шилки» тотчас спустили шлюпки, и началась выгрузка товара, высланного сюда из Владивостока. По сведениям командира «Шилки», груз этот приобретен Вильчинским (секретарь Владивостокской городской управы) на деньги И. А. Потужнаго, но предназначен для голодающих.

Я съехал на берег с доктором в первой же шлюпке. Нас встретили все жители с женами и детьми. Доктор тотчас пошел осматривать больных; лейтенант Суровцев пошел на охоту, а я остался на берегу разговаривать с жителями, а затем обошел их дома.

С. Озерное расположено на песчаной косе при устье одноименной речки, берущей начало из озера Курильского. Селение состоит из двух небольших домиков, выстроенных японцами в счет платы за рыбу, которая будет доставлена им жителями, и землянки, выстроенной самими колонистами...

Заготовленного летом провианта не могло хватить на зиму, и «Шилка» на возвратном пути во Владивосток снабдила колонистов некоторым количеством муки и соли. Осень кое-как прожили, а зимой началась голодовка. Некоторым подспорьем служило мясо медведей, но и их было мало...

Сегодняшний неожиданный приход «Шилки» и привоз разнообразного груза до граммофона включительно, поверг всех в особенно радостное настроение. Колонисты разными способами выражали нам свою благодарность, причем каждый семейный хотел, чтобы я и доктор к нему зашли. Хлоптунов угостил нас отличным чаем с сахаром, медом и английскими печеньями, а электротехник снял большим

аппаратом группу матросов, разгружавших шлюпки. Все колонисты и рабочие с истинным рвением помогают выгружать шлюпки и кунгасы и лишь недоумевают, кто будет делить между ними этот груз, так как он адресован Потужному, предназначен же им? Потужного здесь нет, а они, безусловно, нуждаются в той части груза, которая составляет провиант; ждать же возвращения Потужного они не могут, так как при всей экономии полученной с «Романа» муки хватить всего на несколько дней.

Одни обращались ко мне с просьбой разрешить им взять муку и соль, другие просили разделить между ними эти предметы. Я отклонил все ходатайства, так как на удовлетворение их не имел никаких полномочий. Очевидно, они не удовольствуются созерцанием бунта товара и сегодня же разнесут его, при чем дело, конечно, не обойдется без драки. Благодаря всем этим неурядицам, вызванным, по-видимому, недобросовестным отношением к делу обеих сторон, многие колонисты собираются переселяться в другие места, а некоторые хотят возвращаться во Владивосток.

Все хозяйственные животные поселка заключаются в одном петухе и восьми ездовых собаках. Одна семья везла сюда в прошлом году 11 кур, но все они подохли в пути от морской воды. Увидав этого петуха, с яростью бросающегося на людей, мы пожалели, что вчера зарезали 28 кур, оставшихся у нас после шторма.

По словам Хлоптунова, в окрестностях возможно хлебопашество. Ячмень они могут достать в Большерецке, необходим лишь плуг. Для зимней охоты на крупного зверя необходимо выданные им уездным начальником берданки 2-го образца заменить винчестерами 45-го калибра, так как последние более скорострельны и причиняют животному, безусловно, смертельные раны. Зимой лед бывает только версты на четыре от берега. Морским прибоем его разбивает, а береговой ветер относит в море. Морозы здесь не бывают более 20°. Очень неприятны только пурги, когда по нескольку дней нельзя выйти из дома.

У Хлоптунова я видел две шкуры красной лисицы. По его словам, нынешнюю зиму красная лисица стоила 10 руб., а хороший соболь 100 руб. Перевозка зимой на собаках пуда груза от Петропавловска до Озерной стоит 5 руб. По словам жителей, пролет птиц уже начался давно. Стайки куликов и уток и несколько кроншнепов я видел сам, а Суровцев за час охоты убил кряковую утку, несколько куликов и белую куропатку.

По возвращении на «Шилку», мы послали мужчинам — книги и газеты, больным (цинга, раны и накожные болезни) — некоторые лекарства, а детям — консервированного молока, бисквиты и карамель.

Латериер М. С. Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на «Шилке». — Б/м, б/г. — С. 6—11.

Озерновская колония глазами А. Н. Державина, участника зоологического отдела экспедиции Ф. П. Рябушинского, сентябрь 1909 г.

...Еще через два часа хода «Владивосток» бросил якорь против мигающего огонька на устье р. Озерной. На следующее утро, простившись с весьма обязательным командиром «Владивостока» П. Г. Миловзоровым, мы при полном штиле переехали со всем грузом на «кошку».

Устье р. Курильской (Озерной) место историческое. Во время последней войны сюда подошла флотилия японских шхун и высадила десант добровольцев под коман-

дой Гундзи, неудачно пытавшихся овладеть Камчаткой. Позднее здесь была основана авантюристом Потужным «первая русская интеллигентная колония на Камчатке» со столь печальной известностью на Лальнем Востоке.

Еще с парохода было видно несколько крыш, выглядывавших из-за высокой «кошки». Это — общественные здания колонии, теперь почти пустые. Три довольно больших одноэтажных дома из тонкого американского леса, почти до крыши обложенных для тепла дерном, пришли в упадок...

Главной основой существования колонии был рыбный промысел в р. Озерной, куда в изобилии шла кета, горбуша, кижуч; орудия лова и организация промысла были общественные. Значительная часть рыбы продавалась, а барыши делились. Дело могло бы идти, но ввиду того, что оборудование промысла требовало капитала, а большинство колонистов сюда приходили без рубля, создавались условия, превращавшие кооперативное предприятие в капиталистическое, и колонисты попадали в экономическую зависимость от немногих более богатых членов колонии. Кроме рыболовства здесь можно было бы заниматься скотоводством. По берегу моря скот ходит на подножном корму до глубокой зимы.

Перспективы охоты за пушным зверем также играли немалую роль в привлечении сюда колонистов, и хотя соболь оказался для них недоступным, и первые охотничьи экскурсии оканчивались катастрофами, но, несомненно, медведь мог бы служить некоторым подспорьем в хозяйстве.

Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского. Отдел зоологический. Вып. 1. — М., 1916.

Воспоминания одного из первых работников Акционерного Камчатского общества 3. К. Захарова

Я, Захаров Захарий Карпович, работал в АКО в те времена, когда председателем правления АКО (членом правления. — Ped.) был бывший политкаторжанин Вячеслав Леонтьевич Бурыгин. С Бурыгиным я познакомился в 1927 г. на жестянобаночной фабрике АКО, которая в то время размещалась на Чуркине (мыс во Владивостоке. — Ped.) в складах бывшей московской артели. Я пришел на фабрику в должности слесаря. На фабрике в то время был главным механиком Нестор Евсеевич Яцков. Помню и других сменных механиков: Верилов, Журавлев. Лозовой. На фабрике также работали американские механики и инженеры, четыре человека — мистер Киорк — главный инженер, мистер Волос, мистер Борджомсон и мистер Бу.

В один из дней того времени меня вызвали в контору фабрики. Там я увидел солидного мужчину, блондина с проседью, с грубым громким басом. Я его приблизительно до этого несколько раз видел в главной конторе АКО. Говорили, что это Бурыгин. Звали его в конторе «дядя».

В конторе фабрики находились Бурыгин, главный механик фабрики Яцков, директор, по-моему, Волков и переводчик из главной конторы АКО Сережников. Первым ко мне обратился Вячеслав Леонтьевич Бурыгин. Он сказал: «Видим, ты парень смышленый, так мы тебя приставим к этим варягам-американцам. Смотри, учись, будешь человеком». Я, конечно, был сильно смущен. Но ответил: «Постараюсь оправдать Ваше доверие». Так я стал учеником мистера Бу на всем конвейере фабрики: от раскупорки ящиков жести в штамповочном цехе, потом в раскроечном, где шла резка листов жести на корпуса банок и на крышку.

Банка раньше выпускалась: фунт высокий, фунт низкий (плоский. — *Ped.*) и полуфунт, поэтому жестяные заготовки корпусов были разных размеров. Потом шла штамповка крышек. Крышки также по размерам были разные. Потом заливали резину в пазы крышек, и тут же крышки сушились и собирались в ящики. Разрезанная жесть на корпуса банок отправлялась в паяльный цех, где на паяльной машине отбуртовывались и загибались кромки будущего продольного шва и пропаивались оловом на горячую. Далее корпус банки поступал на отлапку, где отгибались концы цилиндра, затем прикатывалось днище, и банка шла на воздушный контроль запаянного шва и закатанной крышки. После этого банки с дном, но без крышки, укладывались в ящики, на них накладывали крышки из досок и подводили к гвоздезабивочному станку, где и забивались гвозди в крышку ящика. Далее ящик шел на трафаретный станок, где на нем указывалась, какая продукция, количество банок, каких — фунт, полуфунт, номер завода и какая рыба. На этом конвейер фабрики заканчивал свою работу по изготовлению банок.

Как видите, я мотался по всему конвейеру от начала до конца. Как я говорил, моим учителем был мистер Бу — инженер-конструктор. Он изобрел на Аляске станок для потрошения рыбы. Эту работу раньше выполняли в большинстве японцы и китайцы. Он заменил ручной труд китайцев, назвав свою машину «Айрончинк», что означало «Железный китаец». Обслуживали его три человека, обрабатывая 3 600 рыбин в час. Станок отрезал голову и хвост, разрезал брюхо, очищал все внутренности и выбрасывал чистую тушку рыбы, готовую для консервирования.

Мистер Бу относился ко мне доброжелательно. Когда на фабричном конвейере возникали случаи брака, он вводил меня в курс дела, рассказывая причины возникновения брака, объяснял технические нормы износа деталей и их допустимые пределы. Мне помогало то, что я учился на курсах английского языка и в то время знал тысячу слов. Через месяц на фабрику приехал В. Л. Бурыгин. Опять в контору был вызван Н. Е. Яцков, также здесь находился мистер Бу, переводчик Сережников, мистер Киорк. Бурыгин, указав на мня пальцем, спросил, обращаясь к мистеру Бу: «Ну, как этот малец на фабрике? Разбирается в станках и знает ли что-нибудь?» Мистер Бу ответил: «Когда этот мальчик Захаров на фабрике, я могу спать спокойно». После этого по фабрике был издан приказ, меня зачислили сменным механиком.

В том же году мы поехали в Озерную на строящийся рыбоконсервный завод № 3. Вместе с нами выехал и В. Л. Бурыгин. Директором завода № 3 назначили Алексея Леонтьевича Лузина, его заместителем — Аркадия Сергеевича Граматчикова. Завод в Озерной смонтировали в присутствии всех четверых американских специалистов и 35 наших мастеровых. Были установлены паровые котлы, паровая машина для динамо — освещения всего завода и территории, а также электромотор, который приводил в движение все станки и агрегаты завода. Завод собрали и пустили на неделю ранее намеченного срока, за что В. Л. Бурыгин в виде поощрения выставил два ведра спирта, а дирекция завода дала мастеровым и строителям два выходных дня.

В течение всего сезона В. Л. Бурыгин находился на заводе. Он появлялся в разных местах: то на складе, то в цехе обработки около «железных китайцев», то на мойке банок, то на лакировке, то в кузнице. В общем, Бурыгин успевал везде.

Через год меня откомандировали в Усть-Камчатск. Там строился завод в два раза мощнее, чем в Озерной. В Озерной завод имел четыре обрабатывающих линии,

а в Усть-Камчатске — восемь. В Усть-Камчатске стояли четыре «железных китайца». Директором завода был Волков, а из иностранных специалистов — один мистер Саген с супругой. Я в те времена во Владивостоке входил в постоянный штат работников АКО по списку № 1, то есть по возвращении с путины, если не было работы, зарплату получал круглый год.

Однажды я вернулся с Камчатки во Владивосток. Директор Озерновского завода А. Л. Лузин вызвал меня к себе и сказал, что руководство АКО, в том числе и В. Л. Бурыгин, решили тебя и Шерстобоева (технический директор АКО. — Ред.) послать в США. Меня — для учебы по технологическому оборудованию, Шерстобоева — по консервированию. Если я не возражаю, то решено, он — Лузин — и его заместитель Граматчиков дают мне рекомендации для вступления в ВКП(б). Но в эту зиму В. Л. Бурыгин был репрессирован.

Ходили такие слухи, что он в США в Бостоне покупал старые краболовы «Гиляк», «Коряк», «Всеволод Сибирцев», «Микоян», «Первый краболов» и другие и водолей «Камчатку». У американцев есть такой закон: при продаже покупателю отчисляли определенный процент с суммы покупки. Через год фирма уведомила Бурыгина о том, что на его счету в Бостонском банке имеются 240 тысяч долларов золотом, и фирма просит дать указания, как поступить со вкладом на его имя. В то время доллар котировался в нашем Госбанке по 5 руб. 20 коп.

В. Л. Бурыгин дал указание фирме перевести деньги на его имя во Владивостокский Госбанк, что та и сделала. Назавтра утром Бурыгину звонит начальник краевого управления ГПУ и говорит: «Ну, как с переводом, Вячеслав Леонтьевич?» Бурыгин отвечает, что он дал команду перевести деньги во Владивосток. Начальник ГПУ говорит: «А я думал...» Бурыгин ему ответил: «Не знаю, что ты думал, а я двадцать лет возил тачку и тоже все время думал...»

Носились неофициальные слухи, что В. Л. Бурыгин был репрессирован, увязан с Промпартией, осужден на десять лет и отправлен в Мурманск для организации Мурманрыбы. Там он заболел и умер. Его жена ходатайствовала через А. И. Микояна, чтобы он поднял вопрос в ЦК, потому что на двух курсах в Технологическом институте Микоян и Бурыгин хорошо знали друг друга. До этого в Москве действовало общество политкаторжан, и В. Л. Бурыгин был его председателем. А потом И. В. Сталин закрыл это общество. Насчет награждения орденом Ленина В. Л. Бурыгина, то, якобы, посмертно он был реабилитирован и награжден орденом Ленина.

Лузин и Граматчиков также были репрессированы, и с концами. Это мне поведала жена Граматчикова. Она была секретарем райкома ВКП(б) во Владивостоке, что против бывшего японского консульства. После всех этих передряг меня призвали в ряды РККА...

20 мая 1981 г., г. Владивосток

Доклад о строительстве Озерновского рыбоконсервного завода члена правления АКО В. Л. Бурыгина, сентябрь 1928 г.

...Завод строился без всяких трений... Та база, на которой Правление остановило внимание в смысле постройки завода, была очень неудачна. Масштаб работы Усть-Камчатского завода меньше. С прибавлением двух морских участков имеется реальная гарантия [выпуска] от 50 до 60 ящ. консервов, не считая крабовых.

Крабовая база также очень хорошая, мы сделали опыт и установили, что будем добывать крабов около 10 тыс. Кроме того, район богат треской, которая считается по литературе лучшей в мире...

По заданию Правления здесь должны работать на три линии, но, как известно, завод был построен раньше. Из остатков на Озерновском заводе мы сумели набрать еще одну линию. И так как был запас времени до хода рыбы и квалифицированные рабочие в количестве 21 чел., которые были прекрасными рабочими с большой работоспособностью, то я, не спросив санкции Правления, использовал те возможности, которые были на заводе... добавил еще два участка, и надо было установить четыре линии. Конечно, если бы подбор квалифицированных рабочих был плохой, то вряд ли мы сумели бы сделать это за 24 дня, так как пароход опоздал на Камчатку и на Озерновское.

Надо отметить, что Озерновский завод по своей конструкции много лучше первого завода, и это вполне понятно, так как строительство было новое, а, построив один завод, мы имели опыт, хотя и очень маленький.

Завод был во всех отношениях удачный — удобное расположение завода, нет сложности, которая была в прошлом году в Усть-Камчатске, полная механизация и, самое главное, что вся эта механизация была упрощена и не стоила таких денег, как на Усть-Камчатске. Не было элеватора, а сделали конвейер, который обошелся в 5 тыс. руб. и будет служить; не было поставлено водокачки и целый ряд намеченных сметой сооружений было не выполнено; завод сконструирован много проше и лешевле.

Озерновский район имел много рыбы, и все было переработано; если бы рыбы было еще больше, наш завод сумел бы принять. Максимальная приемка была 2 700 ящ., но этого мало, надо сделать еще больше.

Важный момент, о котором надо отметить в работе на Озерновском — это население. Мне пришлось много говорить с ним, и могу сказать, что такого населения, как в Озерновском (читай: Запорожье. — Ped.), я не видал никогда. Это помещики в буквальном смысле слова — имеют хорошие постройки, запасы разных товаров, материалов, продуктов. Этот помещик был бы хорош, если он был хорошим работником, но дело в том, что он не любит работу и не хочет работать.

Вообще надо сказать, что по отношению к населению нужно принять серьезные меры, чтобы его оздоровить, так как если это население будет существовать без новых людей, нашему заводу будет туго, крестьяне будут нам диктовать.

Следующий момент — это снабжение, которое поставлено так хорошо, что нельзя и сказать. В Озерновском районе у каждого своя единая цена. Положение таково: наш завод имеет магазин, имеется кооперативное товарищество, промысловый и потребительский кооператив. Магазин получил от нас товар с определенным указанием строгого соблюдения цен. Промысловое товарищество лучше этого — кредитный отдел кредитовал его и давал товар по себестоимости плюс действительные накладные расходы, а промысловое товарищество рассуждало так: рыбу продадим, а товар отнесем по той цене, по которой получим по счетам...

О погрузке пароходов не буду говорить, так как постановка никуда не годиться. Кроме того, в Озерновском никакой связи нет; у нас все время не было, пароходов присылали, но не увезли. Отсюда вывод — если вы хотите заниматься рыбными промыслами в большом масштабе, надо позаботиться о тоннаже. Так работать, как мы работаем, нельзя. Ничиро снялся по всему берегу 10 сентября, а у нас еще едут. Рядом с Озерновскими в 90 милях Большерецкие промысла, но я выехать туда мог только в конце сезона...

Программу по Озерновскому району выполнили на все 100 % в суммовом отношении. Программа Большерецкого района в смысле вылова и заготовления выполнена, но по ассортименту далеко отстала.

Правлению известно, что штормом 11 мая вся база была смыта до основания, а 15 мая приехали рыбаки, и началась строительная горячка. Наших рабочих приехало 180 чел. и столько же японцев, а ни бараков, ни конторы не было. Надо было всех принять, надо было все это сделать, а рыба не ждет, не считается с тем, что смыто, что Транспортный отдел все перепутал.

...Рабочие приехали совершенно неграмотные в смысле приготовления рыбы, и на нашей рыбе учились. Но сначала рыбы было много, а они не работали, а потом, когда научились, рыбы было уже мало...

Последний момент, который надо отметить не только по Озерновскому заводу, но и по другим, это то, что при ставках в 50 руб. хороший рабочий не пойдет, а пойдет отброс. Консервное дело настолько выгодное, настолько денежное, что Правлению в оплате рабочим жаться нельзя. Если Правление не поскупится на большой оклад, то мы сможем завербовать хороших рабочих.

Последнее на что надо обратить внимание — это приобретение тоннажа, потому, что работа не движется при настоящем положении. Надо Правлению с нынешнего года посылать рабочих за границу, в частности, в Америку; иначе мы с консервным делом будем идти в хвосте. Если посмотреть, как работают японцы, то надо заметить, что у них есть свои «американцы» — японцы-молодежь, знающая немного английский язык, работавшие в Америке, и теперь инженеры. Говорить о том, что американцы будут учить наших рабочих, не приходится...

Вопросы докладчику:

- 1. Кто осуществлял технический надзор за постройкой Озерновского завода?
- 1. Инженер Киорк.
- 2. Какие ставки рабочим должны быть на консервном заводе?
- 2. Ставка должна быть не меньше 100 руб.
- 3. Какая был производительность на заводе?
- 3. Максимальная производительность 2 700 ящиков за 12 часов, благодаря тому, что рабочие в этом вопросе очень грамотны, особенно женщины, которые спрашивают, сколько рыбы имеется, а потому подсчитать производительность завода нельзя, все зависит от подхода рабочих.
 - 4. Была ли на заводе перелакировка банок консервов, и какое количество?
- 4. Перелакировка банок была потому, что присланный бензин не годился, и кончали на русском бензине. На будущее время необходимо вписывать бензин исключительно из Америки, но если нам не дадут из-за границы, мы должны получать лак уже готовый...

ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 1, л. 163—167.

Переборка ставного невода, 1936 г.

Морская приемно-сортировочная пристань РКЗ № 13, 1936 г. (из фондов ГАКК)

Поселок Озерновского рыбокомбината, 1936 г. В центре — двухэтажное здание пятиклассной школы

Дети работников комбината на летнем отдыхе в пионерском лагере, 1936 г. (из фондов ГАКК)

Пояснительная записка по смете Озерновского рыбоконсервного завода № 3, составленная техником А. В. Поповым 26 марта 1929 г. во Влаливостоке

Рыбоконсервный завод № 3 по реке Озерной состоит из одного главного корпуса, вмещающего в себя: 1. Консервное отделение 2 444,4 кв. м; 2. Крабовое отделение 304,5 кв. м; 3. Котельное отделение 95,85 кв. м; 4. Слесарная мастерская 47,52 кв. м; 5. Электростанция 84,0 кв. м. Общая площадь — 1 774,8 кв. м.

Здание представляет собой деревянный каркас, обитый листами оцинкованной жести. Бетонный пол с канавами для стока воды. Оборудован по американскому типу, рыбоконсервные машин сгруппированы по американской линейной системе, на четыре линии. Производительность за восемь часов после вычета 25 % на всевозможные задержки 117 000 банок. Машины закуплены у американской фирмы Seattle Factoria Smith, кроме «Железного китайца», который куплен у фирмы Camery Mashine Co...

Три котла [с площадью нагрева] по 910 кв. фута в час дают 4 800 кг пара, обслуживают три машины суммарной мощностью 70 л. с. При нормальной работе требуют около 1 000 кг пара в час. Для четырех паровых ящиков — 1,5 т/ч, для мелких нужд завода — около 50 кг/ч. Паровые и водопроводные системы полным комплектом закуплены у американской фирмы Seattle Hardnare Co, слесарная мастерская оборудована машинами The Nisey-Wolf Mashine Co. Общая потребность мастерской 5 л. с.

Электростанция: два двигателя внутреннего сгорания и две динамомашины, установлен же один двигатель 25 л. с., одна машина 20 кВт. Вторая машина находится в консервном отделении, приводится главной паровой машиной в 10 кВт. Средняя рабочая нагрузка 15 кВт...

Для оборудования завода частично использовано механическое оборудование старого сломанного рыбоконсервного завода бывшего Грушецкого. Взятое оборудование оценено с %% скидкой на амортизацию по настоящим американским ценам и помещено в смету.

ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 25, л. 278—279.

Из отчета техника А. В. Попова о постройке и работе РКЗ № 3 АКО

Обработанная рыба. Консервирование 478 641 шт., 920 208 фунтовых банок (59 %). Японский посол 260 409 шт. (32,09 %), русский посол 72 496 шт. (8,91 %). На питание рабочих пошло 2 934 шт.

Четыре линии: две полуфунтовых, две однофунтовых.

Подобный тип построек является наиболее приемлемым в рыбной промышленности Камчатки, так как переработка рыбы там носит сезонный характер... Поэтому затрачивать капитал на постройку более дорогих каменных зданий не имеет смысла.

Дерева 11 500 куб. футов, 445 листов гладкого и 1 240 листов волнистого железа, вес листа 16 кг. Цемента 22 бочки по 155 кг. Размер листа волнистого 8 футов на 32 дм (дюйма, то есть 25,4 мм. — Ped.), гладкого — 8 футов на 48 дм.

Котлы локомобильного типа, центральный паропровод 6 дм. От него отходят три трубы 3 дм для снабжения фабрики паром. Дизели 325 об/мин. Динамомашины — 125 В.

Водокачка: один котел и насосы Вортингтона. Пристройка для слесарей 3,7 на 3,4 м. Слесарные мастерские: токарный станок, строгательный, сверлильный, точило — по одному.

Консервное отделение: длина 86,6 м, ширина 15 м, конвейерная подача рыбы до ЖК («Железного китайца». — Ped.). ЖК — 1, рыборезка — 2, набивочные машины, первая закатка, паровые ящики, окончательная закатка — по четыре, укладочные столы — два. Автоклавов шесть, объем каждого 9,5 куб. м, по четыре тележки, десять решет в каждой (100 на 100 см), 80 банок в каждом. Всего в автоклаве 3 200 однофунтовых банок. Машины консервного отделения приводятся паровой машиной главной 50 л. с., 90 об/мин. ЖК и рыборезки — 15 л. с., 180 об/мин.

Часовая потребность угля котлом 76,5 кг, двигатель потребляет керосина на полной нагрузке 6,25 кг/ч. Сожгли угля с 11 июля по 15 августа 463,5 т, керосина 18,78 т, масла твердого 143 кг, жидкого 394 кг...

Техника производства консервов на Камчатке целиком взята из Америки. Этому способствовали следующие условия: близость Камчатки к Америке, однородность сырья (тихоокеанский лосось), широкий спрос на иностранном рынке на консервированный американским способом тихоокеанский лосось...

ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 25, л. 281—286.

Больше внимания, заботы, чуткости к живым людям!

Безобразное отношение к рабочим, отправляемым из рыбокомбинатов, бьет по закреплению нужных для Камчатки кадров

...Как же относились к отправке людей работники рыбокомбинатов, и в первую очередь их руководители? Вот факты.

Директор Ичинского комбината Коротков обзывал всех отправляемых на пароходе рабочих «лодырями, ворами, кулаками». За весь путь от Ичи до Петропавловска в течение пятнадцати дней ни он, ни ехавший вместе с ним инструктор политотдела Винокуров ни разу не побывали у своих рабочих, ни разу с ними не разговаривали, не интересовались их нуждами, не принимали мер к облегчению их положения. Сам начальник политотдела Ичинского рыбокомбината Гусев, когда мы ему указывали на плохие темпы погрузки парохода и на то, что на берегу много рабочих, ответил:

— Это верно, что они лодырничают, но им некуда деться...

В Микояновском рыбокомбинате (директор Цепляев) не постарались обеспечить рабочих хлебом, хотя все возможности выпечки хлеба в достаточном количестве имелись. В результате три дня подряд рабочие на пароходе получали в день только по 200 граммов хлеба. Когда мы вторично заходили в этот комбинат, нам удалось из разговоров с рабочими узнать действительную причину этого безобразия: оказалось, что работники рыбокомбината были пьяны и поэтому не смогли позаботиться о рабочих, отправляемых на пароходе.

Директор Озерновского рыбокомбината Граждан мог полностью обеспечить рабочих хлебом на время нахождения их в пути. Он мог дать хлеб в достаточном количестве и для большерецких рабочих. Но вместо того, чтобы на берегу заниматься организацией отправки рабочих, он безвыходно сидел на пароходе и не интересовался совершенно тем, хорошо ли будут обеспечены в пути его рабочие.

Подобных фактов за последние месяцы 1934 г. можно привести много. Все они с полной очевидностью подтверждают бездушие, бюрократическое отношение к люлям.

Несмотря на все это, лучшая часть рабочих все же старается скрасить свое пребывание на пароходе. Усилиями самих рабочих, в частности тт. Михайлова, Ивановой, Корякина, Санина, Винникова, Рубакова и других накануне 1 января на пароходе был устроен вечер.

Благодаря той массовой работе, которую мы проделали на пароходе, настроение рабочих поднялось. Несмотря на все свои злоключения, они не прочь и дальше работать на Камчатке. Они согласны остаться здесь, но только требуют более чуткого отношения к себе. Они доказывают свои слова делом. Так, сейчас они организовались в ударные бригады по бункеровке парохода. Нужно только, чтобы им была предоставлена баня, чтобы к ним пришел врач, чтобы было налажено питание.

Это обстоятельство уже само говорит о том, что нет плохих рабочих, что даже отдельные шулера, картежники и пьяницы могут быть переделаны под влиянием остальной массы рабочих. Имеются только плохие руководители, которые не умеют правильно использовать рабочих и правильно, чутко, полно обслужить все их бытовые и культурные нужды.

Руководство АКО должно извлечь крепкий урок из всей истории с отправкой рабочих из рыбокомбинатов в конце 1934 г.

Этот урок тем более важен, что чуткое, человеческое отношение к людям, работающим на Камчатке, является самым основным условием закрепления до крайности нужных для Камчатки кадров.

Власов, помполит парохода «Сясьстрой»

Камчатская правда, 11 января 1935 г.

Зимовка в Озерной

В начале зимы хуже стал работать комбинат рабочего образования. Руководители комбината уделяли мало внимания бытовым условиям, в которых находились учащиеся. Педагогический состав не получал зарплаты, так как Рыбное управление не перевело денег для этой цели. В результате в комбинате рабочего образования осталось на 15 декабря 47 учащихся из 75-ти. Принятые политотделом меры по улучшению культурно-бытовых условий и разъяснительная работа выправили положение: сейчас обучается уже 60 человек.

За последнее время в комбинате премировано за хорошую работу 35 человек. Всего у нас ударников 334 из общего числа 754 зимовщиков.

На основе указаний первого совещания политотделов комсомольцем Леоновым (заведующим производством РКЗ № 13) разработана система зарплаты административно-технического персонала и рабочих своего завода. Эта система направлена на ликвидацию средней зарплаты, она подчиняет зарплату количеству и качеству выпущенных консервов. Сейчас приступаем к проработке проекта тов. Леонова среди рабочих завода.

Камчатская правда, 16 февраля 1935 г.

Зимние работы в Озерной

С большим подъемом провели рабочие рыбокомбината разгрузку парохода «Камо». За 29 часов было выгружено 260 тонн грузов, несмотря на тяжелые условия, несмотря на то, что приходилось работать в негодной обуви. 27 человек за ударную выгрузку премированы. Массовая работа, которую развернул политотдел, обеспечила успех, как выгрузки «Камо», так и разных других работ в комбинате.

С большой активностью рабочие комбината обсуждали генеральное соглашение и новый коллективный договор. Обсуждение колдоговора в цехах организовали выделенные для этой работы и специально проинструктированные 10 человек. В этом обсуждении участвовали до 700 человек. Собрано 82 предложения от рабочих.

Сейчас в комбинате имеется восемь соревнующихся бригад. Всего в комбинате участвуют в социалистическом соревновании 413 человека. На базе № 2 состоялось девять цеховых производственных собраний. Проведена проверка общего хода работ на базе. Все это говорит о том, что производственная активность рабочих комбината растет.

Техническая учеба не начиналась до 15 февраля — не было ни преподавателей, ни литературы. Рыбное управление АКО не позаботилось обеспечить комбинат ни тем, ни другим. Политической учебой охвачено 223 человека, к этой учебе привлечены 24 женщины. Развернута и профучеба. 50 человек занимается на пункте ликвидации неграмотности. Эта работа развернута еще недостаточно — 32 неграмотных остались пока вне занятий.

Для оживления массовой работы в общежитиях мы приносим с собой к рабочим патефон. Это очень оживляет беседы.

Плохо в комбинате с газетами — только 1 февраля мы получили «Камчатскую правду» за 10 декабря, где были решения 3-го пленума обкома ВКП(б), но и этот номер попал к нам совершенно случайно. Связь по-прежнему работает скверно.

Ко всем общежитиям рабочих мы прикрепили наших коммунистов, что позволяет лучше и быстрее узнавать обо всех их нуждах и запросах.

Еще перед годовщиной Октябрьской революции мы организовали широкую массовую работу под лозунгом вступления в 18-й год Октября. Кунгасники, строители и другие рабочие в связи с этим взяли на себя ряд обязательств. В результате на Опале по настоянию политотдела выстроено здание лебедки с баней; на самой Опалинской базе проведено паровое отопление, дающее экономию дров до восьми кубометров ежедневно. На Озерной закончена постройка дома в семь комнат и заканчивается другой такой же дом. Кунгасники построили речной кавасаки, машину на котором установили рабочие моторного цеха. Этот кавасаки выстроен для доставки колхозных уловов к заводу, но он может участвовать и на разгрузке пароходов.

Строители реконструировали помещение электростанции и механической мастерской и отремонтировали инструментальную мастерскую. Сейчас заканчивается отделка барака на 60 чел. Одна половина этого барака будет использована для посадки сетей.

Сами рабочие по инициативе политотдела деятельно взялись за постройку домиков для себя. Администрация комбината дала лес из отходов, кое-какой лес был выловлен из моря. Выстроено восемь домиков, из которых два особенно выделяются хорошей внешностью и теплотой внутри.

Ретинский, начальник политотдела Озерновского рыбокомбината Камчатская правда, 3 марта 1935 г.

Кулацкие тенденции в колхозе «Красный труженик»

Озерная (наш корр.). Десять рыбаков Запорожского колхоза «Красный труженик» ловят гольца и ежедневно приезжают с ним в комбинат, но не сдают госпромышленности, а распродают, деньги же распределяют между собой. Уже поймано около 30 центнеров гольца, но государству сдано только три.

Райисполком запретил впредь до выполнения плана использовать уловы на собственные нужды колхоза и продавать на сторону. Однако эта директива игнорируется правлением колхоза.

В колхозе — кулацкая уравниловка. Деньги распределены не по трудодням, а по душам. Лодырь Терентий Мельников, не имеющий трудодней вовсе, получал от колхоза овощи, сено, рыбу.

Антиколхозные, антигосударственные тенденции глубоко внедрились в колхозе. Отпора им не дается. Массово-воспитательной работы нет. Государственные планы игнорируются.

От редакции. Факты, сообщаемые в приводимой корреспонденции, говорят о том, что в руководстве колхозом «Красный труженик» в сильнейшей мере развились кулацкие, антигосударственные тенденции, что руководство колхоза всерьез заболело. Большерецкие районные организации и политотдел Озерновского рыбокомбината, под боком которого находится колхоз, не сумели вовремя увидеть действительное положение вещей в нем.

В то время как колхозы Советского Союза принимают новый устав, выработанный 2-м Всесоюзным слетом колхозников-ударников, ведущий к дальнейшей большевизации колхозов, в «Красном труженике», воспользовавшись близорукостью и ротозейством парторганизации Озерновского комбината, кулацкий элемент разлагает работу колхоза...

Камчатская правда, 24 мая 1935 г.

Комбинат и его ферма

Немало рабочих Озерновского рыбокомбината получили поросят. Но радость их оказалась преждевременной — поросята очень быстро подохли. Когда постарались проверить, почему поросята так быстро дохнут, выявилось, что администрация комбината взяла за целевую установку — выдавать рабочим только больных, негодных поросят. Иначе говоря, за счет рабочих, руководители комбината решили подзаработать. Директор комбината Граждан и начальник политотдела Ретинский смотрят на это сквозь пальцы.

Письмо т. Микояна к секретарю обкома ВКП(б) т. Орлову дошло до комбината. В этом письме имеются слова: «...для этого надо по окончании путины направить

их (рабочих) на строительство жилищ, надо позаботиться дать им огороды, лучшим из них дать поросенка, некоторым — корову, лучшие бытовые условия».

Письмо это до комбината дошло, но до сознания руководителей комбината оно не может добраться... Иначе не стали бы для прикрытия собственных ошибок надувать рабочих. Надо сказать, что Озерновский комбинат имеет все условия для того, чтобы выполнить указания т. Микояна. В частности, в пригородном хозяйстве комбината имеется большой приплод, для которого не хватает помещений. Начинаются уже разговорчики о том, что «придется» часть скота зарезать из-за недостатка помещений. Но разве не проще было не резать скот, а передать его рабочим, оседающим в комбинате?

Сельскохозяйственная ферма в рыбокомбинате — чрезвычайно серьезное и ответственное подсобное предприятие. Задачи ферм — снабжать рабочих комбинатов свежими овощами, мясом, молоком. Само собой разумеется, хорошая их работа, выпуск ими большого количества продукции — важный фактор в деле закрепления постоянных кадров рабочих на Камчатке.

Постановка работы сельскохозяйственной фермы в Озерновском комбинате показывает, что здесь этой истины не усвоили. Ферма — на положении беспризорного. Никто никакой массовой работы на ферме не ведет. С начала года и до сего времени начальник политотдела т. Ретинский был на ферме только один раз. Рабочие живут на ферме, как на необитаемом острове. Они не знают о том, что творится на белом свете. Свободные от работы вечера проходят так: рабочие собираются в полутемной землянке, где тускло светит фонарь.

— Даже песни разучились петь — до того у нас скучно!

Рабочие не прочь заняться физкультурой, поиграть в шашки. Но к ним никто не придет, не покажет, как сделать досуг культурным, как лучше устроить свою жизнь. А возможностей у фермы создать своим рабочим хорошую жизнь много.

Старый рабочий т. Иванец не хочет уезжать с Камчатки. Он собирается построить свой домишко и навсегда поселиться в Озерной. Но ему никто не помогает, ему не дают леса, не дают другой мелочи, без которой дома не построишь. Конечно, наплевательское отношение руководителей комбината к ферме влечет за собой никчемную, плохую, непроизводительную работу ее. Ферма не дает тех овощей, молока и мяса, которые она могла бы дать.

Ни лов, ни разгрузка пароходов, никакая другая работа, сколь она ни была бы важна, не дает нашим комбинатам право забывать о сельскохозяйственных фермах, об их работе. Хорошо поставленная ферма, дающая рабочим много овощей, мяса, молока, поросят, телят — должна быть гордостью каждого комбината, ибо она тоже будет содействовать решению важнейшей задачи, поставленной перед Камчаткой — создать свои постоянные кадры.

Камчатская правда, 10 июня 1935 г.

Первый успех Озерной

В море выставляются последние лососевые невода

Озерновский комбинат выполнил план первого полугодия. Еще на 28 июня он выполнил полугодовое задание по сельди на 103,4 % и по треске — на 133,3 %. Лов продолжается. Соревнуясь с Большерецким комбинатом, Озерновский развернул

большую работу по благоустройству. Закончено озеленение двора, в образцовую чистоту приведена территория баз и завода. Сейчас Озерновские промыслы усиленно готовятся к лову проходных лососевых. В море выставляются последние невода.

Камчатская правда, 5 июля 1935 г.

Слова и дела по качеству продукции в Озерной

Особым приказом АКО для Озерновского комбината была установлена норма выхода продукции первых сортов не менее 65 % общего количества.

Директор комбината т. Граждан не опротестовал в свое время этого задания. Да и мудрено было опротестовать его. Озерная находится далеко уже не в таких тяжелых условиях, которые не позволили бы добиться выхода двух третей продукции первыми сортами. Сам т. Граждан заявлял, что он сумел улучшить свое посольное хозяйство. В комбинате имеется два консервных завода, имеются люди, знающее технику обработки рыбы.

Ко всему этому нужно добавить и то, что вследствие плохой организации весенней путины, вследствие недохода лососевых комбинат находится пока в крупном прорыве по лову. План но гослову на 25 августа выполнен только на 57,6 %, по скупу — на 26,1 %. Таким образом, обработочная база комбината загружена слабо и имеет все возможности обеспечить наиболее высококачественную обработку рыбы.

И тем не менее, директор Озерновского комбината т. Граждан решил пойти по другому пути. Очевидно, не сумев организовать борьбу за высокое качество продукции, он додумался до того, что стал просить АКО... снизить установленные для него качественные показатели, те самые, которые он в свое время безоговорочно принял. Конечно, Граждан сумел найти всякие доводы, чтобы сделать свою просьбу «обоснованной», но одного только ему не удалось — скрыть того, что в Озерновском комбинате забыли директивы партии и правительства о том, что борьба за качество должна являться основной работы рыбных промыслов Камчатки.

Секретарь обкома ВКП(б) т. Орлов выдвинул лозунг: «Маркой камчатских рыбных промыслов должна гордиться вся страна». Этот лозунг с энтузиазмом был подхвачен во всех комбинатах, всеми рабочими рыбной промышленности Камчатки. Неужели в Озерной против этого лозунга?

Камчатская правда, 1 сентября 1935 г.

Первое совещание стахановцев рыбной промышленности Камчатки Речь Алексея Яковлевича Сергиенко, токаря Озерновского рыбокомбината

Я работаю токарем. Моя работа происходит в таких условиях: в 1934 г. я приехал работать в Озерную. Плавединицы были в большом непорядке. А я один-то слесарь. Успеем ли их вовремя отремонтировать? Давайте, говорю, ученика подготовлю. Поднажал я на станок, и дело пошло.

Когда принимали меня в группу сочувствующих, я дал слово — подготовить из ученика токаря, и, надо сказать, свое слово я выполнил. В этом году к нам приехал еще один токарь. И вот, два токаря и один ученик работали на четыре смены. Я — на дневной и вечерней. Сейчас катеров отремонтировано уже семь. Мы их попробовали и на суше, и на воде. Катера у нас красивые, окрашены, как лебеди плавают.

Обслужили мы первую и вторую базы и там отремонтировали все катера, затем приступили к ремонту консервного завода. Должен сказать, что завод отремонтирован великолепно. Механизмы уже опробованы вхолостую, и должен сказать, что завод у нас сейчас в благополучном состоянии. Установлен новый вакуум. Плохо только одно: у нас лес вот не подходящий, сырой поставлен. А так все в порядке.

Жилищно-бытовые условия в нашем комбинате неплохие. Построили школу двухэтажную. Ребята учатся хорошо, есть хорошая баня. Имеется у нас клуб, библиотека, струнный и духовой оркестр. Откровенно говоря, стали мы жить лучше и веселей.

Неплохо развернулась у нас техническая учеба. Снабжение также неплохое, народ не жалуется. Все у нас есть в достаточном количестве. И к путине в этом году мы готовимся лучше. Дали нам три новых катера и 300 кубометров леса. Видно, что о нас заботятся.

Несколько слов о том, как у нас воспитываются дети. Я работаю в комсомоле. Поставили мы два спектакля, собрали деньги, которые направили на содержание детей. Сиротам купили костюмчики. Живут они в интернате, хорошо питаются, одеты и обуты. В общем, жизнь у нас идет на полный ход. Только плохо идут у нас дела на сельскохозяйственной ферме. В свинарнике грязно, в сапогах не пройдешь.

Жизнь здорово улучшилась. Повысились заработки. Вот я, например, зарабатываю 1 200—1 300 рублей в месяц. Жить можно превосходно.

Мы, стахановцы, обещаем план этого года выполнить обязательно. Позор будет, если мы не выполним плана, у нас сейчас все есть для того, чтобы ловить успешно рыбу.

Да здравствует стахановское движение на Камчатке! (Аплодисменты). Да здравствует наш дорогой учитель великий Сталин! (Бурные аплодисменты). Камчатская правда, январь 1936 г.

Сообщение управляющего госбанком в Озерной от 27 февраля 1936 г.

...Обследование торговых точек комбината 26.01.1936 г., в частности, магазина № 1, показало, что товаров в них нет. Выброшенные в продажу 22—23 февраля товары, обувь, одиколон, папиросы реализованы в те же дни, и в настоящее время ассортимент товаров в магазине отсутствует. Торговая сеть не обеспечивает потребителя, не обращает никакого внимания на его требования, несмотря на то, что в складе лежит давно принятая мануфактура, готовые платья, белье и другие товары, в коих ощущается недостаток у потребителя.

Руководитель торговой сетью т. Сыриков чисто формально, по кабинетному, подходит к вопросу свободной советской торговли и снабжению потребителя, ссылаясь на объективные причины, как неготовность разнарядок, отправка грузов по базам, отсутствие и нехватка работников и т. п. Тем самым создает искусственно замораживание товарооборота и справедливые нарекания покупателя.

Установлено также нарушение как руководящими, так и техническими работниками (продавцами) принципа советской свободной торговли, как пример:

1. До сего времени существует бронирование товаров, отпуск товаров разным лицам со склада по записочкам, что подтверждается изъятыми от завскладом 26.02.36 г. восемью записками.

- 2. Лучшие товары, виктролы (проигрыватели. Ped.) и другие распределяются прямо со склада и до рабочей массы не доходят.
- 3. Производится запрещение отпуска товаров из магазина детям до 16-летнего возраста.
- 4. Отказывают в отпуске товаров колхозникам, ссылаясь, что у таковых есть свой кооператив в селе, а также имеются ограничения в отпуске товаров в одни руки несколько раз в день. Такое распоряжение было отдано заведующим снабжением т. Сыриковым заведующему магазину тов. Копылову 23.02.36 г., каковой предупредил Копылова дважды одному лицу товаров не отпускать...

ГАКК, ф. 376, оп. 1, д. 5, л. 51.

Докладная записка коменданту морского контрольно-пропускного поста Усть-Большерецка от начальника контрольного пункта «Опала» «О подготовке к путине 1936 г. на базе № 1 "Опала" Озерновского рыбокомбината», 16 мая 1936 г.

...Рабочих в настоящий период на базе 175 чел. На днях еще прибудут 100 чел. Жилплощадью база обеспечена на 270 чел. Имеется острый недостаток продовольствия. Заработок низкий, рабочие недовольны, а также и питанием. Стахановское движение остывает, и вокруг этого движения ничего не делается.

Комбинат на базу материалов для путины и продовольствия не отпускает. Имеются какие-то гонения на заведующего базой Горлянского со стороны комбината. Горлянский психует и говорит: лишь бы путину пройти и скоре бы уехать. Новые рабочие прибыли — состав неважный, недовольны работой и условиями жизни.

ГАКК, ф. 376, оп. 1, д. 5, л. 40.

До каких же пор в Озерной будут проваливать план лова?

С начала года и до сего дня не было еще ни одной пятидневки, в которую бы Озерновский рыбокомбинат выполнил план лова. В последнюю пятидневку им дан показатель — лишь 9 % задания. Нарастающий план выполнен на 6 %.

У этого комбината нет никаких решительно объективных причин, на которые любят ссылаться многие директора комбинатов. Промснаряжение завезено туда в достаточном количестве, также как и горючее. Текущей весной в Озерную заходило не менее шести снабженческих пароходов. Комбинат имеет пополнение рабочей силой, хорошо отремонтированные плавсредства, горючее, прекрасные кадры зимовщиков. Следовательно, есть все возможности перевыполнять план.

Однако врид. директора Климович позорно провалил план вылова первого квартала, а приехавший уже с месяц директор Граждан прямо саботирует развернуть лов. Четыре процента, 5, 8, 9 — вот показатели выполнения пятидневных заданий последних двух декад.

Сейчас стали невозможными даже ссылки на то, что не идет рыба. Сельдь идет огромными косяками в районе Озерной. Об этом говорят крупные уловы других промыслов, расположенных по соседству, сообщения из ближних рыболовецких колхозов.

Причину невыхода на лов мы найдем, если взглянем на сводку о ремонте и пошивке орудий лова. На 10-е мая в Озерной было пошито новых селедочных ловушек 66 % плана, и таков же процент отремонтированных.

План пошивки крыльев был выполнен на 71 %. И в сводке на 20-е мая эти цифры фигурируют без малейших изменений. Никаких оправданий этому нет, как уже было сказано выше. Комбинат снабжен всем необходимым для пошивки и ремонта. И невыполнение плана объясняется исключительно неповоротливостью, инертностью руководителей Озерной. Не брать рыбу, когда она идет на берег — преступление. Рыба идет и в Микояновском комбинате. Вернее — мимо него, ибо и этот комбинат, руководимый директором Цепляевым, «не расположен» выходить на лов, предпочитая спокойно глядеть на косяки сельди, в то время как окрестные колхозы выполняют свои планы на тысячу процентов.

Казалось бы, такой явный саботаж лова, неоправданный ничем, кроме халатности хозяйственников, должен привлечь внимание не только руководителя рыбного управления т. Гольдберга, но и всего руководства АКО, вызвать с их стороны ряд решительных мероприятий, направленных на исправление ошибок директоров, на подтягивание недопустимо отстающих комбинатов. Вне зависимости от вопроса — должны ли эти меры носить дисциплинарный или воспитательный характер, ясно, что руководство АКО должно реагировать на невыполнение плана.

Между тем, в аппарате АКО некоторые работники считают почему-то, что принимать меры «еще рано», что комбинаты успеют «перекрыться» и т. д. Но к чему тогда огромный руководящий аппарат АКО, если он будет заниматься лишь регистрацией фактов? Преступлением является сейчас не только саботаж лова, но и безразличное, либеральное отношение к нему.

Камчатская правда, 29 мая 1936 г.

За передовой, безубыточный комбинат!

Социалистическое обязательство Озерновского комбината

Мы, рабочие, стахановцы, ударники, инженерно-технические, административные работники и служащие Озерновского рыбокомбината включаемся во Всесоюзное социалистическое соревнование и берем на себя следующие обязательства:

По подготовке к путине. Подготовить шесть селедочных неводов к 23 апрелю и с этого же момента начать их постановку. Подготовить десять лососевых неводов к 10 июня. Закончить ремонт корпусов и моторов тресколовных кавасаки, опробовать их и спустить к 25 апреля. С 25 апреля выйти в море на лов трески. Закончить ремонт всего моторного и безмоторного флота в сроки от 15 апреля до 15 мая.

Закончить ремонт завода № 13 и к 20 апреля опробовать его. Закончить ремонт завода № 13 и опробовать его к 15 апреля.

10 июня начать постановку четырех лососевых неводов и закончить к 22 июня. Затрачивать на постановку неводов 40 рабочих, 25 часов на 100 метров невода. В целях сохранения неводов обязательно консервировать все выставляемые в море сетематериалы.

Построить морские пристани на базах 1, 2, 3 и на участке Кошегочек к 3 мая, тресколовную пристань на базе № 3 — к 25 апреля и речную пристань на базе № 3 — к 1 июня.

По лову и обработке. Досрочно, к 1 сентября выполнить годовой план добычи, добившись следующих показателей: морскими неводами выловить 33 100 ц, что составит к плану 120 %; скупить от колхозов 19 800 ц, что составит 100 %. Всего выловить и скупить 83 525 ц, что составит 122,1 %. Установить на селедочных неводах круглосуточное дежурство, на лососевых неводах — до 24 часов в сутки, производя не менее двадцати переборок.

Выработать рыбопродукции: консервов ... тысяч ящиков, или 45 % к плану, соленой продукции — 16 950 ц, или 100 %, медицинского трескового жира 100 ц, или 200 %, технического жира — 50 ц.

Добиться нижеследующих показателей по качеству продукции:

- по консервам высших сортов выпустить 30,5 %, первых 69 %, вторых 0,5 %.
- по соленой продукции высших сортов выпустить 5 %, первых сортов 73, вторых 19 % и третьих 3 %.

Добиться экономии горючего и угля 15 % против установленных 10.

Борясь за сокращение отходов, выработать из головок, колтычков, хвостов 300 ящиков консервов и 50 ц колбасы. Привести в ликвидный вид приготовленные рыботовары в следующие сроки: сельдь весеннюю — к 15 июля, консервы — к 15 сентября и всю остальную продукцию — к 1 октября. Для получения лучшего качества рыбы от колхозов ускорить разгрузку кунгасов с таким расчетом, чтобы рыба выгружалась на пристань не более чем в 10 минут.

По санитарии и гигиене. Очистить территорию баз и заводов к 1 мая. Ввести строгий режим посещения цехов, производящих пищевые продукты. Вход в цеха разрешается только в спецодежде. На заводах иметь хлорную воду для мытья рук и прохлорированные подушки для дезинфекции обуви. Организовать пропарку банок перед укладкой в них рыбы. Озеленить цеха, производящие пищевые продукты.

По погрузке и разгрузке пароходов. К 10 октября отгрузить всю рыбопродукцию. Добиться погрузки и разгрузки не менее 600 т в сутки. Затрачивать на приемку кунгасов на берегу не более 7 минут. В целях сокращения стоимости грузовых работ и облегчения труда ввести механизированную разгрузку на берегу, разгрузив таким способом не менее 30 % всего поступившего груза. Закрепить команды за каждой моторной плавединицей на весь год, и каждую моторную единицу закрепить за определенным участком работы. Перевести весь флот на сдельную оплату труда с тонно-мили.

По подготовке кадров. Охватить технической учебой кружками первой ступени 342 чел., второй ступени 100 чел. и курсами повышения квалификации административно-технического персонала 20 чел.

Программу по техучебе закончить в следующие сроки: ловцы и приемщики кунгасов, плотники-строители и животноводы — к 1 апреля, старшины и мотористы — к 10 апреля, слесаря и станочники — к 15 апреля, кунгасные плотники — к 20 апреля, рабочие заводской обработки — к 15 мая.

В целях лучшего закрепления знаний, полученных в кружках техминимума, провести производственный инструктаж на месте работы в течение 20—30 часов. Прибывших сезонных рабочих охватить технической учебой с момента их приезда по сокращенной программе.

По культурно-бытовому обслуживанию. Выделить специальную плавединицу для организации плавучего ларька, который поставить для обслуживания ловцов на неводах и тресколовных кавасаки. Обеспечить выполнение пошивки не менее 500 индивидуальных заказов. Оборудовать детские ясли на 70 детей и детскую площадку на 60 детей. Продать рабочим в индивидуальное пользование 100 поросят, 10 коров и 100 кур.

Превратить свой комбинат в 1937 г. в передовое безубыточное предприятие пищевой промышленности. Добиться сокращения хозяйственных расходов на 10 % и сокращения аппарата на 10 %. Снизить себестоимость продукции на 1 % против прошлого года.

Каждый инженерно-технический работник берет обязательство — систематически заниматься с одним-двумя стахановцами, оказывая им помощь в учебе и работе.

Следует 140 подписей делегатов конференции

Камчатская правда, 21 марта 1937 г.

Глушат социалистическое соревнование

Озерная (по радио). В Озерновском комбинате нет соли. Рыбу солят жировой солью, но и ее осталась на четыре дня. Баночек для рыбоконсервного завода осталось также на четыре дня. Обработка рыбы недопустимо затягивается.

Социалистическое соревнование на базах и на заводе не развернуто. Этому наиважнейшему делу не уделяют внимания ни директора баз завода, ни промысловый комитет (председатель Быканов).

На мойке рыбы выделяются работницы Тимкина, Минько. Они перевыполняют нормы, но им не уделяют никакого внимания ни администрация, ни профорганизация. Это глушит соревнование. В комбинате развитием стахановского движения не занимаются.

Г. Кирдяшкин

Камчатская правда, 5 августа 1937 г.

Срывщик колхозного лова

Озерновский рыбокомбинат 9 августа годовой план по вылову рыбы-сырца выполнил на 108,3 %. Комбинат выловил 129,5 % плана, рыболовецкие колхозы: Запорожская и Голыгинская рыбартели вместе — 74 %. Несомненно, результаты лова были бы лучше, если бы комбинат принимал рыбу от колхозов, не задерживая прием. Директор комбината т. Огреба, гонясь за выполнением своего плана, всячески тормозил колхозный лов.

3 августа от Запорожской рыбартели «Красный труженик» комбинат не принял 857 центнеров горбуши и 888 центнеров красной. 4 августа не было принято 795 центнеров горбуши и, наконец, 5 августа было отказано в приеме 1 805 центнеров горбуши. Всего в течение трех дней не принято 5 375 центнеров.

В самый рунный ход рыбы комбинат установил лимит для приема рыбы от запорожского колхоза. Ежедневно принималось только 200 центнеров, а колхоз мог давать тысячу и больше центнеров. Огреба ведет такую «политику»: он отказался заплатить колхозу за не принятую рыбу, отказался включить ее и в план. Счета же на оплату предложил предъявить управлению АКО. В общем, т. Огреба, как хочет, так и нарушает договор комбината с колхозом.

Петров

Камчатская правда, 11 августа 1937 г.

Стахановки Озерной

Резчица рыбы Озерновского рыбокомбината второй базы, двадцатилетняя девушка — стахановка тов. Кабунова Женя на протяжении всей путины по резке рыбы идет впереди. 29 августа она вырезала за девятичасовой рабочий день 6 226 штук красной рыбы, выполнила норму на 221 %, заработала 44 рубля. Женя работает в комбинате с 1933 г. В путину она работает на резке рыбы, а в междупутинное время — на пошивке неводов.

Женя везде показывает образцы стахановской работы, перекрывая в два раза технические нормы. На пошивке неводов она выполняла дневную норму до 200 %. Пользуется большим авторитетом среди резчиц комбината. По Кабуновой равняются Тимощак, выполнившая 25 августа дневную норму на 202 %, Камышанская Люба — 195 %, Лукъянова — 184 %. Мойщица стахановка Нишнулкина Шура дневное задание выполнила на 150 %.

Заикин

Камчатская правда, 30 августа 1937 г.

Как изучают избирательный закон в Озерной

Озерная (по радио). В Озерной создано два избирательных участка. Один участок охватывает рабочих первой базы рыбокомбината Опала, второй — базу № 3, сельскохозяйственную ферму и селение Кошегочек.

Сформированы участковые избирательные комиссии, в состав которых вошли лучшие люди комбината. Комиссии ведут подготовительные работы к выборам. Уже намечены помещения для голосования. Изготовляются избирательные ящики. Озерновский поселковый совет начал составлять избирательные списки.

Рыбаки и рабочие комбината повседневно изучают новый избирательный закон. Партийная организация комбината возглавляет агитационную работу, организовав три кружка, имеющих постоянно прикрепленных пропагандистов. В комбинате, наряду с кружками, где занимаются рабочие, изучают Положение о выборах и домохозяйки, для которых создано семь кружков. Всего проведено 147 бесед: на этих беседах присутствовало больше 2 800 чел.

Эти цифры не являются удовлетворительными, если учесть, что во многих кружках проведено по три-четыре беседы, поэтому в некоторых кружках Положение о выборах знают еще плохо. Хорошо поставлена пропаганда избирательного закона на сельхозферме комбината, изучение его закончено. На базе № 1 два кружка также заканчивают изучение.

Гораздо хуже дело обстоит с изучением Положения о выборах на базе № 3; там крайне плохо работают коммунисты Сазонов, Алинкин. Кроме разговоров о важности пропаганды избирательного закона, они ничем не занимаются.

Но слабое ознакомление трудящихся 3-й базы с Положением о выборах не беспокоит партком комбината и его секретаря т. Александрову.

Заикин

Камчатская правда, 2 ноября 1937 г.

Озерновский комбинат — наша гордость

Озерная (по радио). Живя с 1928 г. в Озерновском комбинате (с самого начала его основания), я являюсь свидетелем его роста от сезонного промысла до мощного социалистического предприятия.

В 1928 г. наш комбинат имел один консервный завод. Был он далеко не таким, каким является теперь. На комбинате совершенно не было промысловой обработки рыбы, не было засольных сараев, икряных цехов. Вся выловленная рыба перерабатывалась на консервы, большая ее часть сдавалась на соседние японские заводы. Промысловый флот комбината состоял из трех катеров и нескольких кунгасов.

Еще в 1930 г. комбинат имел исключительно сезонный характер: после путины все рабочие уезжали, на зимовку оставались только одни сторожа.

За семь лет напряженной работы по освоению Камчатки в корне изменилось лицо комбината, он стал неузнаваем. К двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции он стал мощным индустриальным комбинатом.

Сейчас у нас имеется два рыбоконсервных завода; из них — заново переоборудованный завод № 3, мощность которого возросла с 30 тысяч ящиков консервов в сезон до 60 тысяч ящиков; вновь построен завод № 13. Открыты три базы с засольными и икряными цехами, рыборазделочными пристанями, рыбоподъемными элеваторами, площадками. Построен утильзавод, перерабатывающий отходы, которые раньше выбрасывались в море. Оборудованы две колбасно-балычные мастерские. Имеется одна жиротопка для перегонки жира из тресковой печени.

В механической мастерской, где раньше стоял один токарный станок, теперь имеется несколько металлообрабатывающих станков, обслуживающих консервные заводы и промысловый флот. На центральной базе внутрибазовый транспорт грузов, производившийся раньше на дековильных (узкоколейных. — *Ped*.) путях, теперь заменен автоматическими моторами, гусеничными тракторами.

Так из года в год растет наш комбинат. Растут вместе с ним и кадры квалифицированных рабочих. В 1928 г. на комбинате было 150 русских рабочих, остальную массу — 200—300 человек — составляли японцы и американцы. Они занимали все ведущие участки работы (инженеры, механики, мастера, ловцы и т. д.).

Начиная с 1930 г. в комбинате оседает все больше и больше постоянных рабочих, в совершенстве освоивших технику рыбного дела. В прошлом году в Озерной зимовало около тысячи человек рабочих. Теперь у нас есть свои инженеры, свои техники, механики, бригадиры неводов и ловцы, отважные моряки, замечательные стахановцы, показывающие образцы труда и героизма.

Свидерский, рыбоконсервный завод № 3

Камчатская правда, 15 ноября 1937 г.

Предвыборные собрания в Озерновском рыбокомбинате

Предвыборные собрания Озерновского рыбокомбината прошли при высокой политической активности избирателей. Избиратели в своих выступлениях горячо поддерживали решения трудящихся нашей республики, выдвинувших кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР родного вождя народов товарища Сталина и его верных соратников тт. Молотова, Кагановича, Калинина, Ворошилова, Ежова. Избиратели единодушно присоединяются к выдвижению рабочими и служащими Кихчикского комбината кандидатуры в депутаты Верховного Совета РСФСР Зинаиды Ивановны Дьяконовой. С большой радостью встретили рабочие комбината согласие Зинаиды Ивановны баллотироваться по Камчатскому избирательному округу.

Камчатская правда, 29 мая 1938 г.

Озерновскому комбинату нужна помощь

Озерновский комбинат отгрузил 1 200 ящиков экспортной продукции, из них 80 % высшего сорта. Дальнейшей тарировке и отгрузке мешает отсутствие донника. Его необходимо завозить сейчас. Если этого не сделать, то часть продукции может остаться незатарированной и неотправленной. Отсутствие тары ставит под угрозу дальнейшее выполнение комбинатом плана по вылову красной и сельди, лов которых идет успешно. 30 августа, например, было взято 200 центнеров сельди. После посола рыбу будет не во что тарировать.

Плохо снабжен комбинат продовольствием. Особенно плохо снабжена Опалинская база. Не хватает жилищ. Зная об этом, многие рабочие не хотят оставаться на зимовку

Камчатская правда, 5 сентября 1938 г.

Коммунисты Озерновского рыбокомбината плохо работают на производстве

Из состава парторганизации Озерновского комбината только 10 коммунистов работают непосредственно на производстве. Надо было ожидать, что эти коммунисты-производственный подъем в цехах и будут образцом производственной и трудовой дисциплины, станут в авангарде за выполнение плана путины, за развитие всекамчатского соревнования, стахановского движения. Но на леле это не так.

Только один член партии, тов. Батурин, помощник засольщика, организовал соревнование резчиц и мойщиц, добился высокого качества обработки рыбы чанового посола. Остальные плетутся в хвосте, ничем не оправдывают высокого звания коммунистов. Плохо работает кандидат партии тов. Соболев А. Г., приехавший на Камчатку на пять месяцев, как он сам выразился, чтобы «заработать». Соболев пилит лес. Работающие с ним пильщики выполняют нормы на 150—250 %, зарабатывая от 700 до 900 и больше рублей в месяц. А заработок кандидата партии Соболева не превышает 250 руб. в месяц, так как плана он систематически не выполняет.

Три раза Соболев приходил на работу в пьяном виде, сделал два прогула без уважительных причин. Если к сказанному прибавить, что этот кандидат партии ни с кем не соревнуется, не посещает заводской партийной школы, не пользуется никаким авторитетом у рабочего коллектива, станет вполне ясным, что ни в коей мере не оправдывает высокого звания кандидата ВКП(б).

Другой кандидат партии тов. Зиукин работает механиком паросилового хозяйства рыбоконсервного завода № 3. Он дважды приходил на работу пьяным. Как руководитель котельного цеха он не организовал соревнование среди кочегаров. Не учится сам, и не организовал учебу работающих с ним людей. Не выполняет он и партийных заданий. Стенгазета завода, редактором которой он является, не выходит уже два месяца.

Не лучше работает и кандидат партии тов. Разумова. За два месяца она сделала два прогула, нормы на мойке не выполняет. Между тем, работающие с ней рядом стахановки Нишнулкина и Бражкина систематически план перевыполняют. Разумова не учится, партийные собрания не посещает.

Не оправдывает авангардной роли коммуниста и врид. директора третьей базы тов. Климович. Доверенная ему база по выполнению плана идет на последнем месте. Соревнование отсутствует, стахановцев не знают, повседневно с ними не работают.

Кажется, что «авангардность» этих, с позволения сказать, коммунистов требует немедленной их проверки партийной организацией, но парторг тов. Петров не торопится с этим, и ни один из них не стал предметом обсуждения партийной организации.

Устав нашей партии говорит:

«Член партии обязан:

- а) соблюдать строжайшую партийную дисциплину, активно участвовать в политической жизни партии и страны, проводить на практике политику партии и решения партийных органов;
- б) неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, важнейших политических и организационных решений партии и разъяснять их беспартийным массам;
- в) как член правящей партии в советском государстве быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины, овладевать техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную, деловую квалификацию».

Об этом забыли коммунисты Озерновского рыбокомбината. И именно поэтому отдельные члены и кандидаты партии работают плохо, не оправдывают высокого большевистского звания.

Н. Азовский

Камчатская правда, 5 сентября 1938 г.

Навести порядок на сельхозферме

На сельскохозяйственной ферме Озерновского рыбокомбината (заведующий фермой тов. Толкачев) сена заготовлено 230 тонн, вместо необходимых 800 тонн. Свинарник полуподвального типа совершенно не пригоден для содержания свиней, в особенности молодых поросят. Помещений для крупного рогатого скота, а также телят и жеребят, совершенно нет. Конюшня из плетня полуразрушена, скотный двор ремонтируется чрезвычайно медленно.

Несмотря на указания управления АКО, тов. Толкачев необходимые работы по подготовке к стойловому содержанию скота не проводил, ссылаясь на то, что нет средств. Но средств отпущено 78 тысяч рублей.

За июль месяц на ферме лошади простояли без дела 184 конедня, за август — 143. Имеются прогулы и среди рабочих и самовольные неявка на работу. В августе рабочими фермы было прогуляно 40 дней. При таких порядках неудивительно, что за 1936—37 гг. ферма принесла государству убытку 106 тысяч рублей.

Дела на ферме и сейчас внушают большие опасения. С октября 1937 г. по июль 1938 г. на ферме пало 177 поросят. Падеж телят составляет 15,6 %, вынужденный убой телят рождения этого года — 12,5 %, падеж жеребят 25 %. Все это характеризует всю работу фермы и ее руководителя Толкачева.

Директор комбината тов. Львов и сельхозсектор АКО должны навести порядок на сельхозферме Озерновского рыбокомбината.

Сергеев

Камчатская правда, 17 ноября 1938 г.

Мыть 2 000 штук в день — моя мечта

В прошлом 1938 г. я имела четыре радостных дня, которые на весь век останутся в моей памяти. В январе месяце я была на приеме у Наркома пищевой промышленности. Тогда же я имела счастье познакомиться с красной столицей Советского Союза — г. Москвой.

За стахановскую работу в путину дирекция комбината в августе представила меня Наркому для награждения знаком «Отличника пищевой промышленности», а комсомольская организация в сентябре месяце занесла на Доску почета имени 20-летия ВЛКСМ. В декабре месяце я вступила в члены Ленинского комсомола.

В 1939 г. я буду бороться за еще лучшую производительность труда. Мыть 2 000 штук рыбы в день — моя заветная мечта.

Соколова Таня, мойщица-стахановка РКЗ № 3

За большевистскую путину, 1 января 1939 г.

Обязательство рабочих засольного цеха базы № 2 в соревновании имени Третьей Сталинской пятилетки

Коллектив засольного цеха базы № 2 в количестве 80 человек, включившись в социалистическое соревнование имени Третьей Сталинской пятилетки, взял на себя обязательство:

- 1. Всю пойманную рыбу принимать от ловцов и обрабатывать своевременно, с таким расчетом, чтобы не допускать простоя кунгасов и залежа рыбы-сырца на пристани.
- 2. Уборку сельди закончить к 15 июля 1939 г. на 75 % и остальную к 1 августа 1939 г. Дать стране сельди первого сорта 75 % и второго сорта 25 %.
- 3. Уборку лососевых пород закончить к 15 сентября 1939 г., причем дать $10\,\%$ высших сортов, $60\,\%$ первых и $30\,\%$ вторых сортов.
- 4. До поступления первой партии рыбы подготовить полностью посольное хозяйство.

- 5. Не иметь дисциплинарных взысканий. Выполнять строго постановление СНК СССР, ЦК партии и ВЦСПС об упорядочении трудовой дисциплины.
 - 6. Добиться образцового санитарного состояния производственных помещений.
 - 7. Освоить технический минимум базовой обработки рыбы на «хорошо».

Рабочие засольного цеха второй базы вызвали на соцсоревнование рабочих засольного цеха базы N^{\circ} 3 и приемщиков кунгасов второй базы.

Хребченко, Коваленко, Холодова

За большевистскую путину, 25 апреля 1939 г.

Обязательство бондарей базы № 2 в социалистическом соревновании имени Третьей Сталинской пятилетки

Мы, бондаря базы № 2 в количестве 17 человек, включившись в социалистическое соревнование на досрочное выполнение плана 2-го года Третьей Сталинской пятилетки, берем на себя обязательства:

- 1. Своевременно обеспечить засольный цех тарой, путем уплотнения рабочего дня и правильной организацией рабочего места.
- 2. Выпускать качество тары только на «отлично». Не допускать ни одной бочки недоброкачественной работы.
- 3. Подготовить учеников-бондарей на самостоятельную работу к 29 мая 1939 г. 2 человек, к 10 июля 1939 г. 5 человек.
 - 4. В свободное время от работы в разгар путины выходить на обработку рыбы.
 - 5. Повседневно изучать материалы XVIII съезда партии.

По всем пунктам вызываем на соцсоревнование бондарей базы № 3.

Овчинников, Левочкин, Ананьев

За большевистскую путину, 10 мая 1939 г.

К встрече парохода не подготовились — выгружали плохо

Выгрузка парохода «Комилес» показала, что мы еще не умеем производить погрузочно-разгрузочные работы, о чем свидетельствуют следующие факты.

20 мая рабочих вызвали в 3 часа ночи. В 4 часа 30 минут они прибыли на борт парохода, а приступили к работе лишь в 6 часов утра. Полтора часа рабочего времена пропало напрасно. Это же время у борта парохода стояли и плавсредства. По несколько часов простоя имеют и бригады трюмных рабочих во время работы из-за несвоевременной подачи кунгасов.

Еще хуже была организована работа на берегу. Во время отлива бригады по тричетыре часа не делали ничего, тогда как они могли бы заниматься отноской грузов от линии прилива, полностью загрузить свое рабочее время.

Тальмана не выдавали своевременно справки бригадирам о проделанной работе, что отражалось на производительности труда. Ведь рабочий, не знающий, сколько он заработал сегодня, с меньшей интенсивностью будет работать завтра.

В результате отсутствия нужного руководства разгрузкой, из 1 768 человекочасов, затраченных на разгрузку, получился 421 человеко-час простоя, что составляет 23,8 % к общему количеству рабочего времени. И это в то время, когда для нас дорог каждый час. Но, несмотря на все недостатки и разболтанность, отдельные бригады работали хорошо, перевыполняли нормы выработки. Бригада комсомольца тов. Зуенок выполнила норму на 106 %, заработала по 28 руб. 36 коп. на каждого за 8 часов. На 141 % выполнила норму бригада тов. Ионова, а бригада тов. Коваленко — на 137 %.

В ближайшее время к нам будут прибывать другие пароходы. С них нужно будет снять большое количество груза. И чтобы снова не получилось такой неразберихи, к встрече их нужно готовиться теперь. Заранее нужно выделить ответственных лиц за разгрузку, подобрать хороших тальманов и бригадиров, проинструктировать береговых и трюмных рабочих, провести с ними массово-разъяснительную работу. Только тогда мы своевременно разгрузим пароход, когда хорошо к нему подготовимся.

Д. Шипилов, заведующий ОНТЗ

За большевистскую путину, 25 мая 1939 г.

Дроздов насаждает обезличку

Осенью прошлого года за каждым возчиком хозчасти была закреплена определенная лошадь. За мной, по соглашению с дирекцией комбината, закреплена молодая лошадь под кличкой «Орочон» сроком на три года, на которой я работал всю зиму. Теперь мою лошадь завхоз Дроздов передал возчику Пушакову. А на мой вопрос, почему так сделано, Дроздов грубо ответил: «Меньше разговаривайте. Идите и работайте!» Считаю, что обезличка, которую вводит Дроздов, вредна для производства.

Г. Кофтанов

За большевистскую путину, 25 мая 1939 г.

РКЗ № 13 — образец подготовки к путине

Стоит только взглянуть на РКЗ № 13 и сопоставить его внешний вид с недалеким прошлым, как сразу убеждаешься, что коллектив завода крепко поработал над тем, чтобы подготовить свое предприятие к путине, что здесь немало вложено груда, хозийственной заботы, инициативы и творчества руководства завода и, прежде всего, молодого специалиста — механика завода тов. Заболотного. Все станки, мойка, бункер, элеватор и стены завода покрашены. Проведена огромная работа по внедрению техники безопасности: впервые за время существования завода ограждены все станки и быстровращающиеся механизмы. Хорошо проведен ремонт оборудования завода. В день опробования механизмы работали бесперебойно, за исключением «железного китайца» и одного станка закатки, дефекты которых сейчас устраняются.

Теперь коллектив завода ведет усиленную работу по установке нового парового котла (прибывшего на завод 22 июня) с обязательством пустить его в эксплуатацию к началу путины.

Ф. Гоглов

За большевистскую путину, 25 июня 1939 г.

Работницы обработки рыбы перевыполняют нормы выработки

Включившись в социалистическое соревнование имени Третьей Сталинской пятилетки, рабочие засольного цеха базы № 2 обязались перевыполнить дневные нормы выработки. Сейчас они вплотную приступили к выполнению этого обязатель-

ства. С первых же дней передовики обработки дают хорошие показатели в работе. Резчица рыбы т. Тимощак 23 июля на резке горбуши выполнила норму выработки на 128 %, вырезав 4 300 шт. при норме 3 360 шт. На 131 % она выполнила норму за семь часов работы и 24 июля. Мойщица рыбы т. Григорьева на мойке горбуши выполнила норму на 161 %, мойщица Холодова — на 167 %, Красильникова — из числа вновь прибывших работниц — на 189 %, Дорогова — на 126 %.

К. Батурин

За большевистскую путину, 25 июля 1939 г.

Передача опыта стахановской работы новым рабочим

65 человек новых рабочих, прибывших в комбинат с пароходом «Ангарстрой», вышли вчера работать на РКЗ № 3. Большинство из них никогда не работали на заводской обработке рыбы. Руководство завода и коллектив кадровых рабочих тепло встретили новое пополнение.

Мойщица стахановка Таня Соколова в течение четырех часов показывала работницам приемы мойки рыбы, обменивалась с ними опытом работы, в результате чего многие работницы в первый день работы на мойке дали хорошие показатели производительности труда. Опытные работницы — рулевые набивочных станков тт. Черниговская и Михайлова обучают молодых работниц приемам набивки. Знакомят новых рабочих с приемами работы и на всех остальных процессах завода.

При дружной спаянной работе всего коллектива, при повседневной помощи новым рабочим в деле освоения техники коллектив завода справится со своими задачами — перевыполнит план путины этого года.

И. Сидоров

За большевистскую путину, 25 июля 1939 г.

Наказать дезорганизатора труддисциплины!

В ночь на 20 июля бригадир приемщиков кунгасов Кошегочекского участка Павлов устроил у себя в квартире пьянку. 20 июля он вышел на работу в нетрезвом виде и не к семи часам утра, а к десяти. Придя в цех, он не приступил к работе, не сказал и бригаде, какую выполнять работу, а сразу же ушел домой. Бригада в количестве пяти человек весь день не работала.

Не лучше дело было и 25 июля. На работу Павлов пришел в двенадцать часов дня. До двенадцати часов дня бригада просидела без дела. Все это знает заведующий участком Чурилин, но мер к дезорганизатору не принимает.

Две подписи

За большевистскую путину, 30 июля 1939 г.

Займы идут на благо народа

(Резолюция митинга трудящихся Озерновского комбината)

Заслушав сообщение о постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР о выпуске государственного займа Третьей пятилетки (выпуск второго года), мы, дальневосточники — коллектив трудящихся Озерновского рыбокомбината,

воодушевленные горячими чувствами, вместе со всеми трудящимися нашей великой родины, единодушно одобряем постановление Советского Правительства и приветствуем выпуск нового займа.

Наши советские займы — родное, кровное дело народа. Мы прекрасно знаем, куда идут наши трудовые займы. Они идут на благо народа, на строительство новых фабрик и заводов, на укрепление обороны страны социализма.

За годы сталинских пятилеток Советский Дальний Восток превратился в цветущий и могучий оплот социализма на Тихом океане. Здесь созданы первоклассная рыбная индустрия, мощные фабрики и заводы, воздвигнуты новые города, рабочие поселки.

Постановление правительства о выпуске нового займа есть еще одно проявление заботы партии и правительства, направленное на успешное выполнение грандиозных задач Третьей Сталинской пятилетки, на укрепление нашей славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота.

Пусть новая волна энтузиазма советского народа, вызванного постановлением правительства о выпуске нового займа, послужит крепким предостережением для всех фашистских захватчиков, готовящих войну против нас.

Приветствуя решение правительства, мы все, как один, с радостью дадим взаймы государству не менее трехнедельного заработка. Дружно проведя подписку, продемонстрируем нашу социалистическую организованность, любовь и преданность партии Ленина-Сталина.

Камчатская правда, 8 августа 1939 г.

Засольный цех Кошегочека — проходной двор

На пищевом предприятии от чистоты, от соблюдения всех санитарных мероприятий зависит очень многое — зависит качество выпускаемой продукции. Здесь антисанитария — бич предприятия.

Но для заведующего участком Кошегочек Чурилина чистота и санитария, видимо, ничего не составляют. Скоро уже кончается путина, а Чурилин и до сего дня не побеспокоился навесить двери на засольный сарай. На неоднократные обращения засольного мастера по этому вопросу он не обращает никакого внимания. И вместо того, чтобы все время валяющуюся дверь навесить на засольный сарай, Чурилин отдал ее ловцам в деревню Кошегочек. Вследствие чего, сейчас, как и раньше, в засольном цехе продолжают разгуливать собаки. Они подчас ходят и по чанам, в которых засолена рыба, чем загрязняют ее, снижают качество продукции.

Вагайцев, бригадир засольного цеха

За большевистскую путину, 10 августа 1939 г.

Уголок стахановца

Новый метод намного ускорил работу. На изготовлении жести из бракованных консервных банок на РКЗ № 3 работает бригада женщин. В этой бригаде состою и я. С самого начала (ноябрь месяц 1939 г.) и до января месяца 1940 г. мы делали жесть из фунтовых банок. Норму выработки выполняли на 200 %. С первых чисел января

начали делать жесть из полуфунтовых баночек. Норму выработки нам хотя и снизили, но мы ее вначале с трудом выполняли. Такое явление было коротким, так как мы скоро начали выполнять две с половиной нормы.

Производительность труда увеличилась за счет того, что мы применили другой метод работы пресса. Раньше работница, работающая на прессе, выжимала по одному листику (клепке), и получалось так, что пресс не справлялся со своей работой, из-за чего были простои. Видя этот недостаток в работе, я, будучи работницей на прессе, стала выжимать не по одному листику, а по два-три сразу. Это дало возможность изжить простои и добиться высоких показателей производительности труда.

Работая таким способом, мы добились в январе месяце нормы выработки, в среднем, на 250 %. Зарабатываем ежедневно по 24 руб. 48 коп.

М. Черниговская

275 процентов нормы в день. Хороших показателей производительности труда добились ловцы, работающие на пошивке якорных мешков, в первых числах января нового 1940 г. Норму выработки они выполняли до 182 %. Но на этих достижениях пошивщики не остановились. Они еще упорнее стали работать, уплотнили до максимума рабочий день, в результате чего в полтора раза увеличили свою прежнюю выработку.

На 275 % выполнил норму 26 января тов. Червьев. Он за восемь часов работы сшил 66 мешков вместо 24 по норме. Того же числа тов. Борисов сшил 60 мешков, норму выполнил на 250 %. Таких показателей производительности труда должны добиваться все рабочие комбината.

Н. Гуров, бригадир невода базы № 2

За большевистскую путину, 30 января 1940 г.

Комсомолец должен быть всюду впереди

Собрание комсомольской группы базы № 2 от 28 января с. г. заслушало самоотчеты двух комсомольцев — тт. Федянина и Пахомовой.

Федянин — ловец. За время работы в комбинате с 1938 г. несколько раз менял места работы. Сначала работал ловцом, затем промрабочим, потом опять ловцом, потом учетчиком, а теперь опять ловцом. Он не занимает авангардной роли среди молодежи на производстве. В обращении с товарищами груб. В то же время т. Федянин серьезно занимается повышением своего общеобразовательного уровня: хорошо учится в вечерней школе, читает художественную литературу и газеты.

Совсем по-другому строит свою работу комсомолка т. Пахомова. Она в комбинате работает с 1932 г. За это время добилась профессии старшей контрольщицы контрольного стола РКЗ № 3. За стахановскую работу из года в год получает премии. Ее комсомольско-молодежная бригада в путину 1939 г. выполнила план на 120 %. Но т. Пахомова плохо работает над собой: не учится в школе, не борется за ликвидацию своей малограмотности.

Собрание указало комсомольцам т. Федянину и т. Пахомовой на их недостатки; обязало т. Федянина стахановской работой на производстве стать в авангарде молодежи, а т. Пахомовой предложило учиться в кружке техминимума второй ступени, повышать свою общую и техническую грамотность.

Комсомолец должен быть всесторонне развитым, везде и всюду стоять в авангарде несоюзной молодежи, во всем показывать пример.

Л Ладыгина

За большевистскую путину, 5 февраля 1940 г.

Слова расходятся с делом

Недавно председатель завкома тов. Воронов выступал в газете «За большевистскую путину» о распределении по цехам путевок в дом отдыха на Первых ключах. Там он указывал то, что путевку в дом отдыха может получить только лучший производственник, показывающий образцы социалистического труда. На деле он делает противоположное.

20 января начальник отдела кадров комбината тов. Корж пришел в завком и потребовал у тов. Воронова путевку в дом отдыха для своей жены, только что прибывшей в наш комбинат. Еле успел тов. Воронов сказать, что она не член союза, как тов. Корж перебил его и заявил: «Ты не беспокойся, она член союза и сегодня станет на учет». Но дело заключается не в заверениях Коржа, а в том, что Воронов все же путевку в дом отдыха выдал его жене в тот же день, не имея на это совершенно никаких основания. В результате производственникам, давно уже работающим в нашем комбинате, которые пришли в завком за путевками чуть попозже, тов. Воронову пришлось отказать и пообещать выдать им потом — в следующую очередь. На реплику одного из работников завкома: «Корж, путевка выдана незаконно», Воронов ответил: «Это мое дело, я отвечаю за это».

Неверный стиль работы избрал тов. Воронов. У него слова расходятся с делом. *Матнохин*

За большевистскую путину, 5 февраля 1940 г.

Растет производительность

Озерная (передано по радио). В ноябре 1939 г. я был назначен станочником в ткацкую мастерскую. Станок был не налажен, не хватало сена, плохо отапливалась мастерская. Все это резко отражалось на производительности труда. Нормы на поделке якорных мешков выполняли на 80 %.

Первое, с чего я начал, чтобы повысить производительность — взялся за ремонт станка. Челночницы тт. Рублевская и Юдина стали внимательней приглядываться к работе, изучать технику вязки мешков из травы. За счет хорошей подачи ниток для челнока и ровных пучков травы изжились перебои в работе.

В декабре мы добились выполнения норм до 180 %. Экономя каждую секунду времени, наша бригада сейчас изготовляет по 50 мешков в день, выполняя нормы на 250 %. На достигнутом не успокаиваемся. Ставим перед собой задачу довести выработку до 300 %.

П. Петров, станочник ткацкой мастерской второй базы
 Озерновского рыбокомбината.

Камчатская правда, 16 февраля 1940 г.

Обязательство домохозяек базы № 2

Обсудив 19 апреля на собрании обращение женщин-общественниц Жупановского рыбокомбината о включении в социалистическое соревнование имени третьего года Третьей Сталинской пятилетки — на активное участие женщин в работах по подготовке путины, мы, женщины-домохозяйки центральной базы Озерновского рыбкомбината, единодушно одобряем и поддерживаем инициативу женщин-общественниц Жупановского рыбокомбината. Включаясь в соцсоревнование, берем на себя следующие обязательства:

- 1. Выйти на производство в путину текущего года не менее, как в составе 200 человек и отработать не менее трех месяпев.
 - 2. Сдать техминимум на «хорошо» и «отлично».
 - 3. Выполнять и перевыполнять нормы выработки на всех работах.
 - 4. Вырабатывать продукцию только первыми и высшими сортами.
- Систематически проверять санитарное состояние всех цехов, детяслей, столовой, пекарни, магазина и ларьков.
- Соблюдать правила личной гигиены. Содержать квартиры, дома, территорию поселка и рабочее место на производстве в образцовом санитарном состоянии.
- 7. Пошить для вновь прибывающих в наш комбинат рабочих 500 матрасов, 1 000 наволочек, 500 простыней и 500 пар белья.

По поручению собрания:

Кушпелева, Пятышева, Тулина, Захарова, Остапенко

За большевистскую путину, 22 апреля 1940 г.

Выполнение обязательств по РКЗ № 3

Праздник Первомая коллектив РКЗ № 3 встречает хорошими показателями работы. Взятые обязательства в социалистическом соревновании имени третьего года Третьей Сталинской пятилетки он выполняет с честью.

Утильзавод, ремонт которого коллектив завода обязывался закончить к 1 Мая, отремонтирован досрочно и готов к пуску. Сейчас он находится в образцовом состоянии. На 80 % произведен ремонт оборудования РКЗ. Отремонтированы: один станок ЖК, мойки, шесть набивочных станков, баночные элеваторы, три станка предварительной закатки, вакуумщики, станки окончательной закатки, сборочные столы, автоклавы и контрольная мойка.

К выполнению всех этих работ рабочие относились аккуратно и добросовестно. Особенно хорошо работали слесаря тт. Будько, Лисюк, Шкиль. Токарь товарищ Косьянов взятое обязательство перевыполнил. Он вырабатывает по две с лишним нормы в день.

Нет сомнения, что коллектив завода с честью справится с выполнением обязательства по ремонту всего РКЗ № 3, подготовит его к пуску не позднее 15 мая (срок по обязательству).

В. Сахаров, член комиссии по проверке выполнения сопобязательств

За большевистскую путину, 1 мая 1940 г.

люди и судьбы

В. А. ИЛЬИНА

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ О РУКОВОДИТЕЛЯХ АКЦИОНЕРНОГО КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА

Нацаренус Сергей Петрович (1882—1938). Уроженец г. Саратова. Учился в университете, но образования не завершил. С 1904 г. член РСДРП. По поручению В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого в марте 1918 г. вел переговоры на Севере с союзниками и представителями различных политических сил о перемирии и возможных совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края от немцев. С июня по декабрь 1918 г. являлся чрезвычайный комиссаром Мурманско-Беломорского края, Петроградского военного округа. В 1919 г. был членом Реввоенсовета Балтийского флота, комиссаром Московского и Харьковского военных округов. С 1920 г. по апрель 1921 г. — командующий войсками Беломорского военного округа.

В мае 1921 г. С. П. Нацаренус направлен в Турцию полномочным представителем РСФСР. Здесь он сыграл важную роль в подготовке и подписании в октябре 1921 г. договора о дружбе между Турцией, Азербайджаном, Арменией и Грузией, установившим незыблемость северо-восточных границ Турции.

С 1927 по 1937 г. жизнь и деятельность С. П. Нацаренуса связаны с начавшимся хозяйственным освоением северо-восточных и заполярных регионов СССР. В 1927 г. он назначен председателем правления Акционерного Камчатского общества. Время руководства С. П. Нацаренуса приходится на организационное становление АКО, выбор варианта освоения территории Охотско-Камчатского края, составление первого пятилетнего плана, начало хозяйственной деятельности общества.

В 1929—1930 гг. С. П. Нацаренус являлся секретарем Комитета по делам Камчатки и Сахалина при Совете Труда и Обороны СССР. Впоследствии он работал начальником Центрального планово-экономического отдела Главного Управления Северного Морского пути.

Арестован 5 июля 1937 г. Расстрелян 8 января 1938 г. Реабилитирован посмертно.

Источники: ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 53, л. 54; *В. И. Ленин*. ПСС. — Т. 50. — С. 549; Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898—1991 гг.: [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.knowbysight.info/06533.asp./.

Гольдберг Борис Исаевич (1884—?). Родился в 1884 г. в семье рабочего. Работал печатником. В 1902 г. в Чите вступил в ряды РКП(б). В 1905 г. состоял в Томской боевой дружине. В 1915 г. призван в армию. После Февральской революции — заместитель председателя Томского совета солдатских депутатов. В 1918 г. — комиссар финансов Томской губернии. В годы гражданской войны Б. И. Гольдберг был начальником и комиссаром Управления особых формирований Восточного фронта. После гражданской войны руководил комиссией по реорганизации военно-художественных учреждений Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1924—1926 гг. работал на руководящих должностях треста «Моссукно».

С 1930 г. по февраль 1934 г. — директор-распорядитель АКО. В период его руководства сложилась общая структура организации, позволявшая решать задачи, поставленные перед АКО. Силами общества были созданы основные перерабатывающие предприятия рыбной промышленности, установлено круглогодичное морское транспортное сообщение Камчатки с материковой частью страны, заложены основы кадровой политики, что являлось условием для дальнейшего промышленного развития региона.

В 1934 г. Б. И. Гольдберг переведен на работу в Наркомат пищевой промышленности СССР.

Источники: *Пустовит В. П.* Чистка членов // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Сб. трудов. Вып. 6. — Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2003. — С. 207—208.

Адамович Иосиф Александрович (1896—1937). Родился в г. Борисове (Минске) в семье рабочего-посудника. Окончил двухклассное церковноприходское училище. С началом Первой мировой войны был призван в армию. За участие в боевых действиях награжден тремя Георгиевскими крестами. На фронте стал большевиком и профессиональным революционером. Участвовал в установлении советской власти в Белоруссии. С 1924 г. по май 1927 г. являлся председателем Совета Народных Комиссаров Белоруссии. От республики делегировался на XIII, XIV партийные съезды и XV конференцию ВКП(б).

В конце 1920-х гг. И. А. Адамович переведен в Москву и возглавил Главсахартрест СССР, стал членом Президиума Всесоюзного Совета Народного Хозяйства СССР. Невыполнение совхозами «Союзсахара» поставок хлеба государству повлекло за собой объявление ему в 1931 г. строгого выговора с запрещением в течение двух лет занимать ответственные посты. В 1932— 1933 гг. И. А. Адамович работал уполномоченным Наркомснаба СССР в г. Никольске Уссурийской области. С февраля 1934 г. по 22 апреля 1937 г. он — начальник АКО.

За эти годы АКО превратилось в многофункциональную организацию, возглавившую промышленное освоение значительной части территорий

Северо-Востока СССР. Несмотря на громоздкость структуры, широту деятельности, сложность выработанной схемы управления, АКО смогло выполнить возложенные на него задачи. Была создана государственная рыбная промышленность, угледобыча, лесопереработка, сельское хозяйство, налажены снабжение и торговля, установлена постоянная транспортная связь с центральными районами страны.

В марте 1937 г. по указанию Управления НКВД по Дальневосточному краю на начальника АКО было заведено следственное дело. В качестве его основания были названы связи И. А. Адамовича с арестованным советским военным атташе в Великобритании В. К. Путной. Затем к обвинению добавились связи с «врагами народа» К. Б. Радеком, Н. И. Бухариным и другими. Не выдержав травли, развернувшейся на районной партийной конференции, и предвидя свой арест, 22 апреля 1937 г. И. А. Адамович застрелился в собственной квартире, оставив предсмертную записку.

Реабилитирован в 1956 г.

Источники: Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 382—383; *Пустовит В. П.* Пройти сквозь стену (гибель начальника АКО И. А. Адамовича по материалам НКВД) // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Сб. трудов. Вып. 6. — Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2003. — С. 43—68; ГАКК, ф. П-1199, оп. 1, д. 458, л. 202. Уголовное дело по обвинению Аламовича И. А.

Притыко Прокофий Николаевич (1902—?). Родился в г. Ейске. В 1916 г. окончил высшее начальное четырехклассное училище. С 1916 по 1919 г. работал телеграфистом на станциях Ейской железной дороги. В 1919—1920 гг. служил в РККА, на Северо-Кавказском фронте. После демобилизации в 1920—1923 гг. был секретарем Белореченского партийного комитета. В 1923 г. направлен на учебу в окружную партийную школу в г. Майкопе. В 1925 г. призван на действительную военную службу, которую проходил в Москве, в Особой кавалерийской бригаде им. И. В. Сталина. С 1926 по 1929 г. был секретарем парткома Истомкинской мануфактуры в Подмосковье. В 1929 г. учился в Коммунистическом Университете им. Я. М. Свердлова. С 1931 по 1932 гг. работал в оргинструкторском отделе аппарата ЦК ВКП(б). В 1932 г. поступил на вечернее отделение в Экономический институт Красной Профессуры. Преподавал в Коммунистическом Университете. С 1934 по 1936 г. работал начальником политотдела в совхозах Подмосковья. Награжден Орденом «Знак Почета» ЦИК СССР.

В июне 1937 г. П. Н. Притыко получил направление на Камчатку возглавить политсектор АКО. С октября 1937 г. по декабрь 1938 г. был начальником АКО. П. Н. Притыко пришлось управлять огромной обезглавленной хозяйственной структурой, так как в ходе начавшихся политических репрессий 1937 г.

в АКО оказались арестованы и уничтожены наиболее опытные и квалифицированные работники. Это обернулось параличом работы целых подразделений, срывом выполнения производственных планов, утратой накопленного опыта управления, замедлением темпов процесса освоения территории.

Самого П. Н. Притыко арестовали 6 декабря 1938 г. В июле 1941 г. его дело было прекращено, и он получил свободу.

Источники: ЦДНИКО, ф. 2, оп. 2, д. 222, л. 1—17; Там же, д. 217, л. 9.

Емельянов Семен Павлович (1901—?). Родился в Тульской губернии в бедняцкой крестьянской семье. В 1918 г., являясь членом комитета бедноты, служил в продотряде. В ноябре 1919 г. вступил в партию. В марте 1920 г. был мобилизован в Красную Армию. В 1922 г. направлен на Балтийский флот, затем становится слушателем военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 по 1929 г. работал в морском торговом порту Ленинграда в должности агента-экспедитора, являлся неосвобожденным секретарем партячейки. С 1929 по 1933 г. руководил холодильником рыбоконсервного комбината им. А. И. Микояна в г. Астрахани.

В 1934 г. возглавил комбинат «Востокрыбхолод» во Владивостоке. За успешное выполнение плана первого полугодия 1935 г. получил от наркома пищевой промышленности СССР А. И. Микояна наградные именные часы. В ноябре 1935 г. направлен на учебу во Всесоюзную Академию пищевой промышленности им. И. В. Сталина, но образования не завершил. С осени 1937 г. по февраль 1939 г. работал в прежней должности управляющего холодильного комбината. С февраля 1939 по ноябрь 1943 г. возглавлял АКО.

В этот период в русле политики децентрализации и специализации отраслевых наркоматов правительством СССР была проведена реорганизация АКО. Из системы общества в 1939 г. изъяты снабжение населения Камчатки продовольственными и промышленными товарами, а также овощеводческие и оленеводческие совхозы. Был преодолен возникший вследствие массовых репрессий кадровый кризис, что, безусловно, стабилизировало положение АКО.

В годы войны АКО, качественно перестроив свою работу, успешно выполнило задачи, поставленные военным временем. И в этом немалая заслуга всех тех, кому выпало руководить этой огромной хозяйственной структурой.

Источники: ГАКК, ф. 88, оп. 2, д. 186, л. 1—2.

Примечание редактора: В ноябре 1943 г. С. П. Емельянова отозвали с Камчатки. С этого момента до февраля 1944 г. АКО руководил исполняющий обязанности начальника П. М. Макштас. Последним начальником АКО стал К. Н. Кулаженко.

Кулаженко Константин Никитич (1906—?) родился в августе 1906 г. в селе Речки Речковской волости Гомельского уезда Гомельской губернии

(Белоруссия). Белорус, из крестьян-середняков. Член ВЛКСМ с 1927 по 1932 г., в октябре 1930 г. вступил в ВКП(б). При нахождении в партийных рядах «колебаний не было, в оппозиции не участвовал». Основная профессия — учитель.

С 1918 по 1924 г. окончил школы первой и второй ступеней на родине, в 1925 г. — курсы по подготовке учителей в Гомеле. С 1926 по 1929 г. — курсант 2-й артиллерийской школы РККА в Ленинграде, с 1931 по 1932 г. учился на вечернем рабфаке при Ленинградском институте инженеров путей сообщения и в вечерней совпартшколе. Поступил на первый курс электромеханического отделения института, но «учиться не пришлось — парткомом был командирован на Украину уполномоченным по заготовке фруктов, овощей, где проработал до сентября 1932 г. По окончании вернулся в Ленинград и был командирован в Белоруссию уполномоченным по заготовке мяса и овощей, где проработал до марта 1933 г.».

Трудовая биография К. Н. Кулаженко складывалась так. В 1924—1925 гг. он руководил сельским пунктом по ликвидации неграмотности, в 1925—1926 гг. заведовал школой, затем переехал в Ленинград и поступил в артшколу. С 1929 по 1932 г. работал на судостроительном и механическом заводе им. Марти в Ленинграде: светокопировщик, такелажник, бригадир такелажников. С 1932 по 1933 заведовал вечерней партшколой при заводе. В 1933 г. перешел на ленинградский завод им. Молотова.

На партийной работе с конца 1933 г. — направлен в распоряжение Хабаровского крайкома ВКП(б). До июля 1935 г. инструктор парторганизации Дальгосрыбтреста во Владивостоке, затем «мобилизован в политотделы» после их организации в Наркомпищепроме СССР: инструктор, начальник курсов политработников, заместитель директора по политчасти рыбозавода, заместитель начальника политотдела Дальгосрыбтреста.

На Камчатку прибыл 7 июля 1937 г., 9 июля приступил к исполнению обязанностей начальника политотдела Озерновского рыбокомбината. Здесь трудился по октябрь 1938 г., затем избран секретарем Усть-Большерецкого райкома ВКП(б). С февраля 1939 г. по октябрь 1940 г. — начальник политотдела АКО. С октября 1940 г. (после ликвидации политотделов в Наркомрыбпроме СССР) по июнь 1941 г. — заместитель начальника АКО и управляющий Владивостокской конторой АКО. С июня 1941 г. по февраль 1944 г. — секретарь Камчатского обкома ВКП(б) по рыбной промышленности.

В феврале 1944 г. назначен начальником АКО. В соответствии с приказом по Наркомрыбпрому СССР № 02/ДВ от 1 октября 1945 г. деятельность АКО прекращалась с 15 октября 1945 г., а общество преобразовывалось в Камчатгосрыбтрест «с местопребываением в городе Петропавловске-Камчатском». Управляющим трестом утвержден К. Н. Кулаженко, его заместителями — Петр Мартынович Макштас, Василий Родионович Дедков, Леонид Кириллович Кулиш и Александр Иванович Данилин.

В 1946 г. Камчатгосрыбтрест преобразован в Главкамчатрыбпром. К. Н. Кулаженко оставался его руководителем до марта 1949 г., когда был переведен на должность заместителя начальника, а 1 октября 1949 г. освобожден от должности в связи с отзывом в распоряжение Министерства рыбной промышленности СССР.

Награды: знак «Отличник рыбной промышленности СССР» (1940 г.), орден «Знак Почета» (октябрь 1943 г.), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (6 июня 1945 г.), медаль «За победу над Японией» (30 сентября 1945 г.).

Ниже приведена выдержка из характеристики К. Н. Кулаженко, данной по случаю его назначения начальником АКО. Документ подписан секретарем Камчатского обкома ВКП(б) по кадрам Мальцевым и датирован 8 марта 1944 г. Его стиль во многом характерен для партийных бумаг 1930—1940-х гг.:

«Начальник политотдела Озерновского рыбокомбината... где за период своей работы хорошо сумел поставить партийно-воспитательную работу и мобилизовать коллектив на выполнение плана рыбодобычи и обработки, в результате чего план рыбокомбинатом был выполнен: в 1937 г. на 153,9 % и в 1938 г. на 100,6 %. После этого тов. Кулаженко с указанной работы был выдвинут первым секретарем Усть-Большерецкого райкома ВКП(б), где также значительно улучшил руководство и помощь райкома ВКП(б) первичным парторганизациям. За период его работы значительно улучшилась партийно-массовая работа в районе и повысилась авангардная роль коммунистов на предприятиях и учреждениях района.

В феврале 1939 г. тов. Кулаженко был выдвинут начальником политотдела Треста АКО. В результате правильного сочетания партийно-массовой работы политотделами все рыбокомбинаты и трест АКО план выполнил на 105 %, за что тов. Кулаженко и ряд работников политотделов были награждены наркомом знаком "Отличник рыбной промышленности"...

Личные качества тов. Кулаженко: хорошо политически грамотный, дисциплинированный, в партийной организации области пользуется авторитетом, член президиума и бюро обкома $BK\Pi(\delta)$ ».

Источники: ГАКК, ф. П, оп. 1, д. 506, л. 2—7; Справка № 100 от 8 июня 1978 г., выданная Приморским краевым партархивом; ГАКК, ф. 106, оп. 1, д. 143, л. 473.

Иосиф Александрович Адамович

Прокофий Николаевич Притыко

Семен Павлович Емельянов

Константин Никитич Кулаженко

В. А. ИЛЬИНА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПЕРВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО АКЦИОНЕРНОГО КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА НАЦАРЕНУСА

В 2007 г. исполнилось 80 лет Акционерному Камчатскому обществу (АКО), организации, которая сыграла важную роль в пионерном промышленном освоении Камчатки. В течение восемнадцати лет — с 1927 по 1945 г. — АКО определяло экономическую, социальную и культурную жизнь огромной территории, включавшей Камчатку, Чукотку, Охотский и Ольский районы, острова, находящиеся в Охотском и Беринговом морях, остров Врангеля в Ледовитом океане. За период двух довоенных пятилеток АКО сумело создать государственную рыбную промышленность, заложить первичный слой в хозяйственном освоении региона.

Большая ответственность за осуществление грандиозных промышленных программ лежала на руководителях АКО. За весь период существования этой хозяйственной структуры сменилось пять основных управляющих. О некоторых из них уже составлены первые очерки, даны комментарии [1]. Продолжая работу коллег и свое исследование, хочу предложить ряд фактов из восстановленной биографии первого руководителя АКО — Сергея Петровича Нацаренуса.

Сергей Петрович родился в 1883 г. в Саратове. К началу XX в. Саратов уже никак не связывался с провинцией и «глушью». Это был один из развивавшихся городов Поволжья, в котором в 1909 г. по требованиям саратовской общественности был открыт Императорский университет. Возможно, среди абитуриентов успешно выдержавших вступительные экзамены пока на единственный факультет университета — медицинский, был и С. П. Нацаренус. Но, вероятно, раннее вступление в члены РСДРП в 1904 г. и участие в подпольной революционной деятельности не позволили ему завершить образование и получить университетский диплом.

Дорога революции в те годы увлекала тысячи молодых людей, и они шли по ней добровольно и бескорыстно, искренне считая ее кратким путем к свободе, к справедливости и счастью людей.

С началом Первой мировой войны Саратовский комитет РСДРП наладил выпуск «Нашей газеты», в издании которой активное участие принимал и С. П. Нацаренус. На страницах газеты публиковались статьи с разоблачением империалистического характера войны, об отказе рабочих участвовать в военно-промышленных комитетах, о выросших ценах и очередях за продуктами, обусловленных военным временем. Много места занимали письма рабочих с фабрик и заводов. Начав с выпуска газеты тиражом 2 000 экземпляров,

вскоре его увеличили в пять раз. Издание поволжских социал-демократов распространялось не только в Саратове, но и далеко за пределами губернии. В марте 1916 г. наиболее активные большевики, официальные редакторы и издатели «Нашей газеты» П. А. Лебедев, В. П. Антонов, С. П. Нацаренус постановлением Особого совещания при Министерстве внутренних дел были высланы на разные сроки в Иркутскую губернию [2].

Но пребывать в Сибири долго не пришлось. По распоряжению Временного правительства с марта 1917 г. началось освобождение политических заключенных. Так С. П. Нацаренус возвращается назад и встречает Октябрьскую революцию в Костроме. В ноябре 1917 г. в возрасте тридцати четырех лет он становится председателем Военно-революционного комитета Костромской губернии.

Далее судьба забрасывает его в Петроград, а затем в Мурманский край в гущу сложнейших военно-политических событий и перипетий. В январефеврале 1918 г. немцы угрожают оккупацией Севера. Находящиеся на Мурмане союзники России по Антанте — английские и французские войска, сотрудничавшие с местной властью, но не признавшие советскую, предложили свою помощь. Нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий дал телеграмму, разрешавшую принять всякое содействие союзных миссий. Именно эта телеграмма стала основанием для заключения 2 марта 1918 г. так называемого «Словесного соглашения о совместных действиях англичан, французов, русских по обороне Мурманского края» против немцев [3].

На Мурмане начинается высадка иностранного десанта. Сложность и двусмысленность ситуации состояла в том, что уже на следующий день 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске советской делегацией был подписан сепаратный мирный договор с Германией. Но, даже заключив мир с Германией, Совнарком продолжал проводить политику лавирования, полагая, что контролируемое присутствие войск Антанты на Севере — «интервенция по приглашению» — может привести в будущем к признанию странами Антанты советского правительства. Ленин на вопрос об отношении к союзникам ответил: «Официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев» [4].

В свою очередь, бывшие союзники России, расширяя мурманское сотрудничество и свое военное присутствие в регионе, надеялись, в конечном счете, на восстановление Восточного фронта и улучшение тем самым положения на Западе. Кроме того, они не без оснований полагали, что втягивание России в войну приведет к падению большевистского правительства. Пытаясь расширить социально-политическую опору для своих действий в России, союзники поддерживали в этот период контакты и с большевиками, и с их политическими противниками.

Вести столь сложные переговоры от имени советского правительства с союзниками, небольшевистскими советами, ЦК Мурманской флотилии (Центромур), Советом депутатов Мурманской железной дороги (Совжелдор), Главным начальником Мурманского укрепрайона и отряда судов (Главнамур) был направлен большевик С. П. Нацаренус. Стоит ли говорить, что его миссия в этих условиях была не только очень сложной, но и зачастую крайне опасной. Встречи с представителями различных политических сил происходили в условиях острых дискуссий, и предложения Москвы не всегда находили поддержку. Но по ряду вопросов большевистскому эмиссару удалось достигнуть временных уступок и компромиссов. Одним из них была организация борьбы с немецкими подводными лодками. С. П. Нацаренус санкционировал боевые действия против них, осуществляемые Центромуром и русским командованием совместно с английским контр-адмиралом Кемпом, но потребовал держать это решение в тайне, как противоречащее Брестскому миру [5].

По докладам С. П. Нацаренуса Совнарком и Наркомат иностранных дел принимали решения по Мурманскому краю [6].

К концу мая 1918 г. ситуация обострилась. Мурманский Совет, Центромур, Совжелдор с участием представителей Антанты приняли резолюцию о невыполнении требований советского правительства об удалении союзников и о необходимости всемерного развития сотрудничества с ними [7]. А в июне 1918 г. их совместными действиями был совершен переворот, отделивший Мурманский край от Советской России. Началась интервенция «без приглашения». В этих условиях С. П. Нацаренус был назначен чрезвычайным комиссаром Мурманско-Беломорского края и Петроградского военного округа.

Телеграмма Председателя Совнаркома В. И. Ленина от 7 июля 1918 г. наделяла его огромными властными полномочиями: «Вам вменяется в обязанность: 1. Принять все меры к радикальному разрушению железнодорожного пути на возможно значительном расстоянии [8].

- 2. Иностранцев, прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских империалистов, арестовывать, при сопротивлении расстреливать.
- 3. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистическому грабежу, расстреливать...» [9].

Ценой больших жертв большевикам удалось остановить наступление на «колыбель революции», потеряв при этом контроль над Архангельским краем. С. П. Нацаренус остается на Севере, становится членом Реввоенсовета Балтийского флота.

Но в годы гражданской войны ему пришлось воевать не только на Севере. К весне 1919 г. складывается неблагоприятная обстановка на Юге. Красная Армия терпит поражение за поражением. А в июле 1919 г. А. И. Деникин отдал приказ о наступлении на Москву. В этой критической ситуации большевики проводят новые мобилизации, перебрасывают на Юг войска с других фронтов. Но кроме этого им были нужны люди, способные обеспечить в создаваемых красных частях дисциплину, остановить панику, митинговую демократию и, самое главное, — держать оборону. Вероятно особые заслуги и организаторские способности коммуниста С. П. Нацаренуса, известные В. И. Ленину, стали причиной появления двух его телеграмм от 4 и 5 июня 1919 г.: «Считал бы необходимым отпустить Нацаренуса на Украину, где надобность в работниках неимоверная...» и «Вопрос о Нацаренусе передаю в Цека. Надо принять во внимание, что на юге громадное ухудшение, опасность катастрофы» [10]. Так распоряжение В. И. Ленина направляет С. Нацаренуса на Юг, где он становится членом Реввоенсоветов 14-й и 15-й армий. В июле 1919 г. он был назначен военным комиссаром Харьковского военного округа.

На Украине пришлось сражаться с повстанческой армией Нестора Махно, соединениями А. И. Деникина, отрядами С. Петлюры. Только к началу 1920 г. в центральных городах Украины была восстановлена советская власть, и С. П. Нацаренус возвращается на Север, где с 1920 г. по апрель 1921 г. командовал войсками Беломорского военного округа и освобождал Архангельский край от войск интервентов [11].

По завершении гражданской войны в жизни Сергея Нацаренуса начался новый этап. В мае 1921 г. наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным он был послан полномочным представителем РСФСР в Турцию [12], в которой к этому времени произошла революция. Западные державы для ее подавления и сохранения своих сфер влияния направляли войска, а Советское государство отправляло в воюющую страну своих дипломатов, демонстрируя перед всем миром поддержку и признание молодой турецкой республики. Здесь С. П. Нацаренусу пришлось познакомиться с генералом Мустафой Кемалем-пашой и членами формирующегося нового правительства.

Военно-политическое сотрудничество Москвы и Анкары позволило Турции справиться с интервенцией, а также добиться признания Антантой суверенитета страны в этнических границах и приступить к проведению реформ. В бывшей Османской империи провозглашались основные права и свободы, ограничивались действия религиозных норм, упразднялся исламский шариатский суд, начиналась перестройка образования на европейский лад. Население страны получало фамилии, отменялось многоженство, поэтапно начались вводиться избирательные права для женщин. Действительно, «Азия пробуждалась», а мировая революция охватывала новые страны Востока [13]. На посту полномочного представителя РСФСР в Турции С. П. Нацаренус делал немало для налаживания добрососедских отношений между двумя странами, в прошлом которых были длительные войны, конфликты и сложнейший «армянский вопрос». При участии РСФСР в Карсе 13 октября 1921 г. был заключен договор о дружбе между Турцией с одной стороны, и Азербайджаном, Арменией, Грузией с другой. В подготовке и подписании этого важного документа, установившего незыблемость северо-восточных границ Турции, сыграл важную роль российский полпред С. П. Нацаренус, — сообщает историческая справка сайта правительства Российской Федерации в Турции [14].

В Наркоминделе РСФСР Сергею Петровичу Нацаренусу выпало работать с блестящими советскими дипломатами — Г. В. Чичериным, Л. М. Караханом, М. М. Литвиновым, Н. Н. Крестинским, Я. Берзиным, Ф. Ф. Раскольниковым и другими. В конце 1921 г. С. П. Нацаренус был отозван из Турции. Но покинул ли он советскую дипломатическую службу, сказать пока нельзя. О периоде его жизни с 1922 по 1926 г. кратко сообщается: «был на руководящей советской работе» [15].

В течение последующих десяти лет, с 1927 по 1937 г., его жизнь и деятельность будет связана с начавшимся хозяйственным освоением северо-восточных и заполярных территорий СССР. В июне 1927 г. по распоряжению ЦК ВКП(б) он направляется на хозяйственную работу на Дальний Восток. Нарком продовольствия и снабжения СССР А. И. Микоян назначает его председателем правления только что созданного Акционерного Камчатского общества. На период руководства С. П. Нацаренуса (1927—1929 гг.) выпадает организационное становление АКО и начало его хозяйственной деятельности. Определяется место новой организации среди наркоматов, формируется главная оперативная контора во Владивостоке, подбираются специалисты, составляется первый пятилетний план деятельности. Несколько раз председатель Правления АКО лично выезжал на восточное и западное камчатские побережья наблюдать за работой уже действующих первых советских рыбоконсервных заводов. По представлению правления АКО началась покупка судов для рождающегося АКОфлота. Развернулось широкомасштабное научное изучение края. Налаживалось государственное снабжение населения самых отдаленных частей СССР промышленными и продовольственными товарами. В фондах ГАКК сохранилось несколько записок о развитии Камчатского края, подготовленных С. П. Нацаренусом [16].

Осознание сложности и значимости выполнения задач, поставленных государством перед АКО и АСО [17], нашло отражение в создании в 1929 г. особой правительственной структуры — Комитета по делам Камчатки и Сахалина при Совете труда и обороны СССР. В ведении Комитета находились обязательное предварительное рассмотрение «всех вопросов, касающихся

развития народного хозяйства и социально-культурного строительства Камчатки и Сахалина, а также научно-исследовательские работы» [18]. Президиум Комитета обсуждал оперативные и перспективные планы хозяйственных организаций, занимающихся освоением севера, вел текущую работу, готовил документы для утверждения в Совнаркоме СССР. Возглавил новую структуру А. И. Микоян. Секретарем комитета должен был стать человек, не только обладавший безупречным прошлым и необходимыми организаторскими способностями, но и знавший реалии этих территорий. Личный выбор А. И. Микояна пал на председателя Правления АКО С. П. Нацаренуса.

После упразднения Комитета в конце 1930 г. Нацаренує остался в Москве и возглавил Центральный планово-экономический отдел Главного управления Северного морского пути при СНК СССР. Стоит отметить, что к середине 1930-х гг. Главсевморпуть сформировался в своеобразное торговонаучно-промышленно-транспортное объединение, в которое, по подсчетам известного североведа С. В. Славина, входило до 25 направлений деятельности [19].

Главсевморпуть, осуществлявший хозяйственное освоение заполярных районов СССР, проводил работы по широкомасштабному гидрографическому и геологическому изучению региона, установлению круглогодичных каботажных морских транспортных связей вдоль побережья Северного Ледовитого океана, организовывал судоходство на северных реках Яне, Индигирке, Оленеке, Хатанге, создавал предприятия добывающей промышленности, строил судоремонтные заводы, пристани, порты и прочее.

К 1937 г. в системе Главсевморпути было занято 29 195 чел. [20]. Здесь были сосредоточены крупные научные силы, лучшие кадры моряков. Достаточно назвать имена В. Ю. Визе, В. И. Воронина, Н. И. Евгенова, Э. Т. Кренкеля, И. Д. Папанина, Р. Л. Самойловича, П. П. Ширшова и других. В полярной авиации служили известные всей стране летчики В. Л. Гальшев, Н. П. Каманин, С. А. Леваневский и прочие.

Отвечать за руководство процессом планирования деятельности такой крупнейшей организации было нелегко. Бессменное нахождение в течение семи лет С. П. Нацаренуса на этой должности позволяет предположить, что он вполне отвечал требованиям и справлялся с этим стратегическим участком работы.

Как и ряд других сотрудников Главсевморпути, Нацаренусы проживали в «Главсевморском» доме в Москве на Никитском бульваре. Но работа не исключала длительных командировок, и Сергею Петровичу приходилось часто покидать столицу, надолго выезжать в Заполярье.

Весной и летом 1937 г. массовые кампании по «разоблачению» бывших троцкистов и зиновьевцев захлестнули страну и охватили все подразделения Главсевморпути. Дополнительным поводом стала тяжелая навигация 1937 г.

В Арктике зазимовало около половины судов Главсевморпути и почти весь ледокольный флот. Начались поиски вредителей. Были арестованы начальники отделов и управлений Главсевморпути, практически весь руководящий состав [21].

С. П. Нацаренуса арестовали 5 июля 1937 г. По завершению следствия и суда его приговорили к высшей мере наказания и в январе 1938 г. расстреляли в Москве.

Сергей Петрович Нацаренус прожил пятьдесят пять лет. В отпущенный ему на земле срок вместилось несколько эпох и судеб: революционер, военный, дипломат, государственный чиновник, советский хозяйственник...

Собранный материал позволил пока создать лишь краткую официальную биографическую справку, через содержание которой проступает образ человека, соответствовавший идеалу военного времени и мобилизационной экономики. Самоотверженного, думающего прежде всего о долге и работе, направляемого партией на опасные и трудные участки, не щадящего себя и выполняющего задание в любых условиях.

Выявление дополнительных источников в ходе продолжающегося исследования приведет к составлению более полного исторического портрета первого руководителя АКО.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). Владивосток, 1994. С. 382—383; Смышляев А. А. Камчатка: от Адамовича до Бирюкова. Петропавловск-Камчатский, 1996; Пустовит В. П. Чистка членов; Пустовит В. П. Пройти сквозь стену (гибель начальника АКО И. А. Адамовича по материалам НКВД) // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Сб. трудов. Вып. 6. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 204—211; Ильина В. А. Начальники АКО // Материалы XXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2007. С. 77—84.
- 2. Саратовский край в годы Первой мировой войны: [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elosar. narod.ru/HTML/HIS/236/.
- 3. *Голдин В. И*. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте-июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 76.
 - 4. Цит. по *Голдин В. И.* Указ. соч. С. 81.
 - Там же. С.83.
- 6. ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 53, л. 54. Об особой роли чрезвычайного комиссара С. П. Нацаренуса в этих событиях свидетельствует письмо Мурманского окружного комитета ВКП(б) от 1928 г. в адрес Камчатского окружкома: «Мурманский истпарт ОК ВКП(б) просил Вас указать адрес тов. Нацаренуса. Ответа от Вас не последовало. Поэтому вторично просим сообщить нам его адрес, или для ускорения просить его от нашего имени написать т. Нацаренуса воспоминание о его пребывании в Мурманске в 1918 г., в связи с его переговорами с союзниками. Цели переговоров,

результаты, отношение союзников, положение на Мурмане и армии в районе, советы, парторганизация и настроение на судах, рабочих и армии. Ввиду того, что нами издается сборник об интервенции на Мурмане — статьи тов. Нацаренуса не только желательны, но и обязательно необходимы, так как он единственное лицо, кто знает подробности положения на Мурмане того времени...»

Данный документ не только подтверждает участие С. П. Нацаренуса в этих событиях, но и содержит оценку его деятельности, подчеркивая значение его миссии.

- 7. Голдин В. И. Указ. соч. С. 86.
- 8. Речь идет о железной дороге Мурманск Петроград.
- 9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 116—117.
- 10. Там же. С. 339.
- 11. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898—1991 гг.: [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/06533.asp./.
 - 12. Там же.
- 13. В 1920 г. произошла революция в Монголии, в 1925 г. в Китае. Шел подъем освободительного движения в Индии.
- 14. Правительство Российской Федерации в Турции: [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.turkey.mid.ru/20 30 gg.html./.
 - 15. Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 549.
- 16. ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 53, л. 34. Записка С. П. Нацаренуса «О целях хозяйственной деятельности АКО».
 - 17. АСО Акционерное Сахалинское общество.
- 18. Свод законов СССР. 1929. № 55. Ст. 519. Постановление СНК СССР от 26 августа 1929 г. «О комитете по делам Камчатки и Сахалина».
- 19. Славин С. В. Планирование деятельности Главсевморпути и первые исследования по экономике Северного морского пути // Летопись Севера. 1975. Т. 7. С. 16.
- 20. Боякова С. И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии 1932—1941 гг. Новосибирск, 1995. С. 18.
 - 21. Там же. С.19.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫСЛОВОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Представляемая в этой рубрике книга «В Тихом океане на охране котиков и бобров» издана в Санкт-Петербурге в 1912 г. на средства «состоящей при Главном Морском Штабе постоянной комиссии для употребления процентов с капитала, пожертвованного графом С. А. Строгановым». Интересная и живо написанная работа в свое время была удостоена премии имени графа Строганова — известного благотворителя (фонд его имени действует и сейчас, но за рубежом).

К сожалению, нам не удалось ничего узнать про личность автора книги — М. Д. Жукова. Из ее текста не ясно, был ли это офицер транспорта «Якут» или специально приглашенный в экспедицию журналист. Текст не содержит точной датировки, но из него следует, что описываемое плавание началось после окончания русско-японской войны, а значит, не ранее конца мая 1906 г. и не позже конца мая 1908 г., последнего года перед учреждением Камчатской области во главе с губернатором.

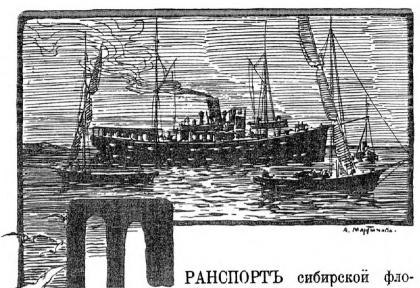
М. Д. ЖУКОВ

В ТИХОМ ОКЕАНЕ НА ОХРАНЕ КОТИКОВ И БОБРОВ Семь месяцев среди тумана и льда

Транспорт Сибирской флотилии «Якут» получил приказание 28 мая 190... года сняться с якоря и идти в далекое северное плавание. В этот день жизнь с утра лихорадочно кипела на судне: спешно шла погрузка угля и припасов; ежеминутно приставали шлюпки, подвозя родственников и знакомых офицеров, приезжавших проститься с ними и пожелать счастливого пути. «Якут» сразу сделался центром внимания, и все спешили взглянуть в последний раз на транспорт, отправляющийся в продолжительное семимесячное плавание к берегам далекой Камчатки. Оживление достигло своего апогея к восьми часам вечера — времени ухода транспорта, но вот раздалась команда: «Убрать трапы», и с последним ударом восьмичасовой склянки громадный «Якут» задымил, забурлил и стал медленно скрываться с Владивостокского рейда.

Вскоре прошли Скрыплев маяк, и на транспорте наступила морская жизнь: под шум винта и волн начали раздаваться склянки, командные слова, приказания офицеров; в определенные часы начала вставать команда, обедать, отдыхать; в восемь часов утра ежедневно подъем флага и с заходом солнца его спуск. Одним словом, наступила своеобразная морская жизнь, сводящаяся, главным образом, к стоянию вахт, еде, отдыху и производству различных учений...

тиліи "Якутъ" получиль приказаніе 28 мая 190... года сняться съ якоря и идти въ далекое сѣверное плаваніе. Въ этотъ день жизнь съ утра лихорадочно кипѣла на суднѣ:

этоть день жизнь съ утра лихорадочно кипъла на суднъ: спѣшно шла погрузка угля и припасовъ; ежеминутно приставали шлюпки, подвозя родственниковъ и знакомыхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ проститься съ ними и пожелать счастливаго пути. "Якутъ" сразу сдѣлался центромъ вниманія, и всѣ спѣшили взглянуть въ послѣдній разъ на транспортъ, отправляющійся въ продолжительное 7 мѣсячное плаваніе къ берегамъ далекой Камчатки. Оживленіе достигло своего апогея къ вчасамъ вечера—времени ухода транспорта;—но вотъ раздалась команда "убрать трапы", и съ послѣднимъ ударомъ 8 часовой склянки громадный "Якутъ" задымиль, забурлиль и сталъ медленно скрываться съ Владивостокскаго рейда..

Первый день в море был спокойный, и мы все отдыхали от шума владивостокской жизни. На следующий день утром показались два красивых японских острова Рисири и Рифунсири, покрытые богатою растительностью и, что особенно придавало им очаровательный вид, с высокими снежными вершинами, горделиво вырисовывавшимися на безоблачном голубом небе.

Пройдя их, мы легли на Крильонский маяк и рассчитывали, вечером открыв его, ночью придти на Сахалин; но наши расчеты не оправдались: скоро поднялся сильный ветер и спустился глубокий туман, скрывший все из горизонта. Мы подвигались точно в каком-то молоке и принуждены были уменьшить ход. Так шли до тех пор, пока по расчету не должны были подойти к Крильонскому маяку. Но, увы, в тумане ничего нельзя было различить, и не представлялось никакой возможности открыть огней маяка. Положение требовало большой осторожности и, чтобы не сесть на камни у маяка, решено было повернуть и лечь на обратный курс. Целая ночь прошла в бесплодном крейсировании, и лишь утром удалось нам открыть признаки берега. Определившись по солнцу и подойдя к Крильонскому маяку, мы легли на Корсаковское и 31 мая в восемь часов вечера бросили якорь недалеко от его высоких и обрывистых берегов.

Сахалин встретил нас неприветливо. Страшный ветер гнал на берег огромные серо-зеленые волны и, срывая их побелевшие гребни, нес по воздуху холодную соленую водяную пыль.

С транспорта было видно, как эти волны ударялись о небольшую пристань и, разбиваясь об нее, взлетали выше крыш стоящих на пристани небольших домов.

Наш старый опытный командир, хорошо знакомый с суровым плаванием в северных морях, подозрительно поглядывал кругом и через несколько минут после постановки на якорь объявил, что сообщения с берегом не будет. И решение его имело все свои серьезные основания: стоянка судов на Сахалине настолько плохая, что когда разыграется шторм, то иногда на несколько дней совершенно прекращается всякое сообщение, и послать шлюпку на берег не представляется никакой возможности.

Целую ночь продолжалось сильное волнение и немного улеглось лишь к утру. К полудню все разгулялось, выглянуло яркое солнышко и при его веселых лучах картина поста Корсаковского, который весь расположился в глубине залива на гористом берегу, показалась чрезвычайно живописной. Особенно большую прелесть ей придавала рамка густой зелени, раскинувшейся в окрестностях Корсаковского, которые были сплошь покрыты густым, непроходимым девственным лесом. Этот лес поражал своею мощью и ярко говорил о больших природных богатствах Сахалина. И они здесь действительно велики! Так, на острове имеются богатейшие залежи каменного угля, доставляющие уголь, по качествам своим нисколько не уступающий лучшим

сортам английского и смело могущий снабжать все суда нашей Тихоокеанской эскадры. Во многих местах открыты нефтяные источники, хранящие в себе громаднейшие запасы нефти. Кроме того, на Сахалине найдены руды: железная, медная, серебряно-свинцовая, цинковая, и есть полное основание предполагать, что на нем существуют и месторождения золота. Морские прибережья богаты трепангами и известными под именем морской капусты водорослями, составляющими предметы вывоза в Японию и Китай, где они являются лакомством и необходимою приправою пищи.

Помимо этих богатств Сахалин обладает неисчерпаемым обилием рыбы; его рыбные богатства имеют совершенно сказочные размеры. Сельди, несколько пород лососевых, каковы: кэта, горбуша, чивица (последняя достигает до полутора пуда веса) и многие другие породы рыб, а также сивучи, нерпы и киты могли бы доставить обильный заработок и безбедное существование населению, во много раз превышающему нынешнее население Сахалина.

Во время ловли сельдей берега в полном смысле слова завалены ими; невода не выдерживают тяжести, и рыбу нужно вычерпывать из невода сачками. Подходя к берегам и не успевая с отливом уйти обратно в море, сельди громадною массою остаются на прибрежных мелях; не имеющие неводов местные жители пользуются этим и целыми телегами набирают сельдь с этих мелей, въезжая прямо в середину пласта трепещущей рыбы.

Японцы давно оценили эти богатства Сахалина, и вся почти рыбопромышленность находится в их руках. Главным японским промыслом на Сахалине служить ловля селедки, количество которой достигает ежегодно свыше трех миллионов пудов, составляющих колоссальную цифру свыше пяти миллиардов рыб. Сахалинская сельдь отличается своими прекрасными качествами и, превосходя по вкусу астраханскую и даже керченскую селедку, могла бы найти себе хороший сбыт не только на русских, но и на заграничных рынках. Между тем она вся переходит в руки японцев, которые вываривают из нее жир, а сухой остаток вывозят на удобрение своих полей.

Немногое сказанное делает понятным, почему Япония все время завистливо поглядывала на Сахалин и давно строила планы захватить его в собственный руки. По Симодскому трактату Сахалин остался неразделенным между нами и Японией, которая упорно не желала отдавать южную часть острова, и только в 1875 г. он был окончательно утвержден за нами ценою Курильских островов около Камчатки, которые мы принуждены были уступить японцам в виде вознаграждения за потерю ими Сахалина. Минувшая война возвратила южную половину острова и снова передала ее во владение японцев.

Остров Тюлений. Простояв сутки с небольшим на Сахалине, мы согласно программы плавания должны были отправиться на остров Тюлений, где по инструкции нам надлежало высадить тюлений караул. Этот караул состоит

из матросов Сибирского экипажа, которые ежегодно привозятся на остров, где находится одно из котиковых лежбищ, и охраняют его от набега хищников. Другое лежбище находится вблизи Камчатки, на Командорских островах, и там обязанности военной охраняющей силы исполняет одно из судов Сибирской флотилии, всегда крейсирующее в тамошних водах. Такая охрана была возложена, между прочим, и на наш транспорт «Якут».

Выйдя в море, мы встретили у острова на расстоянии миль двадцати громадную массу льда с торосами, доходившими вышиною до 2—3 саженей. Благоразумие требовало обождать, пока разойдется лед, поэтому мы решили выжидать удобный момент вблизи Тюленьего острова и пошли в находящиеся недалеко от него пост Тихменевский.

Простояв сутки в Тихменевском посту, мы снова решили идти к Тюленьему острову; счастье на этот раз нам благоприятствовало, и утром на следующий день мы стали на якорь вблизи этого злополучного острова. Это была большая удача, так как часто случается, что из-за густых туманов остров нельзя бывает отыскать по нескольку суток.

Сейчас же были спущены на воду все шлюпки, и началась спешная перевозка различных грузов. Здесь мы должны были высадить одного офицера и девятнадцать человек команды, которым предстояла невеселая перспектива провести почти шесть месяцев на этом, буквально, «Чертовом острове», вдали от людей, без всяких удобств, питаясь все время почти одной солониной.

Остров Тюлений, несомненно, вулканического происхождения, выдается из Охотского моря в виде треугольного утеса высотой до четырех сажен; длина его около одной версты, наибольшая ширина сажен сто, в узком же месте он сходится почти на нет. Растительности на нем нет никакой, и единственные жалкие овощи на этой скале произрастают в ящиках с насыпным привозным черноземом. Для жизни на острове построены три домика для начальника охраны, девятнадцати матросов и семи алеутов, привозимых сюда для убоя котиков; несколько сараев для припасов и опреснения воды (на острове нет пресной воды, и ее приходится добывать из морской) дополняют унылую картину этого ужасного места.

На верхней площадке острова устроена сигнальная мачта, около которой всегда стоить караул, следящий за тем, чтобы хищнические шхуны не приближались к острову и не занимались убоем котиков. На другой стороне, противоположной той, где на склоне утеса помещается охрана, расположено самое лежбище котиков.

Берег на этом месте широкий, песчаный, и котики здесь проводят все лето, выводя своих детенышей. Обыкновенно каждый котик забирает себе от двадцати до пятидесяти самок и живет с ними; все время у них идут драки из-за самок, и воздух непрерывно оглашается их страшным ревом. Если сюда добавить несметное количество аар — маленьких птичек, вроде чаек, с длин-

ными носами, коричнево-стальной окраской, которые с неумолкаемым карканьем тучами носятся в воздухе, то шум всех этих обитателей вместе с каким-то их удивительным зловонием представляет тяжелую картину жизни острова, способную нервного человека свести с ума.

Аары являются на Тюлений остров для высадки яиц, и в буквальном смысле слова покрывают собою весь остров. Для того чтобы пройти по острову, необходимо все время сгонять этих птичек и идти чуть ли не по их яйцам. Аарьи яйца довольно крупной величины и странной грушевидной формы окрашены в красивые разнообразные оттенки: от темно-зеленого с узором до чисто-белого; желток яйца совершенно красноватого, шафранного цвета; алеуты с аппетитом употребляют эти яйца в пищу.

Котиков, когда мы пришли к Тюленьему, оказалось очень мало, что-то около 100—150 штук. Это были все жирные, толстые, старые самцы-секачи, которые являются всегда первыми на лежбище и поджидают самок. Обыкновенно котики проводят на Тюленьем все лето, а осенью истощенные, худые, покидают его и где-то (пока это неизвестно) проводят зиму.

Котик — род тюленя, млекопитающее. Те, которых нам удалось видеть, были величиною до половины сажени и высотою до 1—2 фута; вид их отвратителен: большое туловище покрыто грязно-бурым мехом, похожим на медвежий, хвост изрезанный на пять отростков, длинные, до двух футов, передние оконечности, превратившиеся в плавники, на которых котик довольно быстро ползает по земле, маленькая остроконечная головка с черными ласковыми глазами, довольно большие зубы и длинные усы — вот общая, странная, неприглядная физиономия котика, доставляющего известный красивый бархатный мех.

Убивают котиков палками, нанося удары по голове, которая у них представляет нежную часть тела. Этой операцией занимаются алеуты, специально привозимые котиковой компанией с Командорских островов (вблизи Камчатки). Они на шлюпках подплывают к стаду, с криком гонят котиков на берег и тут выбирают молодых секачей (самцов), возрастом не старше восьми лет. Старых секачей и самок убивать не разрешено. За каждого убитого котика алеут получает полтора рубля, компания же платить казне за котика четырнадцать рублей золотом. Ежегодный убой на Тюленьем острове упал теперь до 500—600 штук. Раньше же он доходил до нескольких тысяч.

Проработав целый день, мы едва кончили к двенадцати часам ночи перевозку грузов на Тюлений остров и принуждены были немедленно сняться с якоря и уйти в море. Начиналось уже легкое волнение, которое к ночи все усиливалось и грозило перейти в сильный шторм. Приходилось спешить, и поэтому с последним мешком, брошенным в отваливавшую на остров шлюпку, был тотчас же поднят якорь, и наш транспорт отправился дальше, через группу Курильских островов к берегам Камчатки.

Камчатка. 8 июня после длинного, утомительного плавания, сопровождавшегося ужасными ветрами и туманами, во время которых «Якут» едва не разбился у Курильских островов, мы, наконец, рано утром подходили к далеким неизвестным берегам таинственной Камчатки.

Коварное солнышко, все время прятавшееся от нас, теперь весело светило, и под его горячими лучами море успокоилось и заиграло легкими, причудливыми красками. Все офицеры и команда толпились на верхней палубе и с жадным любопытством рассматривали открывавшуюся панораму.

Самого города Петропавловска еще пока не было видно — он скрывался за горой, и на зеленом высоком берегу виднелся лишь, точно сторож, белый маяк, указывавший на вход в Авачинскую бухту.

Высокие горы самых причудливых очертаний теснились и величественно вырисовывались на лазурном небе; вдали на горизонте виднелись камчатские вулканы, и их белоснежные вершины ослепительно блестели, представляя на зеленом фоне лесистых гор дивную, непередаваемой красоты, картину.

Пройдя маяк — маленькую башенку, мимо трех утесов, одиноко вылезших из воды и носящих здесь название «Трех братьев», мы повернули и вошли в самую Авачинскую бухту, где вскоре встали на якорь вблизи угольной пристани. Перед нами теперь развернулся весь город, и вид его, протянувшегося по берегу моря узкой полосой на расстоянии каких-нибудь 200—300 сажен, с безобразной кучей деревянных домов, на первых порах сразу как-то поразил нас своею мизерностью и убожеством. Чувствовалось что-то жалкое и совершенно несовместимое с понятием города, а между тем это была столица Камчатки, административный центр области, по величине не уступающей размерам Германской Империи.

Вскоре к нам на корабль явилось все население Петропавловска. Приход военного судна составляет для этого забытого уголка важное событие в жизни: ведь он привозит петропавловцам припасы, почту и сведения о внешнем мире, который для них, благодаря отсутствию почти всяких сообщений, представляется чем-то отвлеченным, таинственным и страшно далеким. Только в последние годы стали появляться на Петропавловском рейде пароходы, раньше же заходил всего один раз в год доброволец «Хабаровск», с уходом которого порывалась почти всякая связь с внешним миром. После него почта направлялась через Якутск на собаках, и вся Камчатка на 6—8 месяцев погружалась в долгую, ужасную чисто животную спячку.

Вид Петропавловских обывателей был далеко не интеллигентный и напоминал скорее мужичков какого-нибудь нашего русского села, чем горожан, но держались они свободно, с большим сознанием собственного достоинства. Видимо, бурная кровь отважных покорителей Камчатки и славных защитников Петропавловской обороны еще не совсем угасла в их жилах и не давала наложить на лица камчадалов жалкого, забитого вида. Вскоре

у нас завязались с ними самые дружественные отношения, которые не прерывались во все время нашей стоянки в Петропавловске.

Отдохнув немного после тяжелого, утомительного перехода, мы отправились на берег осматривать город, где нам приходилось прожить несколько месяцев.

Идя по берегу вдоль высокой живописной Никольской горы, мы после колеблющейся под ногами палубы корабля с наслаждением чувствовали под собой твердую землю; солнышко ярко светило, и его веселые лучи красиво переливались в зеленой синеве Авачинской бухты; попадавшиеся нам навстречу рыбаки добродушно здоровались и приветствовали нас. Вся картина после шума волн, разбивавшихся о корабль, и свиста ужасного ветра, гудевшего в снастях, приятно поражала своим мирным и счастливым покоем.

Минут через пять мы были уже в городе и с любопытством шли по его неправильной главной улице, заросшей густой зеленой травой. Не замечалось никакого шума, не было ни экипажей, ни снующего народа, для порядка даже не стояло ни одного городового; полное отсутствие магазинов, ресторанов, вывесок. Одним словом, всего того, что обыкновенно принято соединять с понятием слова «город».

На улице лениво лежали камчатскае собаки, и только одни мальчишки, как везде на земном шаре, весело шумели и своими криками будили сонную тишину заснувшего города. Впрочем, самое слово город тут неуместно, и Петропавловск на самом деле представляет убогую, маленькую деревушку, состоящую всего из семидесяти домов, с четырьмястами жителей, деревушку, очень красивую издали с моря, но безобразную вблизи. Дома тут все маленькие, деревянные. Каменных нельзя строить, так как каждый год бывают землетрясения, и от близкого соседства с вулканами-сопками — Коряцкой, Ключевской, Вилючинской и другими в Петропавловск часто заносится даже пепел от извержений. Легкий дымок всегда вьется на снежных вершинах этих грозных вулканов и придает этому городу-деревне какой-то странный, оригинальный вид. Улиц в Петропавловске почти нет — это, скорее, какие-то маленькие переулки. Главная улица протянулась через весь город к кладбищу, носящему здесь своеобразное название «поганки» (так назывался ручей, который теперь течет в ограде музея Войск и Сил на Северо-Востоке. — Ред.). Есть церковь — маленькая, деревянная, внутри обклеенная обоями. Служит в ней старый, престарелый, симпатичный священник. В ограде церкви поставлен памятник основателю города Берингу. Железная колонна с каким-то аляповатым украшением хранит память этого знаменитого, отважного мореплавателя. Другой памятник — Лаперузу — стоит на Никольской горе, знаменитой своей геройской обороной Петропавловска в 1854 г. Эпоха крымской кампании была славным временем в жизни Камчатки: здесь мы победили сильного противника и заставили его с позором отступить.

Военный транспорт Сибирской флотилии «Якут»

Вид города Петропавловска

Улица Петропавловска

Часовня и братская могила героев обороны 1854 г.

Когда соединенный англо-французский флот пришел в Авачинскую бухту и приготовился брать Петропавловск, в Петропавловской бухте находилось всего только три военных судна. Узнав о приближении неприятельского флота, все жители приготовились к защите. Пушки с кораблей были сняты и поставлены на низкой песчаной косе, разрезающей Петропавловскую бухту. И лишь только флот союзников приблизился к городу, его встретил сильный огонь. Неприятель должен был отступить и укрылся за Никольской горой. Незначительная по количеству горсть храбрецов Петропавловска решила защищать город до последней капли крови и наскоро возвела две батареи: одну на Никольской горе посредине ее, другую на запад от Петропавловска, где большая лагуна впадает в море, и где берег удобен для высадки. Первая батарея была хитро закрыта срубленными зелеными ветками и обманула внимание противника. Но лишь только он высадил здесь свой десант, зеленая маска с пушек упала, и союзников встретил град картечи. Неприятель отступил и решил брать город с запада, но и здесь, когда он высадился у устья лагуны, его снова встретил страшный огонь. Видя, что с открытого места города им не взять, союзники высадились под Никольской горой и, пользуясь защитой леса, забрались на нее. Они уже вошли на вершину горы и открыли огонь по Петропавловску, но не заметили, как русские по лесу незаметно подобрались к ним. Отважные защитники Петропавловска храбро бросились на врагов, смяли их и сбросили вниз. В этой страшной стычке погибло семьсот человек союзного войска (на деле потери были значительно меньше названных. В общей сложности за два боя убито и ранено около двухсот участников англо-французского десанта. Позже значительная часть раненых скончалась. — Ped.).

После такой потери английский адмирал, бывший начальником соединенного флота, отвел суда на другую сторону Авачинской бухты и, не вынесши позора поражения, застрелился. Флот неприятельский ушел в море, а Петропавловск был оставлен в целости.

Памятью этой славной защиты города служит теперь железный памятник на песчаной косе в Авачинской бухте и братская могила у подножия Никольской горы, в ограде которой мирно почили рядом бывшие враги и союзники этой далекой военной кампании: английский и французский кресты стоят рядом с русским на могиле вблизи часовенки, где ежегодно совершается богослужение в память годовщины славного боя.

Кроме этих трех реликвий в Петропавловске нет ничего замечательного. Жизнь там мертва, бесцветна и лишена всякого интереса. Все помыслы поглощены борьбой за существование и направлены исключительно на удовлетворение насущных потребностей: здесь рыболовство, пушной промысел составляют лишь единственные вопросы, которые тревожат ум и сердце, и около которых сосредоточено все миросозерцание камчадала.

Рыба для камчадала составляет все в его жалком хозяйстве: она идет ему в пищу, служит главным предметом его торговли с Японией, ею же кормят и собак, этих незаменимых лошадей Камчатки, на которых только и возможно передвижение по ее глубоким снегам. Количество рыбы тут прямо поразительно. Мы как-то переезжали камчатскую реку в период метания икры, и воды почти не было видно, до того она кипела рыбой! Во время нашей стоянки в Петропавловске для развлечения иногда устраивалась рыбная ловля, и наши матросы, шутя, неводом вытаскивали за раз штук до семидесяти великолепной большой рыбы. Впрочем, лучшей иллюстрацией изобилия ее может служить подсчет, какое количество требуется юкколы (вяленой рыбы) лишь для одного собачьего хозяйства. Каждой собаке, как корм, дается в день одна юкола. Следовательно, в год триста шестьдесят пять штук; собак в нарту (ездовые сани) запрягается до десяти. Таким образом, на одну только нарту требуется в год минимум три с половиной тысячи юккол; принимая во внимание, что не у всех камчадалов лишь по одной нарте, а имеются и более зажиточные хозяева, легко себе представить, сколько рыбы приходится заготовлять только для одних ездовых собак.

Громадное количество рыбы сверх удовлетворения своих нужд идет в Японию, где находит себе хороший сбыт.

По своим качествам камчатская рыба заслуживает всяческой похвалы: кроме великолепной селедки, на Камчатке водится красная кэта (род лосося), кижица, чувича — вкусом лучше всякой семги, замечательная еще тем, что в период ее улова появляется вид куличка, издающий звуки, близко похожие на фразу: «Ты чувичу видел?» Кроме них, масса других сортов рыбы наполняет камчатские речки.

Из местной интеллигенции в Петропавловске живут: начальник округи (здесь округа, а не округ!), помощник его, доктор, учитель, священник, акушерка и представитель котиковой компании. Последняя пользуется на Камчатке и Командорских островах большой силой: она захватила выгодные промыслы и держит все население в своей власти.

Образ правления на Камчатке самый патриархальный, и начальник округи в Петропавловске — толстый, добродушный господин из бывших исправников является буквально отцом для своих горожан-камчадалов. Здесь еще до сих пор остались счастливые времена Гостомысла, когда суду и расправе не нужно было ходить по всяким кассациям и апелляциям, а он быстро производился без всякой волокиты на месте преступления, к общему удовольствию всех сторон, как правых, так и виноватых. Было трогательно наблюдать, как в жаркий день начальник округи в расстегнутом сюртуке пил на крыльце чай, а перед ним, точно перед Владимиром Красным Солнышком, проходили его дружинники — храбрые, неуклюжие казачки-камчадалы, одетые в пиджаки и с одной лишь казачьей с красным околышем фуражкой на голове.

Не было никакой выправки, ни строгой дисциплины, все просто, без всяких фасонов и стеснений: казаки при виде начальства снимали фуражку и мирно желали ему благополучия и долголетия. Военная форма здесь отсутствовала, и лишь как пережиток старины, когда в Петропавловске был военный порт, остался забытый пороховой погреб, около которого, да еще и около домов начальника и помощника округа сосредоточена военная служба. Нам всегда доставляло большое удовольствие проходить мимо этих караульных постов и наблюдать комические военные сцены.

Так, однажды с доктором одной приехавшей золотопромышленной экспедиции мы были свидетелями такой смены караула. У порохового погреба, в котором едва ли и хранилось полфунта пороха, стоит часовой-казак без всякого оружия. Время обеденное, и к казаку идет его жена.

— Григорий, иди обедать, — кричит она.

Казак мнется: ему хочется есть, но нельзя бросить свой пост, а смениться не с кем. Вдруг лицо его озаряется улыбкой, он замечает идущего по берегу другого казака.

- Степаныц, Сте-па-ны-ыц, кричит радостно он.
- Цево тебе, отвечает тот (камчадалы неправильно произносят свистящие и шипящие звуки).
 - Иди, поштой за меня, я обедать хоцу.
 - У меня обед оштынет, откликается тот и проходить.
- И у меня обед оштынет! решительно замечает часовой и уходит с поста, очевидно, примирившись с невозможностью совместить и обед, и военную дисциплину!

На другом посту, где помещается полицейское правление и квартира помощника начальника округи, мы наткнулись через нисколько дней на подобную же комическую сценку, живо рисующую, как русские воины на далекой Камчатке своеобразно соединяют и обывательское добродушие, и военную исполнительность. В участке сидел посаженный за буйство приехавший рабочий с золотых приисков. К его окошку, выходящему на улицу, подходит пьяный товарищ; в кармане у него бутылка водки, и он склоняет узника распить с ним живительную влагу на свободе. Эту сцену невозмутимо наблюдает часовой. Кончается дело тем, что узник ломает старую, проржавленную решетку, вылезает на улицу и, напившись пьяным, тут же засыпает вместе со своим товарищем под бдительным присмотром часового-казака.

Выходит помощник начальника округи.

- Это что? спрашиваете он, замечая сломанную решетку. Где арестант? Он бежал?
- He-e, вот он! спокойно показывает казак на трогательную пьяную группу, мирно храпящую под окном.
 - Тьфу! и, махнув рукой, помощник уходить к себе домой.

Камчатские казаки не несут собственно никакой службы, у них нет ни офиперов, ни формы, ни строя; они составляют милицию и лишь в военное время превращаются в солдат. В обыкновенное же время это великолепные стрелки, с одного выстрела убивающие зверя, искусные рыболовы, но плохие землепашцы и, в общем, самые мирные мужички. На вид они невзрачны, неуклюжи, ленивы, но добродушны и гостеприимны. Если вы зайдете в гости к камчадалу, то он вас сейчас же станет угощать и непременно предложит рыбий балык.

— Однаце, бальщка надоть попробовать! — и с этими словами гостеприимный хозяин заставить вас во что бы то ни стало отведать этот приевшийся на Камчатке рыбный деликатес...

Кроме рыбы, на Камчатке находится много различных природных богатств. Так, имеются залежи железа, меди, россыпи золота; есть драгоценные камни, в некоторых местах Охотского побережья находится жемчуг. Повсюду масса леса, богатого пушным зверем — чудными соболями, черно-бурыми лисицами и другими. Великолепные бобры, которыми славится Камчатка, водятся на ее южной оконечности.

Вообще, если бы Камчатка не была бы так далека, а главное, целыми месяцами отрезана от всего мира, она бы привлекла к себе тысячи предприимчивых жителей.

Камчатка сильно заинтересовала нас, и нам захотелось посмотреть хоть близкие от нас ее уголки.

Случай скоро представился. Выбрав праздничный день, мы целой компанией отправились через Тарьинскую бухту в так называемую на Камчатке «заимку», где были горячие сернистые ключи, по словам жителей, очень целебные и сильно помогающие от ревматических болей.

Один наш офицер страдал ревматизмом и на «заимке» решил полечиться. День был жаркий, и мы верхом на лошадях весело катили через густой лиственный лес с громадными толстыми деревьями.

Пейзаж был очарователен: прелестные полянки, все покрытые густой травой и усыпанные целым ковром разнообразных цветов, красиво чередовались с чащами векового леса. На пути лежала глубокая реченька. Мы слезли с лошадей, пустили их вплавь, а сами на каких-то душегубках с риском потонуть перебрались на другую сторону; ехать на них было жутко и интересно: одно наше неосторожное движение, и мы могли бы очутиться в быстром потоке, приняв холодный и неприятный душ, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Речка разветвлялась, и одна ветвь ее шла в расположенную недалеко деревню, где, как нам сказали, жила колония прокаженных, которых довольно значительное количество на Камчатке. Нашему доктору сейчас же захотелось посмотреть их, и мы его насилу уговорили не расстраивать компании, а съездить в деревню в другой раз.

Петропавловский собор

Памятники Лаперузу (слева) и Берингу (справа)

На заимке вблизи Петропавловска

Вид селения на острове Медном (Командорские острова)

Перебравшись на другой берег, мы снова сели на лошадей и к вечеру, наконец, добрались до «заимки». Она оказалась очень маленькой, состоящей всего из десятка невзрачных домишек. Петропавловские обыватели живут здесь во время хода рыбы и охоты на медведей, которых на Камчатке очень много.

Каждый охотник убивает их в год штуки по три-четыре, и это им служит лучшим подспорьем в их убогом хозяйстве. Все медвежьи шкуры продаются в Японии, и за каждую шкуру японцы платят от десяти до пятнадцати рублей.

Что замечательно в камчатских медведях — это их цвет: он бывает чрезвычайно разнообразен и от совершенно черного доходит через все оттенки до светло-палевого, почти даже белого. Камчатские медведи менее кровожадны и превосходят своими размерами наших бурых мишек.

Во время стоянки в Петропавловске нам в самом городе пришлось охотиться на огромного медведя, который переплыл Тарьинскую бухту в несколько миль шириною и высадился вблизи часового, стоявшего на карауле у порохового погреба.

Весь Петропавловск сейчас же мобилизовался; мы также захватили свои ружья, и «мишка» был убит. Громадную шкуру отважного мореплавателя, как победный трофей и воспоминание о городской охоте, купил и увез во Владивосток один из наших офицеров.

На «заимке» мы пробыли два дня, и время у нас прошло незаметно. К сожалению, все удовольствие пикника отравили несносные комары, которые не давали ни минуты покоя. Их приходилось выкуривать из комнаты, и даже повещенная на лицо кисея нисколько не защищала от их укусов.

Ключи «на заимке» оказались, действительно, горячими, и мы в день приезда, легкомысленно забравшись туда, едва не сварились. Более пяти минут нельзя было высидеть, а вылезши, мы чувствовали себя настолько расслабленными, что не могли даже двигаться. Но ревматизму они помогают, и наш офицер, проживши на «заимке» две недели, почувствовал большое облегчение.

Вернувшись в Петропавловск, мы через несколько дней попали на камчатское развлечение — вечеринку или, по местному выражению, вецорку, на которой присутствовало почти все молодое население города. Камчадалки при этом оказались с таким гордым сознанием собственного достоинства, что их приходилось приглашать каждую в отдельности; не будь это сделано, ни одна петропавловская дама из хлева, кухни и огорода не почтила бы своим присутствием этот оригинальный бал.

Он был очень интересен. Музыкальной частью его заведовал гармонист, угощением служило пиво, водка, какое-то особое вино под названием «красностоп» и орехи, причем местные дамы оказали всему честь. Из танцев, кроме обычной польки и кадрили, был свой камчатский — так называемая «восьмерка» — род лянсье, со всякими притоптываниями, присту-

киваниями и различными церемониями, вроде целования всего поезда, то есть танцующих пар.

Вечорка прошла очень оживленно и вполне прилично. Никто из гостей не напился пьян; дамы, отдававшие смесью запаха навоза и спелой картошки, вели себя по-камчатски до невозможности чопорно и неприступно: они хотя и сидели у своих кавалеров на коленях, но все дальнейшие их легкомысленные движения строго останавливали суровой фразой: «Однаце, я не понимаю, цего вы хоцыте», — причем кокетливо опускали свои глазки вниз...

Этот вечер оставил у нас всех очень оригинальное впечатление, и мы долго вспоминали своеобразный камчатский бал...

Чукотский полуостров. Простояв в Петропавловске с неделю, мы пополнили запасы угля и воды и отправились на самый дальний север в Берингов пролив. Плавание наше на этот раз было вполне спокойное, и мы на пятые сутки подошли к Чукотским берегам.

После яркого солнышка, кокетливо играющего на белоснежных вершинах камчатских вулканов, пронизывающая стужа и снег на горах встретили нас на Чукотском полуостров. А между тем было 20-е июня — самый разгар летней жары, когда солнце должно бы печь, и вся природа дышать зноем и красой! Тут же глыбы плавающего льда, голая галька на берегу, местами лишь прерываемая пятнами тощей грязновато-зеленой травки, ни кустика, не только что дерева, — все мертво, безжизненно и уныло. Вот таковы были наши первые впечатывая, когда мы стали на якорь в бухте Провидения на Чукотском полуострове.

Далекий, неизвестный России ее Север встретил нас очень неприветливо: холодный ветер нес в лицо мелкую водяную пыль и пронизывал до костей. Резкие крики гусей и чаек, да треск ломающегося льда — были лишь жуткие звуки, оживлявшие эту скучную мертвую природу. На берег не хотелось ехать, и на корабле чувствовалось как-то веселее и уютнее.

Вскоре к нам явились чукчи, и все бросились смотреть этих диких, никому неизвестных в России жалких обитателей крайнего нашего Севера. Они приехали к нам в какой-то кожаной лодке, которая вся просвечивала в воде. Мы сейчас же зазвали их на корабль, и вся команда бросила свои работы, чтобы посмотреть на никогда невиданных дикарей. Чукчи были одеты в меховые рубашки, так называемые кухлянки, и в меховые штаны; на ногах у них были надеты высокие сапоги из оленьей кожи. Кухлянка, стянутая ременным поясом, для красы была оторочена собачьим мехом; на поясе прикреплялся маленький ножик и рукавицы, а на шею был повешен кисет, в котором кроме табаку хранились кремень, огниво и трут.

Костюм женщин был схож с мужским: сшитый также из оленьей шкуры, он представлял из себя балахон, внизу переходящий непосредственно в шаровары. Шаровары были ниже колен собраны в складку и заправлены в «торбаса»

(сапоги), украшенные небольшими вышивками. Мужчин вначале мы не могли отличить от женщин, и лишь длинные волосы на голове позволили нам догадаться, что это были чукотские женщины. Мужчины-чукчи коротко стригут волосы на голове, и она издали кажется прямо чуть не бритой, между тем женщины оставляют длинные волосы на всей голове, заплетая их в косы. Короткие косы эти прикрепляются соединенными концами к макушке, образуя сзади две небольшие петли; по средине головы расчесывается правильный пробор. В волосы женщин были вплетены небольшие пряди мелкого бисера, красного и молочного цветов. Среди женщин были несколько татуированных: синеватые вертикальные полоски покрывали им щеки и подбородок, а две длинные полоски тянулись вдоль переносья и далее вверх по лбу.

Как мы узнали потом, татуировка производится над девушкой немедленно после ее сговора посредством длинного оленьего волоса, продеваемого под кожу, причем волос этот так под кожей и остается. Операция эта очень мучительная.

Общий вид чукчей был крайне неважный и болезненный, особенно заметны глазные болезни. Среди них оказался один говорящий по-английски, и мы с ним вступили в разговор. Чукча начал жаловаться на болезни, которые свирепствовали недавно среди них и унесли многих из них в могилу; говорил про бедность и про голод, доведший их до полного истощения; сообщил, что они лишились всех своих оленей; все эти жалобы он закончил просьбой сообщить о них Белому Царю. И было так трогательно и вместе с тем странно видеть, как чукчи, несмотря на полное отсутствие забот со стороны правительства о них, все-таки помнят и знают, что они принадлежат России и хранят о ней память, когда их окружают одни лишь американцы, и когда даже они умеют говорить не по-русски, а по-английски!

Чукчи сразу у нас на корабле нашли полное гостеприимство: их накормили, напоили, дали сахару, до которого они оказались большие лакомки, и сытые, довольные чукчи тут же на палубе и уснули. Когда они выспались, мы вместе с ними отправились на берег, чтобы посмотреть их селение. Юрты их были расположены на песчаной косе и занимали совершенно маленькую площадь. Количество юрт было не более десяти, а самих чукчей, живущих в них, не свыше человек сорока.

Все селение носило на себе следы дикости, убожества и нищеты.

Мы подробно осмотрели его и даже сфотографировали самым добросовестным манером. Интересно устройство самих жилищ чукчей. Их юрты строятся так: выравнивается место и обносится камнями, в землю втыкаются, за неимением леса, китовые кости, которые покрываются оленьими или моржовыми шкурами, крепко связанными ремнями. Для того чтобы их не сорвало ветром, по бокам на ремнях подвешиваются тяжелые камни, крепко натягивающие шкуры. Таким образом, получается круглый шатер, служа-

щий жилищем для этих нетребовательных дикарей. Внутренность юрты разделяется на два отделения: первое — общее и заднее — спальню. В переднем отделении хранится имущество чукчей: шкуры, нерпичье мясо (нерпа — род тюленя) и другое; тут же помещается очаг, где чукчи готовят себе пищу; заднее помещение юрты отведено под «полог», служащий спальней; полог, прикрепленный к особым вертикальным кольям, или к жердям, служащим подпорками, сшит из выделанных оленьих шкур шерстью внутрь и образует как бы большой продолговатый кожаный ящик. При высоте в два аршина полог имеет до четырех аршин длины и до двух ширины. Его полы лишены всяких отверстий и подоткнуты под лежащие на земле толстым слоем оленьи шкуры. Для входа в эту спальню в одном месте полог немного поднимается, так что приходится вползать туда на четвереньках.

Спальня освещается и согревается тюленьим жиром, который наливается в чашку и горит, распространяя ужасный чад и копоть; эта самодельная лампа так нагревает тесное помещение, что даже в самую холодную погоду приходится в нем совершенно раздеваться. Сами чукчи спят в юрте обыкновенно совершенно голые. Мы пробовали войти в юрту, но более минуты оставаться там не было никакой возможности. Атмосфера была настолько тяжела, что мы буквально задыхались от того зловония, какое там было; это зловоние было и снаружи, оно окружало чукчу, но все-таки его нельзя было сравнить с тем, что мы почувствовали внутри, зайдя в спальню.

Пробыв в селении часа два, мы накупили у чукчей разных амулетов из моржовой кости и отправились на корабль. Торговля шла у нас меновая, причем все вещи мы получали в обмен на кирпичный чай и сахар, который мы, зная про обычай чукчей, предусмотрительно захватили в Петропавловске. Как мы убедились, меновая торговля с чукчами отличается особой своеобразностью, и чукче всегда нужно дать при обмене ту вещь, на которую он зарится, иначе он не согласится на мену. Не имея ни малейшего представления о ценности предмета, как своего, так и понравившегося ему чужого, он нередко просит вещь, стоящую либо дешевле его товара, либо гораздо дороже. Увещания и объяснения никогда не помогают и, говорят, торговцы, нередко уступают товар в убыток, чтобы в другой раз с лихвою вознаградить себя в этой потере.

Во время нашей стоянки в бухте Провидения чукчи бывали у нас каждый день, и с командой у них завязались самые лучшие отношения. Один молодой чукча до того обжился на корабле, что его переодели в старое матросское платье и даже привлекли к участию в судовых работах. Один разбитной матросик поставил его на брандспойт и велел качать воду. Чукча покорился воле начальника, и нужно было смотреть, сколько потехи и веселья вызвала работа чукчи среди команды!

Матросы, как известно, лучше лингвисты в мире, и поэтому они уже в первый день знакомства с чукчами разговаривали с ними на каком-то странном

языке. Самый чукотский язык оказался трудным и неблагозвучным. Мы пробовали изучить его, но из этого ничего не вышло. Наш доктор хотел, было, просто разрешить этот вопрос: по его мнению, нужно только чаще говорить: «Ггы» с самым диким произношением и к нему прибавлять еще несколько слов по собственному усмотрению. Его смелая теория имела лишь успех в кают-компании за обедом, когда он, глядя на графин водки, стоявший на противоположном конце стола, свирепо говорил: «Ггы» на своем чукотском воляпюке, но у чукчей его разговор был совершенно непонятен, и там он к своей досаде должен был разговаривать не по-чукотски, а по-английски, да и то всего лишь с одним чукчей, который когда-то служил на американском китобое и поэтому знал несколько английский язык.

Во время стоянки мы ездили в соседние бухты и занимались изучением Чукотского полуострова. Результатом наших трудов было даже исправление в одном месте карты, которая оказалась составленной совершенно неправильно. Лазя по горам, мы раз наткнулись на чукотское кладбище, и наш доктор забрал оттуда целую коллекцию черепов. Чукчи очень оригинально хоронят своих покойников: на кладбище мы в первый раз наткнулись на несколько трупов, совершенно обнаженных, причем у мужчин мы нашли венчик из камней, выложенный вокруг всего тела, у женщин такой круг был не замкнут и помещался лишь у головы и нижних оконечностей.

В общем, природа бухты Провидения была до чрезвычайности унылая и мрачная: ни зелени, ни красивых видов — одни лишь горы, на которых коегде хранился еще снег, и мы вскоре не знали куда деваться от страшной, подавляющей тоски. Так мы простояли целую неделю и были чрезвычайно обрадованы, когда командир объявил, что мы переходим на стоянку в другую бухту, Св. Лаврентия.

Бухта Св. Лаврентия. Расстояние бухты Св. Лаврентия от бухты Провидения было 120 миль, поэтому, снявшись утром, мы пришли вечером в тот же день в бухту Св. Лаврентия, где стали на якорь около острова Литке. Бухта оказалась не так хороша, как Провидения, но глубокая и сравнительно хорошо защищенная горами от ветров. Самые горы немного меньшей высоты, но такого же строения, как и в бухте Провидения: это порфиры и граниты, сверху выветрившиеся и крупной щебенкой покрывавшие скаты гор. Растительности здесь не было также никакой, за исключением маленькой худосочной травки на берегу, которая, очевидно, и привлекла к себе небольшое племя кочевых чукчей, пришедших сюда со стадами оленей.

Видь этих чукчей значительно отличался от оседлых чукчей в бухте Провидения: они были чище, крупнее и здоровее на вид. Самый «чум» — селение лаврентьевских чукчей — гораздо опрятнее и красивее: он состоял из шести-семи юрт, имеющих вид конуса, между тем как юрта чукчей Провидения имела форму треугольной призмы. Юрта по-прежнему сделана

из оленьих шкур, внутри, почти при входе, поставлен очаг из камней, вверху устроен выход для дыма; дальше, за очагом, идет «полог» — постель, отдельный для каждой женщины; самый полог состоит из навешенных оленьих кож, образующих что-то вроде комнаты, внутри которой наложены оленьи шкуры, составляющие самую постель. По сторонам везде развешено оленье и нерпичье мясо. В общем, конечно, вонь и грязь. Снаружи находятся нарты, кругом бродят собаки; для того, чтобы они не ушли далеко, их привязывают к колу, или же к доске, на которую наложено несколько тяжелых камней.

Ходят лаврентьевские чукчи в оленьих одеждах, таких же, как и в бухте Провидения, только у них в костюме замечается более следов знакомства с американской культурой; так, например, у одного чукчи на голове, в виде, вероятно, шапки, красовалась лента с бусами, у другого ту же самую роль играл бархатный козырек, прикрепленный на какой-то пестрой ниточке; третий был в изящной фетровой шляпе и прекрасных лайковых перчатках; на носу четвертого грациозно болталось пенсне.

Вообще, американцы, ведущие с чукчами при помощи рома и водки меновую торговлю, не стесняются спускать им всякую ненужную дрянь. До чего доходит курьез в этом направлении, нам пришлось наблюдать в другом месте, на мысе Чаплине, где у одного чукчи мы нашли трубу от граммофона, очевидно, своим блестящим видом привлекшую внимание доверчивого дикаря!

У нас с чукчами тоже завязалась меновая торговля: наши припасы истощились, и нам необходимо было купить оленей. Захватив с собой кирпичный чай и сахар, мы отправились к ним на берег и тут при помощи переводчика-казака объяснили, что нам требуется несколько битых оленей. Дело живо сладилось, и несколько чукчей сейчас же отправились на пастбище, чтобы пригнать к нам все стадо, состоящее из 500—600 голов. Оригинален быль вид массы оленей: издали слышалось какое-то трение, топот, хрюканье, вроде свиного; все стадо шло странным перемещением, один олень вытеснял другого, все кружились медленным зигзагообразным движением. Вид их в то время был очень некрасив: олени линяли, и вместо красивой бархатистой шерсти у них висели какие-то грязно-бурые клочья. Рога у оленей ветвистые, сильно развитые, были покрыты шерстью (после линяния кровеносные сосуды на рогах закупориваются, отчего последние обнажаются, совершенно освобождаясь от шерсти, и получают от этого более красивый вид). Величиною олени были с доброго теленка. Замечательная ловкость, с какою чукчи убивали оленя!

Поймав при помощи аркана молодого оленя, они притягивали его к себе, валили на землю и, заложив ему ногу за рога, сильным верным ударом ножа в сердце моментально поражали насмерть. Дальнейшее брали на себя женщины: они быстро, ловко и красиво свежевали убитого оленя, управляясь при этом с таким знанием дела и мастерством, что им позавидовал бы любой

искусный хирург. Через полчаса четыре оленя лежали в шлюпках, и мы возвращались на корабль.

Кроме кочевых чукчей, в бухте Св. Лаврентия живут и оседлые — вид их чище и франтоватее.

В бухте Св. Лаврентия мы простояли более недели и не без удовольствия ушли обратно в Петропавловск.

Командорские острова. Вернувшись с Чукотского полуострова, мы собирались недельки полторы постоять в Петропавловске, чтобы отдохнуть и хотя немного пожить человеческою жизнью. Офицеры уже мечтали об охоте и о партии в винт на берегу. Старший офицер приготовился засесть за составление расписания стрельбы, десанта и других учений, требуемых программой морского плавания и необходимых для смягчения сердца сурового адмирала, который по возвращении во Владивосток должен был произвести нам смотр. Но все эти мечты пропали с приходом шхуны «Беринг», привезшей командиру известие об убийстве на Командорских островах нескольких алеутов и о поимке хищнической японской шхуны, занимавшейся ловлей котиков. Надо было принять серьезные меры, так как начальник Командорских островов сообщал, что вокруг островов ходят еще несколько японских шхун.

Сейчас же было отдано приказание спешно заняться погрузкой угля и съестных припасов, и на следующий день, едва забрезжил рассвет, мы снялись с якоря и ушли в крейсерство к Командорским островам. Погода стояла тихая, и ничто не угрожало нашему спокойному плаванию. Но, как водится в северных морях, вдруг неожиданно начал находить густой-прегустой туман, о котором имеют представление лишь моряки, побывавшие в Охотском море, и нашему транспорту пришлось уменьшить ход. Хотя в тех широтах, где мы были, и нет почти никаких судов, но, тем не менее, осторожность требовала принять все меры, чтобы не наскочить в густом тумане на какоенибудь случайное судно. На баке все время били «рынду», вахтенный начальник пытливо смотрел вперед, и мы медленно подвигались в атмосфере какого-то молока, сквозь которое ничего нельзя было различить.

Вскоре пришлось совсем уменьшить и без того малый ход. К вечеру поднялся легкий ветерок, который ночью засвежел и развел чрезвычайно сильную волну. Наш транспорт стал зарываться в воду, и его, точно маленькую щепку, начало бросать и раскачивать из стороны в сторону. Так шли мы три дня, и лишь на четвертый день показались неясные очертания острова Беринга, на который у нас был проложен курс. Поздно вечером мы стали на якорь, но осторожный командир не позволил прекращать паров, и всем офицерам вместо отдыха пришлось по-прежнему сменяться на вахте и зорко смотреть за погодой.

На Командорских островах нет хороших защищенных гаваней, и смена погоды здесь так неожиданна, что все время приходится быть начеку, и лишь

задует ветерок, сейчас же сниматься и уходить в открытое море. Иначе судно сорвет с якоря и разобьет о камни, в большом количестве разбросанные у берегов. И как бы в подтверждение опасений нашего бывалого командира, на берегу действительно лежала шхуна, беспомощно накренившаяся набок и, видимо, потерпевшая крушение. Как оказалось потом, это была та самая хищническая шхуна, про которую сообщал начальник Командорских островов, и которую алеуты отбили у японцев и привели на остров Беринг. Шхуна была совершенно новая и хорошей крепкой постройки, но во время недавнего шторма, в который попали и мы, ее сорвало с якоря и выбросило на берег. Стража — два алеута — погибла, а сама шхуна, уже отчасти занесенная песком, лежала поломанная на берегу.

Первая ночь нашего пребывания на острове Беринга прошла вполне спокойно. Утром ярко засветило солнце, и море, видимо, успокоилось. Съехать на берег уже было безопасно, и потому командир разрешил иметь сообщение с берегом, тем более, что необходимо было отправить судовую комиссию для осмотра разбитой шхуны и составления соответствующего акта. Минут через десять мы на своей четверке, подхваченные буруном, катившимся с шумом у самого берега, осторожно пристали к шхуне.

На берегу нас ожидала толпа алеутов, праздно глазевших на прибывшее военное судно. Небольшие, с черными глазами, смуглые, черноволосые алеуты напоминали собой не то цыган, не то японцев. Одеты они были в обыкновенные русские пиджаки и картузы, и своим видом, в общем, не представляли ничего странного и дикого. Женщины в ситцевых платьях не без лукавства посматривали на наших здоровяков-матросов, но среди них красивых не было почти ни одной. Вообще вся толпа алеутов говорила о слабости и вырождении, к которым быстро влекут их различные болезни вместе с пагубною страстью к вину.

Все алеуты неразвиты, беспомощны, ленивы и легкомысленны, как дикари. Нравы среди них не отличаются чистотой, и за бутылку водки алеут готов на все. Заработки идут здесь на минутные удовлетворения страстей, и зажиточных среди населения совсем нет. Все они в долгу у котиковой компании, которая снабжает их как припасами, так и всякою ненужною дрянью в виде духов, туалетного мыла, одеколона, пудры и другим. Над ними нужна опека, как над детьми, но, к сожалению, ее нет, и о нуждах бедных алеутов мало заботятся.

И Беринг, и Медный представляли невероятно унылый, ужасный вид. Это были буквально «Чертовы острова», и все служащие смотрели на них, как на каторгу. Присланный незадолго перед нами чиновник из классных фельдшеров от скуки и бездельной жизни допился до белой горячки и кончил свою здешнюю службу сумасшествием. Остальные были тоже не без странностей: видимо, жизнь без всяких развлечений и удобств, с одними лишь помыслами о насущном куске хлеба, наложила на них сильные, заметные следы.

Лагерь на Командорских островах

Воскресенье на Командорах. Население собирается на службу в церкви

Алеуты

Алеутские дети

На острове Беринга кроме начальника Командорских островов живет еще помощник, доктор, дьякон, акушерка и представитель Котиковой компании.

Эта Котиковая компания здесь всесильна, и самые Командорские острова существуют чуть ли не исключительно для нее. На островах находятся лежбища котиков, которые сданы в аренду компании, и она здесь занимается их убоем. Благодаря этому никаких других промыслов не может существовать, и все приносится в жертву этой всесильной компании. На острове Медном, например, находятся богатейшие залежи меди и другие минеральные богатства, но все они из-за котиковой компании лежат скрытые в земле и не разрабатываются. Ведь эта компания кормит как начальство, так и алеутов! Первые существуют из-за нее, вторых она снабжает хлебом и платит им деньги. Котиков убивают алеуты, и за каждого убитого котика получают полтора рубля золотом; казне компания платит за шкуру семь рублей золотом, а сама получает за нее свыше пятидесяти!

Число ежегодно убиваемых котиков теперь не превышает десяти тысяч, но раньше убой был гораздо значительнее и доходил тысяч до сорока; хищничество и отсутствие рациональных забот сделали то, что богатый промысел в несколько лет невероятно уменьшился. В настоящее время размеры убоя определяет начальник Командорских островов, который обязан смотреть за тем, чтобы убивали лишь молодых секачей-самцов и не трогали самок и старых секачей.

Самый убой производится палками, которыми алеуты наносят котику удары по голове, представляющей у него самую нежную часть тела. Общий вид командорского котика, подобно котику на Тюленьем острове, довольно странен и непригляден: то же длинное, неуклюжее туловище, маленькая головка с торчащими усами, черные без выражения, точно пуговицы, небольшие глазки, серая довольно редкая щетина, прикрывающая черный подшерсток, дающий известный в употреблении котиковый мех, короткий хвост и небольшие плавники, которыми он искусно управляется как в воде, так и на суше — вот общий облик этого совершенно безобидного в мире животного. Зубы котика довольно велики и остры, но сам котик добродушен и скорее страшен его рев, чем он сам. Наши матросы вначале боялись их, но потом, увидев их безобидность, дразнили котиков и пытались даже ловить их чуть ли не руками. Котики рычали на них, до смешного яростно наливали глаза кровью, бежали за ними, но наши матросы шутливо увертывались от них и даже успевали дернуть их за хвост или за усы.

На Командорских островах котики устраивают свои лежбища, выводят здесь своих детеньшей и живут до поздней осени; зиму они проводят где-то в другом месте, которое в точности до сих пор неизвестно. Эти лежбища и охраняют алеуты, которые здесь на островах составляют род сторожевой милиции. Охраной на море является военное судно, плавающее здесь еже-

годно месяцев шесть-семь. Оно крейсирует вокруг острова и ловит хищнические шхуны. По существующим законам, убой котиков разрешается только в открытом море, а полоса в три мили вокруг Командорских островов считается принадлежащей Котиковой компании: встреченная здесь шхуна конфискуется, груз ее отбирается, а самые владельцы и экипаж судна отдаются под суд. В действительности охрана промыслов сведена к одной лишь форме: хищнические шхуны преспокойно занимаются убоем котиков и лишь завидев вдалеке дымок военного судна, переходят на нейтральную зону. По крайней мере, мы в течение целого лета так и не задержали ни одной шхуны, и только в виде трофея увезли с островов человек до пятидесяти японцев и других хищников, задержанных еще до нашего прихода у самого берега отважными алеутами. Кроме котиков на Командорских островах водятся голубые песцы и бобры, но по своим качествам последние далеко уступают знаменитым камчатским бобрам, убиваемым на мысе Лопатке.

Помимо всех этих богатств на островах ничего больше нет. Растительность здесь почти отсутствует: лишаи, мхи, небольшие кустарники и густая трава — вот все, что представляет жалкую флору этих далеких, малоизвестных наших островов.

Самая поверхность их очень гориста и не лишена мрачной живописности. Земледелие на островах почти невозможно, и кроме жалких огородов у алеутов ничего нет. Живут они на острове Беринга в селении Никольском и на острове Медном в селении Преображенском. Только в этих селениях и обитаемы Командорские острова, остальная же часть их мертва и лишена всякой жизни.

Самые селения представляют два маленьких жалких села, дома в них деревянные, плохо приспособленные для жизни. В каждом селении есть церковь и потребительская лавка Котиковой компании. Жителей на обоих островах не свыше пятисот человек.

Оба эти острова — Беринга и Медный — вместе с несколькими другими маленькими составляют группу Командорских островов. Один из них назван в честь командора Беринга, открывшего их. Знаменитый мореплаватель даже умер на нем.

На Командорских островах раньше хозяйничала Северо-Американская компания, живо уменьшившая убой котиков; теперь ими владеет Общество котиковых промыслов, которое очень прибыльно эксплуатирует их. Жизнь на этих островах крайне тяжела, и с ней охотно мирятся одни лишь служащие этой компании, русским же чиновникам, заброшенным службою в эти проклятые Богом места, она дает очень мало радостей. Единственным для них утешением являются отпуска в Америку, Японию и редкие приезды в Петропавловск. Летом для них развлечением служит приход военного корабля, зимой же они совершенно заброшены среди безбрежного Великого океана.

Пароходных сообщений никаких нет, и связь островов с остальным миром поддерживается несколькими небольшими шхунами, принадлежащими Котиковой компании.

Побывав в обоих селениях — Никольском и Преображенском, мы осмотрели острова и занялись своим тяжелым крейсерством, стараясь изловить и выследить хищнические шхуны. Целых десять дней крейсировали мы — день и ночь, но все шхуны словно в воду канули, — мы так ни одной и не поймали. Наконец, на десятый день у нас кончились запасы угля, и мы принуждены были вернуться в Петропавловск.

Погрузившись в Петропавловске углем, мы снова отправились в крейсерство, но на этот раз уже не на Командорские острова, а на мыс Лопатку, где согласно инструкции должны были охранять бобровые промысла.

В последних промыслах мы приняли самое активное участие, так как не только привезли оттуда убитых бобров, но даже участвовали в Петропавловске на аукционе при продаже их. Количество знаменитых камчатских бобров, убиваемых ежегодно, очень невелико и не превосходит десяти-двенадцати; мы привезли всего лишь восемь. Среди них был только один небольшой, все же другие отличались крупными размерами. Особенный восторг вызвал старый, седой бобр, шерсть которого так и отливала серебром, длина его доходила до сажени.

Все бобры были сданы начальнику Петропавловской округи, и через несколько дней после их привоза был устроен аукцион. Цены даже там, на месте, оказались очень высокими, и самый маленький бобрик пошел на аукционе за 450 рублей; старый седой бобр был продан за 950 рублей. Эти цены, как выяснилось потом, по приходе нашем во Владивосток, почти утроились, и офицеру, купившему самого маленького бобра, предлагали за глаза, не видав даже шкуры, тысячу рублей.

Поход во Владивосток. Как ни оригинальны и интересны были места на Камчатке и островах, где нам приходилось все время крейсировать, но тем не менее, проплавав там шесть месяцев, мы начали сильно томиться и мечтать о своем возвращении во Владивосток. К тому же уже наступили холода, вся зелень пожелтела, начались жестокие шторма, да и самые промысла, которые были вверены нашей охране, закончили все свои работы.

В октябре месяце при первых морозах транспорт «Якут» отправился в обратный путь и пошел снова на Тюлений остров, чтобы, захватив там оставленную команду, идти далее во Владивосток.

На обратном походе погода все время стояла ужасная: пурга, снег и непрерывные шторма сильно измучили нас, и самая искренняя радость овладела нами, когда после семимесячных диких скитаний мы, наконец, очутились снова во Владивостоке.

Чукчи — обитатели бухты Святого Лаврентия и камчатский казак на «Якуте»

Чукчи из бухты Провидения на палубе «Якута»

Ниже мы приводим с некоторыми сокращениями содержание четырнадцатой — шестнадцатой глав книги, написанной А. Мейсельманом, работавшим переводчиком (цуяку-сан) на промыслах Акционерного Камчатского общества, обслуживавшихся японскими рыбаками. Книга «Лам» (от «Ламское», то есть Охотское море), была написана в 1929—1930 гг. и выпущена в свет издательством «Молодая гвардия» в 1931 г.

А. МЕЙСЕЛЬМАН

ЛАМ. ОЧЕРКИ ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО КРАЯ

...Нынче дальневосточная рыбопромышленность объявляется первенствующей в СССР. Уже за 1929 г. по Дальневосточному краю было добыто 2 601 000 ц морепродуктов. Из них лососевых 1 509 000 ц, крабов 259 000 ц, сельдей — 254 000, иваси — 526 000, прочих рыб — 32 000 и разных морепродуктов — 30 000.

За эти годы значительно повышено качество русского бочечного посола. За счет применяющегося теперь, главным образом, местным крестьянским населением, посола «пластом» развился посол семожный — «колодка»: 1926 г. — 4,5, 1929 г. — 18,1 % («пласт» 1926 г. — 16,5, 1929 г. — 1,6 %). Идет последовательная борьба с обесценивающим продукт японским сухим посолом — «россыпью», когда рыба вспарывается с живота, внутренности вытряхиваются, живот наполняется солью, рыба складывается в штабеля и пересыпается солью каждый ряд. При таком варварском посоле верхние ряды штабелей спрессовывают нижние настолько, что вместе с рассолом на землю вытекает и весь рыбий жир. Рыба высыхает и в трюмах, куда ее бросают россыпью. Этот продукт потребляется японской беднотой в больших промышленных городах, где он, собственно говоря, заменяет соль (японцы едят эту рыбу с отлично, но без соли сваренным рисом). «Россыпь» уменьшилась с 45,5 в 1926 г. до 16,4 % в 1929 г. и частично заменилась улучшенным, своего рода малосольным посолом, тоже на японский лад — «арамаки», который с 11 поднялся до 28 %. Производство консервов за три года поднялось с 13 до 21 %, и сдача свежемороженной рыбы поднялась вдвое.

В 1928 г. японцы имели в своих руках 46, русские частники — 16,5 и обобществленный сектор — 37,5 % всей рыбопродукции. В истекшем сезоне иностранцы получили 33,3, русские частники — 13,3 и обобществленный сектор — 53,4 % всей товарной продукции (кооперация — 21,2 и госпромышленность — 32,2 %).

Понятно, что это вносит глубокую тревогу в японские рыбопромышленные круги. Правда, там сидят капиталистические дальневосточные колоссы: такая фирма, как Нитиро, имеет обороты много крупнее наших всесоюзных

рыбопромышленных организаций, но прошлогодние цифры — уже история, а позапрошлогодние — едва ли не археология, и только по цифрам настоящего-будущего можно понять тревогу в заграничном лагере и частые конфликты, провоцируемые из-за рубежа.

Наша дальневосточная рыбопромышленная и морепромысловая пятилетка включает на четные годы 3 300 000 ц лососевых, на нечетные —2 100 000; собственно сельди — ежегодно 1 000 000 ц; иваси — 1 500 000; тресковых — 2 600 000; камбалы — 500 000 и палтуса — 150 000. К этому надо прибавить 15 000 ц пресноводной рыбы из внутренних бассейнов края, до 1 000 000 ящиков крабов, 400 000 ц трепангов, 100 000 ц ракушек, 400 000 ц морской капусты, около 100 000 морских млекопитающих. Таким образом, общий вес продуктов рыболовства в сырце может дать ежегодно 11 160 000 ц. Эти цифры были предположены Дальневосточным институтом рыбного хозяйства, в то время как советские рыбопромышленные предприятия предполагают брать в конце пятилетки из водоема края только рыбы до 10 000 000 ц. Наши дальневосточные воды в конце пятилетки будут давать на одну квадратную милю 39 ц продукции (европейские воды дают 44 ц).

Нужда в рабочей силе на Дальневосточный рыбопромышленный район — 52 000 чел., из которых предположительно 68 % должны черпаться из ресурсов края (с увеличением процента женщин), 17 % — из центральной части СССР и 15 % — из Японии (квалифицированные кадры по добыче продуктов моря).

До сих пор дело с квалифицированной рабочей силой обстояло плачевно. Основные меры, выдвинутые для спасения положения, постепенно начинают проводиться в жизнь: удлинение рыболовного сезона; предоставление соответствующей работы в течение круглого года; льготы отдаленных местностей рабочим-колонизаторам; создание благоприятных жилищных условий и обеспечение продуктами продовольствия и снабжения.

В дальневосточной рыбной промышленности нам нужны и могут найти себе в любое время работу: неводчики ставного, закидного, плавного, кошелькового, тралового и других видов лова; кормщики и шкиперы для управления моторными кунгасами и баркасами на лове крабов, сельди, иваси,
тунцов; промысловые капитаны и штурманы для управления на промысле сейнерами, дрифтерами, траулерами, плавучими крабозаводами и т. д.
По обработке морепродуктов нужны и еще долго будут требоваться засольные мастера и икрянщики, специалисты по обработке, по уборке и транспортировке свежей рыбы во льду, мастера по производству крабовых и рыбных консервов, механики консервных и утилизационных заводов, механики
и дизелисты промысловых судов и т. д. Велика нужда и в хороших промысловых администраторах-хозяйственниках, плановиках, инструкторах рыболовства, наблюдателях пунктов и станций.

В Охотско-Камчатском крае на морских промыслах у всех советских учреждений, эксплуатирующих рыбные промыслы, работают японские моряки. Они идеально знают море, они, пожалуй, идеальные работники, но драгоценная валюта уходит, как песок сквозь пальцы, уносимая в родные деревни японскими рыбаками в своих неразлучных платках — «фуросики». Все попытки завоза рабочей силы в Охотский край из СССР потерпели крах, главным образом, из-за плохой организации этого дела. Привезли с Каспийского моря, из Астрахани рыбаков, случайную, никакими признаками не спаянную артель. Специалистами оказались далеко не все, а потому и труд был расценен сравнительно низко. К тому же суровое северное море во многом не походило на Каспий. Снабжение Охотско-Камчатского края квалифицированной рабочей силой надо связать с проблемой колонизации Севера и в первую очередь предоставить льготные условия переезда и труда поморам с Белого моря, которых желательно привлекать целым поселком, если даже не поселками. Конечно, Беломорье еще и само недостаточно колонизовано, однако там есть достаточное ядро кадров, вокруг которого растет и будет расти подмога и смена. На Дальнем Востоке с его значительно большими возможностями и с его грядущим значением для всего Советского Союза таких кадров нет.

Необходимо заселять Дальний Восток глубевыми ловцами. Правительство вынесло постановление о переселении одной тысячи рыболовецких хозяйств Астрахани, Северного Кавказа и Украины. Два колхоза — один в 200, другой в 300 глубевых хозяйств — должны были выехать не позже 1 июня 1930 г. во Владивосток и далее — в районы переселения. Кроме того, объявлен добровольный набор 500 глубевых ловцов на ивасевую путину в Тихий океан, с тем что по окончании путины рыбаки будут возвращены на родину. Каждый ловец получает половину стоимости выловленного им сырца, не производя никаких отчислений на амортизацию орудий лова. Каждому гарантируется минимальный заработок до 50 руб., бесплатный проезд в оба конца, питание во время пути и неприкосновенность заработка от прочих отчислений. Все это говорит о том, что важность дальневосточной рыбопромышленности, ее первенствующее в СССР положение уже учитываются на деле...

Я сам свидетель этого большого переселения. Записная книжка напоминает об этом. Со мной в поезде едут рыбаки и охотники из Нижне-Ангарска, — переселяются на Дальний Восток. Жилось хорошо и на родине, все народ в своем деле умелый. Добрецкий Павел Александрович с такими ясными голубыми глазами, какие редко встретишь, охотник, рыболов, специалист но нерпичьему промыслу, возглавляет артель. С артелью едет собака Байкал, лайка нижнеангарская, испытанная соболевка, всякий горячий след бросит, а за соболем пойдет по старому; у хорька след соболий, но собака

различит. Вагон у них бесплацкартный, отделеньице проводника пустое, собака едет за проводника.

Добрецкий говорит:

— Совсем нынче приготовился к промыслу, сети новые приготовил, но обернулось иначе, пришлось трогаться. Леса отошли к тунгусам, реку Амгу отдали русскому населению, а в нем пятьдесят семейств рыболовов. Тесно стало, рыбу сдаешь по рублю пуд, на хлеб менять, везти на Лену нельзя. Прочитали в газетах: Дальгосторг приглашает рыбаков и охотников на Сахалин и Камчатку — поехали разом всей артелью. Артель семейная: сам, жена, мальчишек двое, тесть, свояки. Тесть — пушник хороший, был бы и охотником, да годы ушли и хромает крепко. Другой — плотник, главное — лодочник и бочар; артель едет крепко сбитая. Уж из нас никто не отойдет на сторону!

Таких людей теряет мое любимое Прибайкалье...

- Как-то с товарищем был на соболином промысле, говорит тесть. Вернулись. Не сдали еще пушнины не иначе, как погуляли немного, это дело обычное и перед Михайловым днем, когда с белкованья приходят, и позже, в середине зимы, после соболя. За ночь мыши в кладовке изгрызли одного соболя, головку только оставили, да хвост. А скупщик был известнейший по всему Прибайкалью Лозовский. Как быть? Надумали вот что: взяли черную китайскую кошку, подклеили искусно головку и хвост; ночью пошел один к Лозовскому и говорит: «Я одного соболя тайком добыл от товарища, возьмите, но чтобы никому ни слова». Скупщик-меховщик хоть и честный человек, но разве же пушник отпустит соболью шкурку? «240 рублей». «По рукам». Пять лет с этого случая прошло, а все еще над Лозовским подшучивают до сих пор. Сам он говорит: «Сказал бы ты мне тогда, Василий: А ведь я вам тогда, Юда Маркович, кошку продал вот тебе вся правда; получай пятьсот, но чтобы ошибки моей не сказывать, не говорили чтоб, ознался, мол, Лозовский-то, пушник-то, знаток-то».
- Вместе мы с Васькой мастерили тогда кошку эту, без озорства, но с удовольствием вспоминает мужик.

Добрецкий защищает Лозовского: поторопился, доверился, не дознался в темноте.

Употребление накладной сети превращает нормальный ставной невод японского типа «накануки» в невод, автоматически производящий лов, в глухой невод «кайре», из которого не уйти ни одной рыбине. Японцы добивались разрешения ввести этот невод на рыбалку. В конвенции вопрос разрешили так: если соответствующие советские органы разрешат «кайре» госпромыслам, — разрешение распространяется и на японцев. «Кайре» не был допущен. Кроме того, японцев не всегда устраивает норма улова, устанавливаемая Дальрыбой, хотя бы эта норма и была согласована с конвенцией.

Долгий срок (почти тридцать лет) промышляя в русских охотско-камчатских водах, японцы мало-помалу привыкли смотреть на эти воды, как на японские фактически, так как царское правительство ими действительно мало интересовалось, да и к тому же первая конвенция была заключена в неблагоприятное дипломатически время. Положение резко изменилось за последние годы в связи с широкой колонизацией и индустриализацией края, порученными Акционерному Камчатскому обществу.

С каждым годом строятся на Камчатке новые консервные заводы (сейчас их пять), проводится план широкой промышленной колонизации Камчатки, куда уже в 1930 г. должны были выехать на приготовленные им места 3 700 человек.

Совхозы с животноводческо-огородническим уклоном, основная форма колонизационных единиц, не бросят все же, а напротив укрепят идею хлебопашества на Камчатке.

Ржано-пшеничный гибрид, скороспелый и морозостойкий, будет бороться там, где многие сорта пшеницы сдавали и хоронили камчатский хлеб.

Из 1 693 га, отведенных совхозам, 500 пойдет под яровые, 350 — под озимь, 750 — под вспашку и 93 — под огородные культуры.

И в дальних, еще не зафиксированных в официальных планах мечтах работников по советской колонизации Камчатки уже намечается и путь, каким пойдут грузы и хлеб с западного на восточный берег Камчатки. И они добьются железной дороги Большерецк — Петропавловск-на-Камчатке.

Быстрый рост советизации Охотско-Камчатского края, советизации и ее неразлучного спутника — индустриализации, вызывает интенсивную реакцию в Японии и раскол в ее общественном мнении. Наиболее правые мечтают о свободных водах и чуть ли не об аннексии или, на самый худой конец, хотят стремительнейшей интенсификацией лова сорвать банк. Однако, эти настроения, особенно в связи с последними правительственными перегруппировками, встречают у японской государственности должный отпор. Выдача корсарских патентов, практиковавшаяся в начале сезона 1929 г., имела, впрочем, и некоторое историческое прошлое. Такой разбойничий набег был и в 1905 г., когда отставной капитан японского флота Гундзи Наридата с двумястами человек всякого сброда напал на Камчатку и водрузил на ней японский флаг. Но нападение было отражено, и сам завоеватель был пленен прапорщиком Жабою.

Умеренные развивают конкурентную деятельность, где тихой сапой, а где можно и подножкой, разрешаемой, кстати сказать, японской борьбой.

Пораженцы рекомендуют сместить центр с севера на юг и работать в теплых морях, совершенствуя тралово-рефрижераторное дело на ценных, но труднее лосося уловимых породах.

В тропических водах японские паровые траулеры ловят рыбу в Индийском океане и у островов Малайского архипелага. Их трюмы изолированы пробкой и снабжены охлаждающими установками, но не удивительно, что после недельного пребывания под тропиками, несмотря на все приспособления, рыба начинает тухнуть. Японцы пессимистически смотрят на тропики.

В 1929 г. произошло объединение всех крупных японских рыботорговых организаций, закончившееся созданием обществ Нитиро-гуми и Кедогуми (первое покупает 85, и второе — 15 % всей северо-восточной рыбопродукции). Таким образом, осуществился полный захват японского рынка крупным рыбопромышленным капиталом. Предполагается также захватить снабжение и снаряжение рыбопромышленности. Совершенно естественно, что цены диктуются главным акционером Нитиро-гуми, то есть ни кем иным, как Нитиро-геге-кайся — основным рыбопромышленником на Северо-Востоке.

Лозунг «Догнать и перегнать!» выбрасывает советский Дальневосточный край. Рыбопромышленность на советском Дальнем Востоке знает шесть районов: 1) Приморский, 2) Татарского пролива, 3) Сахалинский, 4) Охотский, 5) Западно-Камчатский, 6) Восточно-Камчатский. Самый серьезный вопрос в рыбопромышленности Дальневосточного края — увеличение капитальных вложений. Больше и больше. Вот цифры: 1925 г. — 100, 1928 г. — 1 000 %, но и этого мало. Надо строить консервные заводы, береговые и плавучие рефрижераторы, иметь крупный собственный морской транспорт и самим сдавать продукцию на североамериканские и европейские рынки, более выгодные, чем японо-китайские.

В сезон 1930 г. АКО будет располагать основой будущего своего торгового флота. Ряд судов по 4 000 т закуплен в Америке. Из «Восточной крали» вырос «Эскимос», рассыпав звезды американского флага по дороге во Владивосток. Огромный «Алеут» в 9 000 т восстановит заброшенный китобойный промысел, ранее сдававшийся норвежцам и японцам. Кита-махину обработают на пароходе-заводе, вытопят жир, кости перемелются — мука будет, удобрительная мука для обогащения полей и плантаций. Только одно кажется странным, что китовый ус, продукцию сравнительно известную жителям континента, ценят меньше всего, и не потому, что буржуазные женщины не носят больше корсетов, а из-за конкуренции дешевой и удачной имитации. Китовый промысел обещает многое — эти годы он заброшен, а во время интервенции японцы добывали в камчатских водах до 400 китов в год. Интересно, что даже на японских китобоях пушкари — норвежцы.

Еще один шаг в сторону освобождения от иностранной зависимости будет сделан в сезон 1930 г. (книга писалась в 1929 г. — *Ред.*). Ленинградские верфи дадут советскому Дальнему Востоку первый рефрижератор в 3 500 т.

Советский Дальний Восток укрепляется на международном рынке. Цены на лососевые консервы на английском рынке в 1929 г. стояли сравнительно высокие.

Ряд препятствий стоит на пути развития молодой рыбопромышленности советского Дальнего Востока. Из них важнейшие: 1) слабая изученность Охотского моря, рельефов его дна и 2) трудности рыбопромыслового снабжения, в частности, в завозе соли.

Даже у берега Охотское море слабо изучено; тем более мало известны свойства его глубины. Поэтому судовладельцы боятся давать пароходы в Охотское море.

С солью всегда было горе. В 1837 г. после восьмидесятилетнего существования был закрыт из-за трудности доставки каторжан-рабочих соляной завод. К трудности доставки присоединялась и трудность надзора за каторжанами. Каторжане-уголовники разбегались и грабили селения якутов поблизости, снабжавшие город молоком и мясом. Тогда решили увеличить число конвойных, но их содержание повысило цену на соль, и стало выгоднее привозить соль через Якутск. Получилось: волк, коза и капуста.

Соляная проблема разрешится или широким завозом соли из центральных районов Союза (крымской), или налаживанием транспорта якутсковилюйской соли (Кэвпендейских месторождений). Сейчас мы ввозим соль из Крыма, да прикупаем слегка иностранную — египетскую.

Охотский край, как говорилось, снабжается всем привозным, от муки до мануфактуры и овощей, так как только картофель выращивается городскими жителями Охотска. Однако вегетационный период здесь не так короток, и огородничество могло бы развернуться шире.

За привозные продукты край расплачивается местными и, главным образом сырьем, — рыбой и пушниной. Соболь в крае уничтожен, убывают даже такие звери, как сохатый (дикий олень) и горный баран, но промысловый зверь еще обилен; меньше выдры, больше лисиц и основное — белка.

Беличьи шкурки — прекрасный экспортный товар. Белка несет детенышей два раза в году, весной и осенью, штук по восемь, но осенние бельчата не выдерживают холодов даже в теплом беличьем гнезде. Я видал много этих забавных шаров с узенькими отверстиями, где зимой дружно живет пара беличьих супругов. Сама белка, когда несет детишек, не годна, это — подпалок, брак. Зато зимой, с октября-ноября, идет промысловая охота (белкование) на пушистого и красивого серого зверька.

В 1895 г., по данным Слюнина, в Охотском крае добыто 52 868 беличьих шкурок на 11 631 руб. В 1927/28 г. — 64 690 шкурок на 113 234 руб. Как видно, пушной промысел в цветущем состоянии — доход возрос в десять раз. Скептики спросят: а что охотник-туземец получает на эти деньги? На это отвечают цифры: в Охотске в 1895 г. мешок пшеничной муки весом в 55 фунтов стоил

4 руб. 50 коп., кирпич чая — 70 коп., в 1927/28 г. мука стоила 6 руб. 49 коп., кирпич чая — 1 руб. Еще более разительны цифры по Аяну: в 1895 г. мука — 8 руб., чай — 1 руб. 25 коп., в 1927/28 г. мука — 6 руб. 49 коп., чай — 1 руб. Продукты рыболовства жителями сдаются АКО.

Из более чем миллионного улова лососей, приходящегося на рыбалки Охотского побережья, на долю местного населения, на собственное потребление приходится штук по двести на человека, что в крае, по преимуществу рыбопромышленном, маловато. Нормы же, установленные в 1929 г. Дальрыбой (инспекцией рыболовства), — 100 шт. на человека — исключительно низки и, несомненно, требуют пересмотра. Общая сумма товаров для нужд Охотско-Камчатского края на 1930 г. — 12 млн руб. На девять с половиной доставит АКО, на два с половиной — ДОС (кооперация Далькрайохотсоюза).

Наши промыслы соединены телефоном с районной конторой. Песчаной кошкой над морем идут худощавые столбики, в обтесанные головки которых вкусано по белому фарфоровому зубу, а проволока то натянута стрункой, то с глубоким провесом; и можно было бы через нее скакать, если бы не усталость, да не неподходящий нрав тех, что здесь ходит.

Идешь то берегом по отливу, то узкой песчано-галечной полосой. С одной стороны тундра и горы с мелким сорным лесом, с другой — море, где за полгода была одна спокойная неделя — отражение великого тихоокеанского штиля. Три года назад, весной, было свирепое нашествие Охотского моря. Водой сбило, сдуло, смыло все, что было искусственного на побережье: строения, инвентарь, и когда вода сошла, оказалось, что лесная зелень погублена морской солью. Мелкий кедровник-стланик вдоль побережья стоит умерщвленный, обсыпанный несдуваемым пеплом.

Японцы жалуются, что на концессионных промыслах не разрешили телефонную связь. У нас ее тоже не было полсезона: ветры и олени рвут нашу проволоку. На разговоры у нас времени немного: инструкции, сведения об улове, изредка радиосводка Охотской станции, а иногда по вечерам заведующий одного из участков, гигант, бывший партизан Блинков играет на гармонике перед трубкой, и я даю по очереди японцам слушать рассыпчатую тальянку.

Японцы слушают каждый понемножку, потом говорят «кекко» или «уммай», а я ощущаю удовольствие и неловкость, но все это бывает уже к ночи. Во сне мне ничего не снится. Я не видел ни одного сна на промыслах — не то климат для снов неподходящий, не то работы много. Однажды на неводе мне вдруг говорит один рыбак: «Цуяку-сан, сколько стоит такой инструмент, вот что мы слушали по телефону?»

Я неуверенно и мимоходом называю расплывчатую сумму, и мы отгребаем к берегу. Солнце стоит над неводом и морем, и промысел лежит передо

мною, а за промыслом тундра и горы. Но с невода протяжно и зычно что-то кричат нам вдогонку. Каракурибан поворачивает мою плоскодонку: «Цуякусан, у меня хва-атит о-осенью, я-а-а куплю-ю-у».

Мы уже далеко, и не различить его лица, закрытого вдобавок ладонями, сложенными в рупор, но легко догадаться: он улыбается, и работать ему сегодня будет веселей. Я с лодки быстро поднимаю вверх над головой руку — условный знак на промыслах: услышано, понято.

Крохотный, уморительно-милый кряжистый старичок Кудо-Ксиомати, повар, ходит по промыслу и бьет в свои театральные деревяшки. Обед. Половина одиннадцатого у нас, половина десятого у них. Японцы живут по Хакодате. Ход рыбы схлынул. Вчера работали до глубокой ночи, вчера еще было изобилие; сегодня депрессия, вялость, усталость...

Только что отошел обед у японцев. Рефрижераторы вчера даже не смогли принять так много рыбы сразу, и часть вернули наши кунгасы в двенадцать ночи для обработки и засолки на промысле.

По световым сигналам с моря сендо понял все, и еще до прибытия кунгасов промысел закипел. Сендо выгнал всех на работу: механика, поваров, каракурибан, уборщиков, больных, писаря, старшинок и даже семейство сторожа Мальцева с девяностолетней бабушкой и трехлетней Тонюшкой. Работа закипела под круто заваренной ночью. Обрывки старого невода свертывались в шары, пропитывались нефтью и вот — на кончиках пик огненная сигнализация с берега. У нас это сигнал благоприятных направлений и валов.

Пробившиеся сквозь прибой кунгасы затаскиваются паровой лебедкой на берег. Блоки подхватывают сетяные мешки с рыбой — стропы, и стропы, взлетев над высоким помостом — рыборазделочной пристанью, — оседают на нее. Враз механически выдергивается сетяное дно, и опорожненный строп снова на блоке взвивается на воздух, роняя запутавшиеся, застрявшие в ячее рыбины.

На пристани-помосте несколько десятков человек, но толчеи нет; их производственная сыгранность так точна, их трудовая мизансцена — место каждого в каждый данный момент — так выработана, что всезахлестывающая быстрота — здесь не прыжок, не вспышка, не перенапряжение, а норма.

Резчики рассекают рыбе брюхо и выбрасывают внутренности, мойщики крюками-пиками накидывают рыбой колоды, стоящие у одного борта пристани. Вода по десятку тонких резиновых трубок умело вводится и направляется куда нужно; снизу под другой борт пристани подкатываются вагонетки декавильного пути; рыбьи внутренности тотчас откатываются в глубокую яму за чертой промысла (на наших промыслах рыбные отбросы не утилизировались). С третьего борта пристани по маленькой лестнице сбегают и взбегают носильщики с корзинами на спинах. Вымытая рыба тотчас же поступа-

ет или в сухой японский посол (ряд рыбы, ряд соли) или в чаны с соленой водой (тузлуком на русский посол).

Центр промысла кипит ночной работой, пристань подобна территории киносъемки, залита светом карбидовых фонарей. Чу, меж молчаливо работающими мелькают люди с круглыми корзинами в руках, что-то ловят на лету, что-то собирают на помосте, куда-то исчезают и снова вьются вокруг резчиков и слышится по временам русская матерная ругань — это икрянщики (даже на японских концессионных промыслах приглашают русских икрянщиков, так как японская обработка икры много хуже).

Ночь проходит, оставив только усталость и недосон для безразличных к промысловому делу, а для других выросшие «горы» японского сухого посола и набитые рыбным накромсанным фаршем брезентовые засольные чаны-цистерны.

Рыба резко спала сегодня; и вот тишина стоит на суше и на море, и японцы покончили с улучшенным на сегодня обедом. Отдыхают. Опутанный сторожкой дремой, промысел, тих, тих, тих...

Многие распоряжения сендо (руководителя промысла. — Ped.) с берега на невод также передаются развитой местной системой — профессиональной сигнализацией. Еще более сигнализация развита на японских концессионных промыслах. Концессии начинаются в десяти километрах от нас; берег там слегка загибается, и нам с наблюдательной вышки промысла — скворешника и постоянного тронного седалища сендо — отлично видны в призматический бинокль японские рыбалки.

Когда из Охотска едет на катере инспектор Дальрыбы, он приезжает сначала вдоль аковских промыслов, а потом уже попадает к японцам в чаянии накрыть где-нибудь на неводе накладную сеть, снять невод и по договору взыскать с арендатора промысла тридцать тысяч рублей штрафу.

Японские промыслы не соединены телефоном, но как только на неводе первой же японской рыбалки услышат далеко разносящийся по воде шум двигателя катера, можно сказать с уверенностью, что вся линия японских промыслов на десятки километров тотчас узнает, что идет дальрыбовский катер (кстати, на редкость шумно работающий мотор помогает парадности выступления). Через некоторое время японцы уже точно знают, кто на катере — участковый промысловый досмотрщик, которого японцы изображают, приставив ко лбу кулак, изображающий вышитую бляху дальрыбовской кокарды, или сам инспектор — два кулака ко лбу, один на другом.

Как это происходит, ведь у японцев нет телефона? В ясный день, когда над дальними японскими промыслами вместо выощегося легкого дымка вяло работающей паровой лебедки поднимется вдруг столб черного густого дыма, да еще так, да еще этак — наш наблюдатель с вышки сплетничает мне в рупор о некоторой ажитации у концессионеров... Впрочем, этот знак тревоги

на японских промыслах, может быть, просто заставляет подтянуться, подобраться, почиститься перед смотром.

Один за другим покидают нас японские рефрижераторы. Последний отошел с полным грузом нашей рыбы в обстановке сказочной и великолепной. Серое небо прорвалось над судном длинной полосой сверкающей лазури. Под ней с пятнадцатимильной скоростью проходил белый-белый корабль. Он прощально салютовал промыслам, и с нашей паровой лебедки ему ответили двумя гудками, сдержанно и с достоинством. Только когда пароход совсем скрылся, лазоревый прорыв вдруг разлетелся, и мы, взгрустнувшие было о светлом корабле, о серости и скудости нашего окружения, увидели вдали маленькую дымилку, а вокруг себя заигравший, заволновавшийся работой и оживлением промысел.

Если грозит скорый шторм, и нужно снимать невода на постоянно мертвом кунгасе, сигнализация дается основным нашим промысловым советским штандартом: приспусканием на флагштоке и прибавкой одного или двух белых полотнищ.

Сезон окончен. На промыслах спускают с высокого флагштока советский штандарт. Сам сендо снимает и любовно свертывает полотнище.

- Хороший флаг? политично говорю я, видимо, расчувствовавшемуся японцу.
- Хороший, очень хороший, убежденно кивает сендо, издали хорошо видно, хороший флаг...

Мы ждем у моря погоды. Пароходов нет и нет. Июльский и августовский рейсы отменены. В сентябре суда появляются кучей и не успевают разгрузиться, так как стоят за два-три километра от берега (ближе опасно), а катеров не так много. Кроме того, не каждый день Охотское море позволит переступить черту прибоя. И вот теперь прибывают один за другим китайские и японские пароходы, зафрахтованные Совторгфлотом. Отдельно стоит на рейде советское военное судно, обслуживающее побережье.

Промысла разгружаются. Бочки с икрой и кетой русского чанового посола («колодка» и «пласт») и сложенная в «горы» кета японского сухого посола. Обидно смотреть, как прекрасный лосось превращается в сухую и вонючую щепку, но это называется «нихондзуки», и японцы эту рыбу покупают. Отсутствие собственных рефрижераторов в водах Северо-Востока вынуждает покамест продолжать этот варварский способ засола, вместо того чтобы иметь первоклассные консервы.

Японские рыбоконсервные заводы у нас на Дальнем Востоке начали работать двадцать лет назад, главным образом, в низовьях Амура. Краю эти заводы чрезвычайно мало давали, так как снабжались и управлялись из Японии.

Советской рыбоконсервной промышленности на севере Дальнего Востока всего третий год. Она несет расцвет в жизнь советского Дальнего Востока и Камчатки, хотя и вынуждена еще пользоваться заграничными машинами, высшим техническим руководством и отчасти материалами (уральская лакированная жесть для коробок хороша, но ее не хватает, и приходится выписывать американскую).

Разница в целях и принципах советской и заграничной консервной промышленности резка и бросается в глаза. Наша промышленность заинтересована в том, чтобы дать в консервах здоровую, вкусную рыбу-пищу, и консервы вырабатываются именно пищевые, рыба плюс соль. Главная же потребительница консервов — Америка — требует консервы не пищевые, а закусочные: та же рыба, но обязательно в различных соусах, маслах, маринадах и т. д. Нам для общественных столовых нужны большие, по пять-десять кило, банки (это и дешевле, так как затрата труда одинакова на маленькую и большую банку, разница только в количестве материала). Но заграничный индивидуальный потребитель требует консервы в банках по двести граммов и даже по сто: вместе с разной другой снедью закусил слегка рыбой, хватило на сэндвичи — и довольно.

У Акционерного Камчатского общества на самой Камчатке сейчас четыре консервных максимально механизированных восьмилинейных завода, и скоро закончится сборка пятого. Восьмилинейный завод обслуживают 600—650 чел. рабочих. Стоимость машин в одной линии 90 тыс. руб. Постройка легкого барачного типа. Производительность — 50 ящиков на линию. Ящик —48 банок по одному английскому фунту, или 96 банок по полфунта.

Во Владивостоке находится жестянобаночная фабрика АКО, работающая по поточной системе. На работающих с мая по октябрь камчатских заводах рыбу подают к консервной пристани. Рыба вычерпывается с баржи. Ей отрезают хвост и голову, вынимают часть плавников. Дальше она поступает в машину — «железный китаец», где обрабатывается по 50 штук в минуту, промывается и по гидравлическому транспортеру передается в завод. Первая операция — круглыми дисками рыбу режут на поперечные куски.

Следующая машина набивает рыбу в жестянки. Третья машина закупоривает банку начерно приштампованной крышкой. Дальше банка ходит на цепи в паровом ящике от одного конца до другого. Банка обезвреживается и затем попадает под станок-пресс, где герметически закупоривается. Механически вымытая банка поступает в решета и оттуда в автоклавы, где рыба варится. Основное сделано, остается мойка и охлаждение готовой банки, лакировка против ржавчины, и банка с консервами начинает свой путь к потребителю.

Стоимость ящика красной — 28 руб., горбуши — 10—12 руб. Стоимость годовой продукции консервной промышленности — 20—22 млн руб. Наши

консервы, главным образом крабовые, с японской наклейкой на английском языке отправляются в Америку на потребу брезгающим советской продукцией американцам. Американцы лицемерят перед собою же, не замечая маленького советского герба или пятиконечной звездочки-наклейки.

В текущем году приобретенный АКО в Америке пароход «Восточная краля», в советском крещении «Эскимос», впервые повез нашу консервную продукцию в Европу, ибо слишком дорого обходится иностранное посредничество на заграничных рынках.

До сих пор рыбоконсервная промышленность советского Дальнего Востока базировалась на лососевых породах. Но они явственно и грозно убывают с каждым годом; и вот на смену приходит, и на редкость удачно, маленькая японская рыбка «иваси», недавно появившаяся у наших берегов. Этот рыбий политэмигрант чрезвычайно вкусен и обрабатывается одинаково хорошо под сардинку и под шпроту. Существует ходячее мнение (в свое время высказанное газетой «Осака Майнити»), что рыбку отогнало от Японии страшное землетрясение 1923 г., но это неверно, так как она ловилась у нас уже в 1922 г.

Выгоднее рыбоконсервной — крабоконсервная промышленность.

В Ленинграде на верхнем этаже зоологического музея Академии наук сидят и висят все эти продукты моря, начиная от темнокрасного японского краба в сажень величиной и до нашего Paralitodes Kamtchatika, которого я бы охотнее назвал краб-филолог, вернее фонетист, так как он действительно очень привязан к букве, или звуку «р». Краб этот ловится только в месяцы с буквой «р»: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель и... стоп. Июнь, июль, август ему не по нраву и он в них не вкусен и даже ядовит — это форма его протеста.

Драп, арап, шкраб, царап, Круглый красный крепкий краб.

Красный и круглый, так сказать, распространительно и больше для красного словца, чтобы картавящим мальчикам побережья избавиться от ига сухопутной формулы: «На горе Арарат растет крупный виноград».

В начале прошлого века наивная наука так рассуждала о крабах: «С сентября становятся лучше и содержатся в одинаковом состоянии до мая... Почетный доктор Б. отзывался, что это (крабы) есть звено, соединяющее три царства природы: минералы, растения и животных. Кожух оных, составленный из известковой материи, принадлежит к первому; иглы на поверхности кожи есть растения и сходствуют особенно запахом; наконец внутренности суть животное. Он думает, природа подобными произведениями дарит бедные страны, чтобы уравнять их в щедротах с другими».

Плавучие консервные заводы — краболовы Дальгосрыбтреста — добывают крабов на утеху, главным образом, заграничным гастрономам, которые расплачиваются за них валютой. В год 300 тыс. ящиков крабоконсервов дают 10 млн руб.

Завод-краболов — водоизмещением в 2—3 тыс. тонн, ход его невелик, но автономность краболова на 4—5 месяцев требует больших угольных ям и удобных помещений для 200 чел. рабочих, из которых половина занимается ловом, половина обработкой. Плавучий завод-краболов вдвое продуктивнее берегового завода. Жизнь и работа на краболове тяжела. Месяц за месяцем проходит, а вокруг те же люди, то же море.

Любезный автору Ленинград редко встречается с людьми и продукцией Тихого океана. Осенью 1928 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей привезло в Ленинград труппу первейших в мире актеров театра Кабуки. Зимой 1929 г. Ленинградский союз потребительских обществ привез вагон сырых мороженых крабов. Кабуки не оценили, а крабы сами испортились.

Тихоокеанское реноме в Ленинграде нуждается в укреплении.

ЧЕСТЬ, ДОБЛЕСТЬ, СЛАВА

О. Г. ЗОЛОТОВ

ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ ОТЛИЧНИКОВ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ

В 1920—1930-е гг., когда еще не оформилась государственная наградная система, не существовали, или только начали появляться официальные ордена и медали, высшими наградами передовикам производства были почетные звания «Герой труда», «Ударник», а позже и «Отличник». Их присуждение производилось на уровне предприятий, строек, в последующем — на уровне отраслей промышленности (главков) и сопровождалось вручением специально изготовленных и искусно выполненных (часто с использованием драгоценных металлов) значков.

Существовали такие почетные звания и знаки и в сфере рыбной отрасли страны, хотя в этом вопросе до сих пор остается много не выясненного. Есть основания полагать, что первыми такими наградами были значки профсоюза рыбников. В 1920-е гг. работники рыбной отрасли входили в Профессиональный союз рабочих пищевкусовой промышленности, из состава которого в 1931 г. выделился Союз работников мясорыбной, консервной и маслобойной промышленности (СРМКМП). Из последнего вскоре вышел Союз работников рыбной промышленности (СРРП), чаще именовавшийся Союзом рыбников.

Знаки профсоюзов 1920—1930-х гг. были наградными и, таким образом, знак СРРП (рис. 1) можно считать общеотраслевой наградой. К началу 1930-х гг. относится почетный знак «Ударник» со сходным рисунком, то есть с изображением промыслового судна с сетью и рыбы (осетра) на фоне красного знамени в обрамлении шестерни (рис. 1). Каких либо опубликованных данных об его учреждении, статусе, месте изготовления, количестве награжденных не имеется. Он известен лишь в единичных экземплярах, и некоторые составители каталогов атрибутируют его как «Знак ударника профсоюза работников рыбной промышленности» [1].

Оба знака изготовлены из стали и покрыты красной, синей и голубой эмалью — цветами, которые в последующем станут традиционными для ведомственных знаков отличия рыбной промышленности.

В 1930 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР для улучшения системы управления рыбной отраслью было создано Всесоюзное государственное объединение рыбной промышленности и хозяйства (Союзрыба), которое в 1931 г. постановлением Совнаркома СССР № 1131 было реорганизовано

в Главное управление рыбной и морской зверобойной промышленностью и хозяйства (Главрыба) Народного комиссариата снабжения СССР (с 1935 г. — Народного комиссариата пищевой промышленности СССР).

Таким образом, на протяжении большей части 1930-х гг. рыбная отрасль страны организационно входила в структуру Народного комиссариата пищевой промышленности (Наркомпищепрома СССР). Это нашло отражение и в дизайне самого первого ведомственного серебряного знака Наркомпищепрома «Отличник социалистического соревнования пищевой индустрии СССР» (рис. 2), на котором среди различных продуктов питания, сыплющихся из рога изобилия, изображена и рыба (осетр). Знак, равно как и «Похвальный лист отличника за изобилие продуктов», а также переходящие Красные знамена для вручения лучшим предприятиям пищевой промышленности, был учрежден в апреле 1938 г. «в целях закрепления нового подъема социалистического соревнования, его дальнейшего развертывания и придания соревнованию более организованного характера» [2].

Знак изготовлялся в Москве в мастерских «Всекохудожник» из серебра 916-й пробы, о чем свидетельствуют клейма «ВКХ» и «916» на реверсе и надпись «Всекохудож» на прижимной гайке винтового крепления. На обороте значка штихелем вырезался порядковый номер. Награждение сопровождалось вручением соответствующего номерного удостоверения. По максимальным номерам сохранившихся экземпляров и удостоверений можно судить, что количество награждений не превышало пяти тысяч [3].

На всех последующих вариантах знаков «Отличник пищевой промышленности», выпускавшихся в 1939 г. и позднее, рыба из сюжетной композиции рисунка исчезает, что связано с выведением рыбной индустрии из структуры Наркомпищепрома СССР и преобразованием Главрыбы в Народный комиссариат рыбной промышленности СССР (Наркомрыбпром СССР). Последние награждения работников рыбного хозяйства символами трудовой славы Наркомпищепрома СССР состоялись в конце 1938 г.

Приказом заместителя народного комиссара пищевой промышленности П. С. Жемчужины (супруги Председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова) от 29 октября 1938 г. «за отличные успехи в борьбе за изобилие продуктов, освоение техники, развитие социалистического соревнования, внедрение стахановских методов работы и улучшение качества продукции» знаком «Отличник пищевой индустрии» были награждены 55 работников рыбного хозяйства, а «Похвальным листом отличника в борьбе за изобилие продуктов» — 28 человек. Приказом наркома пищевой промышленности СССР И. Г. Кабанова от 5 ноября 1938 г. почетным знаком был отмечен еще 31 работник рыбной промышленности.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о реорганизации Наркомпищепрома датирован 19 января 1939 г.: из его состава выделились Наркомат мясо-молочной и Наркомат рыбной промышленности (Наркомрыбпром СССР). Первым руководителем нового комиссариата стала бывший заместитель наркома пищевой промышленности П. С. Жемчужина.

В начале мая 1939 г. Наркомрыбпром СССР для поощрения наиболее отличившихся работников учредил свои ведомственные награды: почетный знак «Отличник рыбной промышленности СССР» и «Похвальную грамоту стахановца в борьбе за изобилие рыбных продуктов» [4].

Знаки «Отличник рыбной промышленности СССР» выпускались по заказу Наркомрыбпрома СССР на эмальерной фабрике ЛЕНИЗО и изготавливались из серебра 916-й пробы. Название изготовителя маркировано на прижимной гайке винтового крепления и на оборотной стороне знака, здесь же вырезался штихелем (а у поздних выпусков выбивался пуансоном) порядковый номер знака. Накладная часть знака в виде картуша с изображением промыслового судна покрыта красивой перламутровой эмалью (рис. 3).

О количестве награждений можно судить по максимальному известному номеру знака — 1637, выбитому на реверсе пуансоном. Знаки «Отличник рыбной промышленности СССР» выпускались очень непродолжительное время. Крайние сроки их изготовления могут быть определены как конец января (образование Наркомрыбпрома) — середина ноября (Постановление № 1094 Совнаркома СССР, см. ниже) 1939 г. Эти данные вполне согласуются со сведениями, опубликованными в журнале «Рыбное хозяйство» № 9 за 1939 г. В редакционной статье под заголовком «Пять лет стахановского движения в рыбной отрасли» указано, что в 1939 г. знаком «Отличник социалистического соревнования» награждены 1 378 стахановцев, а 1 570 — имеют похвальные грамоты наркомата.

Уже в начале 1940 г. передовикам рыбного хозяйства страны вручались другие знаки, меньшего размера и несколько измененного дизайна с текстом «Наркомрыбпром СССР. Отличник социалистического соревнования» (рис. 4). Так, согласно документа, знак № 474 выдан 14 мая 1940 г. [3]. Такое изменение дизайна по прошествии менее чем одного года с начала выпуска с большой долей вероятности можно связывать с выходом правительственного постановления об унификации размеров и типов знаков отличия, учреждаемых народными комиссариатами.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1094, уделившее внимание ведомственным знакам, вышло 14 ноября 1939 г. Им учреждались новые знаки отличия для наркоматов, ранее их не имевших, утверждались уже существовавшие, а также вводились лимиты на размеры наркоматовских знаков отличия и нормы использования драгоценных металлов при их изготовлении. Так, расход серебра на один знак не должен был превышать десять граммов, а золота (толщина золочения 3 мкм) — не более тридцати миллиграммов [5].

Существовавший к этому времени знак «Отличник рыбной промышленности СССР», имея вес почти пятнадцать граммов, не вписывался в установленный десятиграммовый норматив и не мог быть утвержден в прежнем виде. В новом варианте знака в названии появились и признаки ведомственной принадлежности («Наркомрыбпром»), прежде отсутствовавшие.

Вполне возможно, учитывая инерционность советской бюрократической системы, что награждения знаком «Отличник рыбной промышленности СССР» производились и после 1939 г., но крайне маловероятно, чтобы продолжался выпуск старых знаков уже после учреждения нового, наркоматовского знака.

Модифицированный знак «Наркомрыбпром СССР. Отличник социалистического соревнования», как и предыдущие, первоначально штамповали из серебра. Заказ на его выпуск был размещен на Ленинградском монетном дворе (ЛМД), где он и изготавливался до середины 1941 г. Порядковые номера начали новый отсчет с первого, на обороте знаков кроме номера, вырезавшегося штихелем, штамповалось клеймо «МД». С началом войны и эвакуацией ЛМД на Урал, в г. Краснокамск Пермской области, выпуск наркоматовских знаков после некоторого перерыва возобновился. Однако теперь, в условиях необходимости экономии драгоценных металлов, они стали выпускаться из бронзы, с чернением или без него, с золочением некоторых элементов, в частности рыб, или без золочения. Порядковая нумерация бронзовых знаков продолжала ранее начатую для знаков из серебра.

И в предвоенные годы, и в годы войны многие труженики Дальнего Востока и, в частности, Камчатки были удостоены почетных наград Наркомрыбпрома СССР. Ряд заслуженных работников рыбной промышленности Камчатки: рыбаков, моряков-транспортников, тружеников колхозов и береговых рыбокомбинатов, представителей рыбохозяйственной науки, был отмечен почетным знаком. Так, в 1941 г. в структуре АКОфлота при общей численности 522 человека, 22 моряка были награждены знаками «Отличник рыбной промышленности», а 17 — похвальной грамотой [6].

В числе награжденных находились заслуженные, известные на Камчатке люди. Как пример, приведем приказ Народного комиссара рыбной промышленности СССР А. А. Ишкова № 728 от 20 декабря 1944 г. о награждении «за добросовестный труд и вклад в обеспечение страны продовольствием» ряда видных ученых Камчатской станции Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии: Ф. В. Крогиус, Е. М. Крохина, И. И. Лагунова, К. И. Панина, И. А. Полутова, Р. С. Семко и других знаком «Отличник социалистического соревнования» и ценным подарком. В качестве последнего служили отрез на костюм, либо часы.

В 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР вместо Наркомрыбпрома были образованы два министерства: Министерство рыбной промышленности западных районов и Министерство рыбной промышленности

Рис. 1. Знак Союза работников рыбной промышленности (слева) и почетный знак «Ударник» (справа). Фото автора

Рис. 2. Знак НКПП СССР «Отличник социалистического соревнования пищевой индустрии СССР»

Рис. 3. Знак НКРП СССР «Отличник рыбной промышленности СССР»

Рис. 4. Знак «Наркомрыбпром СССР. Отличник социалистического соревнования»

Рис. 5. Знак «Минрыбпром СССР. Отличник социалистического соревнования»

Рис. 6. Знаки «Отличник соцсоревнования Минрыбпрома западных районов СССР» и «Отличник соцсоревнования Минрыбпрома восточных районов СССР»

восточных районов СССР. В связи с этим выпуск значков ««Наркомрыбпром СССР. Отличник социалистического соревнования»» был прекращен. Максимальные известные номера этого значка: 520 — для серебряной разновидности и 3477 — для бронзовой [3].

Однако удачно найденный рисунок сохранился, и в новых условиях, когда были учреждены два идентичных значка «Отличник соцсоревнования Минрыбпрома западных районов СССР» и «Отличник соцсоревнования Минрыбпрома восточных районов СССР», и когда через два года оба министерства были вновь слиты в единый руководящий орган — Минрыбпром СССР (рис. 5, 6).

И только спустя десятилетие, когда в результате затеянной новым лидером страны Н. С. Хрущевым реорганизации системы хозяйственного управления, в 1957 г. Минрыбпром СССР был расформирован, награждения почетным знаком были приостановлены и возобновились спустя годы уже значками совсем иного дизайна, более незамысловатыми и, скажем прямо, гораздо меньшей значимости.

А самые первые почетные знаки работников рыбной «Отличник пищевой индустрии СССР», «Отличник рыбной промышленности СССР» и «Отличник соцсоревнования Наркомрыбпрома (Минрыбпрома) СССР» были предметом особой гордости награжденных на протяжении всей их жизни, даже в сравнении с орденами и медалями, которыми некоторые из них удостаивались впоследствии.

Примечание редактора. По словам родственников известного старожилам Камчатки моряка и судоремонтника Александра Елисеевича Мамонтова, начавшего работать на полуострове в 1935 г. и скончавшегося в феврале 1988 г., он завещал похоронить себя со знаком «Отличник социалистического соревнования Наркомрыбпрома СССР», полученным в 1941 г.

ИСТОЧНИКИ

- 1. *Кривцов В. Д.* Аверс № 8. Каталог-определитель советских знаков и жетонов 1917—1980 гг. М., 2008.
- 2. Привет отличникам рыбной промышленности // Рыбное хозяйство. 1938. № 12. С. 3—6.
- 3. Зак А. С., Калистратов И. Г., Воронченко В. Г. Уральский фотокаталог советской фалеристики. Ч. 2. Екатерингбург, 2003; Зак А. С., Мехоношин А. И., Калистратов И. Г., Воронченко В. Г. Ведомственные знаки отличия 1934—1991. Екатеринбург, 2005.
 - 4. *Гаврилов С.* Хроника АКОфлота: год 1939 // Рыбак Камчатки. 2007. 7 нояб.
- 5. Глейзер М. Довоенные значки Ленинградского монетного двора // Советский коллекционер. 1990. № 27.
- 6. Гаврилов С. В. Флот Камчатки. 1928—1945. Петропавловск-Камчатский, 2007. С. 105.

Заслуженная награда

Приказом Наркома рыбиой премышленности Союза ССР ва пре-ASTORHAM ARECHELISA M QUIPILAM SHOPPED UP HOSESSEEN KRUHTAAL ного ремонта собственными силами станцети» «негосо»: ОВА водус «Исут» награждени значевии _ОТЛИЧНИК ВЫбной вро-

мышленности":

1. Funed C. Г. — яач. Monского отдела АКО. 2 Шубнян A. B. - COMCOURT HADOXOGA (SEVT) 3. Миклашевич С. И — бод MAR RADOXOJA (HEYT). 4. Beng-HOR A. A. - HO-HOLLT HADDIOLS 5. Домра Н — старина механик парохода «Итель-HETER HEDOZOIS «ИТОЛЬКОН». 7. ПМ чужнин С. П —болиан паро INIA «HTOJEMBE». Бессмер ТИМЙ Е. Д — КАПЕТАН Ma DOXOG& «Oponie» (Hune Religible deboxolo I Riecce Deboxolo «Чапаев»), 9. Петров Н. **n**. – «нерееб» аколода твиормог не помполит парохода «Чапаев»). Н. Ф. — старшай 10. Любимов С. Н. — старшей не- парохода «Орочен», Лапир А. Е. TARES SAPOTORA (OPOROR). 11. 5244- - MONABER ARO.

MUDUEB A. O. - COHMAN HADAхода «Орочен», 12 Matbeer Ф. Г. — прораб по ремонту парохода «Ябут».

PD&MOTOR "Стахановец в больбе за нзобилие рыбных дуктов":

Манер И. И. - кочегар I класса парохода «Якут», Гонтарев В. Л. - матрос I калеса парозода «Ясут». Тихоненно Г. В. — матрев I клас-GARVES. A. E. — NOXBEEK да «Якут», Малахов И. Д.—III парогода «Ительмен». MOXABER Вигурсний В. П.—И механик парэхода «Игольмен», Мамотюн A -- IV Melshar «Ительмен», Дешиин М. П. — иатрос I класса парохода «Ительмен», Дубовичний ĸ. Желудноч А. П.—II мехение (ны- парохода «Орочен», TOM.

Сообщение о награждении передовиков рыбной промышленности полуострова в газете «Камчатская правда» от 15 марта 1939 г.

Удостоверение к знаку «Отличник социалистического соревнования Наркомрыбпрома СССР» А. Е. Мамонтова

Уважаемые ветераны рыбной промышленности Камчатки!

Настоящее издание продолжает серию ежегодников, посвященных истории рыбопромышленного освоения нашего края. В этом выпуске наряду с авторскими статьями и документами опубликованы воспоминания старейших работников отрасли.

Воспоминания непосредственных участников событий являются ценнейшим историческим материалом, который, увы, исчезает вместе с уходом его носителей. Если Вы располагаете сведениями, представляющими, по Вашему мнению, интерес для современных рыбаков и других жителей края, и желаете поделиться своими знаниями с земляками, обращайтесь в редакцию ежегодника.

Наш адрес: 683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35, КамчатГТУ, С. В. Гаврилов. Контактный телефон 42–76–35
Электронный вариант: www.npacific.ru

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАМЧАТКИ

Историко-краеведческий ежегодник Выпуск 11

Ответственный редактор С. В. Гаврилов Набор, верстка, оригинал-макет С. В. Гаврилова

Лицензия ИД № 02187 от 30.06.2000 г. Подписано в печать 15.12.2008 г. Формат 61×86/16. Печать офсетная Авт. л. 20,47. Усл. печ. л. 18,84. Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 150 экз. Заказ 132

> Издательство Камчатского государственного технического университета

Отпечатано ЧП М. И. Романенко «Оперативная полиграфия». 683000, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинская, 46